

Труды Национального музея Республики Коми

Музеи и краеведение

Выпуск 5

Сыктывкар 2004

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

МУЗЕИ
И
КРАЕВЕДЕНИЕ

Труды
Национального музея
Республики Коми

ВЫПУСК 5

Сыктывкар 2004

ББК 79.1+26.89 (2Рос.Ком)
М89

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ (Труды Национального музея
Республики Коми; Вып. 5). Сыктывкар, 2004. 286 с.
ISBN 5-7009-0284-2

Пятый выпуск сборника трудов „Музеи и краеведение“ представляет материалы межрегиональной научно-практической конференции „Грани смысла”: проблемы сохранения, изучения и использования в образовательных программах национального наследия”, проведенной Национальным музеем РК 27-29 октября 2004 г. Конференция была посвящена 165-летию со дня рождения основоположника коми поэзии И. А. Куратова и 125-летию со дня рождения одного из интереснейших исследователей традиционной культуры коми-зырян этнографа В. П. Налимова.

Авторами сборника являются сотрудники Национального музея РК, Российского этнографического музея, Национальной галереи РК, Коми научного центра УрО РАН, преподаватели Сыктывкарского пединститута и университета.

Сборник адресована сотрудникам музеев, научных и научно-образовательных учреждений, всем, кто интересуется историей и культурой родного края.

Редакционная коллегия

Главный редактор — *И. Л. Жеребцов*, заместитель
главного редактора — *И. Н. Котылева*, ответственный
секретеарь — *В. А. Сова, Э. В. Роттэ, И. Ю. Моисеева,*
Т. А. Пьянкова.

ISBN 5-7009-0284-2

© Национальный музей РК 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый выпуск сборника трудов „Музеи и краеведение“ представляет материалы межрегиональной научно-практической конференции „Грани смысла“: проблемы сохранения, изучения и использования в образовательных программах национального наследия“, проведенной Национальным музеем РК 27-29 октября 2004 г. Конференция была посвящена 165-летию со дня рождения основоположника коми поэзии И. А. Куратова и 125-летию со дня рождения одного из интереснейших исследователей традиционной культуры коми-зырян этнографа В. П. Налимова. Этим двум значимым персоналиям в коми культуре, их творческому наследию и истории изучения их наследия на конференции были посвящены несколько докладов.

Творческие судьбы и контакты исследователей и деятелей культуры стали предметом рассмотрения в целом ряде выступлений и во многом определили содержание раздела „История и культура Европейского Северо-Востока России в XX веке: персоналии, события, проблемы“. Среди этих материалов хотелось бы обратить внимание на статьи М. И. Бурлыкиной, И. В. Федоровича, Т. А. Пьянковой, Н. Ж. Беляевой, О. В. Орловой, Е. Ю. Шуктомовой. Особого внимания заслуживает статья Т. А. Пьянковой, которая на основе архивных материалов восстановила судьбу Д. Т. Яновича, внесшего огромный вклад в изучение традиционной культуры коми и формирование этнографической коллекции Национального музея РК.

Различные аспекты истории региона в XIX-XX вв. стали предметом рассмотрения в статьях Н. И. Суркова, Л. А. Максимовой, Н. Е. Плаксиной, И. К. Борисовой, А. В. Самарина, Э. Г. Чупровой, Е. И. Петковой, П. А. Носовой и др. История формирования музейных коллекций и опыт их представления в выставках и экспозициях рассмотрены в целом ряде материалов сотрудников Национального музея РК. В статьях Л. П. Рощевской, Т. М. Хорунжей, Е. Н. Коновалой, А. Ю. Котылева обозначены проблемы и перспективные направления в изучении истории и культуры региона.

В разделе „Образовательные и просветительные программы по истории культуры региона: опыт, проблемы, перспективы“ представлены материалы Р. И. Ларуковой, Т. А. Косолаповой, Г. А. Пестовой, Н. А. Юшковой, И. В. Мамонтовой и др. В данных материалах обобщен опыт представления национальной истории и культуры для различных возрастных категорий.

Выступления на конференции по истории и проблемам изучения традиционной культуры Европейского Северо-Востока объединены в сборнике в соответствующий раздел. Особый интерес в этом разделе представляют материалы научных сотрудников Российского этнографического музея Г. Н. Романовой и Е. В. Колчиной, посвященные этнографическим экспедициям в Республике Коми. Изучению этнографических коллекций Национального музея посвящены статьи И. М. Уткиной и В. Б. Липина.

Авторами сборника являются сотрудники Национального музея РК, Российского этнографического музея, Национальной галереи РК, Коми научного центра УрО РАН, преподаватели Сыктывкарского пединститута и университета. Представленные материалы, на наш взгляд, способствуют разрешению той ключевой проблемы, которая была обозначена в концепции конференции — поиск новых материалов и подходов, переосмысление наработанного опыта для более глубокого и емкого понимания национальной истории и культуры.

РАЗДЕЛ 1. „ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XX ВЕКЕ: ПЕРСОНАЛИИ, СОБЫТИЯ, ПРОБЛЕМЫ

В. А. Сова

Национальный музей Республики Коми

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА БЕЗ ПОРТРЕТА ЮБИЛЯРА

Творческое наследие и биография И. А. Куратова достаточно полно изучены и освещены в монографических трудах ученых, научно-популярных изданиях, научных докладах и публикациях в прессе. Так же много писалось о праздновании столетия со дня рождения коми поэта. Однако, практически ничего не известно о юбилейной выставке, создание которой велось в короткие сроки и в довольно сложных условиях, а также о людях, создавших эту выставку.

1939 год. Он был насыщенным для населения страны и Коми АССР политическими и культурными событиями. В январе началась Всесоюзная перепись населения. В марте состоялся XVIII съезд ВКП(б). В августе на открывшейся в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставке Коми АССР была представлена 230 участниками. 21 декабря исполнилось 60 лет И. В. Сталину, а 24 декабря — проходили выборы в местные Советы депутатов трудящихся. На фоне этих событий празднование 100-летия со дня рождения основоположника коми национальной литературы И. А. Куратова занимало особое место. Вопросы о проведении юбилея и увековечении памяти поэта 7 раз рассматривались на заседаниях бюро Коми областного комитета ВКП(б), а сроки проведения юбилейных торжеств несколько раз переносились. План юбилейных мероприятий и сроки их проведения согласовывались с Центральным Комитетом ВКП(б) и Союзом писателей СССР.

В постановлении бюро Коми обкома ВКП(б) от 14 мая 1939 г. „О проведении юбилея И. А. Куратова в связи с исполнением 100 лет со дня рождения“ были определены сроки проведения празднования юбилея — 10 сентября 1939 г., утвержден юбилейный комитет под председательством А. Е. Худяевой (нарком просвещения Коми АССР), распределены поручения союзу писателей Коми АССР и Научно-исследовательскому институту „закончить разработку материалов произведений Куратова“, а Коми издательству — издать отдельными сборниками произведения Куратова на коми и русских языках к 1-му июля с. г.". В четвертом пункте постановления записано: „Считать целесообразным организацию выставки, посвященной творчеству И. А. Куратова, поручить юбилейному комитету разработать план организации выставки. СНК войти с ходатайством в Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР об отпуске средств на организацию выставки и юбилея".¹

В подготовку юбилея были вовлечены управление по делам искусств и управление образования, Союз писателей Коми АССР,

органы внутренних дел Коми АССР и Казахстана, ученые, художники, музейные работники.

1 ноября 1939 г. постановлением СНК Коми АССР был утвержден выставочный комитет в составе начальника управления по делам искусств С. М. Поповой (председатель), В. В. Полякова, П. Г. Дорониной, П. Д. Степанова и В. В. Юхнина. На подготовку выставки отводилось чуть больше двух месяцев. Предстояла напряженная организационная работа. Первоначально открытие выставки предполагалось в здании Республиканского краеведческого музея. Опыта работы в создании подобных экспозиций ни у кого из состава выставкома не было.

Еще на первом заседании Комитета по празднованию юбилея писателя Куратова (9 сентября 1939 г.) в постановочной части было записано следующее: „Договориться с тов. Поповым А. /Москва/ и привлечь его для организации выставки“.²

Андрей Алексеевич Попов (родился в с. Усть-Нем в 1903 г., скончался в 1939 г.) — один из первых исследователей творчества И. А. Куратова, в 1930-е годы работал в литературном музее А. М. Горького. Он представил юбилейному комитету в июле 1939 г. свой проект выставки. В предисловии к нему он написал: „...я мыслил выставки двух родов: 1) одна — постоянная выставка, зачаток литературного музея Коми АССР имени И. А. Куратова и 2) выставка рукописей и документов, если найдутся частично также книг, бывших у Куратова или тех, коими он пользовался. Только эту вторую и можно организовать в отрезке времени до сентября“.³ Однако из-за болезни, он не смог в дальнейшем участвовать в его реализации. Поэтому основная работа над научной разработкой выставки была выполнена П. Г. Дорониным — в то время преподавателем Сыктывкарского индустриального техникума, и П. Д. Степановым — заведующим отделом истории Республиканского краеведческого музея.

Сложность работы над выставкой заключалась почти в полном отсутствии биографических сведений И. Куратова после его отъезда из Усть-Сысольска. Кроме того, на заседании бюро Коми обкома ВКП(б) 4 декабря было принято постановление следующего содержания: „...Обязать Совнарком Коми АССР не позже 20 декабря подыскать помещение для размещения выставки... и разрешить вопрос о строительстве специального дома под литературный музей“.⁴ Поскольку в намеченных торжествах ожидалось участие порядка 500 человек, то решение предоставить для выставки фойе Дома народного творчества (в наст. время — Республиканский академический театр драмы) можно считать вполне оправданным, так как залы музея не могли вместить такого количества людей. Вместе с тем, это решение намного усложняло работу экспозиционеров и художников при малочисленности экспонатов и увеличении экспозиционной площади.

Из республиканского бюджета на проведение юбилейных мероприятий было выделено 90 тыс. рублей, в том числе на организацию выставки — 43 тысячи. Значительные суммы предполагалось затратить на командировки в Вологду, Яренск, Казань и города средней Азии с целью сбора документов и фотографий И. А. Куратова. Запросы о наличии таких материалов в архивы Вологды и Казани были направлены в конце ноября месяца.

В подшивке документов „Материалы юбилейной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения коми поэта И. А. Куратова“⁵, хранящихся в научном архиве Национального музея, есть телеграмма В. В. Юхнина на имя секретаря Коми обкома партии В. С. Волгина. Он сообщает о приезде в Москву 8 ноября (для решения вопросов об издании стихов Куратова на русском языке) и отъезде в Алма-Ату С. М. Морозова. Сергей Михайлович Морозов — коми прозаик и переводчик, должен был выявить в архивах и музеях города, где последние годы жизни провел Иван Куратов, его документы и фотографии. Перед ним также была поставлена задача найти портрет Ивана Алексеевича Куратова. Сам Сергей Михайлович об этой командировке пишет так: „Я начал искать в архиве Алма-Аты, где был найден в 1937 г. формулярный список И. Куратова, и который очень помог изучить его жизнь в последние годы. ... 4 дня работал с фотоархивом Центрального художественного музея. Удалось найти фотоархивы тех учреждений, где работал И. Куратов. Я отобрал и привез в Сыктывкар несколько групповых снимков, хотя на них и не были указаны его имя и фамилия. Мы знали, какую форму носил он, знали, что он носил очки. Поэтому я отобрал 2 снимка, на которых был изображен один и тот же человек, которого можно было назвать Куратовым“.⁶

Почему С. М. Морозов упоминает 1937 год? И кто нашел послужной формуляр И.А. Куратова?

В этом вопросе помогли разобраться материалы, поступившие в 1939 г. в Коми обком ВКП(б). 1 июля 1939 г. на имя заведующего отделом пропаганды и агитации Коми обкома партии Д. Свердлова сержантом госбезопасности Базовым был направлен информационный материал „К биографии Ивана Алексеевича Куратова“, подготовленный научным сотрудником Центрального музея Казахстана Поповым. Попов писал: „Полагая, что в Центральном Архиве Казахстана имеются следы об И. А. Куратове, мною не раз делались попытки отыскать какие-либо материалы, и только недавно в начале 1937 г. удалось найти данные, проливающие свет на биографию И.А. Куратова.“

Найден формулярный список Ивана Алексеевича, составленный 15 мая 1874 г., дело об имуществе, оставшемся после смерти чиновника особых поручений титулярного советника Куратова и ряд др. дел, в которых имеются материалы, относящиеся к Куратову.

Из указанных материалов наибольший интерес представляет формулярный список, дело об имуществе не содержит описей имущества, ни каких-либо важных данных, относящихся к его биографии...“⁷

На последней, пятой странице информации от руки неким Н. Федоровым сделана приписка: „Автор — Попов — бывший торговец, был в Алмаата сослан.“

К составлению данного материала Попов был допущен по просьбе Центр. музея, позднее работы на материалах архива Попову была запрещена. 23/V — 39 г.“⁸

Думаю, что по прошествии стольких лет было трудно узнать, кто же первым нашел документы И. Куратова в Алма-Ате, если бы не была подколото к этому материалу последняя страница авторского текста с собственноручной подписью: С. А. Попов.

Очень знакомая подпись! Сергей Александрович Попов — бывший директор Коми областного музея, в 1934 г. сосланный по надуманному делу о контрреволюционной деятельности коми ин-

теллигенции в Казахстан. (Подробности его биографии в статье „Подвижник краеведения“ в 3-м выпуске Трудов НМРК „Музеи и краеведение“ за 2001 г.). Ученик и соратник В. И. Лыткина в его научных экспедициях — вот кому принадлежит пальма первенства открытия документов о последних годах жизни коми поэта. Думаю, что им были также тщательно изучены и фотоархивы г. Алма-Аты. Не мог же С. М. Морозов за короткий промежуток времени исследовать такое большое количество фотоснимков, чтобы в число отобранных попали и подлинные фотопортреты Куратова. Очевидно, он шел по следам, проторенным С. А. Поповым.

Чтобы до конца понять значение открытий, сделанных С. А. Поповым приведу цитату из показаний арестованного в сентябре 1939 г., А. С. Сидорова: „Незадолго перед моим арестом Коми издательство прислало мне материал о Куратове, собранный кем-то на месте, в городах, где он жил и бывал. Кое-какие биографические сведения здесь имеются дополнительно. Из них необходимо упомянуть о том, что, оказывается, Куратов за какие-то служебные заслуги (если не за определенное время службы) имел орден („Св.) Анны“. К сожалению, мне не удалось обработать к „Собранию сочинений“ эти материалы с места службы“.⁹

Конец ноября и весь декабрь члены выставочного комитета занимались закупкой и доставкой тканей, красок, накладных букв для набора текстов, кистей. По их заданию фотографы В. С. Исаков, Г. З. Беляев, Ермолин, В. А. Иевлев выезжали в Кибру и Ношуль, чтобы заснять здания сельсоветов, школ, библиотек, больниц и клубов, в Сыктывкаре — места, связанные с именем И. А. Куратова. Григорию Зазировичу Беляеву — фотографу артели инвалидов с. Визинга было поручено переснять из Метрической книги Киберской церкви запись бракосочетания родителей Куратова и запись о рождении их сына Ивана. Делались запросы в политотделы поселков Княжпогост и Чибью с просьбой представить фотографии улиц, стадионов, клубов, театров, промыслов и нефтяных вышек. П. Г. Доронин разослал по многим адресам анкеты — опросники родственникам Куратова с целью выявления у них письменных и фотографических документов. Сохранился текст телеграммы, отправленной Г. А. Федоровым 25 декабря в п. Ульяново агроному Анне Шомысовой: „Имеет нет бабушка Скородуме фотографию письма поэта Ивана Куратова?“. Так накапливался экспозиционный материал будущей выставки.

Подготовка экспозиции шла по утвержденным выставочным комитетом 20 ноября 1939 г. тематическому и экспозиционному планам, составленным П. Д. Степановым, П. Г. Дорониным и В. В. Поляковым. В документе, представленном зав. отделом истории П. Д. Степановым, указано название выставки — „100-летний юбилей со дня рождения И. А. Куратова“. Ни по каким другим источникам окончательное название выставки установить не удалось.

В республиканской газете „За новый Север“ за 9 января была помещена небольшая информация за подписью заместителя председателя Куратовского юбилейного комитета В. В. Юхнина: „К 12 января в основном заканчивается оборудование выставки И. А. Куратова. Выставка в дальнейшем послужит началом литературного музея имени Куратова.“

В целях увековечения памяти И. А. Куратова постановлением СНК Коми АССР предусмотрено построить в 1940 г. здание ли-

тературного музея, установлены 6 персональных стипендий им. Куратова для учебных заведений г. Сыктывкара".

До начала юбилейных торжеств оставалось 9 дней. Что же удалось построить авторам выставки? Какой ее увидели посетители? Достоверных сведений об этом найти не удалось. Тем немногочисленным информаторам, с которыми удалось поговорить об этом (С. М. Ростиславина, Р. Л. Попова, К. А. Попова) больше запомнились встречи с детским поэтом Сергеем Михалковым и писателем Ф. Панферовым и неофициальные встречи с гостями, в которых принимали участие и артисты театра.

Одна фотография, найденная сотрудниками литературно-мемориального музея И. А. Куратова в архиве художника В. В. Полякова, иллюстрирует небольшой фрагмент экспозиции. Материалы выставки размещены на стене, сопредельной со зрительным залом. В настоящее время на этом месте размещается галерея фотопортретов актеров драматического театра. Под потолком — фризы по мотивам национального орнамента. Поражает обилие портретов классиков античной, зарубежной и русской литературы XVIII—XIX веков. Видны тексты, фотография какого-то города.

По замыслу экспозиционеров, на выставке должны были быть представлены все поэты, писатели, философы, с трудами и произведениями которых, по их мнению, был знаком Куратов. Список этот включил 49 фамилий, ровно столько портретов было заказано в архивах и музеях Москвы, Вологды и Казани.

В экспозиционном плане выставки было задумано показать 3 раздела (отдела):

I. Вводная часть. Социально-политическая обстановка России 40-70-х годов XIX столетия. (Автор — П. Д. Степанов).

II. Жизнь и деятельность И. А. Куратова. (Автор — П. Г. Доронин).

III. Коми АССР — цветущая республика. (Автор — В. В. Поляков).

В первом и третьем разделах, в основном, планировался показ фотографий, диаграмм и текстов. Второй раздел начинался с четверостишия А.Фета:

*В сыртах не встретишь Геликона
На льдинах лавр не расцветет
У чукчей нет Анакреона
К зырянам Тютчев не придет.*

В 13 темах ("Детские годы", "Юношеские годы", "Усть-Сысольский период", "Казанский период", "Среднеазиатский период", "Литературное наследие Куратова", "Куратов — певец коми народа", "Интернационализм и гуманизм во взглядах Куратова", "Отношение Куратова к крепостничеству и самодержавию", "Куратов — переводчик", "Куратов — лингвист и историк края", "Книги и журнальные статьи, на которые Куратовым сделаны критические замечания") отчетливо прослеживаются все стороны жизни и творчества классика коми литературы. В основном, были использованы копияные материалы и новоделы аттестата воспитанника Вологодской духовной семинарии, стефановской азбуки, выписки из Метрической книги Киберской Спасской церкви, послужного формуляра, метрической записи о смерти и др., художественные иллюстрации к поэтическим произведениям.

В шести застекленных витринах были помещены раритеты — 9 тетрадей с рукописями Ивана Куратова.

Более полную картину того, какими материалами располагали создатели выставки, дает „Список фотокарточек и иллюстративных материалов, оставшихся от выставки“.¹⁰ По решению выставочного комитета после закрытия выставки „весь оставшийся и неиспользованный материал“ был передан Республиканскому краеведческому музею. Перечень состоит из 340 наименований, в том числе указаны два фотоальбома Ф. И. Забоевой, в которых находились 31 фотография. В списке указаны 10 фотографий родственников И. А. Куратова (Александра Афанасьевна Федорова, Екатерина Афанасьевна Ногиева, Анна Афанасьевна Иевлева, Степан Афанасьевич Куратов, Павел и Николай Афанасьевичи Куратовы, Павел Николаевич Куратов, Николай Афанасьевич с семейством). Особо выделены „фотокарточки, привезенные из Алма-Ата для опознания личности Куратова“ — №№ 212-236; фотографии с видами городов Кульджи, Верный, Семиречье, историко-бытовые снимки, виды г. Алма-Ата советского периода — № 237-338. Большую группу составляют фотокопии с живописных работ русского художника В. В. Верещагина: „Озеро Иссык-Куль“, „Проход Барсхечун“, „Горы близ озера Иссык-Куль“ и др.

К большому сожалению, фотографии самого юбиляра в этом списке нет. В газете „За новый Север“ за 17 января 1940 г. секретарь Коми обкома партии, председатель Куратовского юбилейного комитета В. Волгин писал: „Для организации выставки, посвященной юбилею Куратова, нужно было разыскать в разных частях Советского Союза архивный материал, характеризующий жизнь и деятельность Ивана Алексеевича. Много времени пришлось затратить на поиски портрета Ивана Алексеевича, но до сегодняшнего дня они не увенчались успехом“. Значит, портрета виновника торжества на выставке официально представлен не был. Однако, просматривая в фондах нашего музея коллекцию материалов, переданных с юбилейной выставки (КП 6389/1-112) к своему удивлению и восторгу нахожу конверт с надписью „Предполагаемый портрет И. А. Куратова. Январь 1940 г. — передан в музей с выставки“. Еще большее удивление вызвало лицо совершенно незнакомого мужчины. Никакого сходства со знакомым образом И. А. Куратова нет! Еще 3 фотографии с такой надписью находилось в этой коллекции и две из них со знакомыми для нас чертами И. А. Куратова (КП 6389/14, 6389/19). Выходит, интуиция не подвела С. М. Морозова (а может быть и С. А. Попова) — в декабре 1939 г. в Сыктывкар были доставлены подлинные фотографии И. А. Куратова.

Были ли они представлены на выставке? Вполне возможно. Кто-то из посетителей мог опознать на фотографиях И. А. Куратова.

Выставка продолжала принимать посетителей до 10 февраля, ее куратором был назначен П. Г. Доронин, он же проводил экскурсии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Протоколы заседаний бюро Коми обкома ВКП(б). Ф.1.Оп.1.Д.350.Л.166.

2. Протокол № 1 заседания Комитета по празднованию юбилея писателя Куратова. Ф.1.Оп.3.Л. 64.
3. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп.1.Д.124.Л.2.
4. Протоколы заседаний бюро Обкома ВКП(б) № 111-122. Ф.1.Оп.1.Д.355.Л.89-90.
5. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп.1.Д.124.Л.28.
6. Морозов С. М. Иван Куратовлысь олан туй тӧдмалӧн // Куратовские чтения. Т. 2. Сыктывкар, 1976. С. 116.
7. НАРК, архивохранилище № 2. Ф.1.Оп.3.Д.93.Л.33.
8. Там же. Л.37.
9. Полещиков В. М. Истина превыше всего // За семью печатями. Сыктывкар, 1995. С. 213.
10. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп.1. Д.24.Л.93-107.

И. В. Федорович

Сыктывкарский государственный университет

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ

К. Ф. ЖАКОВА¹

Всех частных вещей знать нельзя, всех имён помнить невозможно, все холмы нельзя перечислить, но надо знать общие законы мировые.

*Типичные отношения в бытии.
Основные свойства человека и общества.*

Знание есть знание общего. Знание не есть знание всех пятен на всех книгах!

К. Ф. Жаков

Мыслители-выходцы из земли коми

В одном из пленарных докладов Третьего Российского Философского Конгресса (Ростов-на-Дону, 17-20 сентября 2002 года), профессор Ростовского госуниверситета В.Е. Давидович отметил одного из самых ярких мыслителей второй половины XX века Василия Васильевича Налимова (1910-1997), которого за рубежом называли русским провидцем. Его имя прозвучало в связи с обсуждением судьбы философии на рубеже тысячелетий. Физик и математик, первый наукометрист² и философ, многие книги которого были изданы в Венгрии, Польше, Германии, США, Франции, В. В. Налимов писал, что особенностью новой философии должно стать умение ставить смелые вопросы, на которые не могут быть даны однозначные ответы. Осознание глубины тайны может стать основой нашего миропонимания³. В автобиографической книге воспоминаний В. В. Налимов отмечал что-то мессианское в том, что примерно в одно и то же время из зырянского народа вышло

трое учёных: Василий Петрович Налимов, Питирим Александрович Сорокин и Каллистрат Фалалеевич Жаков⁴.

Отец В. В. Налимова Василий Петрович Налимов (1879-1939) коми по национальности, сын крестьянина из села Вьльгорт близ Сыктывкара — столицы Республики Коми стал выдающимся исследователем миропонимания малых народностей, традиционных культур как целостных институтов козволюции этноса и природы, был профессором Московского и Нижегородского университетов. Проинтерпретировал миропонимание зырян как систему ценностей и норм, моделирующую поведение и дающую структуру мышления, он заложил основы этноэкологии, науки о бережном отношении к природе и об этнических принципах гармоничного природопользования. В 1907 году за деятельность в области этнографии В. П. Налимов был награждён Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии большой серебряной медалью. Он развивал идеи взаимосвязи физического и семантического миров, живых и мёртвых, креативности ментальной энергии, рассматривал катастрофические природные явления как следствия разрушения гармонии космоса человеком. Его сын, создавший философскую вероятностную модель языка, смыслов, сознания, Вселенной, считал, что продолжает дело, начатое отцом, но делает это другими средствами и другим языком. Занимаясь проблемами Глобального эволюционизма, В. В. Налимов наибольшее внимание уделял поиску единого языка, применимого ко всему многообразию явлений⁵. В Республике Коми систематически проводятся Налимовские чтения, посвящённые династии В. П. и В. В. Налимовых. Ко Вторым Налимовским чтениям „Культура в XXI веке: катастрофа или трансформация?“ (Сыктывкар, 31 октября — 2 ноября 2001 г.) был выпущен сборник статей „Мыслители-выходцы из коми земли: В.П. и В.В. Налимовы“⁶.

Мировое признание получил П. А. Сорокин (1889-1968), „социолог №1“ в США, культуролог и философ, пожалуй, самый известный выходец из коми народа, родом из деревни Турья Республики Коми. Свою научную деятельность П.А. Сорокин начинал как исследователь традиционной культуры коми, он был последователем эволюционизма и в первых этнографических работах опирался на классика эволюционной школы этнографии Э. Б. Тайлора. Вклад П. А. Сорокина в науку оценивают как коперниковскую революцию в социологии, важно, что с самого начала научной жизни отчётливо проявляется эволюционная и интегративно-синтетическая направленность его социологических исканий⁷.

Коми по национальности был и учёный-энциклопедист, доктор филологических наук А. С. Сидоров (1892-1953), лингвист, этнограф и археолог, он интересовался философией языка, занимался исследованием логических категорий, анализировал социально-психологический субстрат магических действий коми.

Всех мыслителей выходцев из коми земли объединяло то, что они развивали интеллектуальную традицию идеализма и романтизма, целостного, эволюционного и гармоничного мировосприятия, базирующегося на этноментальных установках и поведенческих программах, закладываемых коми культурой. Определяющими ценностями коми культуры являются ценности свободы и анархизма, акратии и ненасилия, оценка человека не как

покорителя природы, вершителя и творца, а как приспособляющегося к миру ученика природы. Подобное чуткое и постоянное приспособление порождает гибкость мышления и осознание относительности знания³.

Но первым выходцем из коми народа, получившим звание университетского профессора, был Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866-1926) — этнограф, лингвист, писатель и философ. При написании данной статьи автор использовал книгу К.Ф. Жакова „Лимитизм. Единство наук, философий и религий“, изданную в 1929 году в Риге „Обществом лимитивной философии“, учениками и последователями К. Ф. Жакова при финансовой поддержке „Латвийского Культурного Фонда“. Часть книги написана К. Ф. Жаковым, другая часть — записана и составлена учениками после его смерти. Книга не переиздавалась и давно стала библиографической редкостью.

Сквозь строй жизни

Автобиографию и духовный путь, приведший к философии предела или лимитизму, К.Ф. Жаков изложил в книге „Сквозь строй жизни“⁴. К.Ф. Жаков родился 30 сентября 1866 года в деревне Давпон села Вильгорт Республики Коми. Он был одиннадцатым и последним ребёнком в семье Фалалея, крестьянина, занимавшегося изготовлением церковных иконостасов. Своему ремеслу он хотел научить и сына, но сын пошёл другой дорогой. Творческая биография Жакова-философа — это модель развития исследовательского ума от осознания противоречивости философских систем через глубокое постижение конкретной научной проблемы возникновения сознания к отчаянной попытке одному, самобытно, вопреки насмешкам и издевательствам, дать людям собственное объяснение типичных отношений в бытии и общих мировых законов эволюции. Поучившись у узких специалистов, К. Ф. Жаков с горечью восклицал: не у кого мне учиться и на Земном шаре не к кому идти с великими вопросами, кроме мелочей, мне не нужных даром, никто ничего не знает. Пришлось ему волей-неволей создать самому здание мировоззрения, чтобы укрыться там от непогоды жизни, от бури и дождя.

В 1884 году К. Ф. Жаков окончил Тотемскую учительскую семинарию и стал работать младшим волостным писарем в селе Корткерос (недалеко от Сыктывкара). Там, от проезжего семинариста он узнал о философе Б. Спинозе, который добывал себе средства для жизни шлифовкой стёкол (что паразитовало К. Ф. Жакова). Б. Спиноза учил, что всё в мире идёт с необходимостью, вытекающая из субстанции, как из треугольника вытекают все его свойства. Беседы с семинаристом разожгли любопытство К. Ф. Жакова к философии, и в 1888 году он поступил в Вологодское реальное училище, где и начал систематически изучать философию. Под влиянием идей И. Канта о непознаваемости вещей К. Ф. Жаков пришёл к выводу о бессмысленности жизни. Ведь сущность вещей непознаваема, науки знают только призраки — наши ощущения. Для чего жить? Не находя ответов на эти вопросы, он решился на самоубийство, выпив раствор сулемы, но, к счастью, остался жив, врачи спасли его. В 1891 году с аттестатом реального училища К. Ф. Жаков впервые приезжает в Санкт-Петербург и поступает в Лесной институт. Он усиленно читает философские произведе-

ния, но не находит утешения и решается „уйти в религию“, бросает институт и пытается стать монахом. В монастыре он проповедует дарвинизм, рассказывает, что Адама и Евы не было, а люди произошли от обезьяны, поэтому изгоняется из монастыря, живёт в Вологде под надзором полиции.

В 30 лет К. Ф. Жаков становится студентом естественного факультета Киевского университета. В это время (1897—1899 годы) он читает у Платона про Сократа и вновь обращается к философии И. Канта. Жаков К. Ф. не был доволен сократовской формулой „я знаю только то, что я ничего не знаю“ и утверждением И. Канта о непознаваемости вещей, постепенно убеждаясь в том, что раз абсолютного знания нет, есть знание вероятностное. Осенью 1899 года К. Ф. Жаков переводится на III курс историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. В С.-Петербурге он размышляет о философии субъективного идеализма, рассматривающей мир как комплекс ощущений и субъективных понятий: „оказывается, каменный дом есть только комплекс моих ощущений, а пространство — не реально, а идеально. А что если все философы, даже очень мудрые ошибаются? Может быть, дом как бытие — предел, а мои ощущения и понятия — нечто переменное? То же и звёздное небо, оно бытие, а наши гипотезы переменны“. Читая философов (И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Г. Спенсера, Ф. Ницше, Н. Гартмана), книги по физике, К. Ф. Жаков задаётся вопросом: а не существует ли всеобщего закона познания, закона стремления к бытию как к своему пределу? Сопоставляя науки и беседуя с философами, К. Ф. Жаков высказывает мысли о мировых тенденциях и тенденциях в существовании человека. Продолжив учёбу в С.-Петербургском университете и в 1901 году окончив его, К. Ф. Жаков остаётся при кафедре русского языка и литературы, позже защищает магистерскую диссертацию „О грамматическом строе зырянского языка“.

В 1904 году он пишет первую философскую работу „Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания“, в которой выступает против идеализма и идеи Канта о непознаваемости сущности вещей. Эту книгу никто не понял, философы называли её математикой, а математики — философией. В эти же годы К. Ф. Жаков изучает Н. Гартмана, В. С. Соловьёва и С. Н. Трубецкого и задаётся вопросом: „почему не одна наука, а много? Раз много наук, значит и много граней, сторон, срезов мира“. В 1905 году выходит книга „Понятие предела в математике“, а в 1907 году — „Принципы эволюции в гносеологии, метафизике и морали“, в которой К. Ф. Жаков идеи эволюции применяет к развитию философии (метафизика существует как относительное знание, идущее к сущности вещей как к своему пределу) и нравственных принципов человека.

В том же году К. Ф. Жаков начинает работать преподавателем логики и истории философии в Петербургском психо-неврологическом институте, здесь он проработает почти 10 лет и получит звание профессора. Как „истинный самоед“ К. Ф. Жаков читает свою философию, там, в аудитории у него и возникает мысль назвать свою теорию познания лимитизмом, от латинского слова *limes*, ибо познание есть переменная величина. Философ рассказывает о Первопотенциале как основе всего, бытию как пределу познания, гранях и тенденциях мира.

В 1912 году студенты издают книгу „Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)“, в том же году выходит „Логика с эволюционной точки зрения“ в которой понятия и суждения рассматриваются с эволюционной точки зрения, а в 1915 году — „Гипотеза, её природа в истории наук и философии“. Думая о законах развития гипотез, К. Ф. Жаков приходит к выводу, что все гипотезы, в том числе и философские системы, подчиняются закону отрицания отрицания, они развиваются, отрицая друг друга, но в конце концов сохраняются, дополняя одна другую.

В это время К. Ф. Жаков, размышляя о новой религии и системе наук, задаётся вопросом: а не стремится ли Вселенная к выявлению всех своих потенциалов? В 1916 году он формулирует теоремы исчисления тенденций или законы мировой эволюции. Философ печатается в журналах „Вопросы философии и психологии“, „Вестник знания“, „Научный Вестник“, но его философия не находит отклика у философов того времени. К. Ф. Жаков вспоминает: „философы меня ненавидели. Н. О. Лосский называл чудаклом, А. И. Введенский говорил: он не будет профессором, пока я жив, Гараморт¹⁰ — неизбежное зло в философии“. Но Гараморт продолжал творить ежедневно своё дело, слушая только голос Бога своего.

Параллельно с философской деятельностью К. Ф. Жаков пишет литературные и этнографические произведения. В 1907-1908 годы он проводит экспедиции по изучению Печорского края, вместе с ним в экспедициях участвует П. А. Сорокин, который дружил с К. Ф. Жаковым, именно К. Ф. Жаков оказал П. А. Сорокину поддержку в получении образования, ввёл будущего социолога в круг российских философов, литераторов и людей искусства. П. А. Сорокин писал о К. Ф. Жакове. Это была чрезвычайно богатая личность, оригинальная и интеллектуально независимая от всех модных тогда направлений мысли и творчества¹¹. В одной из своих ранних работ „Грёзы Севера“ П. А. Сорокин анализирует литературное творчество К. Ф. Жакова, а в этнографических работах — творчество Жакова-этнографа¹².

Весной 1917 года К. Ф. Жаков уезжает в Латвию, политические события заставляют его оставаться там до самой смерти. В Латвии и Эстонии К. Ф. Жаков зарабатывает себе на жизнь чтением публичных лекций по своей философии, особенностью которых был разнообразный состав слушателей: от людей с высшим образованием до школьников и неграмотных. Чтение лекций проходило 2-3 раза в неделю, лекция с одним перерывом продолжалась 2 часа. В 1920 году К. Ф. Жаков создаёт „Общество лимитивной философии“, школу последователей своего учения. С 1921 года философ жил в Риге, где и скончался 20 января 1926 года, последними его словами были: „где же мои мысли?“ За три последних года своей жизни К. Ф. Жаков проявил изумительную, гигантскую энергию, все свои лекции он изложил письменно и оставил 350! рукописей. Многие его работы до сих пор не изданы, например, рукопись „Методология наук“, в которой формулируется классификация наук по категориям (пространство и время, материя, душа и разум, прекрасное и доброе).

Философ выступал в различных обществах С.-Петербурга и Москвы с докладами по лимитизму и был членом многих обществ (философское, психологическое, астрономическое и др.), а французские астрофизики даже выбрали его членом парижского

астрономического общества. Он организовал в Петербурге философский кружок, ежегодно выезжал в различные регионы России читать лекции по лимитизму, побывал в Китае, Японии, Финляндии. Во многих газетах и журналах появлялись отклики на его лекции. Научные и художественные труды К. Ф. Жакова были известны в Германии, Франции и Финляндии.

Своей философской системой К.Ф. Жаков хотел добиться согласия всех наук, он говорил: „если я не добьюсь согласия всех наук, то никто уже не добьётся.“ Создавая оригинальную синтетически-эволюционную теорию предела — лимитизм, К. Ф. Жаков попытался объединить науку (изучает различные грани реальности), философию (изучает потенциальную реальность) и религию (поиски первопотенциала, первопричины). Лимитизм должен был обобщить все направления знания, стать связующим звеном между науками, религиями и завершить построение единой картины мира. Лимитизм формировался на стыке наук, философии и религии, поэтому претендовал на роль теории обобщающей, индуктивной, признающей весь человеческий опыт.

Лимитизм

Содержание понятия лимитизм складывается из пяти пунктов: гносеология, логика, метод, мировоззрение и теория. Во-первых, лимитизм является синтетической концепцией гносеологии, объединяющей и синтезирующей все предыдущие концепции. Во-вторых, лимитизм есть универсальная логика, основная аксиома которой — знание есть переменная величина, идущая к постижению реальности. В-третьих, лимитизм применяется как метод исследования. Чтобы показать значение лимитизма как метода, К. Ф. Жаков приводит пример отношения к спиритизму и оккультизму. Несмотря на большое количество литературы по этому вопросу, нет однозначного отношения к этим учениям. Лимитизм как метод исследования определяет предмет спиритизма и оккультизма: эти учения изучают душевные потенциальные грани бытия в отсутствии гипотезы, объясняющей паранормальные психические явления. Система знания (наук) своего времени, связанных общим методом и есть философия, согласно лимитизму.

В-четвёртых, лимитизм есть мировоззрение, определяющее смысл жизни человека. Смысл жизни человека — сознательно и научно познать все грани бытия, а значит и Бога. Человек узнаёт, что его жизнь не начинается и не заканчивается на этой земле. По О. Конту в развитии человечества было несколько этапов: мифологический, метафизический и научный. На смену научному периоду должен прийти период, основанный на лимитивном мировоззрении, когда человек будет понимать Первопотенциал или Бога. Грядущая культура будет культурой богочеловеческой.

В-пятых, лимитизм является началом, которое объединяет все науки, философские системы и религии. Мир един и истина одна. Как, например, лимитизм объединяет науку с религией? Существует параллель между лимитизмом как наукой о бытии и теологией. Лимитизм различает грани бытия в реальном и потенциальном виде, а теология рассматривает так называемые планы или миры. Пространству, времени и материи лимитизма соответствует физический план (мир) в теологии. Астральный мир теологии есть потенциальная мировая душа в лимитизме, а

ментальный мир соответствует потенциальному мировому разуму. Потенциальные прекрасное и добро в лимитизме соответствуют духовному миру теологии. Первотенциалу в лимитизме соответствует понятие Бога. Лимитизм объединяет атеиста с человеком верующим. Атеист не признает Бога, потому что не может его логически создать, религиозный же человек, не создавая Бога, ощущает его. В лимитизме атеист логически может найти Бога, а верующий — Его ощутить.

Основной постулат лимитизма: всё то, что есть, то есть, и всё есть так, как оно есть. Этот постулат есть гипотеза существования бытия в реальном и потенциальном состояниях. Основываясь на этом постулате, лимитизм выдвигает свои основные вопросы: что такое бытие? что является основой познания? что есть человек и почему он так плохо живёт на земле? Для решения этих вопросов лимитизм прежде всего обращается к гносеологии.

Гносеология

Согласно К. Ф. Жакову, познание есть гипотеза, идущая от вероятности к достоверности, стремящаяся совпасть с действительностью бытия. Жаковская гносеология исходит из допущения, что ощущения, представления и понятия суть переменные величины, а бытие — их предел. Это допущение основывается на том, что и научные гипотезы и религиозное познание стремятся к знанию реальности как к своему пределу. Вначале гипотезы отрицают одна другую (гипотеза Птолемея и гипотеза Аристарха Самоского), затем гипотезы пересекаются (Коперника и Птолемея объединяет допущение неподвижности звёзд), наконец, гипотезы складываются или одна „поглощает“ другую (система Коперника „поглотила“ как слагаемое систему Птолемея).

По К. Ф. Жакову, существует четыре концепции гносеологии: наивный реализм, скептицизм, критицизм и лимитизм, синтезирующий все предыдущие. Наивный реализм или материализм рассматривает бытие таким, каким мы его ощущаем и воспринимаем, считает, что результаты деятельности наших чувств тождественны бытию. Бытие есть лишь материя без духа. Критический реализм есть модификация наивного реализма. К наивному реализму относятся, например, гносеология интуитивной философии А. Бергсона, который утверждает, что бытие есть то, что воспринимается моими внутренними чувствами.

Скептицизм утверждает: я не знаю, соответствуют ли мои суждения бытию или нет. Высшая степень развития сомнения в существующем приводит к нигилизму — абсолютному отрицанию сущего. Это порождает спокойствие, равнодушие ко всему, поэтому скептицизм есть гибель всякого знания, сомнение никогда не даёт уверенности, ни в общем, ни в частностях. Скептицизм приводит и к абсолютному непротивлению злу.

С позиций идеализма бытие — это идеи, мы знаем только свой разум, и при помощи его создаём понятия, сущность же бытия непостижима. Концепция лимитизма основана на идее существования отношения между нашим познанием и бытием, впервые высказанной Платоном. Эта концепция утверждает, что наше знание есть величина переменная, приближающаяся к бытию как своему пределу. Все три предыдущие концепции являются частным случаем формулы лимитизма. С лимитивной точки зрения прав наивный реалист, так как одним из элементов

познания является ощущение. Прав и скептик, потому что абсолютное знание недостижимо, прав и идеалист, так как понятия так же являются основным элементом познания. Лимитизм всех объединяет, так как строит знание науки на отношении бытия и познания, лимитивное суждение связывает представления и ощущения, понятия и определённости реальности. В отличие от позиции Канта о непознаваемости вещей, приводящей к пессимизму, лимитизм, давая возможность приближённого постижения бытия, даёт человеку утешение и примиряет человека с действительностью. Но каково же содержание нашего познания?

Категории

Изучая историю философии, К. Ф. Жаков обращает внимание на то, что философы только „перебирали“ разные грани бытия. Для Фалеса была одна грань — вода, для Декарта уже две — пространство и дух, для Шопенгауэра — важна воля, для Гегеля — высшая идея, для Гольбаха — только материя. Каждый познавший что-то одно, полагал, что знает всё. К. Ф. Жаков считал, что западно-европейская философия не ставила вопроса о потенциальном. Потенциалов же мировых семь: бесконечность, вечность, первоматерия, мировая душа, космический разум, космическая жажда творчества, мировая любовь.

Известно нам и семь фактов, граней, категорий бытия или родов познания: пространство, время, материя, душа, разум, прекрасное и доброе. Первые три категории подчиняются количественным законам математики. Четвёртая категория — душа — закону качества. Поскольку этот закон пока не изображается символически, нет и его математического обособления. Проявления души различны: восприятие света и музыки, вкус кислого или сладкого. Общее свойство проявлений души в том, что отдельные явления не различимы количественно, а только качественно. Пятая категория — разум (понятия) — подчиняется законам Аристотелевой логики и так же не имеет математической формулировки. А вот категории прекрасного и доброго К. Ф. Жаков выражает математически. Формула эстетики: „ $\infty = 1$ “, здесь „ ∞ “ — то, из чего создаётся прекрасное или бесконечность вариаций в изображении. Знак „ $=$ “ имеет смысл результата, а единица изображает целостность достижения или готовое произведение. Это объективное понимание формулы, но есть и субъективное. Художник до момента создания своего произведения переживает бесчисленные эмоции, из этой бесконечности он черпает материал для творчества, а готовое произведение есть сумма бесчисленного множества эмоций. Вот почему знак бесконечности стоит первым. В категории добра наоборот, первый элемент формулы — единица: „ $1 = \infty$ “. Один моральный поступок вызывает бесконечные последствия. Здесь единица есть основание, знак „ $=$ “ — результат, а „ ∞ “ — следствие, вытекающее из основания. Формулы не тождественны, так как категории прекрасного и добра не подчиняются закону количества. Семи категориям бытия соответствуют семь основных наук, остальные науки получаются из сочетания граней, категорий. На этом строится классификация наук.

Классификация наук

Основные науки понимаются в самом общем виде. Геометрия изучает системы геометрии (пространство), хронология и астрономия есть учения о бытии во времени, физика и химия исследуют явления физические, химические и космические (материя), биология и психология биологические явления живой материи и душевные процессы, логика — законы мышления (разумное), эстетика — принципы и законы прекрасного, этика — законы морали (доброе). Семь категорий рассматриваются науками и в человеке. Высшие категории — разумное, прекрасное и доброе — в человеке бывают проявленными и непроявленными. Зная реальное и потенциальное, мы можем приближаться к познанию Первопотенциала, базиса, начала и завершения, источника сущего.

Первопотенциал

К. Ф. Жаков считал, что не он выдумал Первопотенциал, а Первопотенциал выдумал его, автора. „Пружина“ Первопотенциала развёртывается в электронах, в пространствах, во временах, в синтезах их, в целесообразии, в сознании, мысли и, описав беспредельную дугу, всё возвращается к своему первоисточнику. Поэтому главным законом природы К. Ф. Жаков считал закон ритма, цикла. К. Ф. Жаков представлял Первопотенциал так, что через человеческое сознание он оказывается способным наблюдать и познавать самое себя.

Рождается Первопотенциал из Первовозможного, который происходит из того, что было первовозможно, значит сам из себя. Всё рождается и развивается из Первовозможного — первичной напряжённости (откуда и куда всё идёт). Первопотенциал раскрывает потенциальное, которое переходит в реальное (возможность в действительность). Но реальности вновь превращаются в потенциалы, а потенциалы в Первопотенциал, который воссоединяется с Первовозможным (закон ритма).

Идея Первопотенциала объединяет все формы знания, так как из него вытекают все грани бытия. Первопотенциал вездесущ, вечен, всемогущ, свободен, премудр, неистощим, всеблаг, един. В каждом конечном явлении Первопотенциал проявляется как бесконечность. Первопотенциал есть объединение реальных и потенциальных категорий бытия. Философскими аналогами Первопотенциала условно можно считать понятия Архе древнегреческих философов, Единого Плотина, Субстанции Спинозы, Абсолютной Идеи Гегеля, Мировой воли Шопенгауэра, Бога в религии. Лимитизм допускает, что Первопотенциал может жить в человеке, проявление Первопотенциала в человеке есть Богочеловечество. Для лимитизма не важно, были ли Богочеловеки в истории, если Богочеловека — Иисуса Христа и не было, то Он будет. Развивается Первопотенциал по законам мировой эволюции.

Законы мировой эволюции

Онтологическое обоснование своего учения о мировой эволюции К.Ф. Жаков находит в циклической идее восхождения и нисхождения. Под эволюцией он понимал развёртывание, распаковку, суммирование, реализацию: процессы организации космичес-

ких тел, развитие мира живого и интеллектуальное развитие человека. Но существуют и процессы свёртывания, нисхождения, рассеивания или диссолюции. Примерами диссолюции являются разрушение звёзд, смерть растений, животных и человека. Идеи необратимости, вероятностного раскрытия Первопотенциала пронизывают всю теорию лимитизма. Тенденции могут суммироваться в различных вариациях, и каждая новая Вселенная отличается от прошлой. Мир есть великий ритм. Высший гребень вселенской волны — высочайшее совершенство, низший — как бы хаос. Так из вечности реализуется высочайшее Благо — многообразие бытия и всех его ценностей.

Вселенная возникает и эволюционирует по законам высшей математики, интегрального исчисления, перехода возможного, потенциального в действительное, реальное. Каждая грань бытия переходит из потенциального состояния в реальное, и наоборот. Мировая эволюция есть переход Первопотенциального в потенциальное и потенциального в реальное. Эволюция есть интегрирование тенденций семи родов. Законы мировой эволюции К. Ф. Жаков называет теоремами исчисления мировых тенденций.

Теорема 1 — закон ритма, мирового цикла или созидания и разрушения: восходящее направление эволюции, миротворчество сменяется нисходящим направлением, мироразрушением. Это главный закон природы, потенциальное переходит в реальное, а реальное в потенциальное. Начало и конец совпадают.

Теорема 2 — закон разнообразия потенциального: потенциальный мир сложнее реального. Потенциальное проще по природе реального, но законы существования потенциального разнообразнее и сложнее.

Теорема 3 — закон реализации потенциалов в грани бытия: семь потенциалов переходят в соответствующие грани реальности: пространство, время, материя, душа, разум, прекрасное, доброе. Но существует и обратный процесс — свёртывание граней реальности обратно в потенциалы.

Теорема 4 — закон прогресса: сначала развиваются низшие грани реальности, а затем высшие. Сущность этого закона и в том, что человек выступает уже как творец эволюции, поскольку он отвечает за развитие моральной грани бытия. Прогресс есть выявление разумного, прекрасного, доброго.

Теорема 5 — закон регресса: всё реальное стремится стать потенциальным, сначала угасают, т. е. переходят в потенциальное состояние высшие грани, а затем низшие.

Теорема 6 — закон вечного перевоплощения, проявления и траты психической и логической энергии. Душа связана с телом через Первовозможное, Космос, Бога и через мозг. Эволюция души также подчиняется закону перехода возможного в действительное, следовательно, существует перевоплощение, реинкарнации души. По всеобщему закону перехода потенциального в реальное душа вновь воплотится через зародыши живых людей. Перевоплощение существует. После телесной смерти человека останется Первопотенциальное ядро бытия, а на зерне Первопотенциальном остаются следы наших дел, помышлений и жажды жизни. Поэтому Первопотенциальное зерно снова перевоплотится в виде другого организма.

Теорема 7 — закон сохранения: „исчезновение“ одного приводит к „появлению“ другого. „Трата“ одной категории бытия вызывает „появление“ другой.

Теорема 8 — закон конечности и ограниченности разума: разум не может знать всех граней бытия.

Теорема 9 — закон обобщающей способности разума: разум может познать общие законы граней бытия, синтезировать и находить общее начало граней реальности.

Теорема 10 — закон объективности математики: аксиомы математики суть потенциалов знания, при их приложении к фактам получается знание. Каждую из гэмми граней реальности описывает соответствующая математика. В будущем математика должна стать объединяющим началом наук и философии. Математика есть знание взаимоперехода потенциальное — реальное.

К. Ф. Жаков идеи эволюции применяя и к развитию нравственных принципов человека. Задачи лимитизма не только теоретические, но и практические — устроить жизнь людей на Земле. Согласно лимитизму есть три мира: мир видимый (реальное), мир невидимый (потенциальное) и мир божественный (Первопотенциал). Из этого и вытекают цель жизни и задачи человека.

Задачи человека

Согласно К. Ф. Жакову, человек есть семигранное бытие (пространство время, материя, душа, логическое, эстетическое и доброе). Цель жизни человека — идти из мира реального в мир потенциальный, а из мира потенциального в мир божественный (эволюция человека). Человек должен стремиться к союзу морально настроенных людей, признающих многогранное миропонимание и Первопотенциал. Человечество должно развивать семигранную кооперацию, ибо и Вселенная существует на основании семигранной кооперации; это союз и связь: территориальная (1), преемственность культур (2) и хозяйственных операций (3), развитие гармонии воли (4) и связь научных работ (5), связь эстетического творчества (6) и единства идеалов (7).

Если природа есть энергия, действующая в пространстве и во времени, то сущность духа — энергия, склонная испытывать свои внутренние изменения. В каждой частице энергии есть бесконечно малая склонность ощущать изменения. Из этих бесконечно малых склонностей развивается вся сложность духа, и дух возрастает в природе.

По мнению К. Ф. Жакова, только беспредельные цели пробуждают в душе беспредельно великие силы в недрах потенциала-духа. Философ убеждал нас, потомков, держаться наук, верить в неиссякаемость сил природы, потенциал которой неистошим. Убеждал верить, что жизнь на Земле будет великая, Европа, Азия и Африка сольются в дружной чете, а личность будет свободна и спокойно взглянет в глубины своего духа и в даль Вселенной. К. Ф. Жаков считал: на солнце погасшем, которое будет планетой, развернется величавая жизнь, это наша же „сила“ там будет жить. Он глубоко верил в то, что природа и дух, как два музыкальных инструмента, все более настраивают свои струны, чтобы дать вышние аккорды.

К. Ф. Жаков и В. В. Налимов

В познавательной модели К. Ф. Жакова обнаруживаются удивительные параллели с моделью мира В. В. Налимова¹³. По К. Ф. Жакову, происхождение космоса есть многогранное выявление Первопотенциала — Бога, но Бог есть тайна и всё тайно, одним же из основных постулатов В. В. Налимова является постулат о том, что мир есть тайна.

Оба философа пытались в своих работах синтезировать науку, философию и религию. К. Ф. Жаков „шёл из первобытной жизни“ к „царству идей Платона“, виртуальному миру смыслов, который раскрывается человеку в процессе его духовного роста, а В. В. Налимов развивал платоновскую мысль об изначальном (дочеловеческом) существовании нераспакованных смыслов. Смыслы в налимовской концепции мироустройства изначально заданы в своей потенциальной, непроявленной форме, и нет силы, способной их создать, а есть лишь сила, способная их понять, уловить, „распаковать“, перепонять — человеческое сознание.

Общее обнаруживается и в понимании смысла жизни. Согласно К. Ф. Жакову, смысл жизни человека — сознательно и научно познать все грани, категории бытия, а значит и Бога, согласно В. В. Налимову, смысл существования Вселенной — в раскрытии заложенной в ней потенциальности, а смысл нашей жизни — в активном участии в этом процессе. Философов объединяют размышления о будущем культуры: по К. Ф. Жакову, грядущая культура будет культурой богочеловеческой, по В. В. Налимову — радикально другой, но построенной на базисе фундаментальных представлений прошлого. Оба философа развивали математический и вероятностно-ориентированный подходы к изучению процессов эволюции, верили в реинкарнацию.

Есть что-то общее и в их моделях сознания, К. Ф. Жаков считал, что бессознательное пронизывает наше сознание, сознание — это яркие точки на фоне бессознательного и порогов сознания бесконечно много. По В. В. Налимову, природа сознания имеет многоуровневую структуру: „верхний“ уровень — логического мышления, „ниже“ — область предлогического мышления, подвалы сознания, бессознательное. В. В. Налимов считал, что единство и целостность нашего мира могут быть открыты через трансперсональные практики. Каждый из нас несёт в себе огромную историческую память о своих предках, об эволюции универсума. И здесь справедлива догадка К. Ф. Жакова о единстве мироздания, взаимной „оборачиваемости“ бытия и инобытия человека и природы: человек бессмертен, Первопотенциал — в нём, и он — в Первопотенциале. Последними словами К. Ф. Жакова были: „где же мои мысли?“ В. В. Налимов же часто говорил: „вот я разбрасываю свои мысли, а их никто не подбирает“¹⁴, „Разбрасываю мысли“ это название одной из его последних книг.

В философской модели мира К. Ф. Жакова есть пафос предельно широкого взгляда на реальность, пафос теоретичности ума и предостережение от узкой специализации и мировоззренческой зашоренности. Настала необходимость серьёзного исследования и публикации философских работ К. Ф. Жакова с учётом интегра-

тивных процессов в современной науке. Основой таких процессов стали открытия общих законов самоорганизации и эволюции „нашей Вселенной“.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокращённый вариант статьи опубликован в Вестнике Российского философского общества № 2. 2003, С. 157-160.
2. В рамках Вторых Налимовских чтений в г. Сыктывкаре 31 октября 2001 года состоялась презентация международного журнала „Scientometrics“, посвящённого В. В. Налимову (Scientometrics, Vol. 52. No 2. 2001).
3. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 43.
4. Налимов В. В. Канатоходец. М., 1994. С. 46.
5. Казютинский В. В., Дрогалина Ж.А. Современные проблемы Универсального эволюционизма // Мыслители-выходцы из коми земли: В. П. и В. В. Налимовы. Сыктывкар, 2001. С. 133.
6. Федорович И. В. Хроника Вторых Налимовских чтений // Вестник российского философского общества. 2001. № 4, С. 29-31; Грановский Ю. В. и др. Хроника Вторых Налимовских чтений // Науковедение, 2002. №1. С. 171-179.
7. Алексеев П. В. Философы России XIX-XX столетий. М., 2002. С. 921.
8. Шებолкина Е. П. Личность в межкультурной коммуникации. Сыктывкар, 2002.
9. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996.
10. Гараморт с коми — проворный, смыслёный человек, так именовал себя К. Ф. Жаков в автобиографии.
11. Алексеев П. В. Философы России XIX-XX столетий. М., 2002. С. 324.
12. Сорокин П. А. Этнографические этюды. Сыктывкар, 1999.
13. Налимов В. В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М., 2000.
14. Об этом автору статьи рассказывала вдова В. В. Налимова Ж. А. Дрогалина.

И. Н. Котылева

Национальный музей Республики Коми

ВЫСТАВКА „НЕИЗВЕСТНЫЙ НАЛИМОВ“: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

В 2003-2004 гг. дочь Василия Петровича Налимова, одного из интереснейших исследователей традиционной культуры финно-угорских народов, работы которого вызывали и продолжают вызывать интерес у исследователей¹, Ирина Васильевна Налимова передала Национальному музею Республики Коми архив ее отца. Архив позволяет рассмотреть творческий и жизненный путь Василия Петровича с 1910 по 1938 гг. На основе этих материалов в залах Национального музея была построена выставка „Неизвестный Налимов“, открытие которой состоялось 18 марта 2004 г. во время расширенного заседания Ученого Совета НМРК, посвященного 125-летию со дня рождения В. П. Налимова.

Во многом в работе над переданным архивом помогли работы целого ряда исследователей: В. А. Семенова, Д. А. Несанелиса, А. И. Терюкова, В. Э. Шарипова², — в которых охарактеризованы основные этапы жизни и творчества ученого,

дана оценка его вклада в исследовании культуры народов коми, отмечены контакты В. П. Налимова с российскими и зарубежными исследователями финно-угорской культуры. Основой для воссоздания всего жизненного пути Василия Петровича в контексте выставки стали воспоминания Василия Васильевича Налимова „Мой отец“³.

В какой-то степени связующей нитью с отцом, с его ощущением мира, космоса для Василия Васильевича были работы Алексея Дьячкова. Представление вогульской серии А. Дьячкова, а именно эти работы образовали пятый раздел выставки — „Связующая нить“ — в рамках выставки „Неизвестный Налимов“ имело принципиальное значение.

Многие годы А. Дьячков был дружен с сыном Василия Петровича Василием Васильевичем Налимовым, математика, философа, чьи работы обрели мировую известность и признание. Ряд работ художник создал на основе рисунков из „вогульской серии“ из архива Василия Петровича. В своем творчестве художник, развивая размышления В. В. Налимова о значимости и ценности для современной культуры наследия более ранних культур, их многомерного мировидения и метафорического миропонимания, активно обращается к символике и образности архаичных культур, определяя свой художественный стиль как „трансперсональный символизм“.

И для Василия Петровича, и для Василия Васильевича понятие культуры было сопряжено с понятиями духовное и иррациональное. Работы Дьячкова в контексте выставки — это символ духовных исканий Василия Петровича и его научных поисков. Одновременно — это символ и того, что В. П. Налимов во многом остается нам неизвестным.

Вогульская серия Дьячкова создана на основе коллекции зарисовок вогульских орнаментов, хранившихся в архиве Василия Петровича. История появления этой коллекции остается пока неизвестной. По рассказам Ирины Васильевны Василий Петрович ездил к хантам и манси до революции с неким Пиотровским и возможно, эта коллекция связана с этой поездкой. Елена Геннадиевна Федоровна, научный сотрудник Кунскамеры, отметила, что аналоги этим рисункам есть в фондах Кунскамеры — это коллекция образцов орнамента манси, собранные И. К. Зеленовым в 1908 г. в Пермской губ., Верхнетурском уезде⁴. Зеленов в 1919 г. работал в Нижнем Новгороде и, вполне вероятно, был знаком с Налимовым. При том, что происхождение этой коллекции требует дальнейшего изучения архивов, несомненно, что у Василия Петровича было особое отношение к этим рисункам. По воспоминаниям Ирины Васильевны, один из рисунков, который он называл „Знак солнца“, был особенно им любим и всегда находился в его комнате. Наверное, неслучайно и то, что именно „вогульские листы“ так привлекли внимание Василия Васильевича.

„Становление этнографа“ — так назывался первый раздел выставки. Материалы. Переданные И. В. Налимовой, позволили достаточно полно представить до- и студенческий период Василия Петровича, когда он учился в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета. В воспоминаниях Василия Васильевича „мой отец“ этот период так охарактеризован: „В 1903 г. Василий Петрович возвращается

в Москву и работает фельдшером сначала на заводе Центрального электрического общества, потом в клиниках Московского университета (тогда не было ограничений с пропиской). В то же время он начал публиковать статьи по этнографии зырян в журнале "Этнографическое обозрение". Свежесть мысли и острота наблюдений обратили на себя внимание. Он знакомится с президентом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии профессором Д. Н. Анучиным, секретарем Общества В. В. Богдановым и председателем Московского отделения Общества академиком В. Ф. Миллером. Они поддержали его стремление к получению высшего образования. Этому, однако, должна была предшествовать сдача экзаменов за полный курс классической гимназии. Экзамен был сдан (в 1905 г.) при Лазаревском институте восточных языков (директором которого в то время был академик В. Ф. Миллер).

После сдачи экзаменов экстерном Василий Петрович поступает действительным студентом в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Заканчивает его в 1912 г. с дипломом 1-й степени по специальности "Антропология". Завершением его образования руководил широко известный в то время профессор (позднее академик) Д. Н. Анучин — географ, антрополог и этнограф.

В период учебы в университете началось сотрудничество В. П. Налимова с Финно-угорским обществом, которое помогло ему осуществить экспедиции в различные уголки Зырянского края (сбор этнографических данных и материалов по обычному праву, семейному быту и материальной культуре; антропологические измерения; записи зырянских сказок, песен и других образцов народного творчества), к ильвенским пермякам, обитающим по реке Иньве и ее притоке в Соликамском уезде Пермской губернии. Благодаря поддержке этого общества Василий Петрович стажировался в Финляндии (Гельсингфорс) в 1908-1909 гг., изучал финскую этнографию, финский язык и фольклор под руководством профессоров Паасонена, Сирелиуса, Сетеле, обрабатывал свои материалы по этнографии зырян и пермяков. Поэтому значимой частью первого раздела стали книги финских исследователей, с посвящением В. П. Налимову. Это исследования Б. Сетеле, К. Крона, А. М. Тальгрена⁵. Из книг с посвящением Василию Петровичу на выставке были также представлены брошюра геолога А. А. Черного "Остров Куйсу на Куку-норе", сборник А. А. Чеусова "Стихотворения зырянина", книги Б. Адлера и М. С. Бондарского⁶.

Из представленных материалов особо хотелось бы выделить Метрическую справку о рождении, выданную В. П. Налимову 28 октября 1894 г., т. е. перед его поступлением в фельдшерскую школу в Москве, и фотографию Юрьё Вихмана (фотография была атрибутирована благодаря научному сотруднику Музея культур, г. Хельсинки И. Лехтинен). По воспоминаниям Ирины Васильевны эта фотография всегда стояла на его столе, на детские вопросы маленькой Ирины он отвечал, что "это очень дорогой мне человек". Странно, что при неоднократных обысках в 1930-е г. эта фотография не была изъята. Фотография и воспоминания Ирины Васильевны подталкивают обратить особое внимание на исследование творческих контактов Налимова и Вихмана. Свидетельством кон-

тактов В. П. Налимова с финскими исследователями является и почтовая карточка 1909 г. Василию Петровичу с его фотографией от финского археолога А. М. Тальгрена (в атрибуции письма также поспособствовала И. Лехтинен, которая сообщила, что данная фотография Василия Петровича была сделана Тальгреном в Тарту в 1909 г.). Текст на почтовой карточке является еще одним свидетельством сотрудничества Налимова с финским ученым Сирелиусом.

В 1907 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присуждает Василию Петровичу большую серебряную медаль во внимание к его ценным работам по антропологии и этнографии зырян и в благодарность за доставленные Обществу лично собранные научные материалы о зырянах. На выставке было представлено Свидетельство о вручении В. П. Налимову Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии Большой Серебряной Медали. 1907 г. (сама медаль, после ее передачи вместе со свидетельством Ж. А. Дрогалиной в 2002 г. Национальному музею РК, находится в экспозиции музея).

Второй раздел выставки „В купеческом городе. Магистратура. Встреча с революцией“, названный так вслед за воспоминаниями В. В. Налимова „Мой отец“, был посвящен годам пребывания Василия Петровича в Дмитрове и Нижнем Новгороде. Наряду с документами, отражающими профессиональную сторону жизни Налимова в этот период: Справка о работе В. П. Налимова в Нижегородском реальном училище М. М. Милова с 1.07.1914 г. по 1.10.1918 г. (1934 г.), в разделе были также представлены книги (И. И. Смирнов „Восточные финны. Историко-этнографический очерк“; Hackman A. „Die Ältere eisenzeit in Finnland. Atlas“; Крубер А. А. „Общее землеведение. Часть III. Био — и Антропогеография“ и др.)⁷, экспедиционные фотографии, фотоальбом „Виды Нижнего Новгорода“⁸ и частная переписка Василия Петровича.

Благодаря Ирине Васильевне в семейном архиве сохранилась переписка Василия Петровича с родственниками. Это три почтовые карточки, адресованные Надежде Ивановне Тотубалиной, первой жене Василия Петровича, пять писем ко второй жене — Ольге Федоровне Логачевой. Переданный Ириной Васильевной материал раскрыл перед нами Василия Петровича как личность многомерную, тонко чувствующего мир.

Частная переписка позволяет нам встретиться с глубоко личностным миром человека, зачастую сокрытым от посторонних взглядов. Понятно, что при работе с такими источниками важно соблюдать этические нормы. Одновременно, обращение к частной переписке как историческому источнику позволяет выйти на ментальные характеристики конкретного человека и мироощущение определенного круга людей в целом. Именно такой подход важен и при рассмотрении эпистолярного наследия В. П. Налимова.

В этом плане особый интерес представляют письма Василия Петровича 1920-1922 гг. к Ольге Федоровне Логачевой в Кудымкар. В это время Василий Петрович жил в Нижнем Новгороде и состоял, как он сообщает Ольге Федоровне, „... проф. двух высших учебных заведений: Университета и Института Народн. Образования“. В письмах, которые носят, прежде всего, личный характер, есть целый ряд размышлений Василия Петровича о ситуации в постреволюционной России.

Оценку революционного преобразования мира он дает в письме к Ольге Федоровне Логачёвой от 15 мая 1921 г.: „Правда тяжело видеть кругом жертвы, наконец, бессилие человеческого ума, воли, но это явление временное, оно сошло с исторического пути, родной стихии ... (неразборчиво) нового, но новое рождается тяжёлыми мучениями, страданием. Революция мне никогда в иной форме не представлялась. Я вспоминаю свои слова, сказанные в 1905 году: „восставший народ все сотрет, все разрушит, не только дворцы царей, вельмож, но наши храмы искусства и науки. Все это для него памятники его многовекового рабства, унижения, лишения права на творчество. Могучая сила, силл к движению, созданию, творчеству как мифическая волна, ... (неразборчиво) языком все сметет...“. Ранее в письме от 31 марта он пишет: „Общественная мысль в России загипнотизирована, необходимо этот кошмарный туман, навеянной классовой борьбой и междуусобицей рассеять и строить наши идеалы на истинном понимании человеческой природы и на его поступательном движении“.

Размышления о будущем России переплетаются с его раздумьями о происходящих преобразованиях в школе. В письме от 31 марта 1921 г. он пишет: „Я боюсь этих школ без определенного идеала, уважения к творческому духу человека“. Как продолжение его размышлений о преподавании в письме следуют его замечания о проблемах преподавания этнографии: „Этнография открывает нам человека, но молодежь еще не успела привыкнуть к выводам и заключениям моим. Она со вниманием слушает меня, но мои выводы поражают, равно и постановка вопроса. Странным им кажется сопоставление культуры эскимосов с европейской, признание первенства эскимосов и пермяков перед западно-европейской и высокая оценка их предметов, объектов, от которых они так недавно еще отворачивались с отвращением. Но постепенно они начинают привыкать к образу этнологического мышления. Но меня не это интересует. Меня влечет и зовет деревня и я снова хочу видеть те места, которые так милы, где рождались великие идеи“.

Василия Петровича, как этнографа, интересовали проблемы национального самосознания, что нашло отражение и в письмах к Ольге Федоровне. В одном из писем он пишет: „Меня очень интересует положение Иньвенского края (следует отметить, что данные письма позволяют в некоторой степени восстановить ход подготовки „экскурсии студентов на Каму до Перми“, которая состоялась в 1922 г.) насколько в них пробуждается дух национального самосознания, готовность служить некоторым высшим идеалам“. О национальном духе народа коми он размышляет в письме от 31 ноября 1920 г.: „Счастье в силе стремлений, а этой силы у представителей коми много. Не падай духом, не бойся Омеля. Коми же всегда и всюду побеждали всех духов“.

Примечательно, что почти в каждом письме Василий Петрович для выражения своих мыслей, ощущений обращается к образам из коми мифологии или вводит слова на коми-зырянском. Например, в одном из писем он пишет: „В языке коми имеется слово Шуштõм, состоящее из двух слов шуш и tõм. Последнее есть частица отрицания (не). Шуш это родственное, живое чувство, дающее жизнь и сознание счастья своего бытия, вселяющее воздух нечто нежное, покровительственное, ласкающее и оберегающее“.

В письмах Василия Петровича к О.Ф.Логачевой есть свидетельства и о продолжении его контактов с финскими коллегами в 1920-е г. Так, в письме от 31 марта 1922 г. к О. Ф. Логачевой Василий Петрович отмечает: „На днях посылаю свои статьи и в Финляндию“, а в письме от 10 мая 1922 г. пишет: „...начал переписываться с московскими друзьями, послал статьи для печатанья в Финляндию, если не пропадут на почте“.

Исследовательская и экспедиционная деятельность В. П. Налимова 1920-1930-х гг. в большей степени была представлена в третьем разделе выставки „Возвращение в Москву. Исследования и экспедиции“. В своих воспоминаниях В. В. Налимов отразил все основные события и экспедиции „московского периода“ Василия Петровича: „В начале 1922 г. — в период становления нэпа — наша семья переезжает в Москву. С марта 1922 г. по сентябрь 1925 г. Василий Петрович состоит профессором земледования (географии и антропологии) во втором МГУ. Читает лекции по следующим дисциплинам: краеведению, истории материальной культуры, этнографии СССР, антропологии. Одновременно является профессором антропологии в Медико-педологическом институте. В звании профессора он был утвержден Государственным ученым советом.

Василий Петрович с 1924 по 1928 год состоял еще и ученым специалистом Тимирязевского научно-исследовательского института по специальности „антропология“, занимая в течение года (в 1925 по 1926 год) одновременно и должность действительного члена и преподавателя угро-финской секции Научно-исследовательского института по изучению народов Востока. Помню, как дома его в шутку называли трехкафедральником.

В 1928 г. Василий Петрович был переведен из Тимирязевского научно-исследовательского института в Географический научно-исследовательский институт при МГУ, где продолжал работать до 1938 г. в должности действительного члена⁹.

Жизнь Василия Петровича в 1920-е годы была насыщена научными экспедициями. В 1925 г. — поездка в Большеземельную тундру к самоядам (самодийцам). В 1926 г. — научная поездка в Восточную область и соседние области Башкирской республики. В 1928 г. — командировка в Казахстан, продолжительность почти шесть месяцев. В 1929 г. — командировка в Лопарско-Мурманский край. В 1930 г. — поездка в Ижмо-Печорский край для разработки метода совместного сотрудничества географов и картографов при создании карт нового типа. И последняя командировка — в 1931 г. в Приуралье и Поволжье¹⁰. На выставке свидетельством этих экспедиций стали как документы (командировочное удостоверение В. П. Налимова, выданное Географо-картографическим исследовательским институтом при МГУ с целью проведения экспедиций в районах Прикамья, Приуралья, Поволжья. 1931 г.; служебная записка В. П. Налимову от Комитета Севера ВЦИК 1926 г.; командировочное удостоверение В.П.Налимова в Ижмо-Печорский-Усинский районы с 1.06. по 15.09.1930 г.), так и этнографические экспонаты, среди которых особый интерес представляют свистулька-уточка и предметы для вязания сетей, привезенные В. П. Налимовым в Москву из Коми области. 1920-1930-е г. Эти предметы, дополнили коллекцию бытовых предметов коми, сданных Налимовым в музей в конце 1920-х гг. и 1930 г.

Интересным материалом, дополняющим сведения об экспедициях Налимова 1920-х, являются переданные Ириной Васильевной дагерротипы и серия этнографических зарисовок, за подписью А. Мельникова, выполненных в Удмуртии. До последнего времени участие В. П. Налимова в исследовании вотяков оставалось одной из малоизученных тем. Исследования последних лет¹¹ во многом способствовали восстановлению материалов Налимова о культуре вотяков и самого процесса этих исследований. Экспонаты, переданные И. В. Налимовой в музей, в определенной степени помогают дополнить эти материалы. В целом этот пласт в исследованиях В. Г. Налимова требует дальнейших изысканий и изучения.

Не менее потенциально значимо дальнейшее изучение научных контактов Василия Петровича Налимова и Бруно Фридриховича Адлера. По воспоминаниям Ирины Васильевны Налимовой Адлер нередко бывал в их доме. В сохранившихся бумагах, переданных Ириной Васильевной, есть и рекомендация Б. Ф. Адлера Налимову на место профессора в московский университет:

„В Государственный Совет

Имею честь рекомендовать на профессуру угро-финский этнографии Московского Университета профессора Нижегородского Университета Василия Петровича Налимова. Среди русских специалистов по финно-угорской этнографии В. П. Налимов безусловно... считается одним из наиболее серьезных и знающих ученых. Происходя из зырянской крестьянской семьи, зная опыт своего народа с раннего детства, В. П. желал принести своему племени пользу в качестве фельдшера. Получив фельдшерское образование в Москве, В. П. работал на пользу своего народа, при этом благодаря своему медицинскому званию, он смог еще больше и ближе войти в семью зырян. Это дало ему возможность также впоследствии произвести ряд антропологических измерений после того, как он прошел серьезную школу у проф. Анучина. Работая сперва главным ...по антропологии зырян, В. П. все дальше и постепенно пришел к занятиям этнографией. Благодаря знанию языка, он легко смог обратить внимание на область верований и на фольклор.

Будучи географом и натуралистом по образованию, он занялся однако исторической географией края. Поэтому работы его касаются антропологии и этнографии народа Коми (см. листок), однако ему нечужды также и вопросы общей этнографии и антропологии, что видно из ряда докладов и статей, а также мне известного по магистерскому экзамену, который он держал у меня в Казани.

Думаю, что приглашение В. П. Налимова на кафедру финно-угорской обогатит состав этно-лингвистического отделения солидным работником.

*Проф. Этнографии и Географии Казанского университета Б. Адлер*¹²

Вероятно, данная рекомендация была написана Адлером около 1922 г., когда В. П. Налимов переехал в Москву. Близкое научное сотрудничество Налимова с Адлером началось в 1916 г. „В 1916 г. Василий Петрович становится магистрантом казанского университета у профессора Б. Ф. Адлера. Выдержав магистерские экзамены и прочитав две пробные лекции: „Одежда, украшения

и их возникновение" (по собственному выбору) и „Дюны, образование и географическое распространение их" (по предложению физико-математического факультета) — он получает право на самостоятельное преподавание по кафедре географии и этнографии в звании приват-доцента¹².

Различные косвенные свидетельства говорить о контактах Василия Петровича и Бруно Фридриховича примерно с 1910 г. Обращаясь к биографии Адлера¹³, в целом невольно отмечаешь целый ряд параллелей в судьбах ученых. Оба учились на физико-математическом факультете Московского университета. Научной специализацией обоих руководил Д. Н. Анучин. Адлер закончил университет в 1899 г. и затем проходил стажировку в Германии. В 1910-1914 г. работал в этнографическом отделе Русского музея (ныне — Российский этнографический музей), до этого некоторое время был сотрудником Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого. С 1914 г. Адлер становится профессором кафедры географии и этнографии Казанского университета. Во второй половине 1920-х г. Бруно Фридрихович работает в Германии. По возвращению из Германии работал в Московском университете. Параллельно был профессором Ярославского педагогического института, профессором географии и антропологии Антропологического института, действительным членом Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института при Коммунистической Академии ЦИК СССР, в 1928 вошел в состав редколлегии журнала „Средняя Азия". С начала 1930-х г. начались гонения Адлера. 7 декабря 1933 г. он был арестован и приговорен к ссылке. В 1936 г. был осужден и отправлен на 7 лет в лагерь. Расстрелян весной 1942 г.

Особое внимание в своих исследованиях Адлер уделял связи этнографии и физической географии, что, как отмечают исследователи наследия Адлера¹⁴, было одной из особенностей казанской этнографической школы, основателем которой и определяют Б. Ф. Адлера. Видимо, и интерес Налимова к этногеографии во многом был обусловлен его сотрудничеством с Адлером. О влиянии идей Адлера на научные исследования Налимова прямо свидетельствует статья Василия Петровича „Одежда, украшения и их возникновение"¹⁵, в которой он ссылается и на положения, высказанные Адлером, и на немецкого исследователя Ф. Ратцеля (в тексте — Ретцеля), одного из основателей европейской антропогеографической школы, с которым Адлер познакомился в 1899 г.¹⁶.

В конце 1920-х - начале 1930-х гг. Адлер продолжает свои исследования связи между внешним миром человека, включая его культурную и материальную среду, и эволюции его сущности и облика, их изменениям в результате приспособления к внешним условиям¹⁷. Видится, что было перспективным через обращение к архиву Адлера и научному архиву Налимова проанализировать влияние идей Адлера на исследования В. П. Налимова 1920-х гг. и на его поиски в начале 1930-х гг., когда Василий Петрович активно занимается изучением топонимики. Фрагменты рукописей по этой проблематике, сохранившиеся в семейном архиве, были также представлены на выставке.

Бруно Фридриховича на протяжении всего его научного пути интересовали и проблемы музееведения. И здесь также прослеживаются переклички с деятельностью Налимова, роль которого в развитии музейного дела в Коми области отмечается исследователями. Пока не выявлены прямые свидетельства, но вполне вероятно, что Налимов и Адлер сотрудничали по организации Всероссийского Центрального этнографического музея в Москве в 1920-е г., для которого В. П. Налимов и Д. Т. Янович собирали материалы по культуре коми. (Адлер был председателем Комиссии по созданию этого музея, одновременно являлся членом совета Всероссийской коллѣгии по делам музеев, охраны памятников искусства и старины при Народном Комиссариате просвещения РСФСР). В протоколе допроса В. П. Налимова отмечено, что «в 1925 г. Налимов вместе с Яновичем участвовал в экспедиции «Комитета Севера» по определению точек для культурных баз среди ненцев»¹⁸. Об идеи создания «культурбаз» для сохранения культур народов Севера в 1927 г. Адлер написал немецкому этнографу Г. Финдайзеру¹⁹. В письмах к Финдайзеру Адлер пишет о выставках, судьбах общих знакомых, упоминает и о проблемах, в том числе и о закрытии в 1929 г. «Казанского музейного вестника». Переписка Адлера и Финдайзером продолжалась вплоть до его ареста в 1933 г.

«Тяжелые тридцатые» так обозначил 1930-е г. в судьбе В. П. Налимова его сын в своих воспоминаниях «Мой отец», так назывался и четвертый раздел выставки «Неизвестный Налимов». Ирина Васильевна сочла возможным передать музею всю сохранившуюся переписку Василия Петровича тех лет. Его письма к М. И. Ульяновой, его обращения в ВЦИК и ряд других документов, в которых он пытается защитить свое имя, а также отзывы крупнейших исследователей на работу В. П. Налимова. Многие документы того периода требуют тщательного рассмотрения и изучения, во многом это свидетельства не только судьбы опального ученого, но артефакты эпохи.

Многое утрачено, многое не восстановимо... Мы никогда не узнаем и то, о чем разговаривал Василий Петрович с сотрудником НКВД, который сопровождал его от Москвы до Сыктывкара, но, по воспоминаниям Ирины Васильевны, этот человек по возвращению в Москву из Сыктывкара зашел к ним и сказал: «Если даже таких замечательных людей сажают, то где же правда?». В первые дни войны он еще раз зашел к Налимовым и сказал, что ушел из органов и уходит на войну.

Тридцатые годы стали для семьи Налимовых, с одной стороны, годами сплочения и мужества, с другой — крушения надежд. На выставке символами этого времени предстали ткань, сотканная бабушкой О. Ф. Логачевой, и разломанная форма для приготовления пасхи, также привезенной Ольгой Федоровной из отцовского дома.

На выставке особое место в ряду переписки 1930-х гг. заняли письма Василия Васильевича Налимова к отцу, хранящиеся в Национальном архиве Республике Коми. Письма написаны Василием Васильевичем с Колымы, где он в 1938 г. отбывал свой срок. В Национальном архиве РК сохранились 4 письма. Самое первое датировано — 23 марта 1938 г., последнее — 11 августа 1938 г. В декабре 1938 г. Василий Петрович был арестован сам и этапирован в Сыктывкар. Ему было предъявлено обвинение о

причастности к деятельности „контрреволюционной буржуазно-националистической организации“. В 1939 г. он скончался в сыктывкарской тюрьме. Во многом письма Василия Васильевича к отцу — это последнее свидетельство общения отца и сына. Закономерно, что в письмах есть просьбы о передаче теплых вещей, денег, продуктов и вопросы о доме, о судьбе близких. Так, в письме от 3 мая 1938 г.: „...на днях исполняется полтора года с тех пор как я покинул свой дом. Много с тех пор пережито. Не падаю духом, настроение бодрое. Письма пиши подробные. Мне хочется знать все, все мелочи вашей жизни. Как твоё здоровье? Над какими вопросами ты сейчас работаешь, чем занимается Надя и как её семейные дела, как живут Ольга Федоровна и Ира, как её школьные успехи. Если знаешь, напиши также, что сейчас делают в той лаборатории, где я работал, закончили что-нибудь из работ, которые вел я?“.

В большей степени письма позволяют не столько приблизиться в понимании Василия Петровича, сколько открывают перед нами Василия Васильевича. Отголоски его размышлений из этих писем прослеживаются в его более поздних работах, посвященных исследованию медитации и возможностям человека в целом. Одновременно, эти письма позволяют почувствовать особенности взаимоотношений Василия Петровича с сыном, культуру и уровень их общения.

Особое место в этих письмах занимают описания природы. Так, в письме от 23 марта 1938 г., мимоходом отмечая, что „страшно надоела мне эта бесконечно длинная колымская зима...“, Василий Васильевич пишет: „... В такие дни воздух бывает ... (неразборчиво) каким-то густым туманом... (неразборчиво). День расцветает ... (неразборчиво) над горами, в том месте, где восходит солнце... вдруг сразу полоска радуги, через несколько минут видны контуры тусклого солнышка, затем радуга появляется в других местах ... и за каждой радугой появляется солнце. Создается такое впечатление будто на небе поднимается много солнц. Но постепенно одно из этих солнц становится ярче других, радуга около него пропадает, контуры его становятся еще более расплывчатыми и кажется, будто от солнца на Землю падает яркий сноп желтого света. Этот световой сноп принимает иногда странные формы, напоминающая какую-то комету, то круг неправильной формы. В долине в это время стоит мертвая тишина...“. В письме от 3 мая 1938 г. из п.Журба, Колыма: „...по утрам, выходя на работу, я как древний грек приветствую восходящее солнце, а вечером, возвращаясь домой, провожаю его за сопки и прошу его передать привет туда Вам в Москву. Небо на западе при закате окрашивается в мягкие розовые тона, а на востоке приобретают темно-фиолетовый оттенок. Вдали на горизонте виднеются острые конусы сопки над которыми медленно поднимается ярко... Венеры. Эти тона напоминают мне ... (неразборчиво) японские гравюры“.

Отголоски этих размышлений Василия Васильевича прослеживаются в его книге „В поисках иных смыслов“: „...надо суметь использовать взаимосвязанно все приобретенное человечеством на пути его становления — рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое“. Во многом именно такой подход был характерен и для Василия Петровича и письма Василия Васильевича к отцу позволяют высветить этот ментальный изоглас, проявляющийся в творческом наследии и отца, и сына.

Обращение к частной переписке приоткрывает нам возможность определения новых подходов в рассмотрении как отдельной личности, так и общества в целом. В то же время, соприкосновение с проявлением личностных миров предполагает более глубинное прочтение „источника“, требуя от нас соблюдения как этических, так и определенных методологических установок, во многом переплетающиеся с семиотическими подходами в анализе того или иного факта, события, рефлексии и т. д.

Полученные от Ирины Васильевны материалы позволили дополнить наши представления об основных этапах жизни Василия Петровича, по-новому взглянуть на его контакты с другими учеными, выявить новые сведения об его экспедициях. Одновременно появились и новые вопросы. Возможно, дальнейшая работа в архивах позволит атрибутировать ряд экспонатов, вероятно, связанных с какими-то его экспедициями, дополнить наши знания о влиянии на исследования Василия Петровича научных концепций нач. XX в. Представление архива В. П. Налимова, в том числе и экспозиционное, значимо, на наш взгляд, как определенная попытка представления интеллектуальной истории России I пол. XX в., как воссоздание „интеллектуального ландшафта“, что важно, как отмечает теоретик интеллектуальной истории Л. П. Репина²⁰, для понимания культуры в целом.

Свою книгу „В поисках иных смыслов“ Василий Васильевич завершает словами: „Я уже не раз писал о том, что нам нужны новые смыслы, или, точнее — нужно радикальное переосмысление прежних смыслов. Трагичность состоит в том, что процесс переосмысления должен идти в очень широком, невиданном доселе ракурсе. Готовы ли мы к этому?...“ Выставка „Неизвестный Налимов“ — это еще одна попытка поразмышлять на эту тему.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Некоторые черты из языческого мировоззрения зырян // Этнографическое обозрение. 1903. № 2; Зырянская легенда о паме Шипиче // Этнографическое обозрение. 1903. № 2; Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. 1907. № 3; К этнологии коми // Коми му, 1924. № 3; К материалам по истории материальной культуры Коми // Коми му, 1925. № 2; Роль малых народов на фоне общечеловеческой культуры // Вотяки. Сборник по вопросам этнологии, быта и культуры вотяков. М., 1926; Священные роши удмуртов и мари // Охрана природы. 1928. т. 1. № 4. и др..
2. Несанелис Д. А., Семенов В. А. Профессор В. П. Налимов — „финский шпион“ // Родники пармы. Сыктывкар, 1996; Несанелис Д. А., Семенов В. А. Одна Родина — две судьбы // Арт, 1997. С. 266-276; Терюков А. И. Из истории изучения обрядов жизненного цикла народов коми. В. П. Налимов // Арт, 1999. № 3, С. 130-135; Семенов В. А. Путь „инородца“ в России царской и советской // Арт, 2000. № 1 С. 117-121; Шарапов В. Э. Материалы В. П. Налимова по традиционному мировоззрению коми в исследованиях европейских финно-угроведов I пол. XX века // Арт, 2000. № 1. С. 144-148.
3. Налимов В. В. Мой отец // Парма, 1994. № 1-2. С. 31-88.
4. Автор благодарит В. Э. Шарапова за содействие в получении информации от Е. Г. Федоровны.
5. V. N. Setälä. Suomen kielen Oppikirja Alkeisopetusta Varten; K. Kronn. Suomalaisten paikalliset Jumalat; A. M. Tallgren. Kivikautinen taideteos Srkijrvetr // Ylipainos Suomen Museosts. 1907. № 3.

6. Чернов А. Остров Куйсу на Куку-норе. СПб., 1911; Чеусов А. А. Стихотворения зырянина. Вологда. 1903. Adler B. Das Museumswesen in Russland Während der revolution. 1925; Бондарский М. С. Номенклатура географической карты.
7. Смирнов И. И. Восточные финны. Историко-этнографический очерк. СПб., 1898; Hackman A. Die Ditere eisenzeit in finnland. Atlas. Helsingfos. 1905; Крубер А. А. Общее землеведение. Часть III. Био — и Антропогеография. М., 1922; Доклад русских естествоиспытателей и врачей в Москве. М., 1890; Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, Ч. 1. 1857.
8. Виды Нижнего Новгорода. Фотоальбом. Фотоателье М. Дмитриева. 1910-е г.
9. Налимов В. В. Указ. соч., С. 62.
10. Там же. С. 65.
11. Автор благодарит В. Э. Шаралова за возможность ознакомиться с материалом А. Е. Загребина „В. П. Налимов в Удмуртии: к истории одного незавершенного проекта“.
12. Налимов В. В. Указ. соч., С. 49.
13. Тома Л. Я. Бруно Фридрихович Адлер (1874-1842) // Вопросы истории, 2004. № 8. С.136-143.
14. Там же, С. 140.
15. Налимов В. П. Одежда, украшения и их возникновение // Арт, 1999. 3. С. 133-145.
16. Тома Л. Я. Указ. соч., С. 137.
17. Там же, С. 141.
18. Семенов В. А. Путь „инородца“ в России царской и советской // Арт, 2000. №1. С.117-121 Семенов В. А. Путь „инородца“ в России царской и советской // Арт, 2000, № 1 .С.120.
19. Тома Л. Я. Указ. соч., С.138.
20. Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Под ред. Л. П. Репиной и В. И. Уколовой. Вып.2. М., 2000. С. 10-11.

ДАНИИЛ ТИМОФЕЕВИЧ ЯНОВИЧ
(27.07.1879-18.01.1940 г.)
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

27 июля 2004 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Даниила Тимофеевича Яновича — этнографа и музееведа,¹ человека сложной и трагической судьбы, чрезвычайно много сделавшего для становления музейного дела в нашей республике. Именно благодаря его усилиям фонды краеведческого музея г. Усть-Сысольска пополнились в 1920-е годы интереснейшими материалами по этнографии коми ижемцев, уникальной коллекцией произведений русского и зарубежного искусства.² Значителен вклад этого исследователя в формирование коллекций музея антропологии МГУ. В 1909 г. Д. Т. Яновичем были собраны богатейшие материалы по этнографии населения нижней Оби.³ Между тем, сведения, касающиеся жизни и деятельности Д. Т. Яновича крайне многочисленны и порой противоречивы.⁴ Восполнить «белые пятна» в биографии этого яркого и неординарного ученого помогут документы, полученные автором настоящей статьи. При содействии архива МВД РК были получены копии следственных дел 1931, 1935 и 1937 гг., лагерного дела 1938 г. и акта о смерти от 18 января 1940 г.¹ Эти документы дополняют друг друга и дают возможность проследить жизненный путь Д. Т. Яновича.

Наиболее полные сведения о дореволюционном периоде жизни ученого содержатся в Анкете арестованного и Протоколе допроса от 13 февраля 1935 г., произведенного уполномоченным IV Отдела ОО УГБ УНКВД ЗСК Бейманом, присланных из архива УФСБ Новосибирской области.

Даниил Тимофеевич родился 27 июля 1879 г. в г. Боровичи Новгородской губернии в семье городского судьи. В Анкете арестованного по делу 1935 г. в графе «Национальность и гражданство» указывается «русский подданный». Эти данные дополняет «Анкета арестованного» по делу 1937 г., где указывается, что Д. Т. Янович русский украинского происхождения, личный дворянин. Интересные сведения о том, с каким трепетом относился к своему происхождению Д. Т. Янович, приводит в своих воспоминаниях сын В. П. Налимова В. В. Налимов (Д. Т. Янович был его крестным отцом): «Свой род он вел от знати Запорожской Сечи — украинской вольницы. Дома еще хранилось и кресло прабабушки, и боевое седло прадедушки».⁵

В разделе «Показания по существу дела» Протокола допроса арестованного по делу 1935 г. имеются данные о родителях Д. Т. Яновича. Отец юрист Киевского университета (судебный следователь, потом городской судья) был переведен «на север с Украины особым приказом министра юстиции за ведение судопроизводства, вопреки официальному обыкновению. Мать — Анна Павловна, окончила гимназию, по происхождению дочь инженера. Отец умер в 1899 г., мать — в 1932 г.» Д. Т. Янович был дважды женат, имел четверых детей (сыновья Юрий, Лев и Ярослав, дочь Надежда-Нежданна). Сведений о первой жене нет. Возможно, ее звали Александра, так как в протоколе допроса по делу 1937 г.

в графе „Состав семьи“ имеется описка: жена Александра, имя перечеркнуто и сверху написано имя второй жены — Ксении Никифоровны Понч (? — Т. П.), 1895 г. р., работавшей художником в музее.

По приводимым в Протоколе сведениям Д. Т. Янович обучался в трех классических гимназиях в г. Петербурге (Веденская гимназия), Твери и Владимире на Клязьме, что, вероятно, связано с изменениями в служебной деятельности отца. В г. Владимире Д. Т. Янович получил аттестат зрелости, но с „плохой отметкой по закону божию“, что воспретяствовало его поступлению в Московский университет (свозго округа). После поручительства профессора Н. А. Кулибина его приняли в петербургский университет. „Университетские годы провел в Петербурге, в Москве и Гельсингфорсе (где слушал на дому профессора этнографа Сирелижа (У.-Т. Сирелиуса — ? — Т. П.), а в этнографическом музее — Гейкеля“.

В Петербурге будущий этнограф „с первого же курса делил время между слушанием лекций на физико-математическом факультете, на историческом цикле филологического отделения и занятиями в этнографическом музее академии наук, под руководством академиков В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга и хранителей отделов Д. А. Клеменца и Л. Я. Штернберга“.

Как свидетельствует сам Д. Т. Янович, это помогло ему получить „солидный музейный практикум“. За проявленную склонность к собиранию научных материалов по этнографии, его пригласили в этнографический отдел Русского музея. Здесь Д. Т. Янович специализировался на собирании предметов материальной культуры и „увлекся изучением народного искусства и главным образом — орнамента“. Сведения о петербургском периоде жизни Д. Т. Яновича крайне важны, так как помогают понять степень его подготовленности как профессионального этнографа и музееведа. Во время учебы в г. Петербурге он прослушал лекции К. Ф. Жакова, о котором Д. Т. Янович очень тепло и лирично написал в некрологе, напечатанном в журнале „Коми муз“⁶. Интересно отметить, что ни в одном из имеющихся дел нет столь подробных сведений о „московском“ периоде обучения Д. Т. Яновича, хотя во всех документах пишется, что он закончил в 1912 г. московский университет. Что это — нежелание „подставлять“ под удар своих учителей из Московского университета (большинства из перечисленных к тому времени петербургских ученых уже не было в живых) или именно учеба в г. Петербурге сформировала его как исследователя, дала ему необходимый багаж знаний? Из перечисленных им преподавателей — каждый ученый с мировым именем!

Далее мы узнаем, что Д. Т. Янович два года служил в г. Твери по страховому делу, но продолжал собирать этнографические материалы по заданиям музеев. Во время работы в Твери он хранил шрифты тайной типографии, доставленные ему Леонтием Николаевичем Бастамовым и Борисом Александровским (социал-демократов большевиков). Этот факт свидетельствует о том, что Д. Т. Янович относился к числу сочувствующих партии большевиков. В протоколе допроса по делу 1935 г. с его слов записано: „Беспартийный и ранее никогда не состоял в партиях, в студенческие годы увлекался изучением анархизма по Елизе Реклю и по Петру Алексеичу Крапоткину и всегда принадлежал к революционной

интеллигенции". Это, впрочем, не помешало выдвинуть против него обвинение в том, что в 1905 г. он „примыкал" к партии кадетов (протокол допроса по делу 1937 г.).

В 1908 г. ученый перебирается в Москву и поступает на отделение географии, антропологии и этнографии физико-математического факультета Московского университета, который, по имеющимся сведениям, окончил в 1912 г., но как записано в следственном деле 1931 г. „экзаменов не держал" (В. В. Налимов пишет, что Д. Т. Янович так и не смог закончить обучение, так как не смог сдать экзамен по курсу общей физики⁷).

Как уже упоминалось выше, мы практически не имеем сведений о московском периоде обучения Д. Т. Яновича. Можно лишь определенно утверждать, что он во время учебы познакомился и сдружился с выдающимся коми этнографом В. П. Налимовым и был крестным отцом его сына, а также предполагать, что Д. Т. Янович специализировался у Д. Н. Анучина, который, по всей вероятности, рекомендовал его для участия в комплексной экспедиции 1909 г. Академии наук на нижнюю Обь и Северный Урал и с которым Д. Т. Янович состоял в переписке по поводу обработки материалов этой экспедиции⁸. В экспедиции он собирал материалы по этнографии и антропологии ненцев и обских угров („остяков и самоедов"). По итогам проведенных полевых исследований Д. Т. Янович, по данным В. Зеновской и А. Сивковой, в 1910 году удостоился премии Великого князя Сергея Александровича⁹. Хотя справедливости ради следует отметить, что некоторые методы работы Д. Т. Яновича подверглись критике со стороны руководства экспедиции, была даже угроза судебного разбирательства с местным населением¹⁰. Материалы следственного дела 1935 г. свидетельствуют, что в этой экспедиции он расшатал здоровье и „переехал в город, где преподавал географию, работал лектором". Из протокола допроса можно понять, что Д. Т. Янович в целом был некрепкого здоровья — „перед революцией много болел".

В 1913 году Д. Т. Янович был назначен на должность помощника хранителя художественно-промышленного музея имени Александра II при Строгановском училище, куда был приглашен специально для описания его богатейшего музейного собрания. После революции Д. Т. Янович становится сначала завзаведующим фондами и главным хранителем, а затем завзаведующим музеем и возглавляет его до 1924 года, оставаясь фактически последним директором¹¹.

Первое послереволюционное десятилетие — один из наиболее ярких и активных периодов в деятельности ученого. Он являлся членом секции научных работников в г. Москве, был членом месткома, выступал защитником в судах по мандатам музейного отдела Наркомпроса, по делам технических служащих московских музеев, участвовал в работе музейного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины. Далее он „служил" председателем экспертной комиссии при отделе художественных ценностей НК Внешторга, в Главнауке — НКПроса, в гос. КОЛОНите, зав. отделом народного быта и всей этнографической части первой сельскохозяйственной и кустарной выставки, завзаведовал центральным этнографическим бюро, полярным подотделом в отделе национальных меньшинств Наркомнаца, был ученым секретарем комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ЦИК, участвовал в работе Ассоциации Востоковед-

ния, общества изучения Урала, Сибири и Дальневосточного края, антропологического отделения Тимирязевского научно-исследовательского института. Именно в этот период Д. Т. Янович направляется в Коми область для обследования состояния музейного дела в г. Усть-Сысольске¹². „Усть-Сысольский период“ является одной из наиболее ярких страниц в биографии ученого. Он организует экспедицию по сбору этнографических материалов, выступает с докладами в Колве на съезде кочевых ненцев и на заседании Коми областного исполкома, организует работу по созданию художественного отдела краеведческого музея, участвует в заседаниях Общества изучения Коми края¹³. Особое значение для Национального музея Республики Коми имеет экспедиция 1925 г. к ижемским коми, из которой он привез около 1000 экспонатов. Поступление было настолько значительным, что встал вопрос о расширении помещения музея „вдвое больше прежнего“¹⁴. В своих сборах исследователь стремился максимально полно отобразить культуру ижемских коми. Вот, что сказано о сборах Д. Т. Яновича в том же номере журнала „Коми му“: „Коми областной музей в последнее время пополнился экспонатами из Ижемского быта, доставленными Д. Т. Яновичем. Наряду с предметами домашнего обихода коллекцией довольно полно представлена хозяйственная техника ижемца — выделка шкур вообще, замши в частности и т. д. — не позабыт даже детский мир, выразившийся в своеобразных игрушках, имеющих несомненную связь с мифологией — куклы, утиные шкурки с клювами и т. п.

Многие экспонаты важны тем, что дают богатый материал для изучения Ижемского орнамента. Правда, большинство из орнаментов является массовым дополнением к имевшимся в музее их единичным образцам. Тем не менее, теперь эта массовость придает особое значение типичным элементам“¹⁵. Последнее замечание является крайне важным, так как раскрывает один из основных принципов сбора материалов этим исследователем: культуру народа характеризуют, прежде всего, не отдельные, пусть и очень яркие экспонаты, а массовый материал, освещающий все стороны этой культуры. Не случаен и интерес Д. Т. Яновича к орнаментам, украшавшим привезенные им предметы. Известно, что он специализировался в области изучения русского народного орнамента¹⁶. Д. Т. Яновичем привезены орудия характеризующие земледелие и скотоводство, охоту и рыболовство, обработку дерева, шкур, средства передвижения и переноски тяжестей, домостроительство, жилище и его убранство, деревянные посуда, утварь, предметы, связанные с приготовлением пищи (в их числе пасочницы с христианской и соляной символикой), одежда, обувь (в том числе деревянные боты с деревянными заплатками!) и утварь для одежды, утварь для домашнего обихода, предметы, связанные с шитьем, вязанием, прядением, ткачеством (как образец сбора типичных вещей необходимо отметить уникальную коллекцию веретен украшенных резьбой, насчитывающую 344 экземпляра), предметы личной гигиены, курительные принадлежности, культовые предметы (деревянный идол, киот-столбец). На многих предметах имеются пасы, инициалы, надписи, орнамент. Особенно много было привезено изделий из дерева. Автор статьи об экспедиции Д. Т. Яновича отмечает: „Общее впечатление от всей коллекции — деревянный век...“¹⁷. Значение его сборов для экспозиционно-выставочной работы НМРК невозможно

переоценить — благодаря ему мы можем сегодня исчерпывающим образом охарактеризовать традиционную культуру и быт коми ижемцев.

О доверии, которое оказывали ученому в Коми автономной области говорит тот факт, что вплоть до ареста в 1931 г. он являлся консультантом Коми облисполкома. Напряженная работа подорвала здоровье исследователя и, как свидетельствуют материалы протокола допроса по делу 1935 г., он заболел и девять месяцев пролежал в Боткинской больнице (возможно, именно поэтому и отсутствует описание собранной им этнографической коллекции по культуре ижемских коми в НМРК). В эти же годы над головой Д. Т. Яновича впервые „сгущаются тучи“. В 1920 г., по данным следственного дела 1937 г., его арестовывают „за связь с военнопленными (через 32 дня освобожден)“.

Роковыми, как и для тысяч других жителей страны Советов, оказались для ученого 1930-е годы. В 1930 г. он был задержан „за распространение злостной клеветы на руководство ВКП (б)“, а в 1931 г. был осужден по ст. 58-11 УК РСФСР к трем годам ссылки за принадлежность к контрреволюционной монархической организации. По одному делу с ним проходил Б. С. Жуков, известный российский археолог¹⁸. Ссылку Д. Т. Янович отбывал в Восточной Сибири, в городах Красноярск, Иркутск и Новосибирск. В Красноярске он работал во Всесоюзном институте изучения кедр. Во время ссылки он проходил по делу „О контрреволюционной организации национал-шовинистической интеллигенции в Коми области“. В обвинительном заключении по делу сказано: „Идейными вдохновителями, оказывающими влияние на создание буржуазно-националистической и контрреволюционной организации, являлись руководители московского филиала Общества изучения Коми края — профессора В. Лыткин, В. Налимов и Д. Янович“¹⁹.

Сразу же после отбытия наказания — новый арест. В 1935 г. он задерживается в г. Новосибирске по обвинению в шпионаже и диверсионных намерениях. Однако, своей вины он не признает: „За что? — ничего не знаю, все клевета и сплетни“. Через три месяца его выпускают из тюрьмы и он приезжает к семье в Москву. Здесь он пытается наладить нормальную жизнь. У него рождается четвертый ребенок — сын Ярослав. Устраивается на работу в Бюро транскрипции ГУГСК (Географическое управление Государственной службы картографии —? — Т. П.), а потом — на сдельную работу в Учпедгизе. Однако после серии арестов ему, видимо, было трудно найти постоянное место работы. В анкете арестованного от 28 октября 1937 г. в графе „Род занятий“ указывается, что Д. Т. Янович был без определенного места службы и на момент ареста работал дома. И так 1937 год — новый арест. Теперь ему инкриминировались систематическая контрреволюционная пропаганда и злостная клевета на руководство ВКП (б), что каралось по статье 58-10 УК РСФСР. В материалах Обвинительного заключения содержатся также сведения о том, что он находил методы борьбы троцкистов неудовлетворительными, „наиболее эффективным методом был бы террор против руководителей ВКП (б) и Советского Правительства“. Говорится, что Д. Т. Янович был связан с украинским националистом Зелененко, „который призывал его к активной борьбе за самостоятельность Украины“. Можно предполагать, что ученый

отрицал и эти обвинения, но „адская машина“ уже была запущена. Выписка из протокола Особого Совещания при НКВД СССР от 27 марта 1938 г. гласит, что Д. Т. Янович за контрреволюционную деятельность осужден в исправтрудлагерь сроком на восемь лет, считая с 27/Х 1937 г. Отбывать срок его отправили в Карлаг (выписка направлена в Карлаг 15 апреля 1938 г.).

Ряд копияных документов поступивших из Генеральной прокуратуры Республики Казахстан позволяет узнать о последних годах его жизни. Благодаря этим сведениям мы узнаем, что Д. Т. Янович прибыл в Карагандинский ИТЛ 6 августа 1938 г., отбывал „наказание“ в отделении Сарепта (ныне п. Сарепта Карагандинской обл.). Учетно-статистическая карточка от 6 августа 1938 г. дополняет материалы, содержащиеся в делах 1931, 1935 и 1937 гг. В графе категория трудоспособности записано „Легкий труд“, что может свидетельствовать о том, что в лагерь Д. Т. Янович прибыл уже больным. В документе имеется описание его внешности: рост средний, телосложение нормальное, цвет волос седой, нос прямой, цвет глаз серый, пр. примет — нет. Только в „карточке“ имеются сведения о знании Д. Т. Яновичем немецкого языка.

Акт № 4 от 18 января 1940 г. о смерти Д. Т. Яновича и акт от 18 января 1940 г. о захоронении на кладбище лаготделения Сарепт свидетельствуют о том, что он умер „от кровоизлияния в мозг и в связи с этим прекращения деятельности сердца“ и „труп опущен в яму „2“ метр глубиной, „1,5“ метр шириной, „2“ метр длиной, головой на восток“. Так трагически оборвалась жизнь талантливого этнографа и музееведа.

Сейчас сложно сказать, что же послужило истинным поводом для многочисленных арестов Д. Т. Яновича. Из материалов следственных дел с его слов мы узнаем, что он никогда не интересовался политикой, в политических партиях не состоял, в белой армии не служил. Возможно, не выдержав пыток, на него дали показания другие подследственные, проходившие по одним с ним делам. Интересные сведения о том, как могли фабриковаться обвинения приводит в книге, посвященной своему отцу, В. В. Налимов: „Из протокола допроса В. П. Налимова 26 сентября 1939 г.: „Свидетель по моему делу Батиев Д. А. показал, что в 1930 или 1931 г. он был у меня в Москве. Я это отрицаю. Летом 1930-31 гг. (июнь-сент.) в Москве я не был, а находился в командировках: в первом случае — в низовьях р. Печоры, а во втором — в степях бывш. Архангельск. губ. Батиев утверждает, что он пришел ко мне от Яновича Д. Т. Этого быть не могло, так как, насколько мне известно, весной 1930 г. Янович был арестован ОГПУ. Я с Яновичем находился в самых враждебных отношениях, а это говорит за то, что я не мог участвовать с ним в одной компании вести какую-то конспиративную работу“²⁰. Человек находился в ссылке в Восточной Сибири (!) под бдительным надзором ОГПУ и одновременно присылал из Усть-Сысольска в Москву людей для ведения конспиративной работы (!). Как было указано выше, выдвинутые против него обвинения Д. Т. Янович отрицал. Возможно, прав В. В. Налимов, писавший, что „Страстью Яновича были анекдоты — не только непристойные, но и политические. Здесь он был непревзойденным мастером. И жизнь свою, естественно, закончил в лагере. Анекдоты, в той форме и той

напряженности, которую они тогда обрели, — это, кажется, было чисто русское явление. Это издевка из-за угла. Это — последний послынный протест. Протест опасный: за острое слово приходилось платить жизнью. Но молчать иным было невозможно²¹. И, наверное, как это водится, нашелся доброжелатель...

На фотографии из следственного дела № 11792, заведенного на Д.Т. Яновича 28 октября 1937 г. запечатлен мужчина с умным, волевым, в обрамлении благородной седины лицом, лучистыми, источающими свет глазами, профессорской бородкой — образ типичного российского интеллигента. Даже на этой фотографии видна благородная осанка человека, имеющего чувство собственного достоинства, способного противостоять жизненным невзгодам...

** Автор приносит глубокую благодарность начальнику отдела спецфондов ИЦ МВД Республики Коми подполковнику Лидии Васильевне Фельде за оказанную помощь в получении этих документов*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Решетов А.М.О календаре памятных дат в этнографии и антропологии на 2004 г.// Этнографическое обозрение, 2004. № 2. С. 172.
2. Поповцева Э.К. Русское искусство XVIII-начала XX века. Живопись, графика, скульптура. Каталог. Сыктывкар, 1991. С. 4; История возникновения в Республике Коми первых художественных коллекций // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 472; Зеновская В., Сивкова А. Дар профессора Яновича // Республика, 1997. 31 мая. С. 3, 5; Плаксина Н. Судьба дарителя неизвестна // Республика, 2003. 14 ноября. С. 4.
3. Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
4. Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: этнографические тетради. Вып. 4. СПб, 1994. С. 200; Мурашко О. А., Кренке Н. А. Указ. соч., С. 12.
5. Налимов В. В. Канатоходец. М., 1994. С. 13.
6. Янович Д. Т. Каллистрат Фалалеевич Жаков. 1865-1926 гг. // Коми му, 1926. № 1-2, с. 5-6.
7. Налимов В.В. Мой отец // Парма, 1994. № 1-2. С. 38-39.
8. Мурашко О. А., Кренке Н.А. Указ. соч., С. 12-13.
9. Зеновская В. Сивкова А. Указ.соч., С. 3.
10. Мурашко О. А. Кренке Н. А., Указ.соч. С. 131-132.
11. Плаксина Н. Указ.соч., С. 4.
12. Там же, С.4.
13. Зеновская В., Сивкова А. Указ.соч., С. 3, 5; Поповцева Э. К. Указ.соч., С. 472; Савин В. Пробуждение Арка-я // Коми му. 1926, С. 43-46.
14. Коми му, 1926. №4. С. 4.
15. Коми му, 1926. №4. С. 4.
16. Мурашко О. А., Кренке Н.А. Указ.соч., С. 12.
17. Коми му. 1926. №4. С.4.
18. Архивное уголовное дело № 108223 (5182), копия. ФСБ РФ, Управление регистрации и архивных фондов, Центральный архив, Москва.

19. Зеновская В., Сивкова А. Указ.соч., С. 3.
20. Налимов В. В. Мой отец // Парма, 1994. № 1-2. С. 87.
21. Налимов В. В. Канатоходец. М., С.13.

ИСТОЧНИКИ

1. Архивное уголовное дело № 108223 (5182) // ФСБ РФ, Управление регистрации и архивных фондов, Центральный архив, Москва.
2. Анкета арестованного и Протокол допроса от 13 февраля 1935 г. // Архив управления ФСБ по Новосибирской области.
3. Архивное уголовное дело № 11792 // ФСБ РФ, Управление регистрации и архивных фондов, Центральный архив, Москва.
4. Архивное личное дело заключенного НР 171225 (29060) // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам по Карагандинской области.
5. Акт № 4 от 18 января 1940 г. о смерти Д. Т. Яновича // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам по Карагандинской области.
6. Акт от 18 января 1940 г. о захоронении на кладбище лаготделения Сарепт // Генеральная прокуратура Республики Казахстан. Управление Комитета по правовой статистике и специальным учетам по Карагандинской области.

М. И. Бурлыкина

*Сыктывкарский государственный
университет*

А. С. СИДОРОВ, К. Ф. ЖАКОВ, П. А. СОРОКИН: ПАРАЛЛЕЛИ СУДЬБЫ

Судьбы многих коми исследователей одного поколения тесно переплетены. Среди наиболее ярких представителей просветителей конца XIX-начала XX веков Каллистрат Фалалеевич Жаков, Питирим Александрович Сорокин, Алексей Семенович Сидоров. Между ними существовала незримая связь.

Первый из них — К. Ф. Жаков (1866-1926) — философ, фольклорист, лингвист, литературовед, краевед, писатель, педагог, организатор высшей школы. Родился в Давпоне, умер в Риге.

П. А. Сорокин (1889-1968) — этнограф, социолог, политик, педагог, краевед, организатор высшей школы. Родился в Турье, умер в Винчестере.

А. С. Сидоров (1892-1953) — этнограф, фольклорист, археолог, лингвист, литературовед, краевед, педагог, организатор высшей и средней школы, автор учебников. Родился в Палевицах, умер в Москве.

Все они появились на свет в Зырляндии, ушли из жизни на чужой земле.

Их объединяла прежде всего любовь к своему краю, желание познать его и поделиться своими открытиями с земляками, рассказать о замечательном зырянском народе другим людям. Каждый из них занимался краеведением, читал публичные лекции, вел преподавательскую работу в вузах. Но особенно важным штрихом в биографии является то, что все они оказались

тесно связанными с Петербургом, с петербургской научной школой. В Петербурге Жаков прожил почти 18 лет, Сидоров — 16 лет, Сорокин — 15 лет.

Жакова и Сидорова разделяла разница в возрасте свыше четверти века. Но жизнь отвела им ровно по шестьдесят лет. Каждый из них учился в Тотемской учительской семинарии.

Тотьма представляла большой интерес для многих зырян по ряду причин. Красивый старинный уютный городок располагался в Вологодской губернии, в 200 км от губернского центра — Вологды, с транспортной точки зрения был доступен зырянам. Из Усть-Сысольска в Тотьму можно было попасть речным путем — на пароходе по Вычегде, Сухоне, с пересадкой в Великом Устюге. Белоснежные двух- и трехпалубные речные суда ходили регулярно, практически каждый день.

Учительская семинария в Тотьме стала функционировать с 16 октября 1872 года (учреждена 1 июля). При ней действовали подготовительный класс (с августа 1878 года), начальное двухклассное училище (до 1 июля 1909 года было одноклассным).

В 1883 году при семинарии организована метеорологическая станция. И Жаков, и Сидоров — каждый в свое время — под руководством наставника математики охотно занимались метеорологическими наблюдениями, результаты ежедневно дважды сообщались по телеграфу в Николаевскую Главную физическую обсерваторию.

В семинарии изучали Закон Божий, педагогику и дидактику, церковно-славянский язык, русский язык, историю, естествоведение, географию, гигиену, чистописание, пение и музыку, рисование и черчение, а также столярное и переплетное дело.

Это было одно из немногих специальных учебных заведений России, где преподавался зырянский язык. Правда, факультативно.

По программе семинарии, помимо грамматических упражнений, практиковались в переводе: переводили, к примеру, Евангелие от Матфея с зырянского языка на русский и наоборот.

В период обучения Жакова зырянский язык преподавал Павел Куратов.

При Сидорове наставником зырянского языка был Николай Пономаревский, уроженец Яренска, выпускник Усть-Сысольского духовного училища.

Оба будущих ученых научились в семинарии играть на скрипке. Этот музыкальный инструмент особенно полюбился Сидорову: получив его в качестве подарка при завершении обучения, он с ним практически никогда не расставался.

Жаков поступил учиться в 1882 году, окончил семинарию в 1885 году (у ряда исследователей — А. И. Туркина и других — ошибочно указан 1884 год).

Добирался он от Усть-Сысольска до Тотьмы со своим знакомым Егоровым, уже воспитанником семинарии, сначала на лодке (до Яренска). Ночью они делали остановки прямо в лесу, где было жутко, страшно, темно и сыро, да еще филин стонал, пугая ребят. Останавливались в деревнях, где покупали за 5 коп. кринку молока. От Яренска до Великого Устюга плыли на плотках со сплавщиками, дальше — на барже, которую тянули лошади, а потом и вовсе пешком или на повозке.

Жаков сдал успешно вступительные экзамены и был принят в 1 класс. Он тогда говорил только на своем родном языке, и на уроках русского языка в первое время был посмешищем всего класса. Но вскоре Каллистрат опередил однокашников по всем предметам и был переведен в следующий класс без экзаменов.

В группе из 19 человек трое были зырянками. Один из них Василий Филиппович Попов (1866-1927), ровесник Жакова, переживший его лишь на один год, — первый зырянский почвовед, эконом-географ, организатор земской статистики в крае. Они вместе завершили обучение. Интересно, что и отметки по всем предметам у них были тоже одинаковы.

Воспитанникам по ряду дисциплин выводили оценки все преподаватели семинарии.

Так, 4 июня 1885 года Жакову в экзаменационный лист по предмету гигиены за Ш класс обучения преподавателями различных дисциплин были поставлены следующие оценки: от преподавателя по гигиене — 5; преподавателя Закона Божия — 4; наставника русского языка — 5; наставника математики — 4; наставника естествоведения — 4; учителя начальной школы — 5; средний вывод — 5; общий вывод — 4.

На экзамене по зырянскому языку Каллистрат Жаков получил от преподавателей только четверки.

К слову сказать, классом ниже в семинарии учился Никон Старовский. Он зырянский язык не изучал.

В целом Каллистрат Жаков получил за выпускные экзамены следующие оценки — вывод за год/ общий вывод:

Закон Божий — 3/4 (все время спорил с преподавателем Иваном Степановичем Мараковичем, доказывая ему, что „материя вечна, а дух — химера“); пение — 4/4; геометрия — 4+/4; арифметика — 4+/5; педагогика — 3/3; русский язык — 4/4; естествоведение — 4+/4; география — 4+/4 —; славянский язык — 4/4; практические занятия в начальной при семинарии школе — 4/4.

А.С.Сидоров поступил учиться в Тотьму в 1907 году, когда К. Ф. Жаков был уже известным ученым, имел в своем арсенале около 30 опубликованных книг и статей в различных издательствах Петербурга.

В 1911 году Алексей Семенович закончил семинарию, а Каллистрат Фалалеевич стал профессором.

Обучаясь в Тотьме, Сидоров изучал произведения своего знаменитого земляка, мечтал о знакомстве с ним.

Весной 1911 года Алексей вместе со своими сокурсниками-выпускниками семинарии выехал на экскурсию в Петербург.

Жаков в это время преподавал в ряде вузов, но главным местом его работы был Психо-Неврологический институт — „высшее учебное и ученое учреждение“, расположенное в центре Петербурга на Невском проспекте (дом ? 104). Президент института академик Владимир Михайлович Бехтерев (1857—1927) учредил его в 1908 году „для лиц обоего пола, без различия национальностей и вероисповеданий“, окончивших средние учебные заведения. Институт состоял в ведении министерства народного просвещения. Срок обучения составлял 5 лет, действовало 2 факультета: педагогический и юридический, на которых образование получало 1000 слушателей и слушательниц. Обучение составляло 100 рублей в год.

В Петербурге находился и Питирим Сорокин. Именно через Сорокина, как мы полагаем, могло произойти знакомство Жакова и Сидорова, возможно уже в 1911 году, а может быть и раньше.

Сидоров и Сорокин учились в одной сельской школе — в Палевицах (разница в возрасте составляла три года). Кстати сказать, в Палевицах бывал и Жаков. Когда он с отцом жил в трех километрах в Слуде, то ходил в белую палевицкую церковь „жарко молиться Господу Богу“, а жена старосты Торлопова кормила его пирогами.

Сидоров и Сорокин являлись политическими единомышленниками — они оба состояли в партии правых эсеров. Сидоров впоследствии сделал очень многое для того, чтобы Сорокин попал в Учредительное собрание.

Сорокин оказался в Петербурге благодаря Жакову: приехал к нему в 1907 году, поступил учиться на Черняевские курсы, затем в Психо-Неврологический институт, университет, после окончания которого стал там преподавать.

Политические взгляды Сорокина сложились в 1904-1905 годах. Он, будучи тогда воспитанником Хреновской (в 25 км от Иваново-Вознесенка) церковно-учительской школы (учительской семинарии), превратился в „активного агитатора за свержение царизма и руководителем отделения социалистов-революционеров в школе и округе“. Он считал, что в отличие от социал-демократов, эсеры являлись партией всех трудящихся — крестьян, рабочих, интеллигенции. Став „ревностным социал-революционером“, Сорокин распространял революционные идеи среди студентов, рабочих и крестьян ближайших деревень. Оставив учебу в семинарии, он решил стать ходяком-агитатором, организовывать революционные ячейки и группы. Сидорова Сорокин увлек революционными идеями будучи студентом Психо-Неврологического института, в 1909-1910 годах. Сорокин каждое лето приезжал на родину. Летом 1910 года он с друзьями и родственниками провел в Римье, работал на сенокосе и уборке хлеба, вел исследования форм брака и семейной жизни зырянского народа, объездил ряд сел, в том числе Палевицы, где в это время находился Сидоров — воспитанник Тотемской учительской семинарии. Они вместе побывали в с. Турьяиб (ныне Онежье), занимались политической агитацией.

Особенно насыщенными политическими и другими событиями оказались 1917 и 1918 годы, когда Сорокин и Сидоров были тесно связаны между собой.

В марте 1917 года состоялась Петроградская конференция партии эсеров, после которой (летом) Сорокин выехал в Великий Устюг. Его приветствовали тысячи единомышленников, собравшихся на рыночной площади. Сорокин выступил с яркой речью. На этом собрании присутствовал и Алексей Сидоров, студент Вологодского учительского института. Он побывал также на съезде эсеров в Вологде, где также слушал выступление Сорокина.

Лето 1917 года и Сидоров, и Сорокин провели в Яренске.

30 мая — 3 июня 1917 года по инициативе Сидорова в Яренске проведено заседание эсеровского совета крестьянских депутатов. Сидоров избран товарищем председателя, членом исполнительного комитета Совета.

По воспоминаниям Н.А.Голенева, Сорокин принял участие на съезде учителей Яренского уезда, затем выступил с публичной лекцией в помещении столовой яренской казармы „на тему о политическом положении“.

20 июня 1917 года Сидоров выпустил первый номер эсеровской „Яренской газеты“. Эпиграфом стали слова „В знании и борьбе — право и сила“. Позднее, в двадцатом номере газеты за 1917 год, Сидоров опубликовал статью о кандидате от крестьян Яренского уезда в Учредительное собрание П. А. Сорокине. „Яренская газета“ стала одной из первых зырянских газет края. О необходимости выпуска местной газеты высказывался в свое время и Жаков.

В июле 1917 года на заседании земского собрания Сидоров избран членом земской управы. Ему поручено наблюдение за ведением земского хозяйства в районе верхней части реки Вычегды.

6 августа 1917 года в Яренске открылся съезд уездного совета крестьянских депутатов. Съезд единогласно проголосовал за партию социал-революционеров. Кандидатом в Учредительное собрание также единогласно избран „крестьянин Жешартской волости, приват-доцент Петроградского университета“ П. А. Сорокин.

Весь 1917 год Сидоров проводил активную деятельность по созыву Учредительного собрания, подготовительную работу по проведению списка правых эсеров при выборах в Учредительное собрание, в первую очередь видных лидеров правых эсеров П. А. Сорокина и С. С. Маслова. Он много ездил по региону. В результате этой титанической работы Сорокин набрал на выборах в Вологодской губернии около 90 процентов голосов. Это была победа! Большевики потерпели поражение. Питирим Александрович вспоминал, что событие было отмечено своеобразным банкетом: „каждый съел кусочек хлеба, половинку сосиски, консервированные персики и выпили чай с сахаром“.

В марте 1918 года Алексей Семенович окончил Вологодский учительский институт, стал жить в Яренске. Активно занимался организаторской, научной и педагогической деятельностью. В июне 1918 года он стал первым комиссаром Яренского уездного отдела народного образования, создал общество „Коми котыр“, подготовил его Устав, в августе организовал Усть-Вымский учительский съезд, где выступил „за решительную и быстрейшую зырянизацию школ“. В том же году он участвовал в создании союза учителей-интернационалистов.

В сентябре 1918 года Сидоров возглавил созданную по его инициативе Усть-Вымскую зырянскую учительскую семинарию. О национальном среднем специальном учебном заведении (правда, техническом) мечтал и Жаков.

В Яренске Сидоров много общался с Сорокиным, который провел там практически все лето 1918 года. Так, 13 июня Питирим Александрович прочитал в городе двухчасовую лекцию о текущем моменте.

Однако в 1918 году политическая ситуация в центре России стала меняться в пользу красных, и Сорокин осенью был вынужден скрываться в лесах Вологодской губернии. „Компанию“ ему составил товарищ, хорошо знавший местность, имевший больше знакомых в окрестных селениях. Этим человеком мог быть вполне Сидоров или близкий ему человек.

Осенью 1919 года А.С.Сидоров выехал в командировку в Вологду и Петроград для приобретения учебной литературы. В Петрограде он встречался с Сорокиным и, скорее всего, у него останавливался. Питирим Александрович в это время с женой занимал комнату в 8-комнатной квартире госпожи Дармалатовой, которая с дочерью жила в другой комнате. Вся остальная площадь пустовала — в основном из-за экономии топлива. Петроград бедствовал. Электричество включалось вечерами в лучшем случае на 2-3 часа, по карточкам получали ежедневно от восьмушки до половины фунта очень плохого хлеба после длительного стояния в очереди. Преподаватели университета получали чисто символический обед в своей столовой — это была горячая вода с несколькими кусочками капусты.

Тогда же, в 1919 году, Сидоров привез в Зырянский край работы К. Ф. Жакова, которые распространял среди краеведов, семинаристов и преподавателей. Приобрел он книги и для библиотеки общества „Коми котыр“. Оно устраивало специальные вечера в Яренске — таким образом изыскивались средства для деятельности общества. На деньги, полученные от первого вечера и на пожертвования членов общества по подписному листу, и была закуплена литература Сидоровым.

В 1920 году в Усть-Сысольске прошел губернский съезд по просвещению. В повестке дня стоял вопрос о необходимости развития зырянской культуры, о зырянских просветителях — в том числе о К. Жакове, о необходимости организации высшего учебного заведения.

Сидоров стал инициатором создания и ректором первого вуза края — Зырянского института народного образования, официальное открытие которого состоялось 20 января 1921 года.

4 января 1921 года Жакову в Юрьев (Тарту) была направлена телеграмма с приглашением в Усть-Сысольск на должность профессора. Однако Жаков, несмотря на то, что у него не складывались нормальные взаимоотношения в Эстонском университете, выехать в Советскую Россию не решился.

В сентябре 1921 года Сидоров уехал на годичную стажировку в Петроград, занимался в Университете, Географическом и Археологическом институтах, активно участвовал в общественной жизни города, постоянно был связан с Сорокиным.

Так, 3 февраля 1922 года Сидоров побывал на годовщине основания Петроградского университета, где перед пятитысячной публикой выступил Сорокин. Он говорил об индивидуальной свободе, личной инициативе и ответственности, указал молодежи на новые ориентиры.

22 апреля 1922 года Алексей Семенович присутствовал также на публичной защите докторской диссертации Сорокина („Система социологии“) в большой физической аудитории, „до отказа заполненной преподавателями, студентами, учеными не из университета, журналистами и заинтересованной публикой“, как отмечали затем в журнале „Экономист“. В диспуте принимали участие известные ученые историки И. М. Гревс, Н. И. Кареев, философ И. И. Лапшин, социолог К. М. Тахтарев, экономист С. Н. Тхоржевский и другие.

12 сентября 1922 года Сидоров вернулся в Усть-Сысольск, а 23 сентября того же года Сорокин уехал за границу. С тех пор они больше не виделись.

Все трое ученых интересовались творчеством И. А. Куратова.

Но только Сидорову удалось систематизировать весь архив ученого и поэта, подготовить его к полному изданию, снабдить соответствующими комментариями и большой биографической статьёй.

Первая публикация Сидорова о Куратове появилась в 1923 году. Она называлась „Неизвестный коми поэт И. А. Куратов“. На протяжении всей своей жизни Алексей Семенович постоянно возвращался к куратовской теме.

В 1926 году К. Ф. Жаков умер. В Усть-Сысольске состоялся вечер его памяти. Общество изучения Коми края и Областное бюро краеведения, членами которых был А. С. Сидоров, 11 марта приняли постановления: издать рукописные труды К. Жакова, посвятить ему „Коми му“ №1 за 1927 год, обратиться к населению области с присылкой биографического материала о Жакове в форме воспоминаний, писем, фотографий и т. д.; разработать Обществу проект увековечения памяти Жакова; выразить родственникам соболезнование письменно.

Спустя год в Усть-Сысольске вновь вспоминали своего знаменитого земляка, отмечали годовщину смерти Каллистрата Фалалеевича.

Но вскоре ситуация изменилась. Жаков и многие другие были признаны в 1930-е годы „буржуазными учеными“, т. к. в их работах, особенно Жакова, „специалисты“ НКВД выявили такие черты, как „патриархальщина, свойственная старым буржуазным националистическим исследователям“. Они отмечали, что „насаждались старые формы быта и языка, независимо от того, насколько они пригодны и соответствуют потребностям социалистического строительства“.

Осенью 1937 года Сидорова репрессировали. Незадолго до этого в газете появилась статья Виктора Савина, в которой Жаков назван „буржуазным мракобесом“. С этим ярлыком Алексей Семенович явно не согласился.

Будучи в тюрьме, Сидоров даже на допросах не скрывал свою искреннюю любовь к Каллистрату Фалалеевичу, его творчеству.

Трое зырянских ученых-энциклопедистов, просветителей. Три человеческие судьбы, полные творческих взлетов. Их жизнь была насыщена поисками и новыми научными открытиями в различных областях знаний. Каждый, являясь яркой личностью, дополнял друг друга, развивал заложенные идеи и в то же время шел собственной дорогой. Дорога эта была терниста и трудна, но вела она к истине.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. СПб., 1914. 80 с.
2. Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. 304 с.
3. Туркин А. И. Каллистрат Фалалеевич Жаков // Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990. С. 5-45.
4. Рощевская Л. П. Коми ученый К. Ф. Жаков. Сыктывкар, 2003. 132 с.
5. Бурлыкина М. И. Становление высшей школы в Зырянском крае // Краеведение в Республике Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2004. С. 151-157.

*Л. П. Рощевская, Т. М. Хорунжая,
Сыктывкарский государственный университет
Е. Н. Коновалова
Научно-исследовательский институт науки
и техники Зауралья при Политическом
государственном нефтегазовом университете*

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ XX ВЕКА

В XX веке произошли существенные изменения в социально-экономическом и культурном развитии всех регионов страны. Началось втягивание Европейского Севера в решение общегосударственных задач. В то же время каждый регион имеет свою специфику, собственную большую историю, о чем свидетельствуют научные труды историков и краеведов. В свою очередь, каждый район внутри большого региона обладает собственными особенностями развития.

Одной из трудностей краеведческой работы является сильная зависимость краеведов от опубликованного материала. Происходит усвоение научных исследований учителями, учащимися и всеми, кто интересуется историей своей малой родины, а затем — репродуцирование усвоенного знания на новом, популяризаторском уровне.

История каждого района, богато обеспеченная источниками, содержит множество неразработанных проблем. И в этом контексте интерес к поиску, обнаружению, анализу и использованию новых источников может создать новое, содержательное и актуальное конкретное исследование. Поэтому авторы ставят перед собой задачу высказать несколько дискуссионных идей и предложить несколько научных проблем по истории районов, чтобы в конечном итоге восстановить историю каждого района в XX веке в наиболее многостороннем виде.

При подготовке доклада в качестве одного из источников была привлечена серия юбилейных публикаций издания правительства Республики Коми и Государственного совета Республики Коми газеты «Республика»¹.

Сведения по отдельным районам Республики Коми содержатся в мемуарной литературе². Однако, они преимущественно имеют отношение к автору воспоминаний и приводятся в контексте его деятельности. В конце XX-начале XXI вв. опубликовано большое количество научных исследований, содержащих немало конкретных материалов о событиях, происходивших в отдельных районах, но не показывающих полной картины развития каждого района³. Имеется и содержательная специальная литература по истории некоторых городов и районов⁴.

Проблемы административно-территориального устройства и образования новых городов и районов на территории Республики Коми приобретают экономическое значение. Немаловажной деталью краеведческих исследований является точная реконструкция образования и изменений административно-территориального устройства районов. Наиболее интересными являются при этом картографические источники, возникавшие на разных этапах истории.

В условиях XX века кардинальные изменения были связаны с вовлечением отдаленных территорий в общехозяйственное строительство. Большую роль играло производство как градообразующая структура, в 1930-1950-х гг., основанное на использовании труда заключенных. Сбор, обработка и сохранение устной истории о лагерях формируют новый вид источников для реконструкции истории районов республики и определения специфики каждого района.

В XX веке было создано семь городов республиканского и два города районного подчинения. В появлении некоторых огромную роль играло лагерное производство. Произошли изменения в структуре районов в связи с перенесением их историко-культурных и экономических центров в иные поселения (Вильгорт, Айкино). В условиях начавшейся экономической специализации развития республики в XX веке произошло выделение отдельных центров. Города выделялись как промышленно-транспортные образования. Районы также специализировались как промышленные и сельскохозяйственные.

В 1929 г. для заготовки экспортной древесины был создан Северный край, куда вошла и Коми автономная область. Строительство первой железной дороги Сыктывкар-Пинюг выводило южные районы на Архангельск через Вятку-Котлас. Одновременно на территории республики происходил переход от лесозаготовок к использованию полезных ископаемых.

Проблема развития транспорта и связи районов заключалась не только в строительстве железных и шоссейных дорог и развития авиации. Некоторые районы становились своеобразными центрами, связующими разные регионы. Северо-Печорская железная дорога вывела экономику республики в центральные районы страны. Но другие районы, (Усть-Цилемский, Троицко-Печорский, Ижемский) только с появлением дорог вовлекались в общегосударственное экономическое развитие.

В конце XX века в Республике появились новые крупные акционерные общества, которые включили предприятия в новые финансовые и производственные отношения. Лесозаготовительные предприятия Усть-Куломского района вошли в открытое акционерное общество „Нойзидлер Сыктывкар“.

В районах возникают ЗАО, ООО, СПК. Их историю, даже отраженную в местной прессе, необходимо фиксировать и описывать. Иначе при их краткосрочности будет забыта история конкретных предприятий и отдельных людей — их сотрудников. Достоверным источником тут являются объявления в газетах об открытых конкурсах на проведение аудиторских проверок, обеспечение госзаказа и закупок, аукционов о продаже арестованного имущества, о продаже права на заключение договоров аренды и других.

Основные транспортные артерии, газо- и нефтепроводы, появившиеся во второй половине XX века, проходили мимо некоторых районов, что позволяет двояко оценить эти новации. С одной стороны, задерживалось экономическое развитие, с другой — именно это обстоятельство содействовало сохранению культурных традиций населения, что требует тщательного исследования.

Существенной частью исследований является характеристика экономики районов, которую, видимо, следует представить в едином комплексе и процессе. Для этого необходимо серьезное

исследование истории как отдельных предприятий, в том числе промышленных и сельскохозяйственных, так и всей их совокупности. Целесообразно использовать статистические материалы о выполнении районом плановых заданий экономического развития, которые, как правило, публикуются в газетах, в том числе районных.

Сельскохозяйственная специализация районов выделила такую особенность как развитие оленеводства в Ижемском районе и специальные семеноводческие хозяйства на Удоре. Опыт некоторых оленеводческих бригад отражен в учебниках по оленеводству. Полеводство развивалось в основном в южных и центральных районах республики. Интересны данные о неперспективных деревнях и сокращении числа населенных пунктов в районе, об объединении деревень, о динамике смертности, росте числа безработных, колебаниях заработной платы у разных групп населения, изменении состояния жилого фонда.

Настала пора заняться изучением реалий постсоветской истории. В связи с этим необходимо изучать создание и деятельность фермерских хозяйств как первых образцов индивидуального сельскохозяйственного производства на территории республики. В Удорском районе раньше других появились первые в республике фермерские хозяйства и начался процесс возвратного преобразования совхозов в колхозы. Возникает вопрос, почему происходили данные процессы именно в этом районе. Хотя крупной промышленности в районе нет, здесь происходило включение продукции промыслов (рыболовство, пушнина, замшевый промысел) в активное потребление. Районы втягивались в новые экономические отношения.

Изучение истории сел и деревень района является очень важной и актуальной проблемой. Генеральная задача — составление родословия своей земли. Работа краеведов-энтузиастов и школьников под руководством учителей истории, литературы и географии помогает воссоздать такие аспекты как экономическое развитие села на разных этапах, особенности развития традиционной культуры, управление и деятельность советов на уровне населенного пункта. Редко привлекается топографический материал по истории сел и деревень, сохранившиеся в домах старые планы застройки и зарисовки, фотографии, а также другие документы.

Материалы о динамике национальной, половозрастной и демографической характеристик населения должно изучать в многонациональной республике. Они хранятся как в республиканских учреждениях (статистическое управление и архивы), так и в текущих архивах районных органов власти.

Интересной и нужной темой является исследование деятельности и задачах местных органов власти. Существенным источником являются официальные страницы местной прессы.

Развитие, особенности культуры районов, как продолжение традиционного наследия, их настоящее и будущее представляется особенно важным равно как и сохранение письменной культуры народа. Изучение данного явления требует особой осторожности. Поисковые экспедиции, организованные как учреждениями, так и частными лицами, ставят проблему сохранности и научного изучения старописьменных рукописных книг. Традиционная культура

слабее, когда она не подпитывается оригиналами, хранящимися в семье на протяжении многих лет, так как теряется ощущение причастности к носителям данной культуры.

Исследование обычаев региона, как проявление традиционной культуры, также требует внимания. Описание и фотографирование некрополей позволяет сохранить их для изучения и понимания традиций жизненного уклада. Религиозные традиции региона, в том числе старообрядческие, позволяют уяснить связь с исторической прародиной и установить отражение тенденций развития страны в целом, когда новая религия вытесняла старинные религиозные понятия, а также неразрывные нити с событиями российской истории (староверческая литература, певческие книги). В связи с этим необходимо изучать историю создания и деятельности православных храмов и приходо́в на территории района.

Как объект изучения, в этом ключе очень интересна история Усть-Цилемского района, отражающая национальную особенность населения. Здесь вера вошла в социум, определила весь уклад жизни усть-цилема, помогала жить и развиваться. К таким же районам следует отнести изолированные ранее Удорский, Ижемский, Троицко-Печорский.

Школа как источник образования способствовала развитию не только культурной, но и экономической жизни районов. В связи с этим нельзя писать историю района, не изучив историю всех учебных заведений. Надо собирать биографии учителей, имена выпускников, прославивших район и честно работающих на его благо, а также уехавших за пределы малой своей родины. Названные сведения имеются в текущих архивах школ и других учреждений.

Актуально на современном этапе развития науки и изучение культурных реалий, возникших в XX веке: газеты, печать, радиодификация, кинофикация, телевидение, фотодело: исследование причин, условий, которые содействовали или препятствовали развитию названных культурных реалий, конкретных форм культурной жизни на базе традиционного развития.

Перед краеведами стоит задача собрать образцы местной печатной продукции. Это может стать составной частью указателя всех печатных изданий республики. В крае сложилось несколько центров, где издавали газеты. Более подробное изучение газетной традиции позволяет выяснить причины усиления одних и ослабления других таких культурных центров. Специальное исследование периодики требует составления библиографических указателей типа „История района на страницах районной газеты“, то есть росписи содержания газеты за много лет. Мало известно о деятельности и судьбах редакторов и авторов местной газеты, истории своей газеты. В связи с этим перед краеведами имеется большой простор для поиска.

Целая эпоха культуры советского периода связана со становлением и развитием радиодификации, кинофикации и телевидения. Особая страница — радиолюбители района и деятельность Общества друзей радио, когда было всеобщее увлечение развитием связи. Историю фотодела в районах, первых фотоателье, деятельность фотографов-любителей можно осветить только при помощи привлечения домашних коллекций фотографий. При этом надо собирать не только фотопортреты, но и фотографии зданий и техники (мельниц, приборов, станков, бытовой техники).

Становление государственной медицины, санитарии и здравоохранения, которые определили переход от традиционного врачевания к научному лечению, также является важным аспектом развития культуры и продвижения в глубинку новых методов диагностики и лечения заболеваний. Биографии медицинских работников, их участие в сохранении жизни и здоровья тружеников района, строительство фельдшерско-акушерских пунктов и больниц способствуют конкретизации истории медицинского обслуживания населения района. Такой материал позволяет выявить тенденции и специфику развития научной медицины.

Конкретная задача краеведов, на наш взгляд, в начале нового века заключается в том, что необходимо собирать письма, фотографии, вещи, любые свидетельства о ратных подвигах уроженцев района на фронтах Великой Отечественной войны и в локальных вооруженных конфликтах XX века, а также тружеников тыла во имя Победы. Интерес представляет история ветеранских организаций на разных этапах, их состав, руководящие органы, виды деятельности и отражение ее в местной печати, чтобы определить вклад населения района в важнейших событиях страны.

Необходимо фиксировать изменения современной жизни, различные мнения и высказывания населения. В этом отношении дневниковые записи современников приобретают особое значение. Появились новые виды источников, такие как талоны на промышленные и продуктовые товары первой необходимости, письменные свидетельства использования электронной почты, домашние видео- и киноматериалы, которые фиксируют частную повседневную жизнь человека и т. д.

История районов в целом соответствует общегражданской периодизации. Поэтому при освещении истории экономического и социально-культурного строительства и отдельных предприятий следует стремиться вписывать и связывать их с событиями в стране. В данной проблеме очень важен поиск и анализ существующих хроник, а также составление летописей района. Хроники могут относиться как к далекому прошлому, так и к современности. Следует только сопоставлять их с общероссийскими событиями, составлять синхронистические таблицы.

Имеется еще множество проблем, которые могут исследовать и освещать краеведы на местном материале. Какую бы сторону истории района ни начать исследовать, следует иметь в виду, что обезличенный период истории канул в Лету. Через реконструкцию биографических данных можно показать формирование и развитие интеллигенции, рабочих, колхозников, выделить проблему складывания категории советских служащих и их места в социальной структуре. Однако в призыве к персонификации краеведческих исследований имеется одно ограничение. В исследовании современной истории не очень уместно приводить конкретные фамилии и давать личностные характеристики ныне живущих людей. Обобщенный подход позволит выделить такие аспекты истории районов, которые играют основополагающую роль в их развитии.

Мы призываем следовать принципу историзма, который предполагает рассмотрение исторических реалий в контексте задач конкретного исторического периода и с точки зрения сегодняшних результатов. Для воспитания молодого поколения полезно отражать в краеведческих изысканиях повседневную жизнь на разных этапах, интересы семьи, сообщества и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кузьмина М. Храни, Усть-Цильма. Старину! // Республика. 2004. 14 июля; ее же. Не старей душою, Ижма! // Там же. 7 июля; ее же. И Храмы, и души требуют возрождения // Там же. 11 августа; Щербинина М. Две недели по Печоре // Там же. 30 июля; Лебедева Н. Фотолетопись республики // Там же. 18 августа; Севрук С. Вторая молодость древней земли // Там же. 16 июня; его же. Усинский интернационал // Там же. 28 мая; его же. Каждый усинец кормит 50 россиян // Там же. 25 мая; его же. В Керках ждут строителей // Там же. 3 июня; Федоров В. На Удоре народ пыливый, работающий и... спортивный // Там же. 25 июня; Праздник на Печоре // Там же. 13 июля; Юдин А. Район вытянут инициатива и предприимчивость. Усть-Куломскому району 75 лет // Там же. 16 июля; Расторгуев А. Зеркало республики. В преимуществах и проблемах столицы отражается вся наша жизнь, считает мэр Сыктывкара Сергей Катунин // Там же. 21 мая.
2. Игнатов М. Н. Взгляд сквозь годы. Сыктывкар, 1998; Кочурин Н. Н. Усинск: нефть и люди (Из дневника участника событий). М., 2002; Его же. Жизнь, отданная Северу. М., 2004; Панев З. В. Вехи в пути. Сыктывкар, 2000; Соротники. Памяти Ивана Павловича Морозова. Сыктывкар, 2004; Иван Павлович Морозов. Сыктывкар, 2002; Тараканов Ф. Г. Борьба за округ. Кудымкар, 1990 и другие.
3. История Коми с древнейших времени до конца XX века. Т.1,2. Сыктывкар, 2004; Жеребцов И. Л., Савельева Э. А., Сметанин А. Ф. История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар, 1996 и другие.
4. История Сыктывкара, Сыктывкар, 1980; Чупров В. И., Сметанин А. Ф. Попов А. А. Усть-Цильма — край Печорский. Сыктывкар, 1991; Козулин А. На ветрах истории. Город Ухта. Хроника. Ухта, 2004; Малофеевская Л. Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004; Машкова Н. П., Машков А. О. Моя Родина - Усинск. Книга для чтения для учащихся средних и старших классов школ муниципального образования „Город Усинск“. Усинск, 2004 и другие.

А. Ю. Котылев
Коми государственный пединститут

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА
РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА РОССИИ
В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XXI ВВ**

Современное социокультурное развитие нашей страны все более настоятельно требует от науки не только кропотливого сбора фактов и изучения конкретных вопросов, но и формирования целостного взгляда на этот процесс, как с точки зрения сегодняшнего дня, так и в исторической перспективе. Особую актуальность обретает исследование специфики развития регионов России, границы которых вновь пришли в движение. По этому вопросу должна свое слово сказать наука, хотя бы для того, чтобы указать путь поиска на него обоснованного ответа, опирающегося на иные критерии, чем произвол ретивых чиновников или сиюминутные интересы олигархов.

В данной работе выделены несколько проблем (вернее их групп), которые представляются автору наиболее общими и существенными для достижения поставленной цели. Это проблемы: наличия социокультурной целостности Северо-Запада, специфики развития его социокультурной системы в современную эпоху, особенностей протекания основных социокультурных процессов на его территории, специфики развития и взаимодействия этнокультур, наличия северной идеи в общественном сознании страны, особенностей формирования этнорегионального самосознания людей, проживающих на его территории.

1. *Проблема оформления региона как пространственно-временной социокультурной целостности.* Структура любого природного пространства задается соотношением основных относительно статичных элементов ландшафта, структура культурного пространства задается соотношением вписанных в данный ландшафт доминант: центров, границ и путей. Природное пространство Северо-Западного региона структурировано в первую очередь морем на севере и реками, протекающими с юга на север, а также лесными массивами, отделяющими речные системы друг от друга. К началу XX века Северо-Запад России в основном сохраняет те специфические черты, которые определились в предшествующие столетия вследствие как природных особенностей, так и исторических обстоятельств движения российской цивилизации с запада на восток, и с юга на север. Русский выход к северному морю, обусловленный ментальными пространственными предпочтениями¹, делает русскую культурную зону центральной по отношению к районам проживания финских народов, которые образуют два крыла пространственной структуры региона: западное (карельское) и восточное (коми). Центральное положение русской культурной зоны придает всему пространству региона целостность и устойчивость, цивилизационная ось русских городов по Северной Двине одновременно „притягивает“ окраины и является путем связующий регион с внешним миром: центром России и заморскими странами.

Традиционные методы освоения природного пространства предполагали вживание в него, выбор из наличествующих вари-

антов ландшафта того, который наиболее подходил господствующему в данной картине мира представлению о правильном пространстве и постепенное приспособление избранного локуса к потребностям культурной общности, через утверждение в нем сакральных центров, этнических, конфессиональных и общинных границ, межэтнических, межкультурных и межмировых путей². Модернистская концепция освоения пространства требовала покорения его человеку, исходила из необходимости победы над природой и превращения ее в аморфную „материю“, которой можно придать любую форму, в зависимости от сиюминутных желаний человека. Соответственно, возникали различные образы пространства, которые накладывались друг на друга, порождая пространственную реальность современного мира.

Продвижение представителей российской цивилизации в IX-XVII вв. с запада на восток в действительности происходило как движение с юга на север: по долинам рек, которые и сегодня в глухих районах остаются наиболее простым и дешевым транспортным путем. Населенные пункты чаще всего возникали в узловых точках этих водных дорог: при впадении их друг в друга или в море. Размеры территории и малая плотность населения позволяли без особого труда найти подходящее место не только для деревни (околотка, починка), но и для города. Местное население в местах поселения русских подвергалось достаточно быстрой ассимиляции, которую в принципе можно рассматривать как первую волну модернизации пространства (если последнюю понимать широко: как распространение любой цивилизации). Православная религия преобразовывала природные и языческие пространства, придавая им новый сакральный статус, надстраивая новые священные места над значимыми инобытийными локусами. Модернизации нового времени связаны, не в последнюю очередь, с попытками переориентации естественных путей, а через них — всей пространственной системы. Уже при Петре I строится так называемая „осударева дорога“, представляющая, по сути, первый опыт насилия над природным пространством, первый случай его произвольного модернистского упорядочивания. Характерно, что все последующие наиболее монументальные проекты прокладки современных трасс будут либо направлены поперек естественных речных путей, либо поворачивать их в обратную сторону, либо проходить через необжитые районы края. Сопrotивление естественного пространства вторжению завоевателей воспринимается модернистами как доказательство его враждебности человеку и необходимости ведения с ним войны на уничтожение. Соответственно, новые центры модернистского пространства располагаются зачастую в местах неосвоенных до этого, „пустых“, „девственных“, оторванных от собственно культурного мира, не приспособленных для проживания в них человека. Эти центры постоянно актуализируют тему борьбы человека с природой и неперемнной его победы над ней. Однако, в силу своей максимальной искусственности, они оказываются очень уязвимыми при малейшем ослаблении интереса к ним со стороны „большого мира“, нуждаются в активном постоянном культивировании и подпитке свежими силами. Это своего рода индикаторы кризисных состояний всего культурного пространства, раньше и болезненнее всего реагирующие на происходящие в нем изменения.

Наиболее сложной задачей для создателей нового модернистского пространства стало утверждение новых административных границ, которые в их картине мира служили едва ли не главными символами окультуренности и упорядоченности. В традиционной культуре границы определялись как предел жизнедеятельности малых социальных групп, были прочно увязаны с естественными ограничениями пространства и имели условный характер. Административные границы с одной стороны претендовали на абсолютность, но с другой — часто были совершенно произвольны. Особенно ярко это проявилось в период становления советской власти, которая овладевала территориями страны посредством произвольного районирования³. Впрочем, даже произвольное сведение и разведение различных территорий региона скорее способствовало определению границ, отделяющим его от других регионов России, чем мешало этому процессу. Именно в советское время регион начинает вырисовываться как административная целостность: Союз северных коммун, Северный край. Образование в постсоветском пространстве страны Северо-Западного округа подвело итог административным разграничениям прошлого века и обещает стать новым этапом в утверждении культурно-пространственного единства этой территории.

2. *Проблема периодизации процесса культурного развития.* Движение российской цивилизации на северо-восток можно разделить на несколько значимых периодов, которые не связаны жестко с освоением конкретных территорий, но демонстрируют смену характера этого освоения. Каждому новому этапу соответствует и новый центр, закрепляющий те трансформации, которые происходили в российской цивилизации как пространственные изменения. Соответственно, можно говорить о новгородском, архангельском, петербургском этапах складывания российского культурного пространства на Северо-Западе. Каждый из них сохраняет память о предшествующих, зафиксированную в пространственных элементах⁴. Новый центр становится носителем культурных констант, варьируя их в соответствии со спецификой новой культурной эпохи.

Социокультурная система северо-западного региона к началу XX века была уже полностью включена в тот глобальный ритм, которому подчинялись и российская, и европейская цивилизации. Этот ритм определяется неравномерностью движения социокультурного процесса, его инверсионностью. Ритм задается постоянным чередованием двух основных видов культурных периодов: относительно стабильных (или в другой терминологии — „структурных“) и переходных⁵. Развитие культуры Северо-Запада России в XX веке вполне вписывается в предложенную модель, как это было показано в опубликованной ранее статье⁶. Культура начала прошлого века не только активно развивается в центре (на Северо-Западе конечно в Петербурге), но и проникает в самые глухие уголки российской провинции, создавая благоприятные условия как для образования на местах новой культурной среды, так и для выхода в „большой мир“ европейского культурного сообщества провинциальных самородков: художников, ученых, политиков.

Первая мировая война и революция актуализируют политическую доминанту социокультурной системы. Переходный период

продолжается, сохраняется в общих чертах, его цель (преобразование общества), но средства, форма, содержание и главные действующие лица процесса развития становятся иными. Политизация жизни страны, совмещенная с резким ослаблением центральной власти приводит к обособлениям регионов, вплоть до попыток обретения независимости. На Северо-Западе сепаратистские движения были слабы. Однако по окончании войны новое деление региона, проведенное отчасти по этническому принципу и обретение некоторыми народами политической автономии, стимулировало развитие национально окрашенных систем образования и художественной культуры. Впрочем, этот, относительно позитивный процесс продолжался недолго.

Советская социокультурная система, окончательно оформившаяся в конце 20-х-начале 50-х годов прошлого века (это одновременно период ее высшего развития), была вариантом классической системы. Соответственно ее утверждение было связано с образованием новой моноцентричной иерархической структуры, претендовавшей на подчинение себе всех общественных и культурных образований в стране. Коллективизация привела к разрушению тонко сбалансированного крестьянского уклада жизни, организации подневольного колхозного труда и притоку на Север десятков тысяч спецпоселенцев, а индустриализация — к образованию ГУЛАГа, разветвленная сеть которого покрыла большую часть территории региона, практически подавляя и подчиняя себе местные власти. Именно в этот период были разрушены основы традиционной культуры и утверждены основы культуры профессиональной: образовательной, научной, художественной, общие и стандартные для всей страны.

Очередной переходный период начинается в конце 50-х годов. Главное событие данного периода на Северо-Западе — это начало разрушения системы ГУЛАГа. Развитие культуры в этот переходный период происходит противоречиво. С одной стороны, в регионах происходит частичное возрождение культурной атмосферы 20-х годов: вновь формируется культурная элита, которая занимается поиском этнокультурной самобытности, восстанавливает нарушенные связи между поколениями. С другой стороны, культурная политика проводится под знаками прогрессизма и дальнейшей унификации, она затрагивает в первую очередь уровень массовой культуры. Модернистский пафос был присущ дискурсу не только власти, но и части молодой интеллигенции, увлекавшейся концепциями, произведениями и образом жизни западного космополитического мира.

Следующий относительно стабильный период (70-е-нач. 80-х годов) характеризуется невозможностью реализации сколь-нибудь значимых инноваций в рамках советской социокультурной системы. Север России все так же остается местом ссылки инакомыслящих, однако, их количество в этот период заметно уменьшается. За этим пространством по-прежнему закреплено значение кладовой природных богатств. Апофеозом идеи глобального преобразования человеком природы становится план поворота северных рек. В регионе продолжают поступательно развиваться профессиональная наука и художественная культура, заметно возросшие качественно, количественно и организационно. Однако их развитие происходит под жестким

идеологическим контролем. В финно-угорских регионах в 70-е годы намечается кризис национального самосознания, прежде всего у реэко возросшего количественно городского населения.

Развитие российской культуры завершается очередным переходным периодом, который продолжается и в настоящий момент. По своему характеру этот период является революционным (масштабы преобразований могут быть вполне сопоставлены с аналогичными явлениями послереволюционного времени), соответственно, по форме и содержанию он является периодом политическим. Перестройка приводит к активизации общественной жизни в регионах. С распадом Советского Союза и ослаблением централизованной власти возрождается сепаратизм. Развиваются национальные движения, заявляющие о своих не только культурных, но и политических целях. Однако в Северо-Западном регионе, как и в 20-е годы, эти процессы имеют умеренный характер. Радикальные национальные группы, провозгласившие необходимость отделения от России, никогда не насчитывали в своем составе больше нескольких десятков членов. Даже более массовые движения опирались преимущественно на интеллигенцию и не получили широкой поддержки населения. В то же время происходит активное развитие этнорегионального самосознания, у значительной части населения повышается интерес к истории и культуре своего края.

Очевидно, что активизация развития Севера приходится на относительно стабильные периоды, а в переходные периоды его процесс замедляется.

3. *Проблема специфики протекания современных социокультурных процессов (модернизация, урбанизация, стандартизация, глобализация).* Распространение модернистского варианта европейской цивилизации по территории региона началось в то же время, что и в других областях страны. По сути, это было продолжением наступления на традиционную культуру в разных ее вариантах. Этот процесс фактически начинается с петровской модернизацией, направленной, как известно, на Северо-Запад России, но затронувшей в основном его западную часть. Процесс модернизации принимает всеобщий характер только в XX веке. Основным ее идеологом была местная интеллигенция, ориентированная на европейскую культуру и цивилизованный образ жизни. Она постоянно обвиняла крестьян в темноте и невежестве, в нежелании и неумении перестроить свою жизнь на рациональных началах. По мнению В. И. Коротаева интеллигенция (и примыкавшее к ней чиновничество) придерживалась концепции „догоняющей модернизации“, согласно которой Россия должна была как можно быстрее проделать тот же путь, что и Европа, региональные, конфессиональные и национальные особенности при этом часто игнорировались⁷. Специфическую позицию по проблеме развития Севера занимал ряд представителей столичной интеллигенции, которые утверждали самостоятельную ценность крестьянского образа жизни и народной культуры. Традиционная культура Севера стала одной из основ для формирования новых философских и художественных концепций. Она привлекла не только деятелей эпохи модерна, но и многих авангардистов. Например, известно, что значительное влияние на формирование образного строя творчества основателя абстракционизма В.

Кандинского оказала именно поездка на Север⁸. Особенно интересным представляется взгляд мыслителей, для которых этот регион был родиной. Для таких крупных ученых как К. Ф. Жаков и П. А. Сорокин северная народная культура была родной, восприняв европейскую культуру, они смогли подняться над ограниченностью их обеих, выработав свои оригинальные взгляды на мир. В тех или иных формах против безоглядной модернизации выступали Н. Клюев, Б. Шергин и некоторые другие знаменитые уроженцы Севера. Центральная и местная власть занимала позицию сходную с позицией местной интеллигенции. В годы столыпинских реформ модернизация Севера ускоряется, как в плане освоения его природных богатств, так и в плане просвещения здешнего населения, приобщения его к европейскому образу жизни и типу хозяйствования, для чего создаются новые образовательные, медицинские и сельскохозяйственные учреждения. Однако в целом их количество остается все еще незначительным, несмотря на относительно быстрые темпы роста. Проводится и переселенческая кампания, которая приводит только к отдельным успехам, но в целом оказывается малоэффективной.

Следующую попытку модернизации региона предприняли революционные власти. В большинстве своем большевики и примкнувшие к ним после революции представители различных политических и социальных групп, были радикальными сторонниками прогресса и противниками традиционной культуры. Само понятие „культура“ ассоциировалось у них со старым миром, статичным и дряхлым, его обычно заменяли динамичными словосочетаниями: „культурное строительство“, „культурная революция“. 20-е годы прошлого века вполне могут быть названы эпохой культурничества. Этим понятием обозначались методы и формы преобразовательной политики, ориентированной преимущественно на переделку (просвещение, образование, воспитание, агитирование) самого человека. Будучи наследницей дореволюционной концепции догоняющей модернизации, советская идеология привносила в нее новые противоречия. Так, с прагматических позиций, советская власть поддерживала в годы нэпа предприимчивость мелких промышленников и крестьян. Однако идеологически любое частное предпринимательство оценивалось негативно. Подобным образом обстояло дело и с кооперацией, которая в дореволюционных временах справедливо считалась одним из путей модернизации деревни. На первый взгляд кооперация соответствовала и идеологическим и прагматическим требованиям советской власти: с одной стороны она считалась путем построения социализма, с другой — повышала эффективность сельского хозяйства. Однако экономические эффективными оказывались, как правило, кооперативы и коммуны, созданные либо зажиточными крестьянами, либо людьми объединенными идейно: монахами, сектантами, толстовцами. Ни те, ни другие хозяйства советская власть поддерживать не хотела, более того — она с ними боролась, что негативно сказывалось на кооперативном движении в целом⁹. Наиболее действенными с точки зрения совмещения идеологических и прагматических требований оказывались методы насильственного проведения модернизации, периоды массового использования которых обрамляют „эпоху культурничества“.

Главным организованным противником советской власти в 20-е годы представлялась Русская православная церковь (РПЦ). В своем критическом отношении к церкви революционеры были опять-таки наследниками мыслителей начала века, но и здесь они проявили себя как сторонники предельно радикального действия. В Северо-Западном регионе основные этапы борьбы с церковью были те же, что и по всей стране¹⁰, хотя иногда местные власти действовали с опережением, стремясь показать свое рвение. Например, решение о закрытии церковью Троицкого Стефано-Ульяновского монастыря в Коми автономной области было принято перед самым обновленческим собором в Москве, на котором было решено закрыть монастыри только в городах¹¹. В 30-е годы официальные структуры РПЦ во многих районах региона были ликвидированы полностью. Более того, Север становится местом ссылки и заключения для священнослужителей со всего СССР. Массовое закрытие церквей не соотносилось с уменьшением числа верующих людей, которое шло гораздо более медленными темпами. Поэтому, после смягчения политики власти, по региону прокатывается волна активизации верующих, пытающихся вновь открыть приходские церкви. В большей степени это удавалось в тех областях, где сохранилось больше действующих церквей. В Новгородской области, где на 1944 год было 23 церкви, к 1947 их количество возрастает до 42, в Вологодской области из 373 заявлений на открытие 119 церквей было удовлетворено только 12. Крайне неохотно власти уступали давлению верующих в автономных республиках, так в Коми АССР были открыты только 4 церкви и молитвенных дома¹². С 1948 года давление на церковь вновь усиливается, возобновляется политика закрытия храмов, количество которых к концу 60-х гг. в некоторых областях уменьшается вдвое. Несмотря на достаточно последовательную антирелигиозную политику государства к 1970-80-м годам около 15 % населения северных областей и республик открыто называли себя верующими во время социологических опросов¹³. Процесс возрождения религиозной сферы культуры в 1990-е годы связан не только с количественным ростом группы верующих, монастырей и храмов, но и с трансформацией всей церковной жизни. Характерно, что поиск демократических форм религии некоторые священнослужители и ученые связывают именно с церковными традициями Севера¹⁴.

Духовный вакуум, возникавший в ходе антирелигиозной борьбы, советская власть намеревалась заполнить марксистской идеологией, которая, впрочем, воспринималась с трудом даже ее собственными представителями. Распространение этой идеологии среди более широких слоев населения получило название „массовой работы“. В 1920-50-е годы эта работа носила зачастую открыто квазирелигиозный характер, проявлявшийся вначале в играх переворачивания и перелицевания культурных образований, а затем в квазиритуалах почитания партии, вождя, государства, в догматизации самой идеологии. Реально массовая работа организовывалась в виде различных кампаний, проводимых по указанию из центра. Некоторые из них продолжались считанные недели, другие затягивались на годы, имея фазы подъема и упадка. Вот, например как отчитывался один из северных губкомов за кампании 1924 года: „Проведено кампаний 14: о германских событиях, о добровольной явке в

Красную Армию, дискуссия, комсомольское рождество и комсомольская пасха, ленинский призыв в Коммунистическую партию, популяризация решений губернской и XIII Всесоюзной партконференций, съездов Советов, подготовка и проведение революционных годовщин¹⁵. Кампании проводились синхронно по всей стране и региональных особенностей не имели. Стандартизированы были и органы массовой информации. Следует отметить, что в переходные периоды официозность газет несколько снижается, они стараются привлечь читателя, подать информацию в более увлекательной форме¹⁶, в стабильные периоды, когда авторы и редакторы боятся хоть на шаг отступить от генеральной линии, органы массовой информации превращаются в неотличимых друг от друга близнецов, формализованное содержание которых тиражировалось под разными названиями во всех регионах СССР. Избыточное количество официальных изданий, возникшее в 1930-е годы (центральные, областные, районные, заводские, политотделские, энтэсовские газеты с все возрастающими тиражами)¹⁷, лишь подчеркивает их безликость и повторяемость. С 30-х годов вовлечение в модернизированный по-советски производственный процесс большинства населения страны позволило власти организовать массовую агитационно-пропагандистскую работу по предприятиям, где было легче контролировать участие каждого человека в проводимых мероприятиях. Демократической аналогией советских кампаний стали в последние годы выборы. Новый вариант стандартизированной продукции создают и большинство СМИ. В то же время, стремление выделиться, обрести свой имидж, обойти соперников, иногда толкает их к созданию оригинальных произведений, связанных с местной спецификой культуры.

Важным фактором модернизации региона осталась в XX веке его урбанизация. Город всегда был основным носителем и распространителем новоевропейской культуры и цивилизации. В Северо-Западном регионе было только два города, которые могли претендовать на общерегиональное значение: Ленинград и Архангельск. Правда, первый из них сохраняет это значение на протяжении всего описываемого периода, а второй только до конца 50-х годов, после чего он превращается просто в один из старорусских областных центров, таких как Новгород, Псков, Вологда. Если их культурное влияние и распространялось за пределы собственных областей, то благодаря богатой историко-культурной традиции, которую эти города представляли в культурном пространстве СССР. Третий вид — это относительно молодые центры национальных республик: Петрозаводск, Сыктывкар. Они начинают достаточно активно развиваться в 20-е годы, но это развитие было приостановлено с образованием ГУЛАГа, вследствие которого столицы автономных республик стали скорее периферийными центрами. Столицу Коми АССР даже планировали перенести в Ухту, и только война помешала этим планам осуществиться. Отношение к столицам автономий ярко показывают, например, приоритеты в строительстве железных дорог: первая железная дорога в Коми была проложена на север, к Воркуте, оставив Сыктывкар в стороне, и только в 60-е годы столицу республики соединили отдельной веткой с магистралью. Значение национальных столиц вновь возрастает во второй половине XX века, однако, к тому времени модернизация стала свершившимся фактом.

В 30-50-е годы на севере вырастают города четвертого „лагерно-военно-промышленного“ вида, такие как Медвежьегорск, Ухта, Воркута, Инта, Северодвинск. Они становятся квинтэссенцией плодов политики насильственной модернизации региона, наиболее четко и неприукрашено демонстрируя ее цели и методы. К моменту образования этих городов авангардный миф „города-сада“ был уже не актуален, хотя в 60-80-е годы, в связи с необходимостью привлечения на Север молодой рабочей силы, власти пытались реанимировать некоторые романтические мотивы, типа: „молодым городам — молодых жителей“. Характерно, что неофициальная романтика шестидесятников предпочитала этим городам нехоженые таежные тропы, освоение новых земель. Ослабление поддерживающей силы центральной власти привело в 1990-е годы к упадку многих северных городов. В настоящее время только те из них, которые сумели связать себя с нефте-газодобычей существуют относительно благополучно.

Решающим фактором в определении характера модернизации социокультурной системы региона стало образование ГУЛАГа. Север России стал пространством самых первых и самых известных лагерных экспериментов. В первые послереволюционные годы начинает складываться концепция использования принудительного труда. Тогда же рождается идея использовать труд заключенных для освоения природных богатств, залегающих в труднодоступных местах¹⁸. В 1923 году был организован Соловецкий лагерь особого назначения, ставший игровой моделью формировавшегося в 20-е годы советского общества и зародышем всей системы ГУЛАГа¹⁹. В эти годы утверждается идея об исправительном влиянии заключения и принудительного труда на человека. Вершиной процесса реализации этой теории стало строительство Беломоро-Балтийского канала (ББК), оно же обозначило переход от политики перевоспитания отдельных провинившихся граждан к политико-экономической системе предполагавшей использование принудительного труда для осуществления модернизации страны под лозунгами индустриализации и коллективизации. Летом 1929 года принимается постановление Политбюро ЦК ВКП(б) „Об использовании труда уголовно-заключенных“, в приложении к которому предписывается расширить существующие и организовать новые лагеря на территории Ухты и других отдаленных районов²⁰. Вторжение ГУЛАГа дезорганизовывало экономику региона, так при строительстве ББК была практически парализована Мурманская железная дорога, население Карелии мобилизовывалось на обслуживание стройки, отрываясь от собственных хозяйств и т. п.²¹. Массовая организация лагерей на Севере была только частью грандиозного плана модернизации страны. В это же время начинается создание системы спецпоселков, население которых принуждалось к занятию тяжелым и плохооплачиваемым трудом (большинство спецпереселенцев было задействовано на лесозаготовках)²². Местная власть была лишена возможности сколько-нибудь серьезно влиять на происходящее в регионе, поскольку оказалась вовлечена в следующие друг за другом кампании по ее реорганизации. Образование областей и краев, а затем ликвидация округов привели к настоящей „кадровой революции“, которая была дополнена „генеральной чисткой“, направленной в основном против деревенских коммунистов²³. Последовавшие затем репрессии

окончательно лишили местных руководителей возможности отстаивать интересы региона, не способствовала этому и кадровая номенклатурная политика 30-60-х годов, предполагавшая постоянную переброску руководителей с должности на должность, из региона в регион. Местное руководство ощущало свою постоянную зависимость от репрессивного аппарата, и не только политическую, но и экономическую. Ни один из грандиозных проектов по освоению громадных и труднопроходимых территорий оно не могло осуществить, обходясь только собственными силами²⁴. Образование лагерей и спецпоселков привело к изменению состава населения региона, в разные годы количество насильственно переселенных колебалось в разных районах от четверти до половины количества местного населения. Традиционная культура северного села стремительно разрушалась под натиском насильственной модернизации, поскольку его жители оказались только второстепенным придатком стремительно развивающейся репрессивно-экономической системы. Культура лагерных городов практически никак не была связана с местными традициями. Система ГУЛАГА была постепенно упразднена в 1953-1960 г., однако, сформировавшиеся во времена ее расцвета традиции насильственного управления природой, культурой, людьми до сих пор еще не изжиты в нашей стране.

Отмена лагерной системы была следствием частичной корректировки взглядов партийно-советской элиты на политику модернизации, но не отказа от нее. Освоение Севера по-прежнему требовало привлечения новых „трудовых ресурсов“, поредевший состав исправительно-трудовых колоний мог удовлетворить нужду в них только частично, поэтому используются экономические и пропагандистские методы для привлечения в регион людей. Индустриальная модель развития Севера была ориентирована на крупномасштабную добычу различных природных ресурсов и их первичную обработку, что было организационно оформлено в виде таких новых форм, как Тимано-Печерский топливно-промышленный комплекс и Кольский горнопромышленный комплекс²⁵. Экономическая нерентабельность большинства северных колхозов стала очевидна уже в 50-е годы, в связи с этим было решено преобразовать их в совхозы, что наиболее последовательно было выполнено в автономных республиках²⁶. В 1960-е происходит упадок последнего оплота крестьянского землепользования — приусадебного хозяйства. Наряду с этим наблюдается социальная дифференциация сельских жителей, по мнению некоторых исследователей уже в это время начинается формирование протобуржуазных отношений, причем власть и зажиточность являются принадлежностью одних и тех же людей²⁷. Постлесталинская модернизация отличается большим вниманием к повседневным бытовым нуждам человека, экономический прагматизм заставляет власти уделять больше внимания развитию на местах науки и образования, а соображения престижа — представительным видам художественной культуры. К 70-м годам социокультурная система региона обретает свою завершенность, ориентированную на общий для всей страны образец. Выстраивается четкая иерархия уровней и сфер общества и культуры, организаций и учреждений, видов и жанров. Идеологическая основа культуры все более формализуется, гигантский бюрократический аппарат становится все более

самодостаточным, порождая чудовищные проекты типа переброски северных рек на юг.

4. *Проблема спецификации национальной культурной политики.* Особое значение при проведении модернизации в стране придавалось власти национальной политике. В 20-е годы она предполагала относительное уравнивание в правах больших и малых народов, наряду с постепенным вовлечением всех их в орбиту евросоветской цивилизации. Важным событием в жизни финно-угорских народов региона стало образование Карельской АССР, Коми АО, Ненецкого АО, создание которых дало начало процессу этнической консолидации на основе присвоения культурных элит к европейским национальным идеям. В 1924 году создается Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера)²⁸. В это время энтузиасты, занимавшиеся просвещением малых народов Севера еще до революции, получают некоторую государственную поддержку. Внушить марксистские доктрины не только охотникам и скотоводам, но даже земледельцам, оказалось практически невозможно. Влиянию пропаганды поддавались в основном те, кто был переориентирован на городскую жизнь, поддавался соблазну европейского быта и профессиональной культуры. В начале 30-х гг. северным народам отводится почетное место в теории и практике "большого скачка", который предлагалось совершить всей стране. Дело в том, что по отношению к ним этот скачок выглядел наиболее эффективно, поскольку предполагалось, что они из первобытности перепрыгнут прямо в социализм, обретя по дороге все недостающие компоненты и качества. Коллективизация вначале затронула только земледельческие народы Севера, дав им возможность приблизиться к культуре социалистического принудительного труда. Следующим актом кампании по просвещению представителей малых народов стало, по всей видимости, обучение их ударной работе на строительстве ББК, где было доказано, что бригады нацменов умеют перевыполнять норму не хуже чем другие (при этом из бараков мусульман изъяли всех священнослужителей)²⁹. Затем последовала кампания по наделению народов письменностью, разработанной на основе латинского алфавита, которой руководил целый ряд специально созданных государственных органов в центре и на местах³⁰. Несмотря на то, что эта система письменности именовалась "новым алфавитом народов севера", предназначалась она не только для них, и не только для тех народов, которые не имели письменности. Для многих национальных культур введение этого алфавита стало актом скорее разрушительным, чем созидательным. Так, у народа коми еще в 1918 году появился свой оригинальный алфавит, созданный В. А. Молодцовым, который успешно использовался на протяжении всех 1920-х, что не помешало заменить его латиницей, под предлогом сближения коми с другими народами³¹. К 1937 году кампания по введению латиницы была признана вредительской, по этому случаю ввели алфавит на основе кириллицы. К началу 40-х гг. северные народы уравнивались в культурной политике с другими, что выразилось в проведении у них коллективизации, которая затронула даже охотников. Государственность, полученная рядом северных народов из рук советской власти в 30-е годы, стала фактором весьма опасным, поскольку позволяла разыграть при случае политические карты "национализма"

и „шовинизма“. В наибольшей степени от этих игр пострадала Карелия, в которой, после образования автономии, политическая элита формируется из финнов, при этом отличия финской культуры от карельской игнорировались. Это дало повод центральной власти обвинить в середине 1930-х гг. руководство республики в национализме, после чего вводится новая карельская письменность на основе кириллицы, срочно формируется карельский литературный язык. Однако этот процесс продолжался недолго — после начала войны с Финляндией срочно создается Карело-Финская ССР, государственным языками которой вновь объявляются русский и финский. О культурном своеобразии карелов моментально забывают, их язык и письменность фактически упраздняются³². Следующим актом политической игры становится обратное преобразование: КФСР в Карельскую АССР, произошедшее в 1956 году. Очевидно, что государственный статус национальных образований был на протяжении всего советского периода истории не более чем средством, для преследования различных политических целей. Последовательная переселенческая политика приводит к изменению численного соотношения различных народов в республиках региона, к 50-м годам коми и карелы становятся национальными меньшинствами в своих государственных образованиях, более того — депортации и эмиграция, низкий естественный прирост и ассимиляция приводят к сокращению с 40-х годов численности таких народов как карелы, финны, эстонцы, вепсы, ижорцы³³. С этого же времени наблюдается сокращение численности населения такой традиционно русской области как Псковская, причем это относится в первую очередь к сельскому моноэтническому населению, которое сокращается при росте населения городского, полиэтнического³⁴.

Судьбы национальных школ в разных местностях сложились неодинаково. В ленинградской области они были ликвидированы в годы войны в связи с депортацией и миграцией нерусского населения, в автономиях просуществовали до середины 70-х гг. Закон о школе 1958 года дал право родителям самим избирать язык обучения для ребенка, более того можно было отказаться от изучения родного языка и как отдельного предмета. Поскольку культурная сфера использования нерусских языков была ограничена, они быстро вытесняются из образования, что еще более сужает сферу их применения³⁵. Закрытие национальных школ стало следствием и политики власти, отказавшей им в поддержке, и общей тенденции развития национального самосознания в СССР: у многих народов в условиях навязанной им модернизации не возникает ментальное ядро самобытности, вокруг которого могла бы кристаллизироваться самодостаточная социокультурная система. В 1970-е годы исследователи отмечают резкое снижение котировок национального имиджа даже у жителей автономных республик, многие представители коренных национальностей предпочитают записывать своих детей русскими, перестают обучать их родному языку, избегают говорить на нем в общественных местах, что свидетельствует о кризисе национальной идентификации, являвшемся частью общекультурного кризиса. Положение несколько меняется в 1990-е, когда развитие национального самосознания стимулируется переходными процессами в социокультурной системе. Однако,

несмотря на определенную законодательную поддержку, кризис самоидентификации представителей малых народов остается непреодоленным³⁶. Процесс формирования национальных культур остается почти исключительно элитарным, как в сфере образования, так и в отраслях творческой деятельности.

5. *Проблема развития северной идеи в системе российской мифо-идеологии.* Традиционные значения, которые связывались с Северным краем в системе российской культуры, несомненно, являются архетипичными, что доказывается как их устойчивостью, так и вариативностью культурных форм, в которых они зафиксированы. Эти значения воспроизводятся и в модернистской культуре начала прошлого века, являясь одной из основ формирования неомифологического образа мира, опиравшегося на множество культурных традиций³⁷. Север в неомифологии предстает как место рождения нового человека — выходца из российских глубин (вариант „нового Ломоносова“), противопоставленного жителям одряхлевшего цивилизованного центра. В то же время Север остается местом гибели — этот мотив связывается в данный период с эсхатологическим ожиданиями относительно всей европейской цивилизации и пространственно отождествляется, прежде всего, с Петербургом, как мистическим центром, неестественно возникшем на краю земли. Таким образом, локальная мифология Петербурга оказывается связанной с древнейшей северной традицией, а последняя, через столичную привязку, обретает общероссийскую значимость. В связи с активным поиском своих корней в русле неоромантической культуры, для многих ее творцов значимым становится мотив обретения в северных краях подлинно национальной традиции, являющийся вариантом мифа о неиссякаемых богатствах Севера. Многие художники, писатели, ученые отправляются в российскую глубинку для обретения и исследования культурных богатств, в то время как другие ученые и инженеры отправляются сюда же за обретением богатств природных: уже в начале XX века романтизм и прагматизм переплетаются в представлениях россиянина о Севере³⁸. Прагматично также представление о Севере, как крае диком, жители которого не осознают какими богатствами владеют, не в состоянии их должным образом использовать. Отсюда — стремление освоить край, модернизировать его, просветить его жителей, изменить их жизнь и культуру. В послереволюционное время это стремление определяет характер отношения новой общественной элиты к северным землям.

В советскую культурную эпоху происходит объединение идеологических доктрин с традиционными и неомифологическими образованиями, в результате появляется система, которую можно назвать „идеомифологией“. Главными составляющими советской мифологии были мифы о новом мире (земном рае) и новом человеке, создателе и создании этого мира. Эксперименты по проектированию нового мира зачастую имели игровой характер, который проявлялся даже в крайних ситуациях, когда речь шла о жизни и смерти человека³⁹. Мотив перевернутого игрового мира едва ли не наиболее ярко проявился в таком творении революционной культуры, как СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения). Для создания лагеря было выбрано одно из наиболее сакральных мест Севера — Соловецкий монастырь,

который в глазах жителей Поморья был центром мира. Организация жизни в лагере игровым образом отсылала к мифологеме „смерти — воскрешения“, притом, что для многих заключенных смерть становилась реальностью, а обрести освобождение было не просто. Поведение охранников в лагере во многом строилось по традиционной модели антиповедения, которую достаточно часто использовали преобразователи России в предшествующие века⁴⁰. Например, Секирная гора, которая в монастыре была символом духовного восхождения, в лагере становится орудием пытки и казни путем сбрасывания заключенных вниз по лестнице. СЛОН как ярление культуры СССР 1920-х годов представлял собой образ земного ада, который был в то же время моделью нового мира в целом, поскольку служил основной цели — рождению нового человека, представленной как смерть человека старого.

Роль северного пространства в процессе формирования советской мифологии становится ведущей в конце 20-х годов, в конце переходного периода, когда социокультурная система стабилизируется. Стабилизация пространства классического типа предполагает выстраивание иерархии территорий разной значимости, при наличии единого незыблемого центра и активно развивающихся окраин. Динамизация последних могла быть связана как с освоением периферийного пространства, так и с расширением границ страны. Миф о Севере обосновывал оба эти процесса. С первым из них связано прокладывание новых путей, история которых начинается с ББК (Беломоро-Балтийского канала им. Сталина). Строительство ББК стало пограничным явлением, оформившим целый комплекс мифов. С одной стороны ББК завершает соловецкую „игровую“ эпоху существования лагерей, с другой — начинает эпоху ГУЛАГА. Над оформлением его мифологии потрудились большинство известных в начале 1930-х литераторов⁴¹. Поездка Сталина по ББК не только символизировала открытие конкретного объекта, но стало частью мифа о Великом северном пути, западной оконечностью которого считался канал⁴². Собственно морской (шире — водный) вариант этого пути не был единственным, в начале 1930-х гг. активно пробивался проект строительства железной дороги через весь российский Север до Тихого океана⁴³. Однако морской вариант был не только более практичен, но и больше соответствовал приоритетам российского модернистского сознания, для которого „выход к морю“ стал важным символом. Мифологемы, оформленные по поводу строительства ББК, закрепились в советской культуре на весь период ее существования⁴⁴, однако, доминировали они только в 30-е годы. В этот период пространство Севера порождает одного за другим (и целыми группами) культурных героев — идеальных новых людей, на которых с восторгом взирала страна, которые активно представляли ее достижения за рубежом, чьи имена вошли в советский пантеон, предшествуя героям войны и космоса. Герои Севера были поставлены в уникальное положение, для них даже фактическая неудача (например, гибель „Челюскина“) могла обернуться победой. Модернистский характер этого героизма проявился в его „индустриальности“: тесной связи с технической и пропагандистской индустриями.

Большую роль в мифологии Севера играли варианты мессианского мифа. В комплексе ББК он относился непосредственно

к заключенным, превратившимся из мертвецов в новых людей. Этот вариант мифа о спасении быстро стал неактуальным в своей второй части: советское руководство отказалось от практики исправления врагов, а массовое распространение системы ГУЛАГа в северном пространстве превратило его в место смерти. Именно это значение стало на долгие годы доминирующим в советской неофициальной картине мира, идею исправления человека лагерем власти попытаются реабилитировать в 60-е годы, но мифологического звучания она уже не обретет. Более устойчивым оказался миф о спасении советской властью малых народов Севера, включавший мифологему физического спасения от царского режима, при котором эти народы вымирали, мифологему спасения от тысячелетних невежества и дикости и дарования света культуры (главным образом в виде письменности), идею перепрыгивания из первобытности в социализм и дарования государственности. Все эти мифологемы воспроизводились в советской популярной и наукообразной литературе на протяжении всего периода ее существования, при этом тема действительного положения народов Севера старательно обходилась⁴⁵.

Миф о природном богатстве Севера был актуален для всего советского (и не только!) периода, он служил прагматическому обоснованию необходимости постоянного освоения края. Миф о культурном богатстве был периодически востребован в разных пространственных вариантах и на разных уровнях социокультурной системы. Он послужил основой для дифференциации пространства региона по принципу его историчности, в результате возникли зоны исторического (отчасти охраняемого) и современного (подлежащего неограниченной модернизации) пространства.

С началом Великой Отечественной войны мифология Севера утрачивает центральное место в советской картине мира. Появляются новые места свершений и новые герои, советское культурное пространство переориентируется на Запад, включая в свой мессианский план новые народы, представители которых появляются на Севере только как узники. В хрущевское время основным мифопорождающим пространством стал юг СССР с его целинными землями и космодромом „Байконур“. Космонавты сменили героев Севморпути, который к концу 60-х прекратил свое существование как единая организация и был поделен между различными ведомствами⁴⁶. В брежневское время мифология Севера обретает форму легендарной истории, вдохновляя молодежь на участие в грандиозных сибирских стройках. Последней попыткой реанимации северного круга мифов может считаться мессианский природопокорительный план поворота северных рек на юг, который, впрочем, остался чисто ведомственным продуктом и если вызвал общественный резонанс, то исключительно негативного характера.

Северная идея является неотъемлемой частью российского культурного сознания. Попытки ее актуализации предпринимаются и сегодня в разных формах и на разных уровнях. Наибольшее значение она имеет для самих жителей северных регионов, как основа для формирования целостного, многоуровневого, пространственно определенного, неглобалистского мировоззрения. Активную роль в этом процессе может и должна сыграть наука, призванная не только изучить его ход в прошлом и настоящем, но

и дать формулировки целей и координат развития. Кризис самоидентификации современного жителя Севера может быть приостановлен лишь при создании новой картины мира, которая, опираясь на традиционную основу, должна включать представления о роли и месте его родины (и его индивидуальной судьбы) в социокультурных системах мирового⁴⁷, российского⁴⁸, макрорегионального⁴⁹, этнорегионального⁵⁰ масштаба. Мирозрение, ограниченное рамками какого-то одного из этих уровней, не будет сегодня действенным. Представление о макрорегиональном пространственно-временном континууме Северо-Запада должно стать центральным звеном этой системы, соединяющим архетипические образы, специфические ландшафты, философские концепции, историко-культурные пласты, этнокультурные элементы, современные формы жизнотворчества в единый образ реально-идеального места, отвечающего представлениям большинства людей о правильном пространстве⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Теребихин Н.М. Лукоморье (очерки религиозной географии и маринистики Северной России). Архангельск, 1999. С. 12.
2. Калущий В. Н. Иванова А. А. Давыдова Ю. А. Фадеева Л. В. Родионов Е. А. Культурный ландшафт русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998. С. 107-132.
3. Кортаев В.И. Русский Север в Конце XIX-первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998. С. 78-81
4. Калущий В.Н. и др. Указ. соч. С. 26.
5. Котылев А.Ю. Метаморфозы игры в культуре переходного типа (Россия 1917-1933). Автореферат диссертации на степень кандидата культурологии. СПб., 2000. С. 10-14. Кривцун О. А. Эстетика. М., 1998. С. 273—281.
6. Котылев А.Ю. Региональные особенности развития культуры Северо-Запада в XX-XXI вв. // Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени: Сборник научных статей. СПб., 2002. С. 28-34.
7. Кортаев В.И. Указ. соч. С. 43—57.
8. Сальников С. К истории одного путешествия // Арт. 2000. № 1. С. 100-107.
9. НАРК Ф. 410. Оп. 2. Д.1.Л. 2,5. Д. 2.Л. 1-3. Ф. 116. Оп. 4. Д. 13,15.
10. Русская православная церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью в 2 кн. М., 1995.
11. НАРК Ф.132. Оп. 1. Д. 12. Л. 80.
12. Савинова И.Д. Лихоление. Историческое исследование. Новгород, 1998. С. 78-81. Димони Т.М. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945-1960 гг. // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 79-80. Рогачев М.Б. Время против религии. Сыктывкар, 1986. С. 81.
13. Зайцев В. А. Религия в духовной жизни Архангельского Севера в 70—80-е гг XX в. // Свеча-99. Вып 1. С. 124.
14. Филатов С., Лункин Р. Православие по-поморски и новгородски // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М., СПб., 2002. С. 34-48.

15. Из отчета Череповецкого губкома РКП(б) XVI губернской партийной конференции – о массовой работе // Культурное строительство на Севере, 1917-1941 годы: Документы и материалы. Архангельск, 1986. С. 94.
16. Путь советской печати // Большевицкая мысль. 1927. № 5. С. 10-11.
17. Аверин А.Г. Печать нашей области // Красный Север. 1939. 5 мая. Информация отдела пропаганды и агитации Архангельского обкома партии в ЦК ВКП(б) об издаваемых газетах в области // Культурное строительство на Севере. С. 258-260.
18. Жеребцов И.Л. Клиниэм марксистско-ленинского анализа // Покаяние. Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар, 1998. С. 430.
19. Мельник А. И др. Материалы к историко-географическому атласу Соловков // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 303-330.
20. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 1929-1930гг. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 152-153.
21. Карелия: история и современность в документах и фотографиях. Петрозаводск, 2000. С. 36-37.
22. Спецпоселки в Коми области: Сб-к документов. Сыктывкар, 1997.
23. Воробей А. П. Формирование структур политической власти в Северном крае в 1929-30 годах // Региональная политика и проблемы развития европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. С. 89.
Карелия: история и современность... С. 40-41.
24. НАРК. Ф. 429. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.
25. Вавулинская Л. И. Индустриальная модель освоения Европейского Севера и ее экономические последствия // Региональная политика... С. 84-85.
26. Карелия: история и современность... С. 80-81.
27. Безнин М. А. Димони Т. М. К вопросу об имущественной и социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX века // Северная деревня в XX веке... С. 118-119.
28. Беленкин И. Ф. Вечный свет. Новосибирск, 1973. С. 17-18.
29. Беломоро-Балтийский Канал им. Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. С. 399.
30. Беленкин И.Ф. Указ. соч. С. 50-53.
31. Связь времен. Составители И. Л. Жеребцов, М. И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 283.
32. Карелия: история и современность... С. 44-51.
33. Финно-угорские регионы в цифрах: Стат. сб. Сыктывкар, 1996. С. 25.
34. Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1998. С. 39, 303—305.
35. Попов А. А., Нестерова Н. А. Национальный вопрос в республике Коми в конце XX века. Сыктывкар, 2000. С. 25-26.
36. Шабает Ю.П. Характер этнической идентификации коми и коми-пермяков // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 13-15.
37. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 269-272.
38. Фельдт И. Н. Образ русского Севера в сознании художественной интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. // Свеча — 99. Экология духа. Вып. 1. Архангельск, 1999. С. 305-308.
39. Котылев А. Ю. Метаморфозы игры... С. 14-18.

40. Успенский Б. А. Этюды по русской истории. СПб., 2002. С. 79-88, 162—174.
41. Беломоро-Балтийский Канал...
42. Там же. С. 66-69.
43. Славин С.В. Формирование концепции освоения Севера во втором пятилетнем плане // Летопись Севера. Т. IX. М., 1979. С. 100-103.
44. Великий Октябрь и освоение Севера // Там же. С. 3-9.
45. Увачан В. Н. Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск, 1977. Беленкин И. Ф. Указ. соч.
46. Белов М. И. О деятельности главного управления Северного морского пути // Летопись Севера. Т. 7. М., 1975. С. 14.
47. Наиболее активно формирование международного северного пространства идет в рамках такого объединения северных стран как Баренцев регион, отношения в котором выстраиваются на государственном, региональном, муниципальном уровнях. (Петтерсен О. Мечта ставшая реальностью. Региональное Баренцево сотрудничество. 1993-2003. Архангельск, 2002.)
48. Связующим звеном между российским и макрорегиональным уровнями закономерно является особая культура Петербурга, значение которой должно возрастать не только по стране в целом, но и, прежде всего на Северо-Западе. (Котылев А. Ю. Санкт-Петербург: провинциальная столица или столица провинции // Жизненный мир поликультурного Петербурга. СПб., 2003. С. 76-80.
49. На данный момент центром формирования нового северного регионального мировоззрения в России выглядит Архангельск, где, опираясь на традиции специфической поморской культуры, уже более десятилетия активно обсуждаются проблемы развития Севера. (К десятилетию (1989-1999) Соловецких форумов // Архангельская область: социально-экономическое развитие, история, культура, образование. Архангельск, 1999. Альманах „Свеча“. Теребихин Н. М. Указ. соч. и др.)
50. Наибольшая работа по изучению этнорегионального культурного наследия проделана на данный момент в Республике Коми, где за последние полтора десятилетия вышел целый ряд справочных и учебных изданий (Республика Коми. Энциклопедия в 3 т. Сыктывкар, 1998-1999. Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997. Связь времен. Сыктывкар, 2000. История Республики Коми. 7-11 кл.: Учебник для общеобразоват. учеб. заведений. М., 2000. Мифология Коми. М., 1999. и др.), издается специализирующийся на культурных проблемах финно-угорских народов журнал „Арт“.
51. Наличие общего макрорегионального мировоззрения не отменяет необходимость взаимосвязи этнокультур в иных системах, например, в системе финно-угорского мира. (Котылева И., Котылев А. Интеркультурное настоящее этнофутуризма // № 66 #17/18, Арт. 2002. № 3. С. 131-132)

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ, ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Важнейшим направлением в исследовании культурных процессов на современном этапе является восстановление этно-исторического лица культурного пространства. В течение длительного периода унифицированное влияние индустриальной городской культуры, прямолинейное толкование и проведение в жизнь политики интернационализма разрушало не только основы традиционной культуры отдельных народов, но и веками создаваемой полиэтнической целостности региона традиционной культуры Европейского Севера России. Эта культура сложилась как результат длительного взаимодействия на одной территории разных этносов, прежде всего, русских и коми. Возрождая традиции этого взаимодействия, необходимо обратиться к историческим основам, без которых немислимо современное равноправное сотрудничество в сфере культуры живущих на одной территории народов.

Проблема формирования, сохранения и изучения национального наследия — часть национальной культуры, показатель уровня интеллектуального потенциала народа, преемственности и процесса развития поколений. Понимая термин „наследие“, прежде всего, как явление духовной жизни поколений, включающее в себя язык, быт, уклад жизни, унаследованные от предшественников, мы должны говорить об истории культуры. Национальное наследие — культурное наследие человечества. Это еще и память о его живой культуре, которая проявляется в большом разнообразии форм, как материальных (памятники, объекты, коллекции), так и нематериальных (языки, умения, музыка и т. д.). Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в наследие потомкам.

Национальное наследие — это тот фактор, который определяет статус и мощь государства. Поэтому его следует рассматривать в одном ряду с таким понятием как „национальное богатство“, которое является важнейшим показателем экономической составляющей страны, характеризующей уже экономический потенциал общества. В его составе есть две основные части: общественное (созданное трудом), естественное (природные и интеллектуальные ресурсы). Первая часть включает: производственные мощности общества, товарные запасы, в том числе государственные резервы; вторая — природные богатства, интеллектуальный фонд общества (накопленные производственный опыт людей, их образовательный потенциал, достижения научно-технической мысли, информационные ресурсы), социальную инфраструктуру, личное имущество граждан.

Итак, в понятии „национальное наследие“ можно выделить несколько составляющих подсистем, которые имеют внутренние связи и взаимовлияния, но любая подсистема может рассматриваться как самостоятельная, становясь, таким образом, объектом отдельного исследования.

В данной работе мы будем рассматривать наследие как явление духовной жизни народа, поэтому своей задачей считаем показать роль личности в формировании культурных ценностей, составляющих национальное наследие.

Исходный пункт формирования культуры — и логически, и исторически — человек. Чтобы выполнить свою культурологическую функцию и быть способным творить культуру, человек должен быть субъектом деятельности. Культура возникает постольку, поскольку человек становится деятельным существом, которое не приспосабливается к среде обитания, а приспособливает ее к себе. Но тем самым человек оказывается еще и существом творящим, ибо ни одно состояние среды не способно его удовлетворить, он постоянно дополняет, обогащает, развивает, изменяет не только данное природой, но уже созданное им самим, его предками и современниками.

Личность — это субъект культурно-исторического процесса. Причем главное в этом процессе духовное воспитание человека, всестороннее развитие личности. Очевидно, что не всякое поведение человека в культурно-историческом процессе позволяет говорить о нем как о субъекте культуры. Характеризовать индивида в этом качестве можно лишь тогда, когда он включается в культурно-исторический процесс как личность, как активная творческая духовная сила. Культура выступает одновременно и как процесс развития человеком своих творческих сил и способностей, и как процесс реализации этих способностей в социально значимых результатах деятельности.

В доказательство этого рассмотрим некоторые подсистемы понятия „национальное наследие“ и попытаемся определить роль личности в процессе их формирования, изучения и сохранения.

Общественная ценность культуры состоит в том, что она служит необходимым условием практической деятельности масс, направленной на преобразование окружающего мира и самих себя. Она выражает не пассивное, созерцательное, потребительское отношение человека к миру, а его активнотворческое поведение и непосредственно совпадает с его существованием в качестве активного субъекта истории.

Пребывание человека в природе, обществе всегда связано с его взаимодействием с окружающим миром, средой, и это отражается на формировании своеобразной шкалы ценностей. Вся жизнь человека обусловлена ценностными ориентациями.

Каждый из нас хранит предметы как память о посещении интересного места, встрече с близкими людьми или те вещи, которые нам просто нравятся. Но вещи, значимые для отдельного человека, не всегда будут интересовать других. Иное дело, если это предметы, связанные с событиями или личностями, хорошо известны множеству людей, обществу, человечеству, когда они имеют определенную этим обществом ценность. Так же как личные вещи отражают уровень нашего развития, и общественные ценности говорят нам об уровне развития того или иного сообщества. Любое сообщество людей, которое осознает себя обществом, желает сохранить свои особые черты, достижения своей культуры. Однако все сохранить невозможно. Поэтому люди вынуждены из всех ценностей выделять наиболее выдающиеся, достойные внимания

и сохранения. Именно их называют памятниками культуры, именно они и составляют национальное наследие. Общеизвестно, что основные хранилища памяти и мудрости человечества — это архивы, библиотеки, музеи. Их история — это часть национальной истории культуры, показатель уровня интеллектуального потенциала народа. Обратимся к некоторым примерам частной инициативы в процессе формирования, сохранения и изучения библиотечных коллекций и архивных фондов.

Наиболее значительную роль в становлении библиотечного дела на Севере России сыграл русский просветитель, писатель, издатель и журналист Николай Иванович Новиков. Он, арендовав типографию Московского университета на десять лет, наладил книгоиздательскую деятельность в таких масштабах, что некоторые книги выходили тиражом до 10 тыс. экз. Тем самым он резко понизил стоимость книг, они стали доступны читателям даже отдаленных северных провинций, появилась возможность формировать книжные коллекции. За это время он сумел объединить до ста авторов книг и создал „Общество, старающееся о напечатании книг“, из которого в 1784 г. возникла „Типографическая кампания“ по тому времени огромное предприятие с большими средствами. Н. И. Новиков организовал книжную торговлю в 16 городах России. Благодаря его посредничеству в Вологде были открыты первые книжные лавки (Андрей Петрович Петров и И. Скурихин); издана одна из первых книг о российской провинции („Исторические и топографические известия по древности России и частно о Вологде и его уезде“ 1780, 1782 гг. изд.). Тем самым Н. И. Новиков утвердил новую социальную программу — приобщение к чтению широких слоев населения, следствием которой должно было стать повышение грамотности народа и постепенное накопление результатов духовной жизни нации.

Особый вклад в формирование библиотечных фондов в XIX в., в период становления библиотечной системы на Европейском Севере внесли владельцы личных библиотек.

В первой половине — середине XIX в. внушительная библиотека была у усть-сыольских купцов Латкиных, которая к 1860 г. была полнее, чем городская. В частности, в этом собрании было полное издание А. Ф. Смирдина „Сочинения русских писателей“, которое полным комплектом было подарено В. Н. Латкиным личной библиотеке. И эти книги, хоть и в разрозненном состоянии, сохранились в фондах библиотек г. Сыктывкара до наших дней.

Наиболее распространенным явлением было открытие частными лицами на собственные средства и за счет личных книжных фондов публичных или бесплатных народных библиотек. Так в 1899 г. потомственным почетным гражданином А. П. Голубцовым была открыта бесплатная народная библиотека в усадьбе Шеломово Вологодского уезда. Для этой библиотеки он, в соответствии с правилами о бесплатных народных библиотеках читальнях, утвержденными Министерством внутренних дел (1890 г.) и каталогом книг, разрешенными Министерством народного просвещения (1897 г.) выбрал и передал из личной библиотеки книги религиозного содержания и художественные произведения, разрешенные для таких учреждений. Кроме того, бесплатно предоставил помещение, мебель и денежные субсидии.

В начале XX века по завещанию крупного библиофила и книгоиздателя Флорентия Федоровича Павленкова было создано

более двух тысяч народных библиотек в сельской глубинке (для примера в Великоустюжском уезде в 1910 г. было открыто 23 библиотеки, в Вельском к 1905 г. таких библиотек было 10). Бесплатные народные библиотеки должны были содействовать внедрению в сельской местности новых традиций проведения досуга. Библиотеки, созданные на средства Ф. Ф. Павленкова, отличались просветительским характером, они приобщали народ к общемировой культуре, науке, литературе и искусству. Недаром, несмотря на многочисленные чистки фондов, эти книги до сих пор сохранились в библиотеках Севера.

Другим явлением было участие северных книголюбцев в формировании фондов столичных библиотек. Так личная библиотека вологодского купца I гильдии Х. С. Леденцова, включавшая несколько тысяч томов научной и технической литературы в 1909 г. составила основной фонд библиотеки Общества содействия успехам опытных наук и их применений. В 1918 г. библиотека общества насчитывала 2,5 тыс. книг и 3,5 тыс. русских и иностранных журналов и была лучшей технической библиотекой Москвы, а впоследствии влилась в фонды библиотеки Дома научно-технической пропаганды.

Особую роль сыграли крупные государственные чиновники, которые являлись либо уроженцами региона, либо профессиональная деятельность „направила“ их на Север. Местом формирования личных библиотек, конечно же, являлись столичные центры, но волей обстоятельств книги попадали в фонды библиотек северных губерний, становясь тем самым культурным богатством данного края.

Нельзя не вспомнить уроженца Вологодской губернии российского министра путей сообщения, члена Государственного совета, статс-секретаря Сергея Васильевича Рухлова (1852-1918). Начитанный и широко образованный, Сергей Васильевич содействовал многим культурным начинаниям в родном городе. Вологжане в известной степени обязаны ему появлением в городе первого художественного музея. Благодаря его поддержке в 1905 г. в Вологде открылся Северный кружок любителей изящных искусств, по своему значению в культурной жизни Вологды не уступавший более известному Вологодскому обществу изучения Северного края. Рухлов С. В. принимал участие в написании устава организации выставок, пользуясь связями, привлекал на вологодские выставки знаменитых столичных художников, делал пожертвования на текущие нужды кружка. Собрание картин этого кружка составило основу художественного музея, а затем и современной Вологодской картинной галереи.

С. В. Рухлов имел отличную библиотеку с дарственными надписями знаменитых писателей. После его трагической гибели в 1918 г. библиотека была перевезена из Петербурга в Вологду и часть книг поступила в публичную библиотеку. Опись книг, сделанная в 1919 г. содержит 1157 названий в 2685 томах. Личные книги С. В. Рухлова выделяются своим солидным и роскошным видом, большая часть которых в богатых переплетках с золотым тиснением — это подарочные издания центральных ведомств. Его библиотека и поныне хранится в Вологодской областной библиотеке, считаясь одним из самых ценных собраний.

Особняком в этом списке стоит судьба другой уникальной библиотеки, сохранившейся в фондах Архангельской областной би-

блиотеки. Контр-адмирал Сергей Андреевич Посохов (1866-после 1930 г.) по долгу службы оказался в 1916 г. в Архангельске, где был назначен начальником Штаба командующего флотилией Северного Ледовитого океана. Блестящая военная карьера, участие в боевых походах и кругосветных плаваниях, частая смена кораблей не мешали ему собирать книги, которые везде перемещались вместе с хозяином, отражая не только его классическое образование, но и жизненный путь, и географию службы. В Архангельске застала его Февральская революция 1917 г. В пылу революционных событий сложно проследить судьбу контр-адмирала, который из очередной командировки в Архангельск не вернулся. В результате его богатейшая личная библиотека русской и иностранной литературы, которая сформировалась задолго до перемещения ее в провинцию, оказалась в фондах публичной библиотеки, став культурным достоянием северного края.

Уместно здесь вспомнить и уникальную, рукописную библиотеку усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева, который объединил в себе и переписчика, и книголюба собирателя, и редактора, и мемуариста. Он оставил после себя разножанровое рукописное наследие, часть которого находится в Национальном музее Республики Коми. Он создал уникальную рукописную библиотеку энциклопедического характера на коми и русском языках, составляя собственные компиляции из доступных ему исторических, географических и краеведческих сочинений. Его рукописное наследие — уникальное явление в истории культуры Коми края конца XIX-XX вв.¹

Библиотечная система на Севере формировалась исключительно благодаря инициативе и деятельному участию библиофилов, любителей чтения и просто предприимчивых людей. Основным направлением личной инициативы были организация и содержание библиотек за счет собственных средств, пожертвования в пользу библиотек, книжная торговля. Одни были движимы просветительскими идеями, другие преследовали коммерческие цели, но их совместная деятельность шла в одном общем направлении, к единой благородной цели.

Архивы, как и библиотеки, хранят документальное национальное наследие нашего государства и народа и обеспечивают доступ общественности к этому наследию. Но, в отличие от библиотек, они хранят не тиражированные документальные памятники, а выполненные, как правило, в единичном экземпляре. Поэтому их главная задача — сохранить то, что имеет действительно научную и историческую ценность. А определить это должна экспертиза ценности документов. Она представляет собой тщательное изучение документов на основе критериев их ценности, с учетом действующего законодательства и правовых актов по архивному делу, типовых и ведомственных перечней документов, нормативно-методических инструкций. Официально принятые критерии ценности — это происхождение, содержание, внешние особенности документов и др. Разрабатываются они непосредственно сотрудниками архивных служб, но в процессе комплектования фондов участвуют и сторонние лица, которые могут вносить коррективы, либо дополнять общепринятые признаки ценности документа. Особенно это характерно при комплектовании архивов фондами личного происхождения. И в данном случае, личная оценка, образование, инфор-

мированность, мотивы конкретного специалиста — участника этого процесса играет особую роль. Обратимся к истории создания некоторых крупных, известных фондов личного происхождения, хранящихся в архивах Республики Коми.

Наиболее ценным фондом личного происхождения в Национальном архиве Республики Коми является фонд коми поэта И. А. Куратова. В его создании большую роль сыграл ученый филолог, археолог, этнограф А. С. Сидоров, который обнаружил рукописи поэта, подготовил их к изданию и в 1940 г. передал на государственное хранение в ЦГА Коми АССР. Позднее фонд пополнялся документами, собранными: коми краеведом и писателем П. Г. Дорониным, коми литературоведами А. Н. Федоровой, А. К. Микушевым, А. А. Вежевым, А. Е. Ванеевым, которые приняли несколько командировок в Центральные государственные архивы Казахстана и Узбекистана, откуда привезли фотокопии и микрофильмы. В 1967 г. еще часть документов поступила от дочери А. С. Сидорова при посредничестве профессора В. И. Лыткина. В результате фонд И. А. Куратова имеет самую богатую историю комплектования, в которой участвовали не только сотрудники архива, и единственную опубликованную опись².

Упомянутый выше А. С. Сидоров — талантливый собиратель исторических источников, сыграл главную роль в становлении научного архива Коми филиала АН СССР. В марте 1952 г. он возглавил комиссию по организации и формированию фондов научного архива. Именно под его руководством проходил первичный отбор рукописей, были заложены основные принципы фондирования научных документов. С 1970 г. началось создание фондов личного происхождения ученых Коми филиала АН СССР. Первый личный фонд биолога О. С. Зверевой был создан на основе документов, сохранившихся в домашних архивах научных сотрудников Е. С. Кучиной и А. А. Дедова. В 1977 г. была создана комиссия по определению научной и исторической ценности документов покойного канд. филол. наук Е. С. Гуляева и составлена опись документов домашнего архива и рабочего кабинета. Сохранившиеся документы свидетельствуют о большом комплексе документов по языкознанию (148 дел), которые лишь частично поступили на хранение в архив³.

История создания самого крупного в научном архиве Коми НЦ УрО РАН личного фонда профессора, докт. геол.-минерал. наук А. А. Чернова (ок. 500 дел) проходило при личном, активном участии его учеников. После его смерти значительная часть архива по праву наследника оказалась у его сына Г. А. Чернова. В институте геологии остались лишь некоторые разрозненные материалы. Незначительная часть документов поступила в архив. Затем в разные годы сын передавал архив в институт, где эти материалы собирал вместе А. И. Елисеев. В 1997 г. он передал их на хранение в архив, создав уже полный комплекс научного наследия А. А. Чернова.

Совершенно уникальным явлением можно считать создание личных фондов ученых в музее истории просвещения Коми края в Сыктывкарском госуниверситете, в которых, как пишет директор музея М. И. Бурлыкина, отложились, прежде всего, письменные источники и менее значительно — вещественные⁴. Тот факт, что ей удалось собрать в музее и провести научную обработку и систе-

матизацию богатого комплекса документов известных в республике ученых А. С. Сидорова, В. И. Лыткина, А. К. Микушева, А. И. Туркина, Е. А. Игушева и др. — еще одно свидетельство личного вклада в изучение и сохранение национального наследия.

Принято считать, что архивы сохраняют объективную память человечества. Но ведь сохраняется она, прежде всего, в документах, которые в субъективной форме отражают дух эпохи. И в этом также прослеживается роль личности, создавшей или сохранившей данный документ.

Деятельность архивных специалистов, ученых, общественных деятелей, направленная на пополнение фондов архивов и формирование документального наследия, не завершается на стадии комплектования. Мало собрать, надо провести научную обработку, чтобы эти материалы были доступны современникам и потомкам. Следующий этап — популяризация собранного, путем подготовки и издания научно-справочной литературы, путеводителей, каталогов и др. Что из отложившегося в фондах и коллекциях таким способом будет представлено обществу, также определеляют субъективно мыслящие личности — создатели этих комплексов или ближайшие последователи.

Таким образом, роль личности в формировании, изучении и сохранении национального наследия можно оценить двояко. Первая и безусловная заслуга — осознание необходимости сохранить для потомков культурное наследие и конкретные шаги, предпринятые для осуществления этого. Именно интеллект и энергия конкретных людей, способных поставить столь сложную и важную задачу, помогут ее и решить. Другой момент, заключается в субъективном характере человеческого мышления, которое оказывает непосредственное влияние на реальное, объективное отражение культурно-исторического контекста.

Каждое поколение передает частицу своего опыта своим потомкам. Культура живет и получает новые силы от тех, кто живет ею, и от тех, чья жизнь влияет на ее формирование. Приобщение к культурному наследию обогащает нас умственно и духовно. Крайне важно, чтобы мы воспринимали внешние культурные памятники как нечто должное, не отдавая себе отчета в том, насколько она хрупка и подвержена разного рода угрозам, исходящим и от природы, и от людей. И только когда происходит утрата, разрушение памятников культуры, составляющих национальное наследие общества, мы замечаем их отсутствие и осознаем тяжесть понесенных потерь. Поэтому для качества повседневной жизни людей необходима защита национального наследия.

*Работа подготовлена при поддержке гранта
молодых ученых УрО РАН (2004 г.).*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробно: „Дневные записки“ усть-куломского крестьянина И.С.Рассыхаева. 1902-1953 годы” / Публ. подготовили Т.Ф.Волкова, В.В.Филиппова и В.А.Семенов. М., 1997. 155 с.
2. И.А.Куратов (1839-1875). Описание документальных материалов фонда личного происхождения. Крайние даты 1856-1966 / Сост. Е.С.Гуляев, ред. И.А.Тихонов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 63 с.

3. Роцевская Л.П. История Научного архива Коми научного центра УрО РАН // Вестник Коми научного центра УрО РАН. Вып. 14. Архивы Уральского отделения Российской академии наук. Сыктывкар, 1999. С. 13, 16.
4. Бурлыкина М.И. Личные архивы ученых академических учреждений Коми АССР в музее истории просвещения Коми края в Сыктывкарском государственном университете // Там же. С. 58.

Н. И. Сурков

Коми государственный пединститут

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В ФОТОСНИМКАХ КОМИ СОЛДАТА В.МЕЛЕХИНА

Василий Степанович Мелехин родился в 90-х годах XIX века в селе Пажга, в деревне Чоййыв. Меньше пятидесяти лет он прожил и умер примерно в 1933 году. Но память о себе бывший солдат оставил долгую, добрую и светлую.

Василий Степанович — участник Первой мировой войны. Мелехин на фронте был вооружен двумя разными видами оружия — трехлинейной, образца 1891 года, винтовкой Мосина и фотоаппаратом.

Уже никто не сможет сейчас объяснить, как коми паренек на войне пристрастился к ремеслу фотографа. Но факт налицо: Мелехин привез домой с фронта несколько десятков отличных снимков, поражающих и сейчас, спустя девяносто лет, своей отчетливостью, ясностью, разнообразием сюжетов. Это настоящая фотолетопись Первой мировой войны.

На одной из фотографий солдат с добрым, почти мальчишеским лицом сидит на мопеде производства английской фирмы „Харлей“. Это и есть Василий Мелехин — военный фотограф.

Василию было дозволено запечатлевать самые разнообразные сюжеты фронтовой жизни, бывать в различных частях.

Вот четыре офицера сидят в автомобиле. А на другом снимке механики-водители собирают из разбросанных вокруг деталей и узлов автомашину.

Артиллерийские орудия. Одну пушку солдаты подняли на деревянный постамент, ствол ее круто направлен в небо. Возможно, это приспособление для поражения воздушных целей — аэропланов противника. На земле две стреляные гильзы, еще два снаряда подносят солдаты obsługi. А вот группа артиллеристов стоит у орудия очень большого калибра.

Запечатлел солдат-фотограф и примитивные, простые по устройству тогда, но грозные в будущем самолеты. С нескрываемым интересом рассматривают их офицеры и солдаты.

Еще один снимок: солдат позирует, стреляя из „Максима“. Над головой прочное деревянное покрытие. Выходное отверстие расплывчатое, значит, пулемет работает.

Обратил внимание любознательный фотограф и на армейский обоз. Можно долго вглядываться в этот снимок, открывая для себя множество интересных деталей.

А вот окопная жизнь. На переднем плане, как на завалинке, в нательных рубашках сидят два босых солдата. Гимнастерки брошены на бруствер, сапоги — рядом. Один солдат, положив ногу на ногу, пишет письмо домой. Другой — читает вслух книгу. Его слушают

четверо товарищей, а пятый стоит наготове, вглядываясь во вражескую сторону.

Между боями можно побывать и на городской площади, где идет торговля. Местные крестьянки привезли на продажу молоко, творог, сметану, фрукты, зелень. Редкие покупатели — все те же солдаты. Распряженные кони отдыхают у телега.

Показал фотоаппарат и совсем бытовую сцену из жизни солдат. В жаркий день они сбросили на землю нехитрое обмундирование и с удовольствием погрузились в прохладную воду близлежащей речушки.

Запечатлел солдат-фотограф и тяготы войны: сгоревшие до фундамента здания с торчащими печными трубами.

Ни одна война не обходится без раненых. Офицеры и солдаты, получившие легкие ранения, лечились тут же в лазаретах при воинских частях. Вот группа офицеров, один из них с Георгиевским крестом на груди. С ними медицинские сестры. На одном из снимков большая группа солдат и офицеров, тоже, видимо, легко раненных. Некоторые опираются на трости-костыли.

В теплый летний день застыли солдаты в строю с винтовками и фуражками в левой и руке. Посередине строя пронесают икону. Некоторые солдаты истово крестятся. Воинов благословляют на очередную битву.

А вот результат одного из сражений. Из церкви шестеро дюжих солдат выносят на носилках свежeweыструганный гроб с телом погибшего однополчанина. Военные музыканты исполняют траурный марш, народ направляется к месту прощания.

Далее мы видим саму процедуру прощания. Полковой священник читает молитву, солдат держит перед ним раскрытый служебник. Все сняли фуражки, среди провожатых погибшего в последний путь — пожилой генерал, который неоднократно попадал в объектив военного фотографа.

С горечью смотрел солдат через объектив фотоаппарата на лежащие в беспорядке тела убитых воинов. А на следующем снимке их аккуратно уложили в ряд, прикрыв лица белым полотнищем. Все лежащие отправляются в мир иной без сапог, босоногими. Их опускают в вырытые могилы и устанавливают кресты.

На одном из снимков изображена солдатская могила, на кресте лента с надписью: „Дорогому товарищу Афанасию Алексеевичу Сивкову — однополчане“. Это земляк Василия Мелехина.

Василия Степановича, судя по снимкам, во время войны забрасывало в Австрию. Летом 1916 года русские войска в районе г.Луцка предприняли успешное наступление. Некоторые историки считают, что главная заслуга в этом принадлежала генералу А. М. Каледину. Но в советское время вся слава была отдана генералу А. А. Брусилову, перешедшему на сторону советской власти. Операция стала именоваться „Брусиловским прорывом“. Как бы ни называли эту операцию, но итоги ее были впечатляющими. Австрийцы потеряли 511 тысяч человек, из них более двух третей — пленными и пропавшими без вести.

Без сомнения, В.Мелехин с интересом рассматривал дома австрийской деревни Мильпо, так непохожие на родные коми жилища. Аккуратные белые мазанки с крыльцом, увитым виноградными лозами. У бедного хозяина крыша соломенная, у богатого — железная. На одной из сельских улиц стоят четыре австрийских солдата. Это военнопленные. Кстати, на одном из снимков

отражена массовая сдача в плен австрийских солдат, бросающих на землю свои винтовки.

Увековечил фотограф и седобородых воинов с генеральскими погонами на плечах. Кто эти brave генералы, попавшие в кадр фотографа из коми села? Воевали на том фронте А. А. Брусилов, А. И. Деникин, А. М. Каледин. Сам В. Мелехин был солдатом 46 пехотной дивизии.

Любопытен и этот снимок. Его подробное изучение приводит к мысли, что перед нами митинг. На табуретке стоит военнослужащий в папахе, произносит речь. Многие солдаты, повернув головы в сторону оратора, внимательно слушают его. Офицеры стоят в задумчивости. Хорошо видны транспаранты, лозунги: „Да здравствует источник свободы“, „Да здравствует земля и воля“. Это 1917 год.

А вот в объектив фотоаппарата смотрит большая группа солдат и офицеров, а на обороте лаконичная запись — „дивизионный комитет“. Пришли другие времена. Командиров стали избирать, которые должны были свои действия согласовывать с солдатскими комитетами.

По снимкам можно судить и об отношении солдат противоборствующих сторон к войне. К примеру, Василий Мелехин показал встречу русских и австрийских солдат на позиции, где хорошо видны окопы, колючая проволока. Солдаты обмениваются рукопожатиями, обнимают друг друга, разливают вино.

После окончания войны солдат Мелехин вернулся в родную Пажу. В его ранце были аккуратно уложены фотоаппарат и большая стопка черно-белых снимков.

Василий Степанович запомнился своим родным и землякам человеком общительным, вежливым. К нему тянулись люди. Во многих сысольских селах и сейчас хранятся снимки, сделанные им. Он вступил в партию, стал сельским активистом. В годы нэпа занимался, говоря по-современному, предпринимательством — изготавливал конфеты, возил их в Усть-Сысольск, где сдавал в частную лавку своему дальнему родственнику. Особого достатка солдат не нажил. Повезло в другом. Полюбил девушку Аню (Анну Андреевну). Родители невесты были состоятельными людьми. Сам жених не имел богатства, но слыл известным и уважаемым человеком. В приданое молодые получили большой дом, в нем родились трое детей. В коллективизацию половину дома отдали под хранилище колхозного зерна. Тем самым избежали раскулачивания.

Василий Степанович скоропостижно умер от воспаления легких, оставив трех детей — семи, четырех и трех лет.

Анна Андреевна, ее в селе звали Прокц Анна, одна поднимала детей на ноги в трудные 30-е годы. Но ей на это не хватило сил. В 1940 году она умерла. Трое детей-подростков остались сиротами.

Старший сын Виктор семнадцатилетним юношей был призван в Советскую армию, участвовал в Великой Отечественной войне, долгих семь лет служил на торпедных катерах. Перед уходом на фронт успел жениться на Софье Прокопьевне Мальцевой. Она и опекала близких мужа — сестру Дину и брата Вениамина.

После службы у Виктора Васильевича и Софьи Прокопьевны родились пятеро детей. Одна из дочерей — Зоя Викторовна (в замужестве Кузьбожева) — работает учителем русского языка и ли-

тературы в Пажгинской средней школе, одно время была ее директором.

В семье Кузьбожевых трое детей. Старшая — Наталья Николаевна (в замужестве Надуткина) — студентка-заочница Коми пединститута. В своєю очередь, Надуткины — родители двоих детей: дочери Влады и сына Данилы. Это уже праправнуки военного фотографа Василия Степановича Мелехина. В их семье и сохранилась эта уникальная коллекция фотокарточек с фронтов Первой мировой войны.

Л. А. Максимова, А. А. Беловол
Сыктывкарский государственный университет

КУЛЬТУРА В НЕВОЛЕ

Произведения высокой культуры (под которой здесь и далее будет пониматься искусство, архитектура, музыка, литература и т. д.) на первый взгляд кажутся несовместимыми с исправительно-трудовыми лагерями (ИТЛ). Однако недавнее наше прошлое показало, что эти два явления вполне могут функционировать вместе, и, в частности, первое внутри второго. Причем оба явления находились под неусыпным контролем тоталитарного режима и, как оказалось, активно взаимодействовали.

Вся культурная жизнь страны в 1930-е годы определялась постановлением ЦК ВКП(б) „О перестройке литературно-художественных организаций“, которое предполагало „объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем“, а также „произвести аналогичное изменение по линии других видов искусства“¹. Первый съезд советских писателей в августе 1934 г. был праздником советской литературы, но никто не подозревал, что многих участников съезда ждет тяжелая участь обогнанных и осужденных, что в скором времени они исчезнут надолго или навсегда². Все руководство культурной жизни страны передавалось в руки партии. Главным методом художественной деятельности провозглашался социалистический реализм.³ Не признававших его запрещали публиковать, снимать, выставлять, многих посылали „перевоспитывать“ в ИТЛ.

Историю культуры советского периода после краха СССР и КПСС надо писать заново, поскольку из нее был исключен огромный пласт репрессированной культуры, которая, в частности, развивалась и функционировала в исправительно-трудовых лагерях. Активное изучение репрессированной культуры началось в начале 1990-х годов и продолжается сейчас, но сделано еще очень мало. Представляется, что для воссоздания полной и правдивой истории советской культуры нужно особое внимание уделить изучению региональных компонентов. Это обусловлено тем, что сталинские лагеря, вобравшие в себя цвет творческой интеллигенции, основывались большей частью на периферии. Их основная задача заключалась в освоении богатых природными ресурсами, удаленных от центра страны территорий. Но деятельность культурной элиты, содержащейся в лагерях, не могла остаться бесследной. Без сомнения эта деятельность

способствовала развитию культуры в лагерях. Но очень быстро она выходила за границы колючей проволоки и продукт ее в виде спектаклей, концертов, художественных произведений и пр. становился доступным для гражданского населения близлежащих к лагерю территорий. Бывали случаи, когда лагерные труппы выезжали на гастроли, а картины „врагов народа“ возили на выставки в центр.

Республика Коми была одним из крупнейших центров расположения исправительно-трудовых лагерей, где отбывали свой срок многие известные деятели науки, культуры и искусства⁴. Историками республики сегодня исследованы многие вопросы развития лагерной культуры, но вместе с тем многие аспекты культурной жизни остаются неизученными⁵.

Удивительным культурологическим и социальным феноменом является то, что все крупные города на севере Республики Коми (Емба, Ухта, Сосногорск, Инта, Печора, Воркута) созданы на месте крупных лагерных центров руками „врагов народа“⁶. Многие театры (например, в Воркуте, Ухте и т. д.), библиотеки, кинотеатры и другие учреждения культуры этих городов ведут свою историю с лагерных учреждений культуры, в которых главную роль играли политические заключенные, в основном, осужденные по 58 статье. Таким образом, начало культурной жизни этих молодых социалистических городов, основанных в конце 1920-х—середине 1940-х гг., положили и в дальнейшем очень активно развивали „враги народа“ — как правило, политзаключенные из деятелей культуры.

О влиянии сталинизма на культуру написано уже достаточно много⁷, однако в своей работе мы поставили конкретную задачу — определить влияние сталинского режима на культуру в неволе (в данном случае — в ИТЛ).

В данной работе используются различные материалы: воспоминания репрессированных деятелей культуры; правительственные и партийные документы по культурному строительству; труды Ленина и Сталина, в которых отражены их взгляды на развитие культуры; воспоминания, фотодокументы, произведения живописи, графики, скульптуры, которые хранятся в различных музеях и архивах г. Ухты (бывший центр Ухтпечлага, позднее Ухтижемлага), г. Воркуты (бывший центр Воркутлага), г. Сыктывкара; периодическая печать того времени.

Понятие „тоталитарная культура“ уже, чем понятие „культура в тоталитарном обществе“, т. к. последняя включает в себя не только первую, но и протестную, нелегальную культуру, которая, несмотря на тотальный контроль режима, все же существовала. Однако во второе понятие следует также включить и культуру мест заключения (так называемую „репрессированную культуру“) — тюрем, и особенно ИТЛ. В исправительно-трудовых лагерях культурная жизнь была гораздо более интенсивной, чем в тюрьмах, следственных изоляторах, и пересыльных лагерях, которые являлись лишь временными пунктами содержания заключенных.

На культурно-просветительскую работу в условиях заключения Советское правительство, согласно официальным документам, возлагало достаточно большие надежды. Работа культурно-воспитательных отделов (КВО), организованных при исправительно-трудовых учреждениях должна была заключаться „в поднятии интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных“,

а также в ознакомлении „с основами советского строя и правами и обязанностями гражданина СССР.“⁸ Многие положения, которые прописывались в официальных документах, регламентирующих культурно-воспитательную работу в ИТЛ, в реальной жизни часто не выполнялись или выполнялись в весьма измененном виде.

Так руководителем всей культурно-просветительской работы должен был являться начальник КВО, который „несет всю ответственность за правильность ее постановки“ и отвечает перед начальником лагеря за проведение „мероприятий, направленных на повышение культурного уровня ... заключенных.“⁹ Цензуру в лагерях осуществляли начальник лагеря и начальник КВО — чаще всего люди абсолютно не подготовленные к выполнению данных обязанностей — бывшие военные, к тому же уровень образованности у многих начальников часто еле-еле дотягивал до среднего, возможно именно в этих факторах причина того, что, по воспоминаниям репрессированных деятелей культуры¹⁰ „очень редко бывало, чтобы какой-нибудь спектакль, или концертная программа отменялись по той причине, что ее содержание не соответствует коммунистическим идеалам, или же что еще“. Конечно, деятели культуры были в большой степени ограничены в возможностях показывать со сцены именно то, что они хотят. Однако в силу выше указанных причин они очень активно использовали и семантику (особенно в архитектуре и скульптуре) и эзопов язык, для выражения своего мнения¹¹. Например в постановке оперы Гулак-Артемьевского „Запорожцы за Дунаем“ звучала тема сугубо современная, своя, лагерная — во что бы то ни стало вернуться из чужих земель домой¹².

При этом согласно официальным документам, ко всякой культурно-просветительской работе должны были в широкой мере привлекаться заключенные, которые „избирают из своей среды культурно-просветительскую комиссию.“ Она же в свою очередь должна была содействовать „укреплению самостоятельности заключенных, вовлекать в работу трудящуюся массу, способствовать „развитию политического и классового самосознания случайно совершивших преступление рабочих и крестьян“, для чего должна была организовать различные клубные секции и кружковые занятия, устраивать доклады, лекции и чтения, издавать журналы, газеты сборники и т. п.“¹³. Надо отметить, что в данной инструкции очерчивается круг лиц, которые могут участвовать в культурно-просветительской работе в исправительно-трудовых учреждениях. Как видим, привлекать следовало тех, которые „подлежат исправлению“ — совершивших умышленно или случайно противозаконные действия. Сюда же включали настоящих преступников — воров, убийц и т. д., которые не были классово чуждыми существующей системе. И это в отличие от классово чуждой репрессированной интеллигенции, которой в более поздних официальных документах прямо запрещалось участвовать в руководстве культурно-воспитательной работой, поскольку она могла оказать негативное влияние на других¹⁴. Таким образом, в официальных документах репрессированной интеллигенции практически отказывали в возможности „исправиться“, а учитывая, как правило, их большие сроки заключения — 20-25 лет, то всю изоляцию интеллигенции в лагерь можно рассматривать как отсроченное их уничтожение, ис-

пользование их в качестве „дешевой“ рабочей силы. В более поздних документах уже напрямую отмечалось, что „культурно-воспитательная работа должна соответствовать классовому характеру всей исправительно-трудовой системы лагерей с преимущественным обслуживанием заключенных, происходящих из рабочего класса и крестьянства“¹⁵. При анализе этих документов четко видно, что искусственно, посредством этих предписаний насаждается нетерпимость среди заключенных к „классово чуждым элементам“. Хотя в реальной жизни в больших масштабах этой классовой нетерпимости не было, т. к. в ИТЛ люди чаще ощущали друг друга собратьями по несчастью¹⁶.

Позднее заключенным на общем собрании было разрешено выбирать культсовет из классово невраждебных элементов. Председателем культсовета должен был являться зам. начальника лагеря. Культсовет должен был состоять из различных секций: массово-производственной, культурно-массовой, санитарно-бытовой и редакционно-издательской. В частности, культурно-массовая секция должна была руководить политической и культурно-воспитательной работой (школы, кино, библиотеки, театры и т. д.)¹⁷. Однако на деле в лагерях Республики Коми вся эта разветвленная структура существовала лишь на бумаге. К тому же, несмотря на все запреты „классово чуждые“ заключенные очень часто являлись организаторами и руководителями всей культурной жизни в лагерях¹⁸.

Формами проведения культурно-просветительской работы в лагерях, помимо уже перечисленных признавались устраиваемые заключенными „концерты, спектакли, литературные вечера, спортивные упражнения, литературные суды, живая газета и другие культурные развлечения и занятия, которые должны были соответствовать задачам коммунистического перевоспитания“¹⁹. Следует отметить, что партийные ячейки при лагерях не работали с заключенными, а всю политработу в ИТЛ осуществляли политотделы лагерей, но и их роль в „перевоспитании“ заключенных была небольшой.

В каждом месте заключения должны были устраиваться „библиотеки из книг политико-просветительского, популярно-научного и беллетристического содержания, имеющих образовательно-воспитательное значение“. КВО должно руководить постановкой библиотечного дела в лагере, наблюдать за продвижением книг в среду заключенных и своевременно пополнять библиотеки²⁰. Но это положение не всегда выполнялось. Так, например, в лагерях Сибири библиотек не было вообще, а во многих лагерях Республики Коми были. Причем в этих библиотеках были издания русских и иностранных классиков, экземпляры первых изданий книг русских поэтов серебряного века (даже с их автографами), даже вплоть до собраний сочинений, выпускавшихся Брокгаузом и Эфроном²¹.

Работники КВО кроме того должны были заниматься организацией и руководством школ ликвидации неграмотности, школ для малограмотных и курсов повышенного типа (причем все неграмотные заключенные до 50 лет обязаны были в свободное время посещать культурно-воспитательные учреждения лагеря), определением репертуара, наблюдением, инструктированием и контролем над театральной работой в лагерях, руководить работой клубов, красных уголков, музеев, издательской деятельностью лагеря²².

Все перечисленные выше мероприятия должны были организовываться КВО на основе самодеятельности заключенных, однако на деле получалось так, что те категории заключенных, которые должны были участвовать в культурно-воспитательной работе, были менее заинтересованы в таком роде деятельности, особенно, когда предполагалось, что она будет проводиться в свободное от общих работ время. К тому же они не имели в этом необходимых навыков, в отличие от деятелей искусства и культуры, художественной интеллигенции, творческая деятельность которых была профессиональным занятием. Поэтому практически сразу же образовавшихся на территории республики исправительно-трудовых лагерях вся культурно-воспитательная работа перешла в руки творческой интеллигенции. Первый лагерь в Республике Коми (Ухтпечлаг) был организован в 1929 г. В целом в исправительно-трудовых лагерях Республики Коми в первой половине 1930-х гг. режим был значительно мягче, чем в лагерях Сибири и Дальнего Востока. Не было зон с колючей проволокой за исключением колонн подконвойных заключенных. Сотни вольнонаемных по условиям жизни ничем не отличались от заключенных; не было четкого разделения заключенных на мужские и женские зоны, они жили в разных бараках с проходными у входа. Но постепенно режим становился строже²³. Художественная самодеятельность заключенных появилась сразу же. Уже летом 1930 года бревенчатый сарай — бывший технический склад дореволюционных искателей нефти недалеко от устья реки Чибью был отремонтирован, расширен и оборудован под клуб Ухтинской экспедиции ОГПУ (УЭ ОГПУ). Здесь поставили скамейки, установили сцену и назвали клубом Промысла № 1. Позднее за нефтеперерабатывающим заводом построили новое здание клуба Центральной культбригады КВО.²⁴ Это было началом замечательного музыкально-драматического театра города Ухты, на сцене которого с середины 1930 г. до середины 1940-х гг. выступали исключительно артисты-заключенные из „политических“.

По сведениям А. Н. Каневой в начале 1930-х гг. организаторами спектаклей, концертов, вечеров художественной самодеятельности в форме „Живой газеты“ были заключенные — члены кружка „Синей блузы“: инженер А. Г. Прасолов, бывшие культработники К. А. Житов, А. А. Антонов, музыкант Н. Т. Морозов. Заключенные первого этапа УЭ ОГПУ привезли с собой полубаян, некоторые струнные и духовые музыкальные инструменты, покупали у местного населения гармони и балалайки. Особо отличившихся в культурно-воспитательной работе награждали премиями, изредка делали режимные послабления, в общем, начальство всячески поощряло самодеятельную инициативу заключенных, всячески поддерживало их творческие начинания (выписывало из Центра книги, музыкальные инструменты и другие необходимые вещи)²⁵. Театрализованные представления, чтение книг являлись в лагере почти единственными способами духовного отдыха людей, своего рода развлечениями. В ИТЛ от недостатка духовного отдыха страдали все, особенно надзиратели, начальники, их семьи (особенно жены начсостава, которые, как правило, не работали), вольнонаемные специалисты. Находясь вдали от столичных и провинциальных культурных центров, они также ощущали потребность в культурном развлечении, и культурная жизнь лагеря обеспечивала работникам лагеря определенный духовный комфорт.

Уже в 1932 г. в п. Чибью (центр Ухтпечлага) появился первый художественный совет из заключенных. Активно развивалась самодеятельное музыкальное творчество, передвижное кино, библиотечное дело. В 1933 г. начальник лагеря Я. М. Мороз приказал организовать оперативный штаб по культурно-воспитательной работе. В него вошли представители начсостава. Но вскоре туда зачислили заключенных: украинского поэта П. М. Губенко (Остап Вишня), литератора и поэта Е. П. Барятинского (Лидина) и литературных сотрудников лагерной многотиражки „Северный горняк“²⁶. Этот штаб оказывал необходимую помощь культбригадам лагерных подразделений.

Таким образом, первый лагерный театр в Республике Коми и второй в республике (в 1930 г. в столице республики г. Сыктывкаре был открыт первый театр) был создан в п. Чибью в начале 1930-х годов. Позднее в 1934 году по проекту репрессированного архитектора А.Ф. Орлова²⁷ было построено высокое двухэтажное деревянное здание театра²⁸.

Практически все здания в северных городах Республики Коми в 1930-1950-е гг. строились по проектам репрессированных архитекторов. На данный момент нам известно 20 имен репрессированных зодчих. Все они были в разные годы выпускниками московских и ленинградских университетов, многие на момент ареста являлись крупными специалистами. При проектировании зданий в ИТЛ они очень часто использовали различные элементы архитектурных стилей предшествующих эпох, например, греческой, римской архитектуры или русского классицизма XIX в.²⁹ Так, например, в архитектуре г. Воркуты очень явно прослеживается влияние русского классицизма конца XIX-начала XX вв. Очень четко представлена эволюция архитектурного стиля северных городов Республики Коми в Ухте. Сначала в архитектуре доминировал русский классицизм конца XIX-начала XX вв., потом он стал „скрещиваться“ с ампиром (это отражено в целой серии зданий очень выразительной архитектуры), и с конца 1940-х гг. стал доминировать новый стиль, сталинский ампир. Спроектированные репрессированными архитекторами объекты до сих пор являются главными украшениями городов, архитекторы оказали сильное влияние и на дальнейшую архитектуру северных городов, а некоторые продолжали осуществлять проектирование объектов в городах Республики Коми вплоть до 1980-х гг.

Интересно, что инициаторами создания первых лагерных учреждений культуры было руководство лагеря, и первоначально с деятелями культуры обращались как с обычными заключенными (они работали на общих работах, например, актеры в театре репетировали после работы, на спектакли их приводили под конвоем и т. д.). Но в дальнейшем с приездом культурных деятелей первой величины таких, как дирижер Большого театра В. М. Каплун-Владимирский, режиссер Большого театра Б. А. Мордвинов, артист Большого и Мариинского театров Н. К. Печковский, которые стали инициаторами расширения и углубления культурной жизни в лагерях, улучшилось и бытовое положение заключенных, занятых в культурной деятельности лагерей. Они стали намного свободнее³⁰. Так, с приездом в 1935 г. бывшего режиссера харбинских театров, дирижера Большого театра и скрипача-профессионала В. М. Каплун-Владимирского под его непосредственным руководством (начальник лагеря Я.М. Мороз ему полностью доверял и вы-

дал ему карт-бланш) был организован профессиональный музыкально-драматический театр. Им были привлечены деятели искусств высочайшего класса. Среди них скрипач Большого театра Б. Шифферс, московский пианист и композитор О. А. Рассадин, выпускник Берлинской консерватории, педагог-музыковед, дирижер З. З. Сердюк, музыкант, дирижер харбинских театров А. И. Курыше, виолончелист, концертмейстер Большого театра Б. Д. Крейн, певица Мариинского театра З. Радеева, певица Московского оперного театра им. Станиславского С. Геликонская, выпускник Московской консерватории, проходивший стажировку в Милане И. Кортон, певица Центрального радиовещания С. Кравец и др.

Театр в ИТЛ был сосредоточением культурной жизни, здесь ставили различные спектакли, оперы, оперетты, балеты, проводили музыкальные вечера. В этом же здании функционировали различные кружки (в частности мастера занимались с талантливыми непрофессионалами, в том числе и с детьми), здесь работали художники, которые оформляли все культурные мероприятия лагеря. В здании театра, как правило, размещалась библиотека и читальный зал. Часто при театрах была и своя литературная часть, такая, например как при театре в п. Абезь (в ней работали В. Автономов, М. Стойчик, В. К. Ясный), при которой организовывалась настоящая серьезная учеба. Так, в связи с постановкой „Грозы“ Островского был подготовлен семинар, в котором обсуждались особенности эпохи и история театра Островского.

Литературная часть занималась и „издательской деятельностью“. Так под именем начальника Севжеллага вышла в свет история освоения Республики Коми, и даже вышел в свет в четырех экземплярах сборник стихов членов литературной части — „Земля оживает“.³¹ В сборнике о лагере не было сказано ни слова. И не только потому, что иначе никто бы не позволил выпустить этот сборник. Вокруг были более важные вещи, которые требовали, чтобы поэт запечатлел их в своих строках: красивая северная природа с ее неяркими красками, но великим разнообразием тончайших оттенков, тонов и переходов.

И лагерные театры, и литературные кружки, и оркестры существовали, не по причине гуманного отношения режима к заключенным. Инструкции демагогически предписывали с помощью развития культуры в лагерях „перевоспитывать осужденных. Но парадокс системы кроется в том, что средствами культуры и искусства в лагерях „перевоспитывали“ „враги народа“, осужденные по пресловутой 58 статье УК. Причем эти „классово-чуждые советскому государству элементы“ воспитывали, развлекали, учили,ставляли не только заключенных. Их „воспитательная“ деятельность пользовалась большим спросом среди вольнонаемных, „идеологов“ из политотделов лагерей, начальников и их жен, детей и родственников.

По воспоминаниям заключенных деятелей культуры любой способ духовного самовыражения являлся стимулом жизни и выживания, постоянным напоминанием о существовании „вольных“ условий и человеческих отношений. Театральная сцена помогала вырваться из окружающих условий, хоть на сцене почувствовать себя людьми играя свободных людей, перенестись в иные эпохи. На сцене создавалась своего рода иная реальность, реальность нормального существования, некая фантастическая жизнь³². Репрессированные деятели культуры в условиях подневольного

труда дали примеры высокой нравственности, сознательности, трудолюбия, преданности искусству, профессиональному долгу. Они сумели сохранить человеческую душу, интеллигентность, находили силы увлекать и даже своих мучителей — режимников, конвойных и надзирателей в мир прекрасного, благородного, доброго³³. Лагерная культура призвала не поддаваться обстоятельствам. Культурные организации ИТЛ, может быть, были еще нужнее, чем агитбригады на фронте, поскольку там кругом свои и в руках оружие, а впереди враг, а здесь в лагере „в руках была только тачка и лопата“.

Печальная сторона лагерного искусства состоит в том, что зачастую даже высоко профессиональные деятели культуры, способные создавать высокохудожественные произведения, из-за неостребованности их творчества были заняты на общих лагерных работах и имели меньше возможности заниматься творчеством. Но с другой стороны они были более свободными, т. к. их искусство было тайное, нелегальное, не подконтрольное цензуре. Они действительно творили от сердца и воплощали в своих стихах и картинах крик души. Среди них можно назвать метров от архитектуры Лансере Н. Е., Олтаржевского В. К., художника Миллера Н. А., художника-графика Б. П. Свешникова, графика В. Н. Городецкого. В связи с этим следует заметить, что лагерное искусство тоже делится на две большие группы: легальное и нелегальное. Первое было официально разрешено руководством лагеря и поддерживалось. С помощью его „перевоспитывали“. Оно испытывало на себе влияние цензуры, было публичным. Деятели легального лагерного искусства имели режимные послабления, однако легальное лагерное искусство (и культуру в целом) нельзя полностью отождествлять с тоталитарной культурой. Это было совершенно другое образование, созданное на принципиально другой платформе, выполнявшее другие функции (цели и задачи), внутренне функционировавшее по-другому. По воспоминаниям бывших заключенных, идеологический нажим сталинизма в лагерях не был столь сильным. Политотделы лагерей, сформированные здесь на окраинах зачастую из случайных людей не могли заниматься эффективной „идеологической перековкой врагов народа“. Начсостав лагерей был сформирован из бывших заключенных или присланных на службу в Коми в наказание за какие-то проступки. В частности, это относится к двум самым заботящимся о культуре начальникам лагерей — М. М. Мальцеву и Я. М. Морозу.

Анализ же конкретных явлений культурной жизни в ИТЛ позволил обнаружить и выделить существенные различия в функционировании культурной жизни в ИТЛ, в отличие от страны. Как это не парадоксально звучит, но культурная жизнь за колючей проволокой была более свободной чем на воле. Это было обусловлено следующими обстоятельствами:

— В стране существовало больше органов, осуществлявших цензуру. В ИТЛ специальных органов, выполнявших эти функции не было. Вопросами цензуры ведали начальник ИТЛ и заведующий КВО, которые, как правило, были совершенно не подготовлены для данной работы. К тому же, деятели культуры очень часто прибегали к использованию знаков и символов в своих произведениях, т. е. использовали семиотику для выражения своих мыслей и чувств;

— Многие репрессированные деятели культуры были менее склонны к восприятию примитивизированных и обезличенных форм искусства социалистического реализма;

— Репрессированных деятелей культуры в ИТЛ было очень трудно, если вообще возможно, заставить творить в рамках социалистического реализма: но если это и получалось, то они принимали комичные, гротескные формы;

— В творчестве репрессированных художников не было страха, царившего на воле: деятели искусства и так уже находились в сложных, нечеловеческих условиях и самое страшное, что могло с ними произойти — уже случилось;

— Многие находили в культуре отдушину, поэтому лгать перед собой они были не склонны. Они были свободны в своем творчестве, и находились внутри творческого процесса, создавая произведения искусства, что для них было подлинной жизнью. К тому же они не получали за это жалование;

Существование высокой культуры в исправительно-трудовых лагерях — это уже феномен, своего рода „луч света в темном царстве“. Культурная жизнь в ИТЛ в целом подчинялась всем тем же ограничениям, что и культура в стране. Но возможности для духовного самовыражения в те времена в лагере были более широкими. В определенном смысле лагерная культура была более свободной. Несмотря на то, что власть возлагала на культурную работу в лагерях определенные надежды в деле идейного перевоспитания преступников, культурная жизнь в ИТЛ функционировала абсолютно по другим законам и во многом не подчинялась директивам „сверху“.

Деятели культуры, осужденным за идеологическую невыдержанность их произведений на воле, предоставляли условия для творчества в лагере. Начальники лагерей даже не из ценителей искусства, а в силу амбиций („У меня свой театр, и какой!“) поощряли деятельность репрессированной художественной интеллигенции. Как бы то ни было, но в определенной мере это способствовало сохранению репрессированной культуры и выживанию ее деятелей. В лагерях мастера — профессионалы учили талантливых непрофессионалов, которые становились их учениками, носителями традиций определенных художественных школ.

Очевидно, что репрессированная культура причастна к культурному возрождению в годы „оттепели“. Без сомнения репрессированные деятели культуры оказали большое влияние на развитие культуры Республики Коми и других регионов страны — бывших центров ГУЛАГа.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ
(№04-01-41-101 а/с.)*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление политбюро ЦК ВКП(б) „О перестройке литературно-художественных организаций“ (от 23 апреля 1932 г.) // Власть и художественная интеллигенция. Сборник документов. М., 2002. С. 172-173.

2. Маслов Н. Н. Советское искусство под гнетом „метода“ социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30-40-е гг.) // Вопросы истории, 1994. № 4. С. 14.
3. Социалистический реализм // Краткий философский словарь. М., 1952. С. 476-478.
4. Морозов Н. А. Культура и ГУЛАГ: вызов и ответ // Политические репрессии в России. 20 век. (Сборник статей). Сыктывкар, 2000. С. 167-173.
5. Развитие профессионального искусства в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар. 1999. С. 16.
6. Беловол А. А. Репрессированные архитекторы Ухты // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР: Сборник работ студентов и школьников (Приложение к мартирологу „Покаяние“. Выпуск № 1.) С. 13-19.
7. Например, работы Маслова Н. Н., Голомштока И. Н., Гюнтера Г., Ильина Т. В., Каганова Г. З., Орлова Д. И.; появились в учебных пособиях по культурологии, где целые разделы посвященные тоталитарному искусству. См., на пример, Культурология. Под ред. Шаповалова. М., 2003.
8. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 16 октября 1924 г.) // Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960. Сборник документов. М., 2002. С. 31.
9. Положение об Исправительно-трудовых лагерях (от 7 апреля 1930 г.) // Там же. С. 66.
10. Клейн А. Улыбки неволи. Москва. 1997. С. 125.
11. Морозов Н. А. Семиотика лагерной жизни // История репрессивной политики советского государства 1917-1956. Сборник статей. Сыктывкар, 1994. С. 41-45.
12. В. К. Ясный. Крепостной театр // Покаяние: Мартиролог. Т. 2. Сыктывкар. 1999. С. 304.
13. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 16 октября 1924 г.) // Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960. Сборник документов. М., 2002. С. 37-38, 41.
14. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 1 августа 1931 г.) // Там же. С. 81.
15. Положение об Исправительно-трудовых лагерях (от 7 апреля 1930 г.) // Там же С. 71.
16. Воспоминания архитектора Мурзина П. К. // Краеведческий музей г. Ухты. Фонд П. К. Мурзина. Д. 35. С. 24.
17. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 1 августа 1931 г.) // Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960. Сборник документов. М., 2002. С. 81.
18. Клейн А. Улыбки неволи. Москва. 1997. С. 77-80.
19. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 1 августа 1931 г.) // Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960. Сборник документов. М., 2002. С. 81.
20. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (от 16 октября 1924 г.) // Там же. С. 42.
21. В. К. Ясный. Крепостной театр // Покаяние: Мартиролог. Т. 2. Сыктывкар. 1999. С. 301. Клейн А. Улыбки неволи. Москва. 1997. С. 21.
22. Положение об Исправительно-трудовых лагерях (от 7 апреля 1930 г.) // Гулаг: Главное управление лагерей. 1918-1960. Сборник документов. М., 2002. С. 66.

23. Канева А. Н. Ухтпечлаг. 1929-1938 // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 345-346.
24. Канева А. Н. Гулаговский театр Ухты. Сыктывкар, 2001. С. 15.
25. Там же. С. 14-15.
26. Там же. С. 16-17.
27. УАО УИНМ РФ по РК. Фонд личных дел. Личное дело № 19350.
28. Канева А. Н. Ухтпечлаг. 1929-1938 // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 347.
29. Беловол А. А. Архитекторы Гулага // От краеведения к науке. Сыктывкар. 2003. С. 86-90.
30. Канева А. Н. Гулаговский театр Ухты. Сыктывкар, 2001. С. 24-29.
31. В. К. Ясный. Крепостной театр // Покаяние: Мартиролог. Т. 2. Сыктывкар. 1999. С. 303.
32. Там же. С. 302.
33. Канева А. Н. Гулаговский театр Ухты. Сыктывкар, 2001. С. 4.

А. В. Самарин

Коми научный центр УрО РАН

УЧАСТИЕ УЧЕНЫХ КОМИ ФИЛИАЛА АН СССР В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ВСЕСОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

На современном этапе большое внимание уделяется персонализации истории. Все чаще на первый план в научных исследованиях начинает выходить личность — гражданин, общественный деятель, ученый и др. Архивы могут стать богатым источником, позволяющим раскрыть вопросы с новых, интересных ракурсов.

В данной статье мы на примере одного крупного проекта продемонстрируем борьбу ученых Коми филиала за свои убеждения, которые они смогли провезти сквозь всю машину государственного управления Советским государством.

В основу сообщения легли научные отчеты, докладные записки, переписка и опубликованные монографии по проблеме переброски стока северных рек в бассейн Каспийского моря: комплекс гидротехнических, экологических, экономических проектов соединения бассейна рек Печоры, Вычегды и Камы с целью переброски части их стока в бассейн Волги.

С начала XX века экономика южных регионов страны оказалась заложником неравномерного размещения запасов водных ресурсов. Проблема усугублялась бурным развитием промышленности, сельского хозяйства, а также увеличившейся плотностью заселения отдельных регионов. В результате, во второй половине XX века в Волго-Каспийском регионе наблюдался дефицит пресных вод.

Идея переброски стока вод северных рек на юг всегда импонировала руководству страны, поскольку позволяла решить несколько задач: пополнения пресных вод и орошения засушливых районов; максимально эффективного использования ресурсов северных территорий. Существовала и политическая причина: продемонстрировать всему миру преимущества советского строя, который подчинил себе силы природы, тем более что в США в

1950-х годах рассматривались подобные проекты, но они были отклонены из-за дороговизны и сложности¹.

Уверенность в осуществимости проекта подкреплял тот факт, что в стране уже проводились работы подобного рода. В 1941-1947 гг. было создано Рыбинское водохранилище, а в 1955-1957 гг. — Куйбышевское.

В 1956 г. в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 12 апреля 1955 г. Институту Гидропроекта им. С. Я. Жука было поручено составить технико-экономический доклад по установлению рациональной „Схемы переброски стока северных рек“². Технико-экономический доклад был подготовлен в 1956 г. В нем было рассмотрено несколько основных вариантов переброски стока северных рек. Первый вариант предполагал транспортировку стока рек Печоры, Вычегды, Сысолы и Юга, Лузы и Сухоны через Шексну в Рыбинское водохранилище и далее в Волгу посредством каналов и водохранилищ. По второму варианту переброска стока рек Печоры и Вычегды проектировалась через р. Каму с созданием Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса (КВП). Третий вариант — комбинированная переброска через р. Каму и через Сухону и Шексну.

Институт им. С. Я. Жука провел сравнительную характеристику различных вариантов переброски. Основным показателем эффективности осуществления того или иного варианта схемы являлся срок окупаемости в годах. В результате расчетов схема переброски через р. Каму во всех ее вариантах выглядела более эффективной, чем через Сухону. Она обладала, во-первых, меньшими сроками окупаемости дополнительных капиталовложений (12-15,4 лет) в сравнении со схемой, предполагавшей движение воды через Сухону (18,1-29,6 лет). Во-вторых, вышедшей (1,31-1,51 коп. за квт/ч) себестоимостью энергии против 2,34-2,77 коп. за квт/ч.

На реализацию проекта предполагалось затратить 5515,3 млн. руб. Проект предполагал строительство Усть-Цилемской ГЭС на р. Печоре, которая имела бы самостоятельное энергетическое значение как база для развития энергоемких производств на территории Коми АССР, а также существенное значение для улучшения судоходных условий на нижней Печоре. Сметная стоимость строительства Усть-Цилемской ГЭС равнялась 3360 млн. руб.

Проект был отправлен для ознакомления заинтересованным сторонам. Коми областной комитет партии перенаправил его в Коми филиал АН СССР. Сыктывкарским ученым отводилась роль популяризаторов идей переброски среди населения. В этот период появился целый ряд газетных статей призванных показать преимущества проекта³. В. А. Витязева вспоминает, что для Коми филиала вопрос о переброске стока рек встал вдруг, „ученым сказали, чтобы они ею занимались“. В планы отдела энергетики и водного хозяйства была включена тема „Гидрологические условия зоны затопления КВП“. В отдел энергетики и водного хозяйства для усиления была переведена В. А. Витязева, в то время уже крупный ученый-экономист, написавшая монографию „Печорский угольный бассейн“ (М., 1955).

Сотрудники отдела энергетики и водного хозяйства отправились в экспедиции на предполагаемые территории затопления и на месте установили ряд крупных фактических ошибок проекта. В 1956 г. ими была составлена докладная записка, в которой отра-

жена позиция Коми филиала АН СССР по ряду важных вопросов дальнейшего развития лесной, нефтегазовой и угольной промышленности, энергетики и энергетических производств, рыболовского и сельского хозяйств в Коми АССР в связи с переброской стока северных рек.

В докладной записке ученые Коми филиала отмечали не проработанность в проекте целого комплекса вопросов, таких как лесосводка и деревообработка, а также влияние переброски на сельское хозяйство. Во-первых, в зону затопления попадали около 90 млн. кубометров запасов древесины, что потребовало бы увеличения объемов лесозаготовок в 3,5 раза, а также решения вопросов о путях транспортировки древесины и строительства новых предприятий по ее переработке. Во-вторых, научные сотрудники выступили против сооружения компенсирующего Усть-Ижемского гидроузла, так как по их мнению это угрожало нарушением сельскохозяйственного производства северной части Коми АССР. Будут затоплены наиболее плодородные земли республики, а также нанесен удар по животноводству.

Показательно, что в этой записке, а также во всех последующих работах, ученые признавали общее положительное влияние проекта переброски стока северных рек на развитие промышленности, транспорта и энергетики страны, в случае, если проектировщики исправят допущенные ошибки⁴.

В 1960 г. на объединенной сессии Уральского филиала АН СССР и Совета народного хозяйства Пермского экономического административного района по изучению производительных сил был представлен доклад ученых из Коми филиала АН СССР Д. С. Тона, В. А. Витязевой, А. Ф. Ануфриева. В нем было доказано, что успешное развитие производительных сил Коми экономического административного района непосредственно не зависит от „схемы переброски“ и может быть обеспечено другими, более экономичными, путями. Из предложенных вариантов переброски ученые выбирали тот, в котором предусматривалось сооружение гидроузлов (Усть-Войского на р. Печоре и Усть-Куломского на р. Вычегде) с обязательным включением в их состав гидроэлектростанций⁵. Этот вариант обеспечивал выработку наибольшего количества электроэнергии при наименьшем из предложенных вариантов отрицательном воздействии на окружающую среду.

Используя стремление ленинградских специалистов в кратчайшие сроки приступить к воплощению проекта, руководитель Коми филиала П. П. Вавилов добился снаряжения археологических экспедиций за счет института Гидропроекта. (в тот период у филиала было скудное финансирование, которого не хватало на первоочередные исследования). Как выяснили археологи в зону затопления попадали территории, богатые древними стоянками, городищами.

Проделанная учеными Коми филиала АН СССР работа осталась незамеченной Ленинградским институтом, который на основе технико-экономического доклада 1956 года составил новый схематический проект переброски стока северных рек, предполагавший организацию на территории Коми АССР Вычегодско-Печорского водохранилища площадью 15900 кв. км. Под затопление попадали 138 населенных пункта⁶. Защита указанного проекта и его утверждение на техническом Совете Министерства строи-

тельства электростанций СССР 24 января 1961 г. происходили без участия представителей Коми АССР.

27 января 1961 г. в г. Сыктывкаре состоялось совместное совещание работников Совета народного хозяйства Коми экономического административного района, заинтересованных министерств Коми АССР, Коми филиала АН СССР и института КомигипроНИИлеспром. На совещании было принято решение изучить материалы проекта по переброске, разработанного Гидропроектом, и дать свои соображения и замечания для учета при проработке дальнейших стадий проектирования⁷. Это решение можно считать первой крупной победой ученых Коми филиала. Директивные органы республики встали на сторону ученых, настаивая на их более активном участии в проекте.

Анализом схематического проекта института Гидропроект 1960 года занимались специалисты Коми филиала АН СССР, Коми Совнархоза, Министерства сельского хозяйства и Госплана Коми АССР и КомигипроНИИлеспрома. Исследования, производившиеся в Коми филиале АН СССР в соответствии с программой работ по перераспределению стока, велись по двум направлениям. Первое — исследования изменения природных условий на территории Коми АССР при переброске части стока р. Печоры на юг. Второе — влияние переброски стока р. Печоры на народное хозяйство Коми АССР⁸. Л. А. Братцев, В. А. Витязева, Н. А. Лазарев, К. А. Моисеев и М. В. Фишман составили 84 пункта замечаний к проекту и пришли к выводу, что в проекте односторонне освещено положительное влияние Камо-Вычегодско-Печорского комплекса, в тоже время были занижены размеры капиталовложений (в ряде случаев в 6,5 раз) и сроки окупаемости. Соответственно завышен расчетный народнохозяйственный эффект КВП. Не освещено негативное влияние переброски на сельское и лесное хозяйство, нефтегазовую промышленность, рыбное хозяйство и климат. В ряде случаев допущено произвольное упрощение сложных природных условий и процессов, которые требуют дополнительного исследования. Кроме того, необходим пересмотр проекта в стадии проектного задания, с последующим расширением и доработкой. Основное направление доработки схематического проекта должно состоять в „отыскании варианта переброски стока рек Печоры и Вычегды в бассейн Волги действительно оптимального с общегосударственной точки зрения. Этот вариант должен обеспечивать переброску заданного объема стока, но с меньшим НПГ водохранилищ, с более высоким полезным их объемом и с меньшей площадью затопления и подтопления“⁹.

Замечания были представлены в Коми обком КПСС, Совет Министров Коми АССР, Совет народного хозяйства Коми экономического административного района, Госплан Коми АССР и Совет по проблемам водного хозяйства АН СССР. Директивные органы внимательно отнеслись к предложениям Коми филиала. На заседании технико-экономического совета Коми совнархоза 29 марта 1961 г., с докладом выступил главный инженер Гидропроекта Г. К. Саруханов. Члены совета отметили, что при большом народнохозяйственном значении строительства КВП разработчиками Гидропроекта были допущены просчеты, касающиеся Коми АССР, которые необходимо учесть и устранить в дальнейших проектных решениях¹⁰.

С целью создания дополнительных преимуществ для Коми АССР от переброски стока рек, Гидропроект в 1961 г. составил новый технико-экономический доклад „Использование энергии реки Печоры для электрификации Коми АССР“, в котором была обоснована целесообразность строительства целого каскада ГЭС на реке Печоре и ее притоках. Особое внимание было уделено строительству Усть-Ижемской ГЭС¹¹.

Заведующий отделом энергетики и водного хозяйства Коми филиала АН СССР канд. техн. наук Я.А.Супряга, заведующая отделом экономики канд. геогр. наук В. А. Витязева, руководитель водохозяйственной группы отдела энергетики и народного хозяйства канд. геол.-минирал. наук Л. А. Братцев подготовили в марте 1962 г. заключение по технико-экономическому докладу Института Гидропроект 1961 года. Учеными было отмечено, что в докладе нарушен принцип комплексности, который является обязательным во всех областях проектирования, особенно там, где затрагиваются интересы целого ряда отраслей народного хозяйства. Разработчики Института Гидропроект наиболее полно по сравнению с остальными разделами отразили вопросы энергетики и водного транспорта. Специалисты Коми филиала провели перерасчет материалов проекта, указали на ошибочность и приблизительность многих данных, вследствие чего выявили занижение затрат. Реальный срок окупаемости каскада печорских ГЭС по подсчетам сыктывкарских ученых достигал двадцати лет. В итоге авторы „Заключения...“ предложили альтернативный вариант решения вопросов энергетики для Коми АССР, например, преимущественного использования тепловых электростанций, работающих на базе высокозольных углей интинского месторождения, мало рентабельных для транспортирования¹².

Таким образом, в начале 1960-х гг. изменилось отношение к филиалу. Если в предыдущие пять лет он давал лишь экспертную оценку, которая носила рекомендательный характер, то в последующие годы Коми филиал занялся самостоятельными исследованиями по проблемам, связанным с переброской.

Еще в 1957 году бюро Коми обкома КПСС, Коми Совнархоз и Совет Министров Коми АССР поручили Коми филиалу АН СССР включить в тематический план научно-исследовательских работ изучение данной проблемы. Академия наук подтвердила целесообразность комплексных научных исследований этого направления только в 1961 г. после совещания АН СССР по координации научных проблем в области водного хозяйства¹³.

В 1963 г. сотрудники Коми филиала приступили к изучению темы „Проблемы развития народного хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн реки Волги“. Руководителями темы были канд. эконом. наук В. П. Подоппелов, канд. геогр. наук В. А. Витязева, канд. геол.-минирал. наук Л. А. Братцев¹⁴.

Изучение темы велось по четырем основным направлениям, были получены следующие результаты: канд. эконом. наук В. П. Василенко изучавший развитие сельского хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока Печоры и Вычегды в бассейн Волги установил, что нормативы и затраты на компенсацию сельскохозяйственных угодий, приведенные

главным инженером Г. Л. Сарухановым, занижены и составляют 6,241 млн. руб., тогда как по расчетам Коми филиал АН СССР затраты могли составить 75,9 млн. руб. В связи с переброской рек могли появиться диспропорции в развитии сельского хозяйства региона¹⁵.

К. И. Азизов, Г. Т. Мамаев, Ф. В. Шахрай, Л. Ф. Воеводина изучили развитие лесной промышленности Коми АССР в связи с переброской стока рек. Исследователи пришли к заключению, что сооружение КВП не окажет существенного влияния на общий объем лесозаготовок республики. Из-за сильной заболоченности лесов и малой концентрации запасов удлинняется срок окупаемости капиталовложений и снижается экономическая эффективность лесозаготовительной промышленности в зоне затопления¹⁶.

Экономическая оценка эффекта для нефтегазовой и угольной промышленности Коми АССР была дана Г. И. Варламовым и М. С. Буханцевым, которые отметили, что в проекте Гидропроекта нет экономической оценки эффекта от затопления нефтегазовых месторождений Коми АССР в связи с созданием КВП. Ученые подсчитали, что ущерб от создания КВП для нефтегазовой промышленности составит 1174,2 млн. руб., что в два раза больше стоимости сооружения самого КВП¹⁷.

Развитие транспорта и экономических связей Коми АССР в связи с созданием КВП водохозяйственного комплекса было освещено в четвертом разделе темы, выполненном Э. С. Куратовой, которая отметила большое влияние КВП на все виды транспорта, хотя подчеркнула необходимость дополнительных капиталовложений для реализации проекта¹⁸.

Выводы показали необходимость использования комплексных методов исследования для получения полной и достоверной картины. Ученые Коми филиала АН СССР доказательно продемонстрировали отрицательное влияние организации Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса на некоторые отрасли народного хозяйства Коми экономического района.

В исследованиях Коми филиала было продемонстрировано, что специалисты Гидропроекта недооценили общегосударственного народнохозяйственного значения Коми экономического района, который являлся важным промышленным районом европейского Северо-востока СССР.

Институт Гидропроекта им. С. Жука уже не мог игнорировать сложность и дискуссионность проблемы. Впервые открытое обсуждение переброски северных рек и ее влияния на народное хозяйство Коми АССР состоялось 25 сентября 1964 г. на заседании плановой комиссии Северо-Западного экономического района в г. Ленинграде. В заседании принимали участие представители институтов Гидропроекта, ГосНИОРХ, северного отделения института „ПИНРО“, Главсеврыбвода, Главсевзапрыбвода. От Коми филиала АН СССР присутствовали: Л. А. Братцев, А. Ф. Ануфриев, Г. Г. Мамаев, Е. Е. Палкин. Участники совещания заняли позицию, близкую к позиции Коми филиала: проект переброски стока рек имеет большое значения в союзном масштабе и должен быть продолжен, однако необходимо подсчитать наносимый ущерб и принять меры к его сокращению. Институту Гидропроект было предложено провести уточненные расчеты по определению влияния затопления промысленных нефтегазоносных структур на экономические показатели разведки месторождений, их обустройства

и эксплуатации. Коми филиалу поручили дальнейшее проведение научно-исследовательских работ по проблеме. Также было принято решение расширить круг организаций, занимающихся проблемой переброски¹⁹.

В 1967 г. вышла в свет совместная монография В. П. Подпеллова, Л. А. Братцева, В. А. Витязевой „О влиянии переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР“²⁰, в которой были подведены итоги работы Коми филиала по данной проблеме. Монография вызвала широкий резонанс у специалистов. Она продемонстрировала тесную взаимосвязь различных отраслей хозяйства. Комплексный подход, в обсуждении проекта переброски, помог выявить и обозначить скрытые взаимосвязи между различными отраслями народного хозяйства республики.

В результате научно-исследовательских работ Коми филиала развернулась открытая дискуссия. На заседании государственной экспертной комиссии авторам проекта было указано на недопустимость создания огромного водохранилища площадью 15 тыс. кв. км, которое нанесет чрезмерный ущерб территории Коми АССР. Институту Гидропроекта было предложено пересмотреть проект и снизить размеры ущербов, наносимых природе и народному хозяйству республики²¹.

Данное решение стало началом нового этапа в развитии вопроса переброски стока северных рек. Для этого этапа было характерно то, что при разработке новых проектных решений необходимо было учитывать особенности природы и значимость народного хозяйства Коми АССР для развития экономики страны. Решение данной проблемы было невозможно без тесного сотрудничества института Гидропроекта с Коми филиалом АН СССР.

Основным условием сокращения негативного влияния переброски северных рек на природу и народное хозяйство Коми АССР было уменьшение площади затопления. С этой целью институту Гидропроекта пришлось отказаться от самотечного принципа переброски стока и разработать более прогрессивный способ — перекачку воды насосами. На основе этой идеи был разработан двухступенчатый вариант, за которым последовал трехступенчатый и четырехступенчатый варианты. Изменения между вариантами были минимальными. Теперь суть переброски заключалась в расчленении Усть-Войского водохранилища на две части: северную — собственно Усть-Войское водохранилище, и южную в районе села Покча. Вода из этого водохранилища по водораздельному каналу между Печорой и Колвой должна была поступать в Каму. В дальнейшем после истощения нефтегазовых месторождений в пределах затопления намечалось приступить к строительству плотин у села Усть-Воя и создать северное Усть-Войское водохранилище. Объем подаваемой на юг воды составлял бы примерно 29 куб. м. При этом площадь затопления составила бы 7500 кв. км.

Все три варианта были отклонены, поскольку, несмотря на сокращение площади затопления, по данным ученых филиала АН СССР при реализации проекта был бы нанесен значительный ущерб рыбному хозяйству (утрачено 70% нерестилищ семги, сига, нельмы); под затопление попала бы огромная лесопокрытая площадь (порядка 5,5 тыс. кв. км) и территория, перспективная на

нефть и газ, с запасом около 170 млн. т. условного топлива. Кроме этого, произошли бы изменения климата в данном регионе²².

Принципиально иной подход к проблеме переброски стока предложил в 1974 году Институт водных проблем АН СССР. По его проекту предполагался забор части стока Печоры в ее нижнем течении в объеме 55-60 куб. м воды. Для этого необходимо было создать в долине реки водохранилище площадью 5,3 тыс. кв. км., из которого вода по реке Пижме в направлении, обратном течению реки, поступала бы в р. Вымь и через Сухону — в Рыбинское водохранилище, а затем в Волгу. Это так называемый вариант „Антипижма“²³. Преимущество данного проекта в том, что при его реализации не изменится водность реки в верхнем и среднем течении; увеличится объем перебрасываемой части стока; улучшение водоносности скажется на ограниченном участке нижнего течения. Но при этом были бы затоплены все сельхозугодия этих районов, значительная часть водозащитных лесов; будет закрыт доступ семги более чем к 90% всех нерестилиц и др.²⁴

Ученые Коми филиала выступили в новой для себя роли, предложив собственный вариант переброски, который щадяще относился к экологии и хозяйству Коми АССР. В 1973 году в отделе энергетики и водного хозяйства Коми филиала АН СССР на основе ранних проработок института Гидропроекта была рассмотрена возможность переброски воды в р. Каму из горных притоков и верховий р. Печоры. Данный проект в корне отличался от всех ранее выдвигаемых проектов, которые предусматривали превращение Печоры в антиреку на всем ее протяжении. Для компенсации объемов перебрасываемой воды было предложено перебросить часть стока р. Оби посредством водохранилища на горных притоках Печоры и каналов, по которым вода самотеком попадала бы в р. Каму. Для осуществления проекта необходимо было перебросить воду через перевал высотой 500 м, или пробить туннель на высоте 220-300 м длиной 40 м и 23 м. Недостаток этого варианта заключался в том, что при незначительных объемах переброски и необходимости прорубания горных каналов данный проект получался дорогим.

В 1975 г. был составлен научный прогноз оптимальных условий переброски стока р. Печоры в бассейн р. Волги. В составлении прогноза принимали участие канд. техн. наук А. Ф. Ануфриев, канд. сел.-хоз. наук В. В. Беляев, канд. геогр. наук А. П. Братцев, канд. эконом. наук В. П. Подоплелов. Авторы рассмотрели все три варианта. Коми филиал АН СССР рекомендовал в качестве оптимального вариант переброски уральских притоков, как наиболее щадящий природную среду и народное хозяйство Коми АССР. Но данный проект тоже был отклонен, т.к. главным его недостатком являлась высокая стоимость строительства²⁵. Разработка проблемы началась с чистого листа.

В 1983 году в Коми филиале изменилось руководство (на смену В. П. Подоплелву пришел М. П. Рощевский). Если в предыдущие периоды ученые не оспаривали важности данного проекта и выступали лишь за минимизацию потерь для Коми АССР, то сейчас был поставлен вопрос о нецелесообразности проведения таких работ в принципе. Учеными Коми филиала АН СССР была подготовлена докладная записка в Политбюро „О влиянии

переброски части стока реки Печоры в бассейн Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР". В данной записке, был сделан ряд новых выводов о том, что осуществление переброски части стока на юг приведет к необратимым нарушениям природных экосистем на Севере и к значительным потерям воспроизводимых биологических ресурсов. Также было отмечено, что гидротехнические сооружения и водохранилища находятся в зоне активных неотектонических движений, недоучет которых может привести к аварийной обстановке на объектах переброски²⁶.

Окончательную точку в споре ученых и проектировщиков поставил системный кризис середины 1980-х—начала 1990-х гг. Сложности государства в разрешении текущих экономических проблем привели к отказу от осуществления дорогостоящих проектов, в том числе и по переброске северных рек.

14 августа 1986 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР „исходя из необходимости дополнительного изучения экологических и экономических аспектов проблемы переброски и в целях концентрации финансовых и материальных ресурсов на выполнении работ по повышению эффективности использования водных ресурсов и имеющихся мелиорированных земель, признали целесообразным прекратить проведение проектных и подготовительных работ по переброске стока северных и сибирских рек"²⁷.

В принятии решения о прекращении работ большую роль сыграли ученые Коми филиала АН СССР. Работа над проблемой переброски стока рек стала крупнейшей и важнейшей темой, которой занимались ученые. От их позиции зависело будущее республики. В процессе разработки проблемы значительно поднялся общий уровень работ, проводимых в Коми филиале. Это позволило изменить степень участия филиала в проекте: от экспертной оценки до полноправного участия в разработке проблемы (с подготовкой собственных схем переброски). Также с повышением авторитета учреждения менялся и тон заключений — от осторожных предостережений в необходимости более детальной проработки, до прямого возражения на самом высоком уровне против проекта.

Главным научным достижением было то, что ученые Коми филиала не только доказали важность комплексного подхода к любой сложной проблеме как научного, так практического плана, но и смогли отстоять свои взгляды, не побоявшись пойти против мнения большинства. В процесс обсуждения ученым своей аргументированной позицией удалось привлечь на свою сторону первого секретаря Коми обкома КПСС И. П. Морозова, Президента Академии наук А. П. Александрова, который был активным сторонником идеи переброски, но под давлением аргументов изменил свою позицию.

*Работа выполнена при поддержке гранта
молодых ученых УрО РАН 2004 г.*

Примечания

1. Львович М.И., Коронкевич Н.И., Кесь А.С., и др. Оценка вероятных изменений природных условий в районах изъятия, транспортирования и распределения стока. // Влияние переброски стока на природные условия. М., 1982 г. С. 6.

2. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 231, Д. 184.
3. Моторина, Шарапова „Энергетика в республике сегодня и завтра // Красное знамя. 14.11.1956; Чернов Г.А. [Строительство дамбы на Печоре] // Красное знамя, 27.08.1957
4. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 191. Л.7-12, 19-22, 37-39.
5. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 792. Л. 8.
6. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 229. Л. 13.
7. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 628. Л. 2.
8. Братцев А.П., Забоева И.В., Подоплелов В.П. Прогноз влияния переброски стока р. Печоры в бассейн р. Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР // Влияние переброски стока северных рек на природную среду. Сыктывкар 1979. С. 56.
9. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 628. Л. 46-48.
10. Обсуждение проекта переброски стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Каспия // Известия Коми филиала географического общества СССР. Сыктывкар. 1962. Вып.7. С.132.
11. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 680.
12. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736.
13. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 327. Л. 2.
14. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 327. Л. 5.
15. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 317. Л. 85-139.
16. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 313. Л. 1-86.
17. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 376. Л. 1-37.
18. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 386. Л. 19-31.
19. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 827а. Л. 6-14.
20. О влиянии переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР. / Под ред. Л.А.Братцева, В.А.Витязевой, В.П.Подоплелова. Л.: Наука, 1967.
21. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 604.
22. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 9. Д. 559. Л.142-144.
23. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 559. Л. 21.
24. Там же Л. 150.
25. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 559. Л. 150-170.
26. О влиянии переброски части стока р.Печоры в бассейн Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР // Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах. Сыктывкар,1991. С. 141.
27. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.15 (1985-1988). М., 1989. С.315-316; То же. / Правда. 1986. 20 августа; То же / Красное знамя. 1986. 20 августа.

Э. Г. Чупрова

Коми научный центр УрО РАН

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ В АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Фонды личного происхождения (личные фонды) — это совокупность документов, образовавшиеся в процессе жизнедеятельности конкретного человека. Традиционно, среди них выделяются следующие категории: творческие материалы (научные труды, художественные произведения, картины, ноты и т. д.), материалы к биографии (документы о рождении и смерти, об образовании, аттестаты, свидетельства, грамоты, дневники, биографии, автобиографии, воспоминания и т. д.), служебной и общественной деятельности, переписка, фотографии. Как правило, документы

конкретного человека, дополняют и детализируют информацию о событиях из официальных источников.

Комплексное изучение истории формирования личных фондов базируется на анализе учетных документов к этим фондам и справочного аппарата к ним, а также отчетов Архивного управления Республики Коми. Фонды личного происхождения архивов Республики Коми не были предметом специального исторического исследования. Документы некоторых из них историки и архивисты анализировали в докладах на конференциях.

Комплектование Государственного архивного фонда документами личного происхождения стало приобретать упорядоченный характер с 1919 г., когда декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР была отменена частная собственность на архивы умерших деятелей науки и культуры, хранящиеся в библиотеках и музеях. В 1923 г. СНК принял декреты «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц эмигрировавших за пределы Республики за время с 1917 г.» и «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц». 28 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение об архивном управлении РСФСР в 22 статье которого отмечалось, что «органы архивного управления, не ниже окружного архивного бюро, имеют право принимать на хранение в подведомственных им архивохранилищах частные архивные коллекции и отдельные документы, за которыми ими будет признано историческое значение»¹. В дополнение к этой статье 31 августа 1929 г. Центральным архивным управлением были утверждены Правила приема на хранение архивных материалов от частных лиц².

В 1941 г. по постановлению правительства был создан Центральный государственный архив литературы и искусства, одной из важнейших задач которого было собирание личных архивов писателей и деятелей искусства. Организованный на базе богатейших коллекций, собранных Государственным литературным музеем, архив этот вскоре стал одним из основных хранилищ личных фондов, наряду с Пушкинским домом (АН СССР) и рукописными отделами крупнейших библиотек и музеев страны³.

Положение о Государственном архивном фонде СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР 15 августа 1958 г. предусматривало пополнение государственного архивного фонда личными архивами.

Архивное бюро Коми Автономной области приступило к собиранию личных документов в 1924 г. Исполнявший обязанности заведующего Коми областным архивом М. К. Попов выступал с инициативой распространить деятельность Архивного бюро на документы частных лиц, например на переписку, но эти действия не одобрил прокурор Коми Автономной области⁴. Заведующий Коми областным архивом А.А.Цембер призывал современников к написанию воспоминаний. Так он предполагал заполнить лакуны по истории Коми края в годы революции и гражданской войны, образовавшиеся в результате массовой гибели документов в период свержения старой власти и установления новой. А. А. Цембер адресовал обращения к членам Рабоче-крестьянской партии и союза Рабоче-крестьянской молодежи Коми области с просьбой написать воспоминания: «Есть еще способ сохранить для потомс-

тва очень многое. Пусть каждый из вас напишет свои воспоминания о том, что он видел и что делал за это время с февраля 1917 г. с приложением своей краткой биографии и препроводит в Бюро Истпарта при обкоме⁵. Таким образом, А. А. Цембер побуждал современников к созданию альтернативной группы источников по истории Коми края в дореволюционные годы, период революции и гражданской войны — воспоминаний.

Но наиболее разнообразный комплекс документов отложился в фондах личного происхождения. Анализ описей личных фондов Национального архива Республики Коми (ЦГА Коми АССР), показал, что первые из них появились в архиве еще до 1941 г.

Наиболее ценным было поступление рукописей коми поэта И. А. Куратова. В предисловии к описи документов фонда И. А. Куратова содержится подробные сведения об истории формирования этого фонда. Документы И. А. Куратова после смерти поэта в 1875 г. хранились у его родственников, затем в 1923 г. эти материалы обнаружил ученый филолог, археолог, этнограф А. С. Сидорова, зять одного из родственников И. А. Куратова. После этого тетради И. А. Куратова некоторое время хранились в библиотеке Коми института народного образования для подготовки учителей I и II ступеней, которой в 1920-е гг. заведовала жена А. С. Сидорова. В 1931-1937 гг. документы вновь находились у А. С. Сидорова, так как он вел работу по подготовке их к печати. Затем рукописи находились в архиве Коми государственного издательства. Первые восемь папок с рукописями И. А. Куратова в 1940 г. передано из государственного хранения в ЦГА Коми АССР Коми государственное издательство, выпустив в свет двухтомное издание сочинений поэта.

С этого времени фонд несколько раз пополнялся. Часть документов о жизни и деятельности поэта выявил известный коми ученый и писатель П. Г. Доронин. Он же в 1939 г. записал воспоминания родственников поэта, опубликовал несколько статей о его творчестве и биографии, собрал его фотографии. Часть документов И. А. Куратова об обучении в Вологодской духовной семинарии поступили в виде фотокопий из Государственного архива Вологодской области. Активное участие в выявлении документальных материалов о последнем периоде жизни И. А. Куратова (в Средней Азии) приняли научные сотрудники Коми филиала АН СССР (А. Е. Ванеев). В 1950-1960-е гг. коми литературоведы А. Н. Федорова, А. К. Микушев, А. А. Вежев предприняли несколько командировок в Центральные государственные архивы Казахстана и Узбекистана. В результате куратовский фонд пополнился фотокопиями и микрофильмами о его жизни и деятельности в Средней Азии.

В 1967 г. дочь А. С. Сидорова через профессора В. И. Лыткина передала еще часть документов оставшихся в семейном архиве А. С. Сидорова в Ленинграде. Позже в фонд И. А. Куратова были включены документы о формировании фонда — переписка ученых и исследователей, запросы в государственные архивы⁶. В результате фонд И. А. Куратова имеет самую богатую историю комплектования и единственную опубликованную опись, о чем будет сказано ниже.

В течение 1941 г. в Центральном государственном архиве Коми АССР были систематизированы и описаны документы 16 личных фондов: переводчиц А. А. Заболоцкой, А. Н. Чеусовой, поэтов

Е. В. Колегова, А. А. Маегова, Ф. В. Попова, А. И. Ситкарева, Н. А. Шахова, Н. В. Игнатова, В. И. Лыткина, писателей М. Н. Лебедева, Н. П. Попова, П. С. Попова, И. И. Сажина, В. Т. Чисталева, Е. А. Шахова, П. А. Шеболкина. К сожалению, не сохранились сведения о сотрудниках, проводивших научно-техническое описание документов, дате поступления документов в архив. Известно, что документы М. Н. Лебедева поступили из Коми республиканской библиотеки, а в 1964 родственники передали еще часть документов писателя. Описи первых личных фондов, которые не пополнялись, содержат небольшое количество дел, в большинстве случаев от двух до шести единиц хранения. Как правило, это творческие документы — стихотворения, рассказы, переводы с русского языка на коми и наоборот.

В начале 1950-х были систематизированы документы пяти личных фондов: писателей В. П. Кунгина, И. И. Пыстина, И. Т. Чисталева, А. А. Сухановой и ученого-языковеда В. А. Молодцова. Известно, что первые два фонда были приняты в архив в 1950-е гг. К описям этих фондов, как и к составленным в 1940-е гг., отсутствует справочный аппарат, не всегда указан составитель.

Справочный аппарат описи составляется для лучшей ориентации пользователя в документах фонда и его основными разделами являются предисловие и содержание (оглавление). Иногда из предисловия составители выделяют историческую справку. В предисловии излагается биография (история) фондообразователя, история фонда, кратко дается характеристика состава и содержания документов фонда, пользователь информируется об особенностях формирования, описания и систематизации дел, составе справочного аппарата. Содержание к описи составляется, когда документы фонда систематизированы по нескольким разделам, например, творческие, биографические, служебные и так далее. При необходимости к описям составляются списки сокращений, указатели, переводные таблицы шифров.

Работа с документами личного происхождения требовала от архивистов разработки методологической базы. В мае 1965 г. состоялся Всесоюзный семинар-совещание по вопросам комплектования и экспертизы ценности документов личного происхождения⁷, на котором рассматривались принципы комплектования архивов личными фондами, вопросы их обработки и систематизации.

В это же время местными архивными органами была поставлена задача целенаправленного комплектования документами личного происхождения. В 1960 г. впервые о фондах личного происхождения упоминается в отчетах ЦГА Коми АССР и Архивного управления при МВД Коми АССР⁸. В 1963 г. в местной печати была опубликована статья о сборе личных фондов. В течение 1963 г. от граждан на хранение в госархив поступили документы (150 кг.) писателей и поэтов: М. Н. Лебедева, И. И. Пыстина, И. К. Симакова, А. П. Размыслова⁹.

В 1964 году архив продолжал работу по концентрации личных фондов. Архивом были налажены связи с Союзом писателей республики, Муздрамтеатром, с отделом литературы Коми филиала АН СССР и составлены списки владельцев ценных материалов. В течение года в архив поступили фонды писателя М. П. Доронина; поэта В. И. Елькина; Заслуженного артиста

РСФСР, народного артиста Коми АССР, драматурга С. И. Ермолина; заслуженного деятеля науки Коми АССР, преподавателя пединститута В. Г. Зыкина (при его жизни); поэта Ф. Щербакова; заслуженного лесоруба, депутата Верховного Совета СССР — И. Товпенко. В 1964 г. были составлены описи на фонды поэтов А. П. Размыслова, И. К. Симакова, В. Елькина, писателей И. И. Пыстина, М. П. Доронина и заслуженного лесоруба И. Товпенко, предисловие к описям составил писатель М. Н. Лебедев.

В связи с загруженностью помещений Центрального государственного архива Коми АССР Архивное управление в 1964 г. приняло решение приостановить комплектование документами учреждений, увеличив срок их хранения по месту создания, и принимать только фонды личного происхождения. К концу 1964 г. в архиве числилось 37 фондов личного происхождения. В связи с этим, 11 сентября 1964 г. Совет Министров Коми АССР постановил создать в Центральном госархиве третий отдел — отдел фондов личного происхождения им. И. А. Куратова¹⁰.

В 1965 г. на хранение в ЦГА Коми АССР поступили документы коми писателя Я. М. Рочева. В 1966 г. пополнился личный фонд основателя архива Коми АССР А. А. Цембера. Дочь профессора А. С. Сидорова ЦГА Коми АССР передала в ЦГА Коми АССР часть документов И. А. Куратова. Через литфонд Коми АССР поступили документальные материалы личного фонда писателя и историка П. Г. Доронина, это был первый фонд, переданный в архив по завещанию фондообразователя. В 1968-1969 гг. ЦГА Коми АССР пополнился документами коми поэта Ф. В. Щербакова, педагога, литературоведа и коми языковеда, критика, педагога Ф. Ф. Попова. В 1970 г. последний фонд был дополнен документами переданными А. Ф. Поповым, сыном Ф. Ф. Попова¹¹.

В 1960-е гг. было открыто около одиннадцати новых личных фондов в ЦГА. В 1970-е гг. информация о личных фондах и работе с ними из годовых отчетов ЦГА Коми АССР постепенно исчезает. Это свидетельствует о замедлении работы в данном направлении, в путеводителе по ЦГА (издан в 1992 г.) перечислено 57 личных фондов¹². В Национальном архиве Республики Коми (преемник ЦГА) на 2004 г. значилось 62 фонда личного происхождения. Таким образом, наиболее активно и плодотворно работа по комплектованию личными фондами велась в 1960-е гг.

Несомненное достоинство личных фондов в том, что они содержат различные документы о повседневной жизни конкретного человека в определенный исторический период. Чаще всего документы личных фондов поступают в архивы уже после смерти фондообразователя, это накладывает отпечаток на фонд. Среди 57 личных фондов ЦГА Коми АССР, принятых на государственное хранение до 1991 г. известны только пять, которые были открыты при жизни фондообразователей и при непосредственном участии последних. Это фонды историка В. Г. Зыкина, краеведов Н. И. Липина и П. А. Потапова, поэта Ф. В. Щербакова и писателя И. В. Изъюрова.

Необходимость обобщения, совершенствования, координации работы с документами личного происхождения, а также методическое руководство всей этой работой, побудило Центральный государственный архив литературы и искусства Ленинграда (ЦГАЛИ Ленинграда) выступить с инициативой создания Организационно-

методического центра государственных архивов Северо-Западной зоны РСФСР по работе с документами личного происхождения. Центр был основан в 1988 г. В марте 1988 г. дирекцией ЦГАЛИ Ленинграда была одобрена программа Организационно-методического Центра государственных архивов Северо-Западной зоны РСФСР по работе с документами личного происхождения при ЦГАЛИ Ленинграда на 1988-1995 г. В первую очередь Центр намеревался собрать сведения о состоянии работы с документами личного происхождения в пределах Северо-Западной зоны и обобщить анализ данных государственных архивов. Затем, выступить на очередном заседании Северо-Западной зоны РСФСР с сообщением о программе и задачах Центра и в 1990 г. провести в ЦГАЛИ Ленинграда совещание-семинар по теме: „Проблемы организации и методики работы с документами личного происхождения“. Кроме этого, в планах Центра было проведение смотра-конкурса на лучшую опись фонда личного происхождения и семинаров по темам: „Определение источников комплектования госархивов документами личного происхождения“, „Фондирование документов личного происхождения и создание архивных коллекций“, „Экспертиза ценности документов личного происхождения“. Результаты семинаров, информацию о методических разработках, а также о новых поступлениях личных фондов и коллекций планировалось опубликовать в информационных бюллетенях в течение 1992-1995 г.¹³.

Известно, что в соответствии с пунктами программы в апреле 1990 г. в ЦГАЛИ Ленинграда состоялся семинар-совещание по работе с документами личного происхождения. Архивное управление при Совете Министров Коми АССР получило приглашение принять участие в семинаре. К сожалению, мы не располагаем сведениями о ходе семинара, составе участников, и кто представлял государственные архивы Коми АССР.

Как уже отмечалось выше, государственные архивы являлись и являются не единственными хранителями документов государственного архивного фонда. За фонды личного происхождения конкурировали музеи, библиотеки, научные архивы системы Академии наук и партийные архивы. Музеи уделяют внимание не только документам, но и вещественным экспонатам, которые не всегда более полно, но более наглядно отражают жизнь личности в конкретную эпоху. Библиотеки больше специализируются на концентрации личных библиотек, эту деятельность не отрицают и архивы. Из ведомственных архивов, имеющих право постоянного хранения документов в Коми АССР личными фондами комплектовался только Научный архив Коми научного центра Уральского отделения АН СССР.

В Научном архиве Коми НЦ УрО АН СССР в 1991 г. числилось 10 фондов личного происхождения, а на 2004 г. — 29. Первыми, в 1968 г., в Научный архив поступили документы доктора биологических наук О.С.Зверевой.

В партийном архиве Коми обкома КПСС работа по комплектованию фондами личного происхождения не велась. Первые личные фонды в Коми государственном архиве общественно-политических движений и формирований (Коми РГА ОПДФ), созданном на базе партийного архива, были открыты в 1994-1996 гг.

Активизация работы ЦГА Коми АССР, Научного архива Коми НЦ УрО АН СССР и, позже преемника партийного архива Коми РГА ОПДФ, архивов способствовала расширению источниковой базы будущих научных исследований, накоплению в республике документов личного характера, дополняющих и уточняющих информацию сохранившуюся в источниках официального характера. Вместе с тем, учреждения, комплектуемые личными фондами, вынуждены задумываться над созданием межархивных справочников и других отсылочных изданий, так как возникли прецеденты дробления документов фондообразователей. Так фонды В. И. Лыткина, Р. И. Пименова расплывлены по нескольким местам хранения.

Уже в довоенное время одним из источников комплектования архивов стали частные лица, в результате в архивном фонде Коми АССР сформировались целые комплексы документов личного происхождения. Эти документы — своего рода альтернативный источник информации по истории региона и России, дополняющий, подтверждающий, а иногда и опровергающий официальную информацию. Чаще всего документы личного происхождения формируются в личные фонды. По своему составу личные фонды неоднородны, но архивисты выработали основные группы документов, по которым проводится их систематизация.

*Работа подготовлена при поддержке гранта
молодых ученых УрО РАН (2004 г.).*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941 гг.). М.1961. С. 43.
2. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917-июнь 1941 гг.). М.1961. С.153—154.
3. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Т.1. М.1963. С. 4.
4. НА РК. Ф.р.-3. Оп.1. Д.1908. Л.27.
5. Цембер А. А. Дневник / Подготовка текста, вступ. статья Л.П.Рощевской. Сыктывкар, 1997. С. 57.
6. И.А.Куратов (1839—1875). Опись документальных материалов фонда личного происхождения. Крайние даты 1856-1966 / Сост. Е. С. Гуляев, ред. И. А. Тихонов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. 63 с.
7. Хроника архивного строительства в СССР // Советские архивы, 1988. № 1. С.45.
8. НАРК. Ф.р.1549. Оп.1. Д.62. Л.17.
9. НАРК. Ф.р.1549. Оп.1. Д.79. Л.8, 14.
10. НАРК. Ф.р.1549. Оп.1. Д.80. Л.11.
11. НАРК Ф.р.1549. Оп.1. Д.93. Л.23, 32; Д.101. Л.31; Ф.р.488. Оп.1. Д.449. Л.50; Д.481. Л.55.
12. Центральный государственный архив Республики Коми: Путеводитель. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. 336 с.
13. НАРК. Ф.р.488. Оп.1. Д.1387. Л.18-19.

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРАХ И ЭВОЛЮЦИИ
ИКОНОСТАСОВ
ИБСКОЙ ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В XIX ВЕКЕ
(ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)**

Вопросы развития иконостасного искусства на территории Коми края относятся к числу наименее исследованных. Одна из причин — отсутствие церквей с неразрушенными интерьерами, а также чрезвычайно малое количество сохранившихся до наших дней документальных и изобразительных источников. Тем большую ценность приобретает изучение письменных источников — церковных летописей, описей церковного имущества, приходно-расходных книг и т. д. К числу таких бесценных для исследователя материалов относится и комплекс документов по Ибской Вознесенской церкви из Национального архива Республики Коми — описи разных лет (1772, 1802, 1808, 1828), Главная опись 1861 года, приходно-расходные книги, а также Церковно-приходская летопись за 1867-1916 гг. Особую ценность имеет Главная опись 1861 года, составленная, очевидно, в соответствии с предложениями Преосвященного Митрополита Московского Филарета об усовершенствовании способов сохранности в церквях и монастырях церковных и ризничных вещей, древностей и библиотек от 18 марта 1853 года, предписывающими составлять описи „ с такой подробностью и точностью, чтоб не могло последовать утрат или перемен... без того, чтобы не обличали сего описи.“¹

В совокупности с дошедшими до наших дней иконописными памятниками из церкви, описанными и поставленными на государственный учет в 1986 году экспертом-реставратором 1 категории С. Н. Добрыниным (Москва, ВХНРЦ им И. Э. Грабаря) по заказу Дирекции по охране и использованию памятников истории и культуры², а также сохранившимися в фондах НМРК иконами, переданными в музей в 1977 году старостой церкви А. М. Муравьевой, данные источники позволяют частично реконструировать историю создания иконостасов Вознесенской церкви и попытаться атрибутировать некоторые из сохранившихся памятников. Последнее сделать достаточно сложно в силу чрезвычайно плохой сохранности памятников и многочисленных разновременных записей, сильно искаживших их облик.

Напомним вкратце основные сведения относительно истории и структуры Ибской Вознесенской церкви. Согласно Церковной летописи, она ведет свое начало с конца XVI столетия, когда в Ибском погосте существовали церкви „Николая Чудотворца клецки да церковь другая теплая Пророка Илии клецки же...“³. До начала XIX века в селе Иб было три престола — в теплой церкви — во имя пророка Илии, во второй (холодной) — во имя святителя Николая, и в третьей (холодной) — во имя великомученицы Параскевы. Со строительством в 1825 году каменного здания главным стал престол во имя Вознесения Господня, который располагался в холодной церкви, в теплой по правую сторону размещался придел Пророка Илии, по левую — Николая Чудотворца.

Письменные источники позволяют достаточно подробно реконструировать историю украшения Вознесенской церкви на протяжении всего XIX века — со времени ее строительства в 1825 году. Возведение нового каменного здания потребовало создания нового иконостаса для основной церкви и иконостасов для приделов. Опись 1828 года содержит довольно скудное описание внутреннего убранства храма, которое составлял „иконостав трестепенный столярной работы, выкрашен приличными красками и позолочен“.⁴ Очевидно, он носил временный характер, так как уже в июле 1833 года, как следует из приходно-расходной книги за 1808-1843, было „выдано Великоустюжской округи Комарицкого волостного правления экономическому крестьянину Петру Семенову Насоновскому задаток за постройку вновь каменной Вознесенской церкви вырезною работою и краской иконостасу четыреста рублей“.⁵

О Петре Насоновском известно, что в 1829 году он совместно с А. М. Бубновым „сработали новый иконостав“ за 1450 рублей в Никольской церкви Шиленгского прихода Шенкурского уезда.⁶ В Государственном архиве Архангельской области хранится авторский чертеж проекта этого двухъярусного иконостаса, увенчанного Распятием с предстоящими коленопреклоненными ангелами.⁷ Очевидно, и в Иб Насоновский был приглашен как автор проекта иконостаса и его исполнитель.

В последующие годы для нового иконостаса писались иконы. Эту работу, как следует из документов, выполнял Алексей Дмитриевич Гоголицын, мещанин из Великого Устюга. Судя по записям приходно-расходных книг, его работа продолжалась с октября 1834 до октября 1836 года. „В уплату за письмо вновь построенной Вознесенской церкви святых икон...“ мастер получил 600 рублей.⁸

В последующие годы в храме выполнялись разного рода мелкие работы. Так, в 1842 году в приделах Пророка Илии и Николая Чудотворца иконостасы и образа были покрыты лаком. Работу осуществлял Василий Крыловский.⁹

Кроме того, в сентябре 1850 года „за письмо в семи клеймах икон в царские двери в приделе святого пророка Илии заплачено четыре рубля серебром“ неизвестному мастеру, имя которого в книге не указано, а в росписи за полученную сумму читается „Алекс...“¹⁰

В марте 1851 года „за пять клейм в приделе святителя Николая Чудотворца к царским дверям заплачено Вильгортского прихода крестьянину Павлу Худяеву два рубля двадцать восемь копеек серебром“.¹¹

В ноябре 1856 года „отдано резных дел мастеру Торлопову (Илье — прим. авт.) за сделание киотов к холодной церкви десять рублей серебром. Ему же за работу тумбы в холодную церковь пять рублей“.¹²

Главная опись 1861 года достаточно подробно зафиксировала облик сложившегося к тому времени внутреннего убранства Вознесенской церкви и его приделов, и, в частности, иконостасов. Иконостас главной церкви — „столярной работы новаго устройства, вышиной оной около 6 сажений а ширина 4 с половиной сажени, поставлен в четыре яруса, а по бокам от Северных и Южных дверей имеет небольшое углубление в алтарь. Украшающие иконостас 8 колонн первого става и 4 третьего, равно все узорчатая резьба, покрывающая большую часть его, сплошь

вызолочены двойником по гульфарбе, а протчие места иконостаса выкрашены голубою краскою кроме тумб под колоннами, которые выкрашены под вид мрамора...¹³ „Царские врата, составленные из набранной на решетчатом столярстве резьбы, вызолоченной по гульфарбе двойником...“¹⁴ „На верху оных врат Дух святой в виде голубиной резной посеребрянный. Потом выше Потир резной позолоченный, окруженный резным же позолоченным сиянием, а далее выше над потиром на резных высеребрянных облаках Господь Саваоф в славе своей, окруженный семью резными херувимами, по сторонам которого на карнизах предстоит ему на коленях два резные ангела“.¹⁵ В третьем ярусе над южной и северной дверями „на довольном возвышении карниза“ по сторонам от симметрично расположенных клейм с изображением „Снятия со креста“ и „Положения во гроб“, „обнесенных позолоченной резьбою“ размещались с каждой стороны по два „резные позолоченные ангела с трубами, на боку их устроено вроде треугольника в середине которого резное Всевидящее око“.¹⁶ Увенчивали эти композиции: с южной стороны — резной Новый завет, с северной — Ветхий завет. В четвертом ярусе иконостаса увенчивался „резным изображением Воскресения Христа Спасителя, окруженным резным же позолоченным сиянием“.¹⁷

Судя по описанию иконостаса, выполненный по авторскому проекту П. Насоновского, имел переходный характер, сочетая классическую ордерную систему каркаса с барочным обилием деревянной резьбы, сосредоточенной над Царскими вратами, в завершении центральной и двух боковых осей. Ярко выраженная центральная ось над Царскими дверями завершалась резным „Вознесением Христовым“. Две симметричные боковые оси над алтарными дверями увенчивались клеймами с изображением „Снятия с креста“ и „Положения во гроб“, обрамленными деревянной скульптурой. Такой принцип композиции близок тому, что запечатлен в проекте двухъярусного иконостаса Никольской церкви Шиленгского прихода Шенкурского уезда.

Из всего резного убранства иконостаса сохранились лишь фрагменты, которые с уверенностью можно приписать Насоновскому — это фигуры Саваофа¹⁸ и правого коленопреклоненного ангела,¹⁹ из композиции, завершавшей Царские врата. Обе они выполнены из цельного куска древесины с отдельно крепящимися от локтей руками, в одинаковой манере, для которой характерны тяжеловесность пропорций, рубленость рельефа. У обоих скульптур одинаково обработана тыльная сторона. Их принадлежность одному мастеру не вызывает сомнения.

В храме сохранились еще пять фигур ангелов (из них два — в иконостасе), но ни один из них не обнаруживает стилистического сходства с вышеназванными памятниками и не находит аналогов в описи 1861 года. Один несет отпечаток стилистики барокко и создан не позднее начала XIX века. Еще два украшают нынешний иконостас и недоступны для исследования. Существуют документальные сведения о том, что и ранее в Ильинской и соседней Пятницкой церквях находились ангелы. Так, в рапорте благочинного Усть-Сысольской округи священника Вильгортской Сретенской церкви Ивана Федорова 1806 года, в ответ на предписание „учинить досмотр“, „буде где явится неискусного мастерства, хоть и же искусного но неприличное изображение или странное и нелепое... также резные и отливанные... все таковые

Рис. 1.

Насоновский П. (?). "Саваоф". Перв. пол. XIX в.

Дерево, левкас, темпера. Резьба по дереву, роспись позолота. 47х67.

иконы забрать..."²⁰, пишет о том, что "... в ведомстве моего двенадцати церквей резные есть иконы оказались... в Ибской...церкви"²¹. В прилагаемой к рапорту описи упоминаются два ангела из Ибской Ильинской и Пятницкой церквей.²² Очевидно, с созданием нового иконостаса они были перенесены на хранение в колокольню, где и сохранились до наших дней.

Иконографическая программа иконостаса включала в себя местный ряд, праздничный, пророческий, праотеческий ряды. Причем иконы местного и праздничного ряда были объединены в рамках единого архитектурного поля, равного по высоте фланкирующим их колоннам. В состав местного ряда входили иконы: справа от царских врат — „Вознесение Господне“, над ним, в круглом клейме, „обнесенном вокруг позолоченной резьбою“ — „Рождество Христово“, икона „Великомученика Георгия на коне“, а над ним „на четверугольном же клейме“ — „Пресвятая Троица“. Между ними на южных дверях — Архангел Михаил во весь рост, над дверьми — „на четверугольном же клейме“ — „Вход Иисуса Христа в Иерусалим“. По левую сторону от Царских врат в соответствии с традицией размещалась икона „Богоматери с предвечным младенцем“ „во весь рост“, над ней в круглом клейме „обнесенном в круг позолоченною резьбою“ — „Рождество Пресвятой Богородицы“, далее икона „Параскевы Пятницы и Марии Египетской на одной доске“, над ней „в четверугольном клейме“ — „Успение Богородицы“. Между ними на северных дверях — Ангел Хранитель во весь рост, над дверями — также в четырехугольном клейме — „Введение во храм“. На тумбах „под

Рис. 2.

Насоновский П. (?). "Коленопреклоненный ангел". Перв. пол. XIX в.
Дерево, левкас, темпера. Резьба по дереву, роспись.

всеми четырьмя местными иконами изображения из Евангельской притчи"²³.

Во втором ярусе иконостаса в центре, над Царскими воротами „в дугообразном положении находится семь клейм, продолжающих праздничный ряд. В этих семи клеймах в середине размещалось изображение „Беседа Иисуса Христа с книжниками и фарисеями“, по сторонам от которого — „Благовещение“, „Сретение“, „Введение во храм“, „Крещение“, „Преображение“, „Воздвижение Креста“. По сторонам от этих клейм на четырех досках размещались изображения пророков по три на каждой доске. Справа — „Соломон, Исайя, Аарон“, „Илия, Иона и Аввакум“, слева — „Давид, Наум и Захария“, „Моисей, Иеремия и Иоил“. В третьем ярусе над царскими воротами размещалось изображение „Тайной вечери“, справа от него над южными дверьми — на одной доске „святых праотцов Адама, Ноя и Сифа“, слева над северными дверьми — „Еввы, Сима и Эноха“. Завершался иконостас клеймами с изображениями „Снятия со креста“ и „Положения во гроб“, а над царскими дверями в середине 4 яруса — „в полукруглом клейме, обнесенное позолоченной резьбой“ изображение „Триипостасного Бога“. Как отмечается в описи „в иконостасе сего храма все иконы новой живописи“.²⁴

„Беспокойный“ барочный облик иконостаса определялся, в том числе, разнообразными формами иконных досок — круглых, прямоугольных, полукруглых, и с килевидным завершением.

Из всего состава первого иконостаса среди сохранившихся в храме икон удалось идентифицировать только две иконы из тре-

тьего яруса „Адам, Ной и Сиф“²⁵ и „Сим, Енох и Ева“²⁶, написанные на одинаковых фигурных досках с килевидным навершием. Обе иконы сохранились в очень плохом состоянии, не позволяющем говорить о достоинствах живописи.

Предположительно, икона „Вознесение Господне“, до недавнего времени размещавшаяся в местном ряду иконостаса, также восходит ко времени создания первого иконостаса каменной церкви. В ее стилистике заметно влияние характерного для официальной иконописи того времени „второго барокко“. Икона неоднократно переписывалась и первоначальный ее облик сильно искажен.

В целом, насколько можно судить по описям и сохранившимся фрагментам иконостаса, он представлял собой весьма интересное произведение иконостасного искусства, сочетающее классическую ордерную систему построения каркаса с богатым пластическим декором и академической „необарочной“ живописью.

Внутреннее убранство храма не ограничивалось иконостасом. „Позади правого и левого клиросов“ в резных вызолоченных киотах работы Ильи Торлопова размещались иконы: за правым клиросом — „Митрополита Феогноста Киевского и св. Козьмы и Дамиана в рост, с надписью: „лики сих святых написаны в память служения в сем Вознесенском храме Феогноста епископа Вологодского и Устюжского в 1 число июля 1853 года“, написанная в 1853 году местным мастером Михаилом Холоповым“²⁷ (к сожалению, икона не сохранилась), позади левого клироса — образ „Стефана Великопермского с клеймами жития“, а также „Воздвижение Креста с клеймами страстей вокруг“ — обе „старой живописи“ — не сохранились.

Кроме нового иконостаса с новыми же иконами, в Вознесенской церкви находились на момент создания Главной описи 1861 года и более древние святыни, перенесенные из старых деревянных церквей. Они, как правило, размещались в алтаре и на клиросах. В алтаре церкви Вознесения Господня, как следует из описи 1861 года, находилась, помимо прочих, икона „Господь Саваоф в славе своей с Сыном и Духом святым с облетающими 8 серафимами, а по углам доски изображены благовестники четырех евангелистов. На всех изображениях венцы медные отбеленные кроме духа святого, двух серафимов и благовестников. Эта икона старинной живописи мерой 1 аршин 3 вершка вышины и 1 аршин 3 вершка ширины“²⁸. Судя по описанию, речь идет о древней иконографии „Отечество“. К сожалению, икона утрачена.

Это единственный памятник, охарактеризованный в описи как произведение „старинного письма“. Помимо этого определения, автор упоминает еще три характеристики — иконы „древнего письма“ (только по отношению к иконе Параскевы Пятницы), „старой живописи“ и „нового письма“. Под последним, очевидно, имеются в виду иконы, созданные незадолго до составления описи, а под „старой живописью“ — памятники, созданные в XVIII веке.

Из „старой живописи“ в алтаре, перед жертвенником находилась икона „Коронование Богоматери“. Ее описание, зафиксированная надпись „на низу“: „Отец дщерь, Сын от Матерь, Дух святыи невесту венчают венцем славы Марию Пречистую“,²⁹ а также размеры совпадают с сохранившейся в храме иконой этой иконографии.³⁰ Стилистические особенности памятника позволяют отнести его к кругу аналогичных икон из музейных и частных

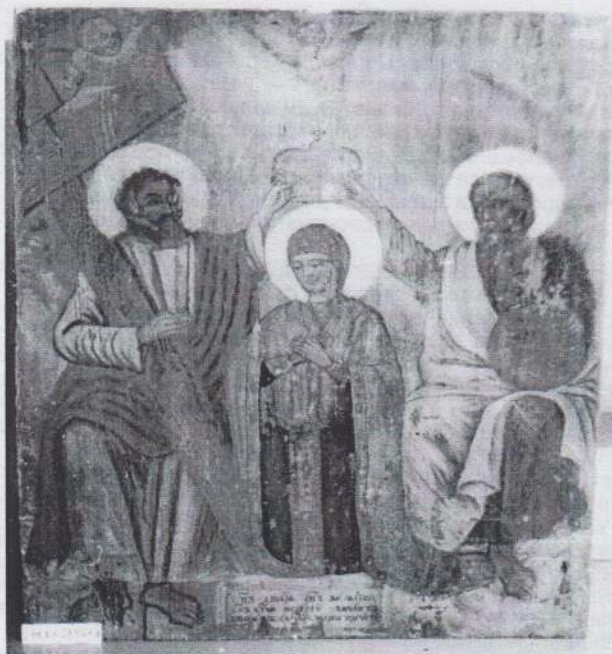

Рис. 3.

Икона "Коронавание Богоматери". Дерево, темпера, масло. 90x75 коллекций,³¹ выполненных неизвестным мастером, украшавшим многие храмы на территории современных Княжпогостского, Корткеросского и Сыктывдинского районов на рубеже XVIII-XIX веков³². „Коронавание“ было центром праотеческого ряда более раннего иконостаса. Согласно описям праотеческий ряд появился в Николаевской церкви в промежуток между 1797 и 1802 годами. В Вознесенском храме сохранилось еще несколько икон, выполненных в той же манере.³³ Все они отличаются оригинальной иконографией с развернутыми надписями — особенностью, отмечаемой во всех без исключения дошедших до нас произведениях этого весьма интересного неизвестного мастера.

Главная опись также подробно зафиксировала облик иконостасов в придельных храмах святого Пророка Илии и Николая Чудотворца: „...сделаны одинаковой величины и по одному рисунку вышины 7 аршин, а ширины...7 сажень. Устроены в 3 яруса и оба под самыми сводами оканчиваются полукруг{лыми — ?}. Резьба в них и 12 колонн в первом ярусе вызолочены по гульфарбе двойником, а в третьем в предельных иконостасах по две полуколонны выкрашены под мрамор. Прочие места выкрашены голубою краскою. Таковый же иконостас, то есть таково же устройства и такой же величины в непрерывной связи с предельными иконостасами отделяет промежуток правого и левого приделов, составляющих вход в главную холодную церковь“.³⁴ Резьба в них сосредотачива-

лась только в декоре Царских врат, которые были сделаны в виде "... креста, окруженного позолоченным сиянием, имеют шесть клейм, из коих четыре утверждены на кресте, а остальные два на лучах по ту и другую сторону креста. Кроме сих клейм на лучах же по верху и по низу среднего клейма по два херувима, а в низу по сторонам креста резные позолоченные копии и губа".³⁵ Кем были выполнены придельные иконостасы — неизвестно.

В Ильинском приделе в местном ряду справа от Царских врат размещались иконы: „Господа Вседержителя“, „Святого пророка Илии“, слева — „Божия Матерь с пречечным младенцем сидящая на престоле“, на северных дверях „Архидиакона Стефана“. Во втором ярусе „над Царскими вратами — „Триипостасного Бога“, справа от него — „Вход в Иерусалим“ и „Сретение“, слева — „Крещение Господне“ и „Рождество Христово“. Третий ряд составляли иконы деисусного чина со „Спасом Нерукотворным“ в центре. Справа от него (т. е. в левой части иконостаса) — на одной доске „Божия Матерь и архангел Михаил“, далее „Апостол Павел“. Слева — „Иоанн Предтеча и Архангел Гавриил“ на одной доске и „Апостол Петр“.

В иконостасе Николаевского придела по правую сторону Царских врат в первом ярусе размещались иконы „Господа Вседержителя“, „Святителя Николая Чудотворца в рост ...вокруг его житие и чудеса“, по левую сторону — „Смоленской Богоматери в пояс на ней и на младенце венцы медные“. На северных дверях „Архидиакон Филипп“. Во втором ярусе — в центре „Господа Вседержителя Царя Славы сидящего на престоле“, по сторонам от него — „Вознесение Господне“ и „Введение во храм“, по левую (от него, т. е. в правой части) — „Успение“ и „Рождество Богородицы“.

Третий ярус также завершался образом Спаса Нерукотворного, по сторонам от него пророки — „Царь Соломон“, „Пророк Захария“, „Григорий Богослов“, по левую сторону „Пророк Даниил“, „Пророк Иоил“ и „Апостол Павел“³⁶.

В иконостасе, отделяющем промежуток правого и левого приделов, размещались: на дверях, „на двух досках, вставленных в рамах дверей, составляющих вход в промежуток приделов — иконы „Апостолов Петра и Павла“ и „Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев“, по правую сторону дверей — образ „Феодосия Тотемского Чудотворца с изображением его нетленных мощей...“, „Иоанна Предтечи вокруг его жития ...“. По левую сторону дверей — „Святых мучеников Кирика и Иулитты с житием сих вокруг...“, „Пророка Илии и Василия Великого“ на двух досках одинаковой величины, вставленных в одну раму. Во втором ярусе над входом — „Сошествие Иисуса Христа во ад“, по правую сторону оно „Благовещение Пресвятой Богородицы“, „Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня“, по левую „Святой Троицы“ и „Преображение Господне“. В третьем ярусе „Нерукотворенного образа Христова, поддерживающими двумя ангелами самое изображение Нерукотворенного“.³⁷ Автор описи указывает, что „все сих иконостасов иконы старого живописного письма и все местные иконы, кроме дверных, за стеклами“.³⁸ Очевидно, сюда были перенесены старые иконы из деревянных Ильинской и Николаевской церквей. Некоторые из них сохранились до наших дней, в частности, икона „Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев“, датированная С. Н. Добрыниным второй половиной XVIII столетия.³⁹ По своим стилистическим и технологическим

признакам она близка к произведениям устюжских иконописцев. Как следует из описи 1772 года, прежде она находилась в местном ряду Николаевской церкви. Сохранился также „Спас Нерукотворный со ангелы“ из навершия иконостаса — на доске особой формы с закругленным верхом. Икона также датируется С. Н. Добрыниным XVIII столетием⁴⁰. Ранее она увенчивала второй ярус иконостаса Никольской церкви.

Из икон „старой живописи“ в „протчих местах храма“ Главная опись называет: „в киоте позади правого клироса Ильинского придела“ — „Святого великомученика Георгия на коне“ (не сохранилась), а позади левого клироса Никольского придела — икону „Святителя Николая Чудотворца „с изображениями вокруг его разных святых“⁴¹. Этот памятник уникальной иконографии с изображениями в рост вокруг средника особо почитаемых на севере избранных святых, датируемая С.Н. Добрыниным XVIII столетием⁴², сохранилась до наших дней. По своей стилистике она также может быть отнесена к кругу „устюжских писем“.

В алтаре пророка Илии находились на горнем месте „бывшие Царские врата, перенесенные от древних деревянных церквей с обычными изображениями Благовещения и четырех евангелистов“⁴³. Там же, перед жертвенником находилась икона „Муромской Богоматери с медным окладом мерою 1 аршин 6 вершков вышины и 1 аршин 1 вершок шириною“⁴⁴. Эта икона — уникальный памятник северной иконописи XVII столетия, сохранившийся со времен первоначального существования церквей в селе Иб. Согласно описи имущества Никольской церкви за 1802 год образ размещался на левой стороне от Царских врат — то есть был центральным храмовым богородичным образом⁴⁵. В XIX веке икона была переписана, а точнее „исправлена“ в соответствии со знаками официальной обрядности — древнее двуеперстие исправлено на операционное новообрядческое троеперстие. В 1987 году отреставрирована в ВХНРЦ им. И.Э.Грбаря (Москва) и в настоящее время хранится в фондах Национального музея РК⁴⁶.

Кроме иконостасов, внутреннее убранство обоих приделов составляли большие роскошные киоты, предназначенные для двух древнейших святынь, приносимых из других мест. Один киот — в Ильинском приделе — предназначался для древней иконы „Святителя Николая Чудотворца“, приносимой из часовни деревни Березань. В летописи об этой иконе говорится следующее — „...икона одна голова, стариннаго письма, с медным неотбеленным венцом и с такою же навескою. Икона эта вышины 6 вершков, ширины 5 вершков“⁴⁷. Для нее предназначался киот, украшение которого, „... кроме двух позолоченных колонн и мелкой узорчатой позолоченной резьбы двойником, большую часть ея покрывающей, составляют в середине на верху рамы резная позолоченная митра архиерейская и осияльные свечи и по сторонам их два резные с позолотою ангела, а на самом верху киота в середине на посеребренных облаках весь резной позолоченный Новый завет, обнесенный полукруглой позолоченной резьбой и по сторонам его по оконечностям карниза два с позолотою по крыльям ангела...“⁴⁸. Для другой местной святыни, особенно почитаемой местными жителями — древнего образа Параскевы Пятницы, приносимого из кладбищенской Пятницкой церкви, — предназначался не менее пышный киот, украшение которого, „кроме двух позолоченных колонн и

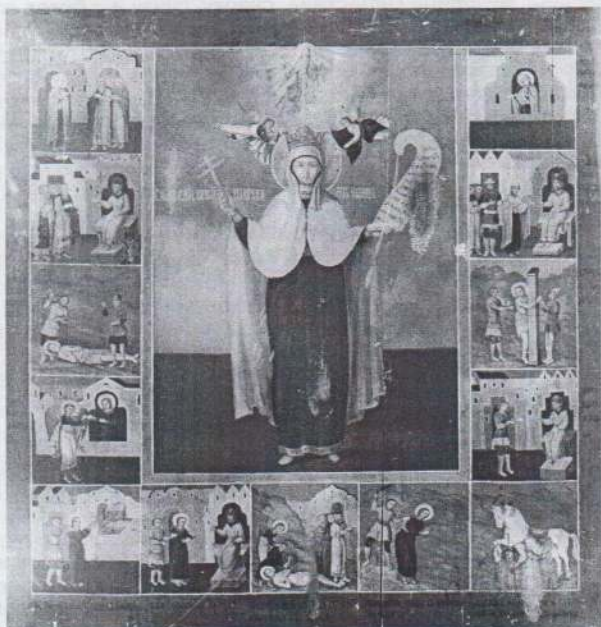

Рис. 4.

Сорвачев Н.Е. (?). Икона "Парскева Пятница в житии". Дерево, масло. мелкой позолоченной резьбы составляют с позолотой по крыльям херувим, поставленный вверху рамы и резной вызолоченный венец, по сторонам которого два резные ангела вызолоченные, держащие в руках цветы, прикрепленном на позолоченном полукружии, стоящем на самом верху на карнизе киота. Кроме того, на нем находятся три клейма, обнесенные позолоченной резьбой. На первом клейме, прикрепленном в середине над херувимом Господь Саваоф. А на протчих двух клеймах, прикрепленных на верху киота на оконечностях карниза святые евангелисты Иоанн и Матфей. Все украшения киота вызолочены сплошь по гульфарбе двойником. А протчие места его покрыты голубою краскою ...⁴⁹ Пышность резного убранства с „полукруглой резьбой“ — рокайлями и живописными вставками в резных картушах заставляет предполагать, что эти киоты были созданы ранее, в XVIII веке, и, вместе со старыми царскими дверями и иконами „старого и старинного письма“, были перенесены в новый храм.

Сама икона „Великомученицы Параскевы Пятницы“ постоянно пребывала в Пятницкой церкви Чулибского погоста. В церковно-приходской летописи зафиксирована легенда о том, что, по одной версии, „... сия икона привезена новгородцами Муравьевыми“, а по другой — „... образ тот в древности явился одному из местных крестьян на дереве Елке и что по снятии той с дерева в скором времени была устроена на том месте часовня, в которой она находилась до создания новой церкви“.⁵⁰ „Икона эта написана во

весь рост мученица Параскева, сверху, снизу и с боков помещены житие и страдание ея по темному колориту красок. Поля темно-зеленого цвета, изображение ея покрыто медною посеребренною ризою, на ней венец и подвесок серебряные. А в житии на мученице венцы медные серебряные. Надписи на оной видеть никак не возможно. Вышиною 6 четвертей, шириною 5 четвертей; она помещалась в иконостасе по правую сторону — напротив дьяческого клироса, но для удобства молебствия почти постоянно находится при настоящей Вознесенской церкви в особо устроенном киоте в Николаевском приделе за правым клиросом. Икона эта считается чудотворною и довольное число бывает молящихся — особенно в девятую пятницу по Пасхе, часто из Вятской губернии и отдаленных концов Усть-Сысольского и Яренского уездов⁵¹. В 1900 году с древней иконы была сделана копия „мещанином, жителем города Усть-Сысольска“ Николаем Ефимовичем Сорвачевым. Он же изготовил к ней медную ризу⁵². Копия, старательно, но в „живоподобной“ манере, воспроизводящая иконографию древнего образца, сохранилась в храме до нашего времени⁵³, в то время как оригинал, так же как и другая древняя святыня — икона Николая Чудотворца, — утрачены.

Иконостасы, описанные в Главной описи 1861 года, просуществовали недолго. Возможно, причиной тому стало их быстрое обветшание. Как отмечает Н. В. Мальцев, содержание многоярусных иконостасов с богатым орнаментальным и скульптурным декором „... требовало значительных затрат, так как при их исполнении, при большом размахе подобных работ не всегда точно соблюдалась технология обработки дерева, левкашания, позолоты, что вместе с хрупкостью резного дерева приводило к быстрому ветшанию сооружения...“⁵⁴

В церковной летописи за 1881 год упоминается, что „с разрешения епархиального начальства начат новый иконостас в теплой церкви в приделах Пророка Илии и Святителя Николая Чудотворца с 1 сентября 1881 года на пожертвования от прихожан ...разными... вещами, а потом обращенными в денежные суммы, каковой иконостас ... (неразб) за 2300 рублей“.⁵⁵ Приходно-расходные книги называют имя мастера, работавшего над иконостасом — „резных дел и золоченых мастер“ Павел Петрович Шемяткин.⁵⁶

В записи за 1882 год говорится, что „в теплой церкви в приделах св. Пророка Илии и Николая чудотворца написаны все новые иконы за ветхостию ... прежних икон“.⁵⁷

В 1885 году „при церкви поправок и починок не было, кроме что под колокольней помещены от старого иконостаса иконы“.⁵⁸

В 1887 году „по церкви производилась живопись в обоих придельных храмах на горних местах в первом Преображение Господне и во втором Тайная вечеря“.⁵⁹ В том же году „за написание икон во святых алтарях Пророка Илии и Николая чудотворца при Вознесенской церкви заплачено крестьянину Виктору Холопову шестьдесят рублей“.⁶⁰ Кроме этого, В.Холопов получил деньги „за позолотку иконостаса и окраски при Пятницкой церкви...“⁶¹ Возможно, хорошо сохранившиеся иконы придельных иконостасов, выполненные в добротной академической манере религиозной живописи, принадлежат кисти именного этого иконописца. Виктор Александрович Холопов — крестьянин села Кочпон. О нем известно также, что в 1900 году между ним и попечительством

Вочевской Сретенской церкви был заключен договор о „написании 15 новых икон и обновлении иконостаса“ этой церкви.⁶²

В 1891 году в „приходской Вознесенской церкви поставлен новый иконостас по утвержденному рисунку Его преосвященством Иоанникием Епископом Великоустюжским, стоящий 3000 рублей“⁶³. Автором нового иконостаса стал мещанин Андрей Сергеевич Архипов, который, как следует из приходно-расходных книг, работал в храме в период с февраля 1891 по август 1892 года.⁶⁴ Очевидно, именно этот иконостас дошел до нашего времени с определенными утратами и переделками, но в целом, сохранив свой первоначальный облик. Архитектурные формы нового шестиярусного иконостаса с витыми колонками, балясинами, с акцентированной центральной осью, килевидным фронтоном над Царскими вратами, кокошниками, увенчивающими яруса, весьма характерны для иконостасного ремесла конца XIX-начала XX века, следовавшего модному неорусскому стилю.

Иконы для нового иконостаса писал, вероятно, Михаил Холопов, который уже работал для Вознесенской церкви в 1858 году. В расходных книгах с марта по ноябрь 1892 года имеются записи о получении им денег в счет подряда.⁶⁵ Возможно, не все иконы были написаны заново, многие лишь подновлены. Кроме М. Холопова, в этот период в храме работали другие иконописцы. Так, в августе 1893 года неизвестному мастеру было заплачено „за написание аналойных икон“⁶⁶, а в 1894 году живописец Викентий Холопов получил 50 рублей „за написание икон для Чулибской и Ибской Вознесенской церкви“⁶⁷. Очевидно, это Викентий Павлович Холопов, крестьянин села Кочпон, отец архитектора Холопова Александра Викентьевича. Среди других известных исследователей его работ — написание икон для Троицкой церкви села Позтыкерос, возведенной в 1890-95 годах⁶⁸ и для церкви Преображения Господня в селе Аныб, построенной в 1883-1895 гг.⁶⁹

Книги для записей прихода и расхода денежных сумм за 1907-1909 гг. не содержат сведений о каких-либо выплатах за работы по переустройству храма. Дальнейший ход исторических событий способствовал забвению и постепенному разрушению внутреннего убранства храма. На протяжении XX века многие иконы были утрачены, а те, что находились в иконостасах — подвергались грубым поновлениям. 1990-е годы ознаменовались попытками обновить иконостас в несвойственном ему „нео-традиционном стиле“. Вместе с тем, это один из немногих, если не единственный сохранившийся в нашей республике иконостасный ансамбль конца XIX века, созданный „тщанием и радением“ наших предков и заслуживающий того, чтобы избежать участи своих собратьев и быть сохраненным для потомков.

*Автор благодарит за предоставленные фотографии
ГУРК „Управление по реставрации объектов культурного наследия
и ремонту учреждений культуры“.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. НАРК. Ф.234. Оп.1. Д. 3
2. Автор благодарит сотрудников ГУК „Управление по реставрации объектов культурного наследия и ремонту учреждений культуры“ за предоставленные для исследования материалы.

3. НАРК. Ф.234. Оп.1. Д. 16. Л.2.
4. НАРК. Ф.234. Оп.1, Д. 70. Л.2.
5. НАРК.Ф. 234. Оп.1. Д. 48. Л.58.
6. Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Каталог выставки. Архангельск; М., 1995, с.195. Кольцова Т.М. Иконостасные мастера Русского Севера XVIII-начала XX века // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции. Архангельск. 1995. С. 203.
7. ГАОО, Ф.29, оп.4, Т.2. Д. 2522. Л.6. Воспр.: „Резные иконостасы...“ С. 187, № 194.
8. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 48. Л. 63, 65, 68.
9. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
10. НАРК. Ф.234. Оп. 1. Д. 49. Л.30.
11. НАРК.Ф. 234. Оп. 1. Д. 49. Л.34.
12. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 49. Л.48.
13. НАРК. Ф. 234. Оп.1. Д. 73. Л.6.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же, Л.8
17. Там же.
18. „Саваоф“. Дерево, левкас, темпера. Резьба по дереву, роспись, позолота. 47x62. Паспорт № 278.
19. „Коленопреклоненный ангел“. Дерево, левкас, темпера. Резьба по дереву, роспись. Паспорт № 279.
20. НАРК. Ф.230. Оп.1. Д. 8. Л.437.
21. Там же.
22. Там же. Л.444
23. НАРК. Ф. 234. Оп.1. Д. 73. Л.6,7.
24. Там же. Л.7,8.
25. „Адам, Ной и Сиф“. Дерево, темпера, масло. 87x52,5. Паспорт № 253.
26. „Енох, Сим и Ева“. Дерево, темпера, масло. 83x53. Паспорт № 29|29
27. Там же. Л.9
28. Там же. Л.5.
29. Там же.
30. Коронование Богоматери. Дерево, темпера, масло. 99,5x75. Паспорт № 259
31. Например, иконы из иконостаса Введенской часовни села Средняя Отла (Княжпогостский р-н) НМРК, Инв. № 2234 9-16, 18, 19-нв, икона „Св. Кирилл и Афанасий“ (Частное собрание)
32. Кроме вышеупомянутого Введенского храма в селе Средняя Отла — Петропавловская церковь села Небдино (Корткеросский р-н). Имеются также сведения о том, что иконы этого мастера украшали Рождественскую церковь д. Онежье (Княжпогостский р-н).
33. „Иоанн Предтеча“. Дерево, темпера, масло. 72x53. Паспорт № 254. „Илия Пророк“ Дерево, темпера, масло. 63x55,5. Паспорт № 70/90. „Флор и Лавр“. Дерево, темпера, масло. 75x70. Паспорт № 109, 191. „Моление о чаше“. Дерево, темпера, масло. 73x44,5. Паспорт № 61/72.
34. НАРК. Ф 234. Оп.1. Д. 73. Л. 13.
35. Там же.
36. Там же. Л.Л.13,14.
37. Там же. Л.Л.14,15.
38. Там же. Л. 15.
39. „Прокопий и Иоанн Устюжские чудотворцы“. Вт. пол. 18 в. Дерево, левкас, темпера. 75x61,5. Паспорт № 92/123
40. „Спас Нерукотворный“. 18 в. Дерево, левкас, темпера. 90x170. Паспорт № 112|195
41. НАРК. Ф.234. Оп.1. Д. 73. Л. 16
42. „Николай Чудотворец с избранными святыми“. II пол. 18 в. Дерево, левкас, темпера. 101x70. Паспорт № 104|185
43. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 73. Л.10.

44. Там же. Л. 11.
45. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 69.Л.4.
46. Рест. в 1989 Е.А. Гра, А.И. Гуренко, ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, Москва. Инв. № 5730J5, НМРК.
47. НАРК. Ф.234. Оп.1. Д. 16. Л.4.
48. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.
49. Там же. Л.17.
50. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
51. Там же. Л. 4
52. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 55. Л. 51, 55
53. „Параскева Пятница в житии“. Дерево, масло.
54. Мальцев Н.В. Скульптурный декор иконостасов Великого Устюга. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., . 1977. С.282
55. НАРК. Ф. 234. оп.1. Д. 16. Л.37
56. НАРК. Ф.234. Оп.1. Д. 55. Л.11,12.
57. НАРК. Ф.234. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.
58. Там же. Л. 41.
59. Там же. Л. 43.
60. НАРК. Ф. 234. Оп.1. Д. 55. Л.21.
61. Там же.
62. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 357.
63. НАРК. Ф. 234. Оп.1. Д. 16. Л. 48
64. НАРК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 55. Л.Л. 25.26,27,28.
65. Там же. Л.Л.27,28.
66. Там же. Л. 30.
67. Там же. Л. 31.
68. Рогачев М.Б. „Церковь в каждой деревне возвышалась над всеми другими строениями“ (храмы Коми края в 14-20 вв.) // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар. Коми книжное издательство. 2001. С. 78.
69. Павлюшин С.Е., Крутиков А.В. Православные храмы и часовни. // Атлас Республики Коми. М. 2001. С. 323.

Н. Ж. Беляева

Национальная галерея Республики Коми

**СУДЬБА ПЕРСОНАЖЕЙ ПОРТРЕТОВ
Ф. А. МОДОРОВА И Н. Л. ЖИЛИНА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕИ РК**

„Птенцы — у них молоко на губах, — /А с детства к смирению падки./ Большущее имя взяли АХРР, /А чешут ответственным пятки./ Небось не напишут мой портрет, — / Не трут понапрасну кисти./ Ведь то же лицо как будто, — ан нет,/ Рисуют кто поцекистей“. Так писал в 1925 году первый пролетарский поэт В. Маяковский о художниках АХРРа. Ассоциация художников революционной России (АХРР) была создана в 1922, провозгласив своей целью служение делу революции и объявив крестовый поход за реализм, за художественно-документальное отражение советской действительности.

АХРР в первую очередь установила тесные связи с ВЦСПС и Реввоенсоветом, которые способствовали созданию двух новых художественных музеев — Музея труда при ВЦСПС и Художественного музея при Центральном доме Красной Армии. Появление государственного заказа оценивалось советскими искусствоведами более, чем положительно: „Установленная связь

с реввоенсоветом имела огромное значение для успеха всего ахрровского движения, да, пожалуй, и для всего советского изобразительного искусства. Можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, что Красная армия своей поддерживкой художников-реалистов выпестовала наше социалистическое изобразительное искусство¹.

О заказах спорили: благо это или зло? Странники заказов приводили в пример художников Ренессанса, которые отнюдь не стеснялись расписывать монастыри, строить дворцы тогдашней знати, писать их портреты. А поскольку появился „новый хозяин земли русской“, „то надо прийти и ответить на запросы этого хозяина, и только его. Надо писать так, чтобы он видел себя и лежащий впереди путь“². АХРР твердо встала на путь выполнения государственного заказа.

Чтобы масштабнее отразить жизнь „нового хозяина“, в 1925 году Ассоциация разослала своих художников по городам и весям страны. Материалы этих творческих командировок составили основу грандиозной по тем временам выставки (более двух тысяч работ) „Жизнь и быт народов СССР“, открывшейся в мае 1926 года в Москве, на территории Центрального парка культуры и спорта. Экспозиция была построена по географическому признаку. Коми край был представлен несколькими десятками работ³ московского художника Федора Александровича Модорова (1890-1967), побывавшего летом 1925 года в Усть-Сысольске и на Печоре.

Что собой представляли эти работы? Это были виды города и сел, так или иначе связанные с революционным прошлым Коми края, с социалистическим строительством, а также портреты „новых хозяев“, чаще всего — всякого рода ответственных лиц. Именно о них говорил Луначарский в своей приветственной речи на торжественном открытии выставки: „Товарищи, я хочу обратить ваше внимание хотя бы на серию портретов, которые в разных местах выставлены на выставке. Кто эти люди? Это одновременно и личности, и типы, ибо это вожди разного калибра, вплоть до известного в своем полудиком племени, вплоть до знаменитости маленького уголка. Но эти знаменитости, от мала до велика, — организаторы совершенно обновленной, невиданной в истории человечества, нашей общественной жизни. Серия их представляет собой как бы смотр многим и многим представителям нового сообщества, нового человечества“⁴.

Одним из таких представителей нового человечества являлся первый председатель Совета профсоюзов Кузьбожев, чей портрет, принадлежащий кисти Ф. А. Модорова, экспонировался на данной выставке. Сейчас он хранится в собрании НГРК⁵. Надпись на обороте картона гласит: „Кузьбожев Трофим Иванович (36 лет), председатель профсоюзов Коми области“.

В РГА ОПДРФ нашлось личное дело Кузьбожева⁶. Согласно ему, Кузьбожев Трофим Евгеньевич (а вовсе не Иванович, как записал сам художник) родился 20 июля 1889 г. в деревне Лозым Пажгинской волости Сысольского уезда в семье крестьянина-середняка. Семья была большая — помимо взрослых, восемь душ детей. Отец побочно зарабатывал деньги ямской гоньбой, часто „прикладывался к бутылке“, из-за чего в доме происходили ссоры и драки. Зато дедушка убеждал всех своих внуков учиться и давал деньги, правда, весьма небольшие суммы. Молодой Трофим, окон-

чив сначала земскую, а потом церковно-приходскую школы, и имея, как он сам писал в своей автобиографии, „сильное желание дальнейшего учения“⁷, отправился в Вятку пешком (в конце ноября!), получив от деда 2 рубля. „Пришедши в город Вятку за отсутствием средств вынужден был принять на себя все прелести, работая за хлеб на фабрике по штампованию музыкальных инструментов, затем мальчиком у одного из частных аптекарских магазинов, и наконец поступил в дворники у некой Бронской“⁸.

Пробыв в Вятке 7 месяцев, Кузьбожев возвратился в Усть-Сысольск, а затем отправился в Айкино, где был принят в ремесленную школу с назначением стипендии. По окончании оной, получив профессию мастера слесарно-кузнечного дела, в 1910 году был мобилизован на действительную военную службу в артиллерийскую бригаду нестроевым старшего разряда и батарейным слесарем. Во время первой войны служил в полевом госпитале палатным надзирателем.

Февральскую революцию Трофим Евгеньевич встретил в Челябинске, работал в городской управе. В 1919 вступил в члены большевистской партии. Кузьбожев работал и слесарем по механическому оборудованию, и председателем Союза строительных рабочих, и председателем губернской комиссии по снабжению рабочих. В 1923 году он был направлен Центральным Комитетом коммунистической партии в Коми область, где не хватало управленческих кадров. Прибыв в Усть-Сысольск, Кузьбожев занимал должность заведующего технико-дорожным отделом при облкомхозе, затем областным отделом труда, а уже в апреле 1924 стал председателем областного совета профсоюзов. На этом посту он пробыл до 1928 года. Известно так же, что в 1927 году Кузьбожев на шестом областном съезде советов был избран в состав облисполкома⁹. Дальше его следы теряются. Возможно, что он разделил судьбу многих партийных и хозяйственных деятелей, репрессированных в 30-е годы.

После роспуска в 1932 году всех художественных объединений функции единственного исполнителя госзаказа взял на себя метод соцреализма, наследовавший ахрровскую установку на нового хозяина. Только если в 20-е годы в Коми области не было своих художников-ахрровцев, то в 30-40е появляется несколько живописцев и графиков, взявших на вооружение соцреалистический канон. Пожалуй, самым ярким представителем вышеуказанного метода в нашей республике был Николай Лукьянович Жилин (1913-2000). Он был приписан к Управлению по делам искусств Коми АССР, большинство заказных вещей шло через его руки.

„Портрет орденоносца Меркурьева“¹⁰ был написан Жилиным по заданию горкома партии к 15-летию Воркуты. Портрет всегда проходил под таким названием, без указания инициалов изображенного. Дата — 1943 год, скорее всего, не верна, поскольку работа была создана во время командировки Жилина в Воркуту летом 1944 года, как один из портретов лучших людей Заполярной кочегарки¹¹.

В том же архиве (РГА ОПДРФ) сохранилось личное дело Меркурьева Владимира Димитриевича, заместителя начальника управления комбината Воркутуголь НКВД СССР¹². Думается, это и есть наш персонаж. В пользу этого предположения говорит на-

личие на портрете ордена Трудового Красного Знамени (в личном деле записано, что В. Д. Меркурьев 10 февраля 1943 года был награжден именно этим орденом¹³).

В своей автобиографии Меркурьев пишет, что родился он 9 июля 1909 года в Житомире, в семье монтера и медсестры, работать по найму начал с 14 лет, был слесарем, техником, помощником прораба. В 1931 году окончил Киевский строительный институт. В 1932 был призван на действительную военную службу в Особую Краснознаменную Дальневосточную Армию, неоднократно участвовал в боях с пограничными бандами, в одном из них был ранен.

В 1936 году как военный инженер Меркурьев был мобилизован на военно-строительные работы: „По личному заявлению переведен из Наркомата обороны в Наркомат внутренних дел и командирован в Ухтопечорский лагерь“¹⁴. Сначала он служил старшим инженером в Усть-Усе. В 1938 году перебрался в Воркуту, где работал в качестве начальника стройконторы, а затем, с 1941 по 1944 (во время написания портрета), заместителем главного инженера Отдела капитального строительства Воркутстроя.

С одной стороны, в характеристике Меркурьев отмечается как „пионер освоения Большеземельской тундры и непосредственный активный участник в строительстве Заполярного бассейна. Трудно найти такое предприятие или сооружение, в котором бы не принимал участие т. Меркурьев... Вместе с ростом Воркуты т. Меркурьев вырос в хорошего руководителя... Сейчас т. Меркурьев руководит ходом капитального строительства по всему бассейну. Работает, не считаясь со временем и полностью в этой роли себя оправдывает... Предан Партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА и Социалистической Родине“¹⁵. Опытный, энергичный инженер-строитель с многолетним практическим стажем в тяжелых условиях Заполярья обеспечил строительство поверхностных шахтных сооружений, рабочих поселков, ТЭЦ¹⁶ и других промышленных сооружений, дав ряд ценных практических предложений и использовав в условиях вечной мерзлоты местные ресурсы¹⁷. В 1944 году Меркурьев был назначен начальником Управления Промгражданстроя. Именно в этом году он позировал Жилину.

С другой стороны, в его личном деле сохранилась пространный справка НКВД, в которой в частности, указывалось, что „оперативный отдел располагает данными, что Меркурьев и его жена¹⁸ поддерживали близкую связь с активным кадровым троцкистом в прошлом и активным антисоветским в данное время — Кляченко И. П., когда тот был еще заключенным — до апреля 1943 года. Меркурьев выбалтывал Кляченко различные сведения секретного характера (об Усть-Усе — бандвыступления, шифр-телеграммы об освобождении из лагеря специалистов), кроме того, Меркурьев поддерживал связь и с другими активными с антисоветчиками Добровольским и Гутником (судимы за контрреволюционную деятельность). Добровольскому обещал содействовать в освобождении из лагеря. Одновременно с этим имеются данные о грубейших производственных нарушениях, допущенных Меркурьевым во время работы на Воркуте“¹⁹. В частности, были распланы проседания фундаментов ТЭЦ, факты заливания ее при паводке.

В августе 1948 г. начальник Управления Воркутлага Кухтиков писал: „сегодня т. Меркурьев не обеспечивает полностью вы-

полнения задач..., т. Меркурьевым допущены аморальные проступки²⁰, вследствие чего „для пользы дела“ посчиталось необходимым Меркурьева от работы на Воркуте освободить, персональное дело передать в Обком партии.

9 июня 1949 года Меркурьев был освобожден от должности замначальника управления комбината „Воркутуголь“ МВД по строительству в связи с выездом из республики. И опять, как в случае с Кузьбожевым, следы теряются. Выехал ли он к себе на родину или попал в „места не столь отдаленные“, выяснить пока не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. М. Гронский. Предисловие // АХРР: Сборник воспоминаний, статей, документов. М., 1973. С. 20.
2. П. С. Коган. Новая система творчества. Приветственная речь на торжественном открытии выставки АХРР в 1926 г.// АХРР... Указ.соч., С.277.
3. Некоторые работы находятся в запасниках НМРК и НГРК.
4. АХРР... Указ.соч., С.226.
5. Модоров Ф.А. Портрет Кузьбожева Т.И. 1925, к.м. Ж-1205. Портрет был приобретен сотрудниками галереи в 1987 году у Зинаиды Александровны Модоровой, вдовы художника.
6. Коми РГА ОПДФ, ф.1. Оп.2/1. Д. 216. Личное дело Кузьбожева Т.Е.
7. Там же, л.5.
8. Там же.
9. Югыд туй, 1927. 29 марта.
10. Жилин Н.Л. Портрет орденоносца Меркурьева. 1943. х.м. Ж-247. Поступил в 1947 г. из комиссии по отбору работ художников.
11. НА РК, ф. 1434. Оп.1. Д. 2. Л. 39.
12. Коми РГА ОПДФ, ф. 1. Оп.27. Д. 286. Личное дело Меркурьева В.Д.
13. Там же, л.3.
14. Там же, л.5.
15. Там же, л. 10.
16. Кстати, Жилиным в том же 1944 году был написан этюд „ТЭЦ на Воркуте“ (Ж-237).
17. Там же, л.7.
18. Вторая жена Меркурьева — Калмыкова Мария Ефимовна (там же, л.5).
19. Там же, л.8.
20. Там же, л.11.

Е. Шуктомова

Национальная галерея РК

Н. А. ЛЕМЗАКОВ: ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ В ИСКУССТВЕ

В выставочных залах Национальной галереи Республики Коми открылась персональная выставка „По праву памяти“, посвященная Николаю Александровичу Лемзакову (1916-1993), старейшему художнику-пейзажисту нашей республики. Эта выставка не просто мемориальная: в ней сделана попытка осмысления творчества художника через его личность, судьбу, эпоху, в которой он жил. После смерти художника остался обширный архив: личные документы художника, находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Коми, Архиве Национальной галереи Республики Коми, в фондах Яренской районной библиотеки. Это выписки из дневников, писем, набросков статей и черновых записей,

имеющих автобиографический, философско-этический характер, заметки об искусстве и творчестве, а также этюды и зарисовки к различным произведениям. Их временной диапазон широк: нач. XX века — кон. 80-х-нач. 90-х годов XX века. Заметки о творчестве, в которых художник размышляет об искусстве, его непреходящих ценностях, о творчестве отдельных художников, о сути и характере творческого процесса, а также о нравственности в искусстве и жизни — двух взаимосвязанных для него понятиях — относятся, в основном, к периоду 60-70-х годов, времени, когда Н. А. Лемзаков работал наиболее плодотворно: большинство произведений, составляющих творческое наследие художника, написаны в этот период. В своей совокупности эти документы, которые впервые вводятся в научный оборот, представляют собой незаменимый материал для изучения творчества художника в контексте эпохи.

Попытка рассказать о жизни и творчестве Н. А. Лемзакова, опираясь прежде всего на собственные высказывания художника, может стать ключом к пониманию его личности, того, как жизнь и судьба человека преломляются в искусстве, а также к пониманию тех целей и задач, которые ставил перед собой сам художник. Кроме того, о Лемзакове написано немного, несмотря на то, что художником он был не только талантливым, но и самобытным, ни на кого не похожим. Отчасти этот феномен можно объяснить тем, что во многом произведения художника „не вписывались“ в контекст советской эпохи. Это было время существования единой государственной идеологии — марксизма-ленинизма, единых для всего народа целей и задач — создания коммунистического общества, и, как следствие — преследования инакомыслия.

В области искусства такая политика проявилась в господстве метода социалистического реализма с его нормативностью, строго очерченным кругом идей и тем, иерархией жанров, в которой приоритет признавался за „идеологически правильными“ произведениями „крупных форм“ и масштабных идей, где общественное превалировало над личным, коллективное — над индивидуальным. Таким образом, судьбы многих творческих личностей складывались драматично: трудно было противостоять жесткому государственному диктату, не поддаваться искушению создавать конъюнктурные, сиюминутно востребованные произведения, которым на государственном уровне всегда давалась „зеленая улица“. В какой степени это относилось к художникам-пейзажистам? Ведь, на первый взгляд, изображение природы далеко от политики. Но официальная идеология проникала и в эту область. В изображении природы приветствовалось, прежде всего, прославление природы рукотворной, созданной героическим, самоотверженным трудом человека.

Как относился к этому Н. А. Лемзаков? В „тихом“, камерном пейзажисте-лирике оказалось достаточно сил для энергии противостояния сложившейся системе, противостояния негромкого, но твердого. Его дневниковые записи полны горечи: *„Если пейзаж — то он должен быть эпическим, с преображенной природой, то есть со стройками; вырубленная лесная местность, разровненная бульдозерами, там, где чудом сохранилось какое-нибудь жалкое деревце — это называется преображенная природа. ...да разве это природа, в природу надо вклиниваться осторожно, не нарушая ее гармонии. Как быть с теми*

художниками, которых влечет к скромному... не к эпическому пейзажу, а к обыкновенному уголку природы?"¹. Но тем не менее вопроса: подчиниться или не подчиниться — для Н. Лемзакова не возникает. Он не может отказаться от себя, от своей индивидуальности. Ту же последовательность и твердость убеждений художник обнаруживает и в своем отношении к искусству, к творчеству.

И действительно, немногочисленные исследователи отмечали, что творчество Лемзакова — «чистая, ясная песня отдельной души», что его миропонимание идет «еще от той, прошлой России, не развороченной в своей глубине трагическими изломами времени», что работам художника присуще «образно-тематическое единство, обусловленное ... единством цели: стремлением запечатлеть внутренний мир несуетного, естественного человека, созвучный несуетному миру вечной природы»². Таким образом, верно определена основополагающая для всего творчества Лемзакова, художника-пейзажиста, идея: его пейзажи — это отражение не столько состояния природы, сколько состояния души — художника и зрителя.

Этим же объясняется и индивидуальный, камерный характер психологического воздействия его творчества на зрителей: Н. А. Лемзаков обращается к той плеяде художников, чьи произведения обращены не к «монолиту», не к «массам», воздействуют не на общность восприятия, обусловленную социально: общностью мировоззрения, воспитания, образа жизни, а на восприятие индивидуальное, на то тихое, подспудное, сокровенное чувство, которое есть в душе каждого человека, но просыпается не часто, а только в моменты душевного прозрения, обостренности восприятия. Недаром зрители на выставках художника размышляли не столько о достоинствах самих работ, сколько о себе, о своей жизни, стремясь пережить и продумать что-то важное, чего не успели сделать в повседневной суете.

Вот некоторые зрительские отзывы. Генрих Фотиев, учитель средней школы № 9: «... думаю, вспоминаю, радуюсь красоте, спорю с художником, с самим собой, оцениваю картины, оцениваю собственную жизнь... Ведь родной край моему поколению дорог не только его нетленной красотой, но и тем, что оно в борьбе и страданиях созидало на этой земле жизнь»³. П. Куратов: «Его картины успокаивают настроение. Это пейзажная психотерапия». Участники семинара по проблемам социальной защиты детей Северо-западного региона: «Ваши картины — лучший воспитатель и детей, и взрослых»⁴.

Каково было творческое кредо самого художника? В чем он видел миссию искусства?

Как уже отмечалось, для Н. А. Лемзакова это прежде всего — нравственная миссия. Художник глубоко и искренне верил, что предназначение искусства — очищение души и формирование личности человека. Эту идею Лемзаков неоднократно высказывал в своих заметках, зачастую идеализируя и абсолютизируя ее. Так, в речи, обращенной к детям, которые всегда были для художника «будущими гражданами», он говорил: «... я могу с полной уверенностью сказать: человек, который может стоять перед хорошей картиной или слушать музыку, допустим, Бетховена, как замороженный, никогда в жизни не сделает ничего плохого, потому что ему все плохое будет казаться таким мелочным

и низким⁴⁵. И далее: „Художник творит по законам красоты. Он полагает, что этим законом живет не один он; ... характерность настроения нашего времени — стремление человека к духовной жизни, жажда культуры в самых широких массах⁴⁶. Полемизируя с ним, московская художница Наталья Сергеевна Федорович, с которой Н. А. Лемзаков состоял в переписке, отмечала: „Вы хотите, чтобы культура так скоро охватила всех и каждого. Сейчас у людей пока потребность только хорошо жить, хорошо одеваться. А для того, чтобы все ценили и понимали симфоническую музыку — нужно еще так много и много лет“.⁴⁷

Тем не менее, в своих воззрениях на искусство Н. Лемзаков всегда оставался убежденным максималистом. Нередко в дневниковых записях художника можно встретить его высказывания о смысле и предназначении искусства, его высокой миссии, о стилях и творческих методах, о средствах выразительности. При этом важнейшим методом познания и отражения действительности для него всегда оставался реализм. К условности в искусстве Н. А. Лемзаков относился несколько скептически: „На иносказательности далеко не поведешь., в конце концов надоедают эти картины-символы, требующие расшифровки⁴⁸. Вот некоторые высказывания известных художников, встречающиеся в дневниках Лемзакова: „Не изменять надо натуре, а осмысливать“ (А. Т. Матвеев); „Я всегда писал и пишу только с натуры, избегая той лжи и мертвенности, которые так легко изобличаются в работах, где бывает добавлено нечто от себя“ (П. И. Львов).⁴⁹ Но в то же время каждый художник должен знать, где находится та тонкая грань, которая отделяет искусство от простого копирования действительности: „...искусство — это не подражание природе, подражать природе невозможно. Художник передает впечатление, сам дух, музыку виденного, в его мозгу возникает определенный аккорд. Он мысленно представляет, какими красками добьется этого аккорда. При этом и солнце, и деревья, и трава у художника-реалиста будут вполне определены“⁵⁰.

Абстракционизм, формализм, натурализм Н. А. Лемзаков считал чуждыми для русского искусства течениями, так как они „античеловечны“. „Чувство прекрасного им (абстракционистам) не ведомо, вот они и изобретают что-то новое, прикрываясь словом „новаторство“. Новое искусство не изобретается, оно развивается, настоящее новое имеет своего предшественника, от которого оно оттолкнулось. Натурализм — течение не менее вредное. Если для абстракциониста не существует видимый мир, то натуралист изображает его, иногда очень тщательно. Но как он... изображает? Без вдохновения, без эмоций, без поэтического чувства, он сухо срисовывает его. Натуралист — мастер в искусстве. Нужно мастерство, но к этому нужно еще поэтическое чувство. У А. Франса есть такие слова: „Искусству угрожали два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником“. ...Реалист работает над формой, чтобы сильнее выявить содержание, формалист — ради ее самой, ради красивых красочных сочетаний или гармонии линий“⁵¹.

Особый интерес вызывает отношение Н. А. Лемзакова к художникам прошлого. Кого он считал своими предшественниками

в искусстве? Особенно часто в его дневниковых записях встречаются имена И. Левитана, К. Коровина — художника, привлекавшего Н. Лемзакова своими исканиями в области колорита и ярким художественным темпераментом, И. Репина, В. Сурикова.

„... переживания от картин Врубеля — мрачные, от картин Сурикова — философски глубокие: о добре и зле, о бессмысленных людских страданиях в угоду честолюбивых владык. От картин Коровина — восторженно-радостные переживания. от картин Репина не испытываешь никаких переживаний. Вообще от картин ремесленных не испытываешь ощущений“¹². Последнее замечание, возможно, вызвано тем, что для Н. Лемзакова творчество Репина являлось своеобразным воплощением духа искусства передвижников, которые, по его мнению, „... шли по линии рассказа и были нетребовательны к нахождению глубокого образа“¹³. В частности, еще в 1931 году, сравнивая впечатления от творчества И. Репина и В. Сурикова, Лемзаков отмечает: „У Сурикова в портретах в человеке есть большая духовность, то есть внутренняя жизнь человека. И это выдвинуто на первый план. У Репина же есть ... способность двигаться, садиться, и вообще совершать действие. Драматизм у Репина телесный, то есть когда человек занимается тяжелым трудом, ... и вообще связанное с телом человека. У Сурикова сами типы драматичны.“¹⁴. Те же принципы Н. Лемзаков старался воплотить и в своем творчестве. В частности, он отмечал: „Писать любого, по заказу — это фотографизм, этим страдают портреты Репина и Серова. В них нет душевного тепла, есть социальные черты; зачем это нужно в портрете? (Нужна) горячая заинтересованность в портретируемом“¹⁵.

Тесно связана с проблемой сути искусства и проблема его восприятия зрителями. Н. Лемзаков всегда подчеркивал, что для того, чтобы произведение искусства выполнило свое назначение, нужно два таланта: талант творца и талант читателя или зрителя. К таланту восприятия он относился очень серьезно, считая, что все мелочное, сиюминутное перед лицом искусства должно быть отринуто: „... живопись нельзя рассматривать в спешке, чем-то посторонним встревоженным или озабоченным, в это время уж лучше не смотреть“¹⁶.

Особенное возмущение и негодование художника вызывало „облегченное“, массовое искусство, лишенное глубоких чувств и идей, и его потребители — люди с невысокими духовными запросами и примитивным художественным вкусом, относившиеся к искусству только как к средству отдыха и развлечения. „... зрители с душевной леностью ... идут на выставку не для того, чтобы взбудоражить чувства, мысли, а в качестве технического контролера: ах, как нарисован фикус, как настоящий, как верно передан материал на пальто, даже можно сказать, где и когда он продавался. Ах, как ярко, такой зритель темных картин не принимает. Идеальная картина, по его мнению, — яркая, выделанная до иллюзии, заставляющая потрогать“¹⁷.

Важнейшей задачей искусства Н. А. Лемзаков считал также воспитание чувства прекрасного, гармонии, свойственного человеку и проявляющегося в восприятии искусства. Нередко в его дневниках встречаются такие высказывания: „Роль искусства — развивать в человеке способность чувствовать и понимать красоту“. (Э. Делакруа); „Область искусства — человеческие эмоции: оно стимулирует способность чувствовать и

реагировать. Оно расширяет границы восприимчивости. Художественное переживание щедро одаряет наши чувства и делает их более тонкими, развивая таким образом все способности человека" ¹⁸.

Что способствует такому развитию? Особенно часто Лемзаков обращается к понятию гармонии и музыки. „Зритель ...хочет видеть гармонию, ...эстетическое чувство отнять никак нельзя" ¹⁹.

„Музыка живописи" — слова, которые часто встречаются в дневниках художника. Многие записи в них напрямую связывают живопись с музыкой, которую Н. А. Лемзаков считал искусством, родственным и живописи, и поэзии. Он приводит высказывание композитора Р. Шумана: „Образованный музыкант может с такой же пользой учиться на рафаэлевской Мадонне, как и художник на симфонии Моцарта. Для художника стихотворение превращается в картину, музыкант воплощает картину в звуки. Эстетика одного искусства есть эстетика и другого, только материал различен" ²⁰. И этот принцип — принцип музыкальности творчества — Лемзаков последовательно воплощает в жизнь в своих произведениях. Линии его картин текучи и плавны, как мелодия, оттенки цвета — аккордные. Художник считал, что именно изобразительное искусство и музыка позволяют человеку „передать даже то, что нельзя выразить словами", а в каждом пейзаже „должна быть история души, он должен быть звуком, от вечующим сердечным чувствам. Это трудно выразить словом, это так похоже на музыку" ²¹.

Очень интересны искания художника в области колорита — наиболее сильной стороны его работ. „Колорист — художник, не колорист — не художник" — повторял он. „Что интересней, подбирать цвета или рисовать? Для меня, пожалуй, интересней первое" ²². Размышляя о цветовых соотношениях, художник пишет: „...на одних картинах они (краски) примитивны, почти в чистом виде, на других они раскрашивают предметы в натуральные цвета, и на третьих они составляют сложное месиво и гармонию всей плоскости — колорит" ²³. Лемзаков отмечает, что художники-колористы выполняют сложнейшую работу по цветовой организации всего пространства картины, ища новые, свежие цветовые соотношения. „Живописец тоже организует плоскость, но ему это значительно легче, чем колористу. Колорист всегда нов в каждой вещи. Живописец же применяет одни и те же красочные созвучия" ²⁴. Таким образом, себя Н. А. Лемзаков по праву относил к колористам.

Творческое наследие художника велико. Помимо пейзажей Н. А. Лемзаков писал и портреты. Они составляют меньшую часть его творчества, и не только потому, что, как отмечал сам художник, „портреты всегда для меня трудны". По-видимому, Н. Лемзаков считал, что портрет как жанр имеет, скорее, литературную, повествовательную природу, и поэтому более характерен для литературы, а не для изобразительного искусства. Это видно хотя бы из такого высказывания: „Живопись запечатлевает видимую красоту мира, запечатлет внутреннюю красоту того или другого человека дано только литературе. Внутренняя красота человека складывается из его поступков, из того, что он думает — говорит. Живопись в отношении изображения человека выполняет подсобную роль. О человеке, живущем в

отдаленные века, о том, какой он был, что чувствовал, — мы знаем только благодаря писателям, живущим тогда. Картины, написанные тогда же — молчат²⁵. Тем не менее, портреты Лемзаков писал. Особенно известен он портретами детей, к которым художник относился с особенной нежностью и, в то же время, ответственностью. Н. Лемзаков не просто писал портреты детей — он стремился к общению с ними, став для многих воспитателем и старшим другом. Сохранилась обширная переписка художника с детьми. Он искренне интересовался их маленькими, на первый взгляд, несерьезными проблемами, наблюдал процесс взросления, формирования личности. Корни такого особого отношения к детям кроются в детстве самого художника.

Рассказывая о своей жизни, Лемзаков упоминал, что он *«...перенес в своем детстве тяжелую травму, причиненную взрослыми людьми, поэтому его отношение к детям особое и бережное. Я знаю, ... если когда я и был очень хорошим, то это в детстве. Я хорошо помню, что такое детская душа, а в горе я был просто святым»²⁶.*

Для Лемзакова-художника было в высшей степени свойственно необыкновенно ответственное отношение к труду, к делу его жизни. После себя художник оставил множество этюдов, набросков, зарисовок — пейзажных и портретных — к самым разным картинам. В Национальном архиве Республики Коми хранятся 3 тома маленьких карандашных набросков под общим названием «Изображение отдыха детей», набросков, в которых Лемзаков ищет наиболее выразительный ракурс, позу, поворот головы, снова и снова рисует непоседливых мальчишек — будущих героев его картин «Мальчики на пляже», «В парке» и других.

«Особенно мне кажется полезным делать наброски „украдкой“, когда позирующий не замечает, он тогда естественней и пластичней... чтобы он не заметил — взглядывать на него как можно реже — это тебя заставляет обобщать виденное, вырабатывает пластичный длинный штрих»²⁷.

Своеобразным итогом жизни художника являются его слова: *«...моим принципом и в жизни, и в искусстве всегда были искренность и правда. Я не люблю торопливых, ни в чем не сомневающих, всегда правых людей. Они принесли довольно бед. Я не люблю крик. А природа — это всегда разговор с человеком о вечном, о красоте, смысле жизни, добре и зле. Я никогда не стремился к жанровой живописи, не гнался за конъюнктурой. Я за искусство светлое и радостное, чтобы оно вызывало соответствующие чувства у зрителя»²⁸.* Н. А. Лемзаков сказал это, прожив долгую и очень непростую жизнь. И, наверное, главным итогом ее стало то, о чем говорил М. Пришвин: *«Весь путь мой был из одиночества в люди».* Для художника этот путь — его искусство.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. НАРК. Ф. Р-2282. Оп.1. Д.42. Л.3.
2. В. Пономарев. Пристань души //Красное знамя, 1994. 7 июля.
3. Палитра родного края //Красное знамя, 1994. 7 июля.
4. НАРК. Ф. Р-2282. Оп. 1. Д.51. Л.15.

5. Там же. Д. 42. Л. 62.
6. Там же. Д. 43. л. 80.
7. Там же. Д. 77. Л. 30.
8. Там же. Д. 42. Л. 1.
9. Там же. Л. 42.
10. Там же. ЛЛ. 125-126.
11. Там же. ЛЛ. 129-130.
12. Там же. Д. 41. Л. 45 об.
13. Там же. Д. 42. Л. 44.
14. Архив Национальной галереи РК. Личное дело Н. А. Лемзакова. Л. 10.
15. НАРК. Ф. Р-2282. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
16. Там же. Л. 103.
17. Там же. Л. 106.
18. Там же. Л. 41.
19. Там же. Л. 6.
20. Там же. Л. 128.
21. Там же. Л. 40.
22. Там же. Д. 41. Л. 48 об.
23. Там же. Л. 31.
24. Там же. Л. 63.
25. Там же. Д. 42. Л. 1.
26. Там же. Л. 97.
27. Там же. Л. 88.
28. Е. Шелест. О времени, не о себе // Вечерний Сыктывкар. 1989. 3 октября.

О. В. Орлова

Национальная галерея Республики Коми

ЦИТАТЫ ИЗ ЖИЗНИ (СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО Н. А. ЛЕМЗАКОВА)

Публикуемые материалы из Национального архива Республики Коми, Научного архива Национальной галереи, фонда Яренской районной библиотеки, подготовленные на основе дневниковых записей художника Николая Александровича Лемзакова (1916-1993), его переписки с родственниками, коллегами, друзьями, семейного архива позволяют по-новому взглянуть на творческую и человеческую судьбу живописца.

Семья

Николай Александрович Лемзаков родился в д. Пустошь Архангельской области в семье, далекой от всяких художественных интересов. Отец его — Александр Николаевич Лемзаков (родился 28 марта 1888 в Иртовской волости, Яренского уезда, Северо-Двинской губернии) — крестьянин-середняк, дед — мелкий торговец. У отца Николая было еще два старших брата, две сестры (Елизавета¹, Анна). В 13 лет Александр остался без матери и ушел из дома после женитьбы отца на Вбросимовой Парасковье Ивановне (*„женщина была очень распушена и хозяйство пошло на убыль“*)². Александр „ходил“, пока *„не помер отец“*: до 1903 года. Вернувшись, дома он *„застал полный хаос“*. *„Хозяйство уже совсем пало“*: остались две коровы, лошадь, дом. Братья, жившие к тому времени в Яренске, *„порастили все, что им было нужно“*. Перед первой мировой войной Александр женился на Екатерине Александровне Тучноловой. В архиве семьи Лемзаковых сохранились черновики ее писем, заявлений,

записи и другие документы. Женщина она была малограмотная. В 1921 Екатерина Александровна Лемзакова окончила Пустошскую школу взрослых и выдержала испытание в чтении, письме и счете³.

А. Н. Лемзаков *„ходил на фронт в германскую войну“*⁴. По учетно-воинскому билету — был в звании младшего унтер-офицера пулеметного полка⁵, был в походах Австро-Германии в 1917, был ранен. 4 июля 1919 призван на службу в ряды Красной Армии. Служил в пулеметной команде, в продотряде в г. Никольске. Уволен в 17 января 1921 г.⁶ Вернувшись, стал вести хозяйство и *„работать над землей“*. Из заявления Е.А. Лемзаковой прокурору Ленского района д. Пустошь: *„Жил! все своим трудом, занимались крестьянством, обрабатывали землю... Во время уборки с полей и пожен я брала рабочих немного и платила им чем могла“*⁷.

В семье Лемзаковых было четверо детей: Семен (род. 1 сентября 1911⁸), Николай (24 января 1916), Василий (Род. 20 февраля 1919, умер от ран 8 марта 1943⁹), Серафима (живет в д. Лыσιμο).

Детство

Николай родился 7 февраля 1916¹⁰ в д. Пустошь Архангельской губернии.

Из черновика биографии-воспоминания Н. А. Лемзакова: *„Свою деревню я люблю... до сих пор“*. *„...Весной... буйное цветение лугов, кустов черемух. Самое первое мое воспоминание — это трава выше моего роста...“* *„Самое интересное было в большую воду... Едем затопленными лугами, поскряпывают гребни, на нас надвигаются громадные ели, отраженные в воде. Деревню свою не узнаем: все дома в воде“*¹¹.

Окончил начальную 4-годичную школу в с. Ирты.

„Заметив мое увлечение“, учитель Семен Михайлович Новоселов „попросил меня нарисовать Ленина с книжной репродукции. Затем повесил в учительской“.

В 5 класс в Яренске не был принят *„по причине социального положения“* отца¹². Не принят был и в следующие два года.

*„Природе я многим обязан. В это тяжелое для меня время — 1931, она внушала мне оптимизм и надежду... Я уходил в эти лесные луга, плакал, потом успокаивался и созревали во мне решения уехать, найти добрых людей, выучиться и стать сильным... И эту силу я чувствовал в себе“*¹³.

В 1931 по постановлению Иртовского сельского совета А. Н. Лемзаков за „злостное невыполнение твердого задания“ был подвергнут штрафу 120 руб.¹⁴ *„Во время коллективизации отца заверхушили, обложили большим налогом, сделали трудзаданцем“*. Основанием, конечно, послужило, что дед был кустарем-кожевником, а брат — купцом. *„В области сразу не разобрались. Моего отца приняли за его сводного брата, наложили на хозяйство большой налог, на отца — трудовую повинность с невыполнимым... заданием. Был осужден за невыполнение, ... увезен в Архангельск, где многие погибли“*¹⁵. А.Н.Лемзаков содержался в Плесецкой исправительно-трудовой колонии до 27 июля 1932 года *„по отбыванию меры социальной защиты согласно приговора Н/С Ленского района от 21 августа 1931 по ст. 61/3 УК ВВИ“*¹⁶.

Из заявления Е.А.Лемзаковой Прокурору Ленского района д. Пустошь Иртовского сельского совета: *„Это все по насерке и по*

злости могут наговорить и сгубить безвинно. Я совсем не признаю себя виновной... никакого вреда никому не делала, особенно государству... Все, что у нас было, мы сдавали государству, и налоги все выплачивали, и облигации у нас 170 руб.¹⁷

Из письма А. Н. Лемзакова, отца художника, родным от 27 мая 1932 года: „Милые и дорогие Катерина, Симушка, Сеня и Васенька...получил посылку, которая „пропадала где-то 4 месяца. Часть сухариков затускнела... Теперь я ожил, но только сильно замерз. Но, некто, Бог даст поправлюсь. Теперь буду есть досыта. Получил все: шапки, рукавицы, табачок...Еще уведомляю тебя, что брат Павел помг.р. Я в Лопатину писал, что нездоров, чтобы не испугать сразу невестку...“ Из письма от 3 июня 1932 года: „Вот брат помер, осталось такое семейство. Да пришлось брату помереть не дома. Похоронили его близ бараков. Положили без гробу и креста нет. Сделать некогда... Здоровье у меня тоже неважное... Питание в колонии сильно улучшилось: хлеба стали давать по кг..., а зимой приходилось каждый день спать голодному... утром все почти съедал, к вечеру ничего не оставалось. Теперь, некто, Бог даст справлюсь помаленьку. Ноги стали подживать, опухоль сошла... Пиши, как выживаете... Что пишет Коля?“ [здесь и далее выделено автором]. Из письма от 27 июня 1932 г.: „Землю ладно, что отдала лишнюю, ведь ты слаба здоровьем...Трудно, наверно, было с Васей сваять...“. „Ноги все распухли, цинга и, к тому же, болит грудь, одышка“. К сыну Васе: „Напиши Коле от меня привет. Как он живет? Тоскует, нет о доме? Ничего не пишет?“. Из письма от 8 июля 1932: „Все здоровье у меня вымотано“¹⁸.

В письме к Марии Васильевне¹⁹ Николай Александрович делится своими впечатлениями о поэме А. Т. Твардовского „По праву памяти“ (1966-1969), напечатанной в „Новом мире“ и в „Знамени“: „Когда я учился в художественном училище в Перми, я сочинял картину о всем пережитом и виденном в детстве... Но тогда это можно было делать только для себя. Композиция была такой: „Баржа с этими невинными, несчастными людьми. Там их дети. Баржу тянет буксирный пароход. Это я видел своими глазами. Раскулаченных привезли поездом в Котлас зимой в феврале или марте... До навигации их держали в палатках. Когда пришла весна, многие из них, простуженные зимой, начали умирать. Кто остался жив, ими набивали деревянные баржи и буксирный пароход, тащили баржу к нам — в Ленский район и Коми АССР... На берегу трупы зарывали“²⁰. В январе 1933 в семье А. Н. Лемзакова ночевали 3 человека „административно-высланных“, перебрасываемых из г. Котласа в Ленский район г. Яренска в ОГПУ²¹.

Из выписки постановления депутатской группы при колхозе 1 мая от 29 июня 1934: „Все вступили в колхоз, а этот Лемзаков ждет царской власти“²².

1934 — отец Николая Лемзакова был восстановлен в правах и принят в колхоз.

Из черновика заявления Е. А. Лемзаковой о вступлении в колхоз им. И. В. Сталина Иртовского сельского совета: Принять „меня и так же моего мужа, семью в число членов Артэли, т. к. я поняла колхозная обработка будет лучше, легче, больше прибыли даст государству... Наше хозяйство отнесено к кулацким лицам.

*Кулак значит социальный враг и ведет агитацию против колхоза, против советской власти*²³.

Работа

Николай уехал из д. Пустошь к двоюродному брату в г. Свердловск, учился в строительной школе „Строюечь“ на плотника один год²⁴.

Май 1932—август 1934 — работал помощником шофера в гараже Госбанка г. Свердловска.

Учеба, учителя, сокурсники

В 18 лет Николай Лемзаков поступил в Молотовский (Пермский) художественный техникум, хотя и „провалил все общеобразовательные предметы...“ „И все же меня приняли“. „Кому я обязан заступничеством, я до сих пор не знаю“, но „догадываюсь“: Ивану Игнатьевичу Россик²⁵ и Ивану Ефимовичу Шангину²⁶. „Еще с осени было дано задание: иллюстрации к книге. Я взял иллюстрировать „Капитанскую дочку“²⁷.

1934—1938 — учеба в художественном техникуме²⁸ города Молотов на художника-декоратора средней квалификации. Вместе с Н. А. Лемзаковым учились В. К. Саморезов²⁹, Вера Красных, Саша Котов³⁰, П. А. Воинов³¹, Г. А. Мясников³², С. А. Серебренников³³.

Однокурсником Н. А. Лемзакова был Владимир Александрович Андреев — впоследствии доцент Ленинградского художественно-промышленного училища им. В. Мухоминой. В письме к Н. А. Лемзакову от 21 декабря 1972 года В. А. Андреев вспоминает: „Я тебя прекрасно помню, ты малость похож на знаменитого артиста Фернанделя. Я помню, что у тебя темные, коричневые, глубокого оттенка глаза, нос не очень классического плана и довольно выразительная нижняя губа... крупные зубы“³⁴.

О Шангине И. Е.: „Я у него был первым учеником“, „страшно советует учиться дальше“, „говорит, что из меня может выйти художник“³⁵. „Мы его очень любили“³⁶. „Он учил видеть красивое, понимать гармонию цвета, ставил глаз. Все его постановки были нацелены на это. В рисунке учил цельности. Если это фигура, чтобы не разваливалась по частям, была пластически совершенна, имела все, даже тогда, когда на ней нет совершенно теней и объема. Помню, на него были нападки: обвиняли в формализме. К сожалению, последний курс доводили другие молодые художники из Ленинграда. От них ничего в памяти не осталось... Один из них Цуб. Он жив и сейчас“³⁷.

Из письма Н. А. Лемзакова: „Все время заседали на нас, как на учеников“ Шангина, и, в конце концов, он уехал в Ленинград и стал преподавать в художественном техникуме, где „пользовался большим уважением“.

Сокурсник В. А. Андреев³⁸ вспоминал в письме к Н. А. Лемзакову: „А я помню твои рисунки «массажи», которые ты делал под эгидой И. Е. Шангина. Кто с ним [Шангиным] учился... [говорит о нем], что он был поклонником Врубеля, отмечают также, что он был талантливый человеком. Но малость, как бы это, точнее, выразиться, — несобран, задирист. Тогда они все были такие. А вот его творческое кредо — оно, несомненно, интересно. И только сейчас искусство подошло опять к этим по-

нятиям, но только подошло. Ведь вот признали Петрова-Водкина, у которого он учился³⁹.

Из воспоминаний Н. А. Лемзакова. Директор техникума Стряпунина потребовала новую справку о социальном происхождении, сказав при этом: „Не кулацкий ли ты сын?“. К этому времени отца приняли в колхоз, сняв „твердое задание“. „Я остался в училище, но стипендию она мне не дала“. Два года без стипендии. Работал подсобником в гараже.

„Мы все подрабатывали на оформительской работе: писали к праздникам лозунги, портреты⁴⁰. В бригаде Г. Мясникова, Горюшина им был оформлен сквер перед театром. Из письма В. А. Андреева от 31 октября 1975 года: „Дорогой Лемзачище. Поздравляю тебя с праздником и вспоминаю запах клея, и мела, и кумача, которым пропитывались в эти дни все студенты Пермского художественного училища! Славное было времечко! Полное надежд и смутного ожидания — чего? Кто знает!⁴¹“.

Из письма брату Васе от 21 ноября 1937 года: „Сейчас к нам приехал новый педагог из Москвы: художник Гаврилов, ученик Репина. Хороший старичок. Он у нас на группе преподает технологию красок⁴². Акварель преподавал Герман Александрович Мелентьев.

Из черновика письма неизвестному о пермском периоде: „Картинная галерея для нас, студентов, была храмом искусств и своим домом... В тяжелые годы войны, на чужбине, я мысленно проходил по залам галереи от картины к картине... Николай Николаевич Серебряный учил меня, как нужно натягивать на подрамник картину. Помню приезд Петрова-Водкина для ознакомления с собранием деревянной скульптуры⁴³“.

Из письма родным: „Сильное желание заставило меня учиться на художника. Но вот я кончаю техникум, и радости мне и вам нет, мне сразу возьмут в армию на два года. И, в то же время, не угасает желание быть настоящим художником... ведь я ради этого уже многим пожертвовал⁴⁴“.

Н. А. Лемзаков хотел продолжить учебу в Свердловском архитектурном техникуме, ответ из которого он получил в 1938 году⁴⁵.

Работа

Сентябрь 1938—август 1939 — художник-постановщик передвижного драматического театра при комитете по делам искусств г. Оса, Молотовской области.

Из письма родным от 3 апреля 1939 года: „В театре выкаю. 25 дней проработал. Работы, правда, много... пьесы все оформляю и сейчас вот оформляю „Бесприданницу“ Островского. Завтра буду писать Волгу на большом полотне, так называемый задник. Все пьесы идут с успехом, публика ходит охотно⁴⁶“.

В 1939 году, работая в Пермском областном колхозном театре, Н. А. Лемзаков оформил спектакли по пьесам А. Н. Островского „Бесприданница“ (режиссер М. М. Амаспюр), „Без вины виноватые“ (режиссер А. С. Романов), Ф. Шиллера „Разбойники“ (режиссер А. С. Романов), К. Гольдони „Забавный случай“ (режиссер Б. Ф. Ришар)⁴⁷.

Об артистах театра: „веселый они народ: пьют, играют, пляшут, одним словом - артисты⁴⁸“.

Октябрь 1939 — апрель 1940 — художник-рекламист в декоративно-рекламной мастерской „Крымсправка“ в г. Симферополе.

Весна 1940 — призван в Красную Армию. Письмо из Ленинграда п/о 301, в котором сообщает, что работает в автограже художником и маляром. „Живу у самого синего моря, в палатке“, „меня как художника здесь знают и называют маляром“⁴⁹.

Война

До июля 1941 — служил в Эстонии в строительном батальоне.

1940-1941 — художник в клубе 43-го отдельного стрелкового батальона в г. Палдиски (?), Эстония. Служба в Красной Армии рядовым бойцом. Стрелок.

В июле 1941 г. батальон был прикомандирован к стрелковому полку, который вскоре попал в окружение („при обстоятельствах окружения“). 10 августа 1941 г. — „...после двухнедельного брожения по лесу я был пленен эстонскими кайцелитами“ в 40 км от г. Тарту. В Шталаге провел 3 месяца.

„С самого начала войны наш батальон и весь полк был направлен на передовую. Вскоре оказались в окружении. Были приняты три боя, с целью вырваться из окружения. Я в них участвовал как солдат-пехотинец. От нашей роты остался один взвод, который поставили сопровождать обоз с ранеными и боеприпасами. Обоз был немцами обнаружен. Командование покинуло обоз. Нам было предложено маленькими группами по 5—0 человек пробираться вперед. Но, вскоре мы были обнаружены эстонскими добровольцами и пленены..., переданы немецкому командованию. Это произошло около г. Тарту. Из Тарту мы были отправлены этапом в гор. Викланды. Я был во многих лагерях: Викланды, Тарту, Ванки, Риги и в конце войны в Западной Германии в шахтах около гор. Ганновер⁵⁰ в местечке Бекендорф.

Находясь в 1942 в лагере русских военнопленных в г. Тарту (размещался в синагоге) „мечтал вырваться из лагеря, где кроме голода донимали вши, их было так много...“⁵¹.

Из черновика письма к Ване, с которым сидел в лагере в Валке: „Но такого страшного, как Валка... не было“⁵². „Если бы не Иван Хитров⁵³, я бы, наверное, в нем [лагере] погиб“⁵⁴. Из письма В. А. Андреева: „Писал ли я тебе, что в лагере ты встречался с моим товарищем Хитровым Иваном... Он художник, работает в комбинате. Много работает в музее этнографии, делает экспозиции, неплохой скульптор“⁵⁵.

Отправили в Ригу уже осенью. Лагерь считался карантинным, „условия были страшные“, надзиратели-полицейские из одних казахов. „3 месяца в голове было только одно — есть-есть. Люди умирали от голода“⁵⁶.

В 1973 году Н. А. Лемзаков был в Риге, обошел лагерные места. Нашел женщину, которая помогала (ей было уже 70 лет) и у которой он оставил наброски, сделанные в лагерях Валки и в Риге. К сожалению, наброски не сохранились.

Из письма 1943 года Екатерины Александровны Лемзаковой сыну Васе на фронт: „...и Коля тоже неизвестно, где он есть. Давно нет писем. В августе будет два года, как он не стал писать. Был на „северном“. Наверно, тоже убит... на фронте“⁵⁷.

16 апреля 1945 г. Николай Александрович был освобожден английскими и американскими войсками около г. Ганновер (Германия).

Май 1945 г. — Николай Лемзаков был передан советским войском. После чего шли пешком 2 тысячи километров. По пути производилась проверка. Август 1945 — в г. Барановичи. Было предложено ехать в Казахстан в г. Караганду. И еще была одна проверка в г. Караганде. После чего ему был выдан паспорт на общих основаниях. В рукописной автобиографии Н. А. Лемзаков утверждает: *„Я не судим и никаких репрессий не имел“*⁵⁸.

Из письма родным 21 декабря 1945 г. (отцу, матери, сестре Симе): *„В 1941, как вы знаете, был в Эстонии на строительстве укреплений. Здесь мы принимали жестокие бои. Но тогда у немца были превосходящие силы. Он отхватил Эстонию, и я, как и многие другие, оказался в окружении. Попытка прорваться не удалась. Враждебно настроенные тогда к нам эстонцы не давали нигде нам ходу. Я оказался в плену у немцев. Что пришлось пережить у них... Это был сплошной голод и сплошные муки“*⁵⁹

Работа

С 25 октября 1945 по 4 октября 1946 г. — Н. А. Лемзаков работает художником в клубе шахты № 20 г. Караганды⁶⁰.

В письме родным от 2 апреля 1947 года сообщает, что хочет выехать. *„У меня только одно желание: стать хорошим художником“*⁶¹.

Май 1947 г. — приехал на родину в Архангельскую область. Лето жил дома.

Кострома

Октябрь 1947—май 1949 — художник Товарищества „Художник“ г. Кострома.

Из письма родным от 8 ноября 1948 года: *„Вот нахватуюсь у здешних художников мастерства, тогда перееду жить ближе к вам“*⁶².

В 1949 заболел тяжело отец. *„Чтобы быть ближе к нему, переехал в г. Сыктывкар“*⁶³.

В 1950 — умер отец Николая Александровича Лемзакова.

Сыктывкар

12 июля 1949 г. — Николай Лемзаков был принят художником в мастерскую Товарищества „Художник“ Коми АССР.

Апрель 1949 г. — Благодарность за добросовестное отношение к труду.

Ноябрь 1949 г. — Благодарность за добросовестное отношение к труду.

Декабрь 1949 г. — благодарность за оформление выставки к 70-летию И. В. Сталина.

Из письма родным от 7 апреля 1951 г.: *„Мне председатель СХ предложил преподавать нашим же художникам живопись два раза в неделю. Два занятия уже провел. Это для меня очень почетно“*⁶⁴.

1 октября 1951 г. — В. В. Поляковым⁶⁵ дана рекомендация Н. А. Лемзакову для вступления в Союз СХ Коми АССР („одаренный живописец“, „настоящий, ищущий художник“).

*Из рекомендации В. Г. Постникова*⁶⁶: Н. А. Лемзаков "...является ведущим художником среди коллектива молодых начинающих художников"; "...он упорно и настойчиво идет к тематическому полотну, его особенно интересует колхозная тема, связанная с пейзажем"; "...он в ближайшем будущем оправдает себя законченной тематической и идейной работой"⁶⁷.

30 октября 1951 г. — написал заявление на вступление в Союз советских художников Коми АССР („Так как я желаю больше работать над собой и совершенствоваться в области пейзажной живописи... Желал бы состоять кандидатом этого Союза“)

Январь 1952 г. — поощрительная премия за выставку.

Май 1953 г. — благодарность за выполнение плана.

Июль 1956 г. — поездка на академическую дачу.

25 декабря 1957 г. — рекомендация для поступления в Союз художников СССР М. П. Безносова⁶⁸, В. В. Полякова.

13 февраля 1958 г. — Принят в члены СХ СССР без кандидатского стажа.

1958 г. — работа в Доме творчества им. Кардовского. 4 месяца.

Октябрь 1959 г. — работа на академической даче. 2 месяца.

Октябрь 1963 г. — выставком. „Ударил председателя республиканского выставкома А.Н. Безумова⁶⁹ за критику портрета“.

Уехал в санаторий.

27 января 1964 г. — объявлен строгий выговор (собрание КО СХ РСФСР). Председатель Р. Н. Ермолин⁷⁰.

1966 г. — Персональная выставка Н. А. Лемзакова в Республиканском художественном музее Коми АССР.

1967 г. — присвоено звание заслуженный деятель искусств Коми АССР.

1967 г. — Из письма Н. А. Лемзакова (28 января 1967) к сестре: „Сима, у меня радостная новость. Мне присвоено звание... Для меня это так неожиданно. Третий день хожу возбужденный и взволнованный. Вручали в торжественной обстановке во время съезда работников культуры Коми АССР... Были бы живы отец и мама, они бы порадовались"⁷¹. „Любимей дела, чем живопись, у меня нет, и я ее не брошу"⁷².

Из письма В. А. Андреева от 7 мая 1973 года: „...в работах твоих меня поражает и привлекает жизненность восприятия. И этюды природы такие острые — „улица“, например, так и напомнила мне этюды, которые мы делали в Перми (не по качеству, а по любви к мотиву, качеству у тебя мастера) и „пейзаж с лодкой“ и „лесные дали“. И композиции очень живые — „мальчики на пляже“ и „детвора“. Чтобы ты не думал, что тебе делаю просто приятные комплименты, скажу, что портреты выглядят несколько не нарисованными („Повар“, „Мальчик с яблоками“), хотя и в них есть характер, душевность"⁷³.

Ноябрь-декабрь 1976 г. — работает в Доме творчества в Горячем Ключе.

В сентябре 1978 г. — был рекомендован Правлением СХ Коми АССР в качестве куратора группы акварелистов Союза художников СССР в г. Сыктывкаре.

Из письма Н. А. Лемзакова собранию СХ Коми АССР от 2 марта 1983 г.: „выставки наши... традиционные, общие год от года выглядят слабее"⁷⁴.

*Из черновика письма Тоне⁷⁵ от 12 февраля 1987 (?) года:
„А отказаться от искусства я не могу, потому что это дело всей моей жизни. И оно у меня на первом плане, и я его никогда не брошу“⁷⁶.
11 ноября 1993 года — Николай Александрович Лемзаков умер в Сыктывкаре.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Елизавета Александровна Лемзакова училась в женском приходском училище в г. Усть-Сысольске. В 1908 была ученицей 2-го отделения. НАРК. ф. 2282. Оп. 1. Д. 62. Л. 57. В 1925 работала делопроизводителем-статистиком в Коми Обисполк'эме. ф. 2282. Оп. 1. Д. 62. Л. 55.
2. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.
3. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
4. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.
5. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
6. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 59. Л. 7об.
7. Там же.
8. К 1941 году его уже не было в живых.
9. Василий — участник Великой Отечественной войны, старший лейтенант. Похоронен в Орловской обл., Вер. Залогощенский район, д. Петрово. // НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 66. Л. 32.
10. Яренская библиотека. Фонд ЛХМ. Д/л. 185. - свидетельство о рождении I-A № 566191. 16 декабря 1946 г. Во всех известных печатных документах стоит другая дата рождения - 24 февраля.
11. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. ЛЛ. 13-13об.
12. Архив НГРК. Личный фонд Н.А.Лемзакова. Автобиография. Рукопись. ЛЛ. 1, 2.
13. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. ЛЛ. 18-19.
14. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.
15. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 17.
16. НАРК. ф. 2282. Оп. 1. Д. 59. Л. 29.
17. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 65. Л. 9об.
18. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 1-7об.
19. Жительнице Пустоши.
20. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 117-118.
21. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 59. Л. 26, 26об.
22. НАРК. ф. 2282. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.
23. НАРК. ф. 2282. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.
24. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 3. — Из письма родным.
25. Родился 6 апреля 1909. Преподавал рисунок в Пермском художественном училище. Живет в Перми.
26. Вел декоративный [декорационный] курс, ученик Осьмеркина. ГУ РУ „НАРК“. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
27. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 36 об.
28. Учились В. Орешников, В. Курдов, Н. Аввакумов, А. Каплун, Нина и Надежда Кашины, Б. Аввакумов, П. Оборин, О. Коровин, П. Субботин-Пермяк.
29. Саморезов Виктор Константинович. Живописец. Род. 11.08.1919. Живет в Санкт-Петербурге.
30. Театральный художник. Старше на 2-3 года.
31. Воинов Павел Архипович. Живописец. Род. 6.09.1918. Живет в Екатеринбурге.
32. Мясников Геннадий Алексеевич. Художник театра и кино, Народный художник РСФСР, доцент. Род. 12.09.1919. Живет в Москве.
33. Серебренников Сергей Александрович. Живописец. Заслуженный художник РСФСР. 12.02.1919. Живет в Пушкино, Московской области. Входил в творческую группу фильма „А зори здесь тихие...“
34. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.
35. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 8об.
36. НАРК. ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 113.

37. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 114.
38. Владимир Александрович Андреев родился 26 октября 1917. Живописец. Доцент. Живет в Санкт-Петербурге.
39. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 71. Л. 5об.
40. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 112.
41. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 71. Л. 11.
42. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 37об.
43. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 119об, 120.
44. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 8.
45. НАРК. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 61. Л. 21.
46. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об, 16.
47. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
48. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 16об.
49. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 18, 18об.
50. Архив ГУК „НГРК“. Личный фонд Н.А.Лемзакова. Автобиография. Рукопись. ЛЛ. 3, 4.
51. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
52. ГУРУ „НАРК“. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 11об-12.
53. Хитров Иван Николаевич. Прикладник. Род. 22.08.1918. Живет в Санкт-Петербурге.
54. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Д. 23.
55. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 71. Л. 6об.
56. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 23 об.
57. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 17, 17 об.
58. Архив ГУК „НГРК“. Л. 4.
59. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 19.
60. НАРК. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 81. Л. 1. — Справка треста „Карагандауголь“ № 299 от 4.10.46.
61. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 21, 24.
62. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 25, 25 об.
63. Архив ГУК „НГРК“. Л. 5.
64. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. Л. 27.
65. Валентин Викторович Поляков (1905-1974). График. Сыктывкар. Заслуженный художник РСФСР, Заслуженный деятель искусств Коми АССР.
66. Виктор Гаврилович Постников (1897-1957). График. Сыктывкар.
67. Архив НГРК. Личное дело Н. А. Лемзакова.
68. Михаил Павлович Безносос (1910-1988). Художник книжной графики. Сыктывкар. Заслуженный деятель искусств Коми АССР.
69. Александр Николаевич Безумов (1926—1982). Живописец. Сыктывкар. Заслуженный деятель искусств Коми АССР.
70. Ермолин Рем Николаевич (1926-2004). Живописец. Сыктывкар. Заслуженный художник РСФСР, Народный художник РСФСР.
71. Библиотека г. Яренска. Фонд ЛХМ. П/л-14, 200.
72. Библиотека г. Яренска. Фонд ЛХМ. П/л-14, 200.
73. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 71. ЛЛ. 5, 5об.
74. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 43. Л. 73-77.
75. Сведений нет.
76. НАРК. Ф. 2282-р. Оп. 1. Д. 63. ЛЛ. 107, 108, 110.

Л. И. Кочерган

Национальная галерея Республики Коми

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ПРИ ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКОВ

Изучение вопросов художественного творчества традиционно основывается на междисциплинарном подходе, включающем в себя знания по искусствоведению, истории, психологии. Свой интерес к указанному вопросу имеют и культурологи, вписывая то или

иное произведение или творчество отдельного художника в контекст культуры. При этом культура по отношению к творцу выступает в двояком смысле: как исходное начало, давшее толчок творчеству, и конечный итог, выраженный в степени увековеченности творческого акта.

В обоих случаях речь идет о культуре как факторе среды. В данной работе затрагиваются вопросы специфики термина „среда“, принятого в культурологических и социологических дисциплинах. Актуальность проблемы связана с комплексным подходом к изучению индивидуальной творческой деятельности: применение наряду со сравнительно-историческим методом метода индукционно-дедукционного, позволяющего реконструировать на более широком фоне процесс развития культуры. При этом культурная среда рассматривается в целом, как подготовившая и проявившая имеющийся факт творчества.

Понятие „среда“ — одно из универсальных, как общенаучных, так и значимых для различных отраслей знаний. С научной точки зрения изучение любого вопроса невозможно без исследования среды, понимаемой как „совокупность явлений, процессов и условий, оказывающих влияние на изучаемый объект“.¹ Под обыденным толкованием слова „среда“ подразумеваются „окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий“.²

Признание понятия „среда“ в контексте духовной культуры произошло в XIX веке и нашло отражение в „Энциклопедическом словаре“ Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: „Духовная культура и социальная организация народа, являясь сложным продуктом разных исторических факторов, представляет из себя по отношению к отдельным индивидуумам тоже своего рода среду, в которой они рождаются, воспитываются, живут, действуют и под постоянным влиянием которой находятся от рождения до смерти“.³

Формирование термина „среда“ проходило в рамках социологии и культурологии параллельно с выделением самих дисциплин, которые были тесно взаимосвязаны между собой, а также с философским знанием. В трудах XIX века мы встречаем понятие „общественная среда“, которое рассматривалось в контексте его влияния на отдельного человека или в качестве формирующей основы общественной жизни народа. П. Л. Лавров выделил общественную среду в качестве источника бессознательного начала человеческих потребностей и влечений. „Эти культурные потребности и влечения сознаются готовыми, как нечто данное для личности: в них предполагается некоторый смысл, существовавший при происхождении культурных форм, этот смысл отыскивают и угадывают исследователи, но для каждой личности, живущей в данную эпоху, в данных формах культуры, он есть нечто внешнее, независимое от ее сознания“.⁴ Н. Я. Данилевский определил ход исторического развития с точки зрения возникновения, расцвета и упадка национальных культур. В основу предложенной ученым периодизации истории человечества легло „деление на обособленные замкнутые национально-государственные образования или культурно-исторические типы, с присущими им специфическими чертами в художественно-эстетической, нравственной, религиозной, экономической, социально-политической сферах“.⁵ По мнению автора, влияние общественной среды на формирование культурно-исторических типов определяется характером государственного устройства и приводит к тому, что

„деятельность частных лиц соотнобразуется с настроением общественной среды“.⁶

XX век принес новые взгляды на теории культурно-исторического процесса и толкование термина „среда“. Один из них принадлежит П. Сорокину, создателю циклической теории „социокультурных систем“ как основы исторического развития общества. Определяя понятие системы, ученый писал о разных сочетаниях феноменов культуры. „Если какая-то совокупность их объединяется смыслами, логическими, причинно-следственными (каузальными) связями, то она образует интегрированную культурную систему. Это могут быть, например, религиозные системы, философские учения, художественные стили, юридические кодексы, политические и экономические объединения. Но бывает, что различные феномены культуры просто „сосуществуют“, оказавшись в силу каких-то внешних обстоятельств одновременно в некотором определенном месте, и никаких смысловых связей между ними нет. В этом случае можно говорить о скоплении, собрании, комплексе феноменов культуры, но культурной системой такая совокупность не является“.⁷ Таким образом, и интеграционная система, и комплекс феноменов культуры представляют собой разные качества среды. С другой стороны, в созданной теории ученый объединил понятия культуры и общества в единый феномен. „Применение данного термина предполагает невозможность строгого и методологически адекватного разграничения социальных и культурных аспектов единой социокультурной реальности“.⁸ Такой подход характерен и для современной исторической науки. В исследовании А. Н. Лисичниковой „Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века“ дается характеристика социокультурной среды городов, а также прослеживается воздействие интеллигенции на ее развитие.⁹

В настоящее время понятие среды может быть еще более расширено за счет современного толкования понятия культуры. Один из доминирующих в современной науке взглядов на культуру относит к ней все, что производно от человеческой деятельности.¹⁰ Л. Г. Ионин называет культурную среду „второй природой“, которая ориентирована на значения элементов природной среды. „Все, чем и в чем человек живет: от мифа до современных технических устройств, от поэзии до основополагающих социальных институтов, — все это культурные реальности, родившиеся из осмысленного социального поведения и имеющие смысл для каждого человеческого существа“.¹¹

Определение среды, принятое в современной культурологии, включает в себя „совокупность социально-культурных объектов, связанных с созданием и распространением культурных ценностей (научные и учебные заведения, культурно-просветительские учреждения (...)), а также стиль и характер культурных взаимоотношений людей, культурно-бытовые условия и духовно-нравственную атмосферу в обществе“.¹² Таким образом, целостное воссоздание культурной среды требует включения многих аспектов человеческой деятельности: от материальных предметов и социальных институтов до мировоззренческого отражения в данной культуре (культурной среде) высших духовных ценностей, которыми являются истина, красота, добро, справедливость.

М. С. Каган выделил три вида человеческой деятельности, направленной на создание культурной среды: материальную, духовную и художественную. По мнению ученого, из них только

художественная деятельность, предметным бытием которого является искусство, представляет культуру целостно. Возможность целостного выражения культуры в искусстве связана с его синкретичностью: в нем нет деления на материальное и духовное, познавательное и ценностное, информацию и способ ее передачи (язык). „Так проявляется место искусства в культуре: если последняя представляет собой социальный макрокосм, охватывающий всю полноту и целостность, глобальность и тотальность человеческой деятельности, то искусство — микрокосм, в котором, как мир в капле воды, отражается культурный универсум“.¹³ Такой подход позволяет оценивать произведение искусства „теми же ценностными мерками, что и явления реальной жизни, — эстетическими и нравственными, политическими и религиозными, экзистенциальными — они потребовали особого к себе ценностного отношения, которое и проявилось в феномене художественной ценности“.¹⁴

Таким образом, изучение творческой деятельности художников через призму социально-культурной среды, может позволить более явственно увидеть преломление в творчестве отдельного человека той эпохи и культуры, в которой ему суждено было жить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 532.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 758.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь /Репринтное воспроизведение изд. 1890 г. Т.61. М.:Тера, 1992. С. 330.
4. Лавров П.Л. Философия и социология. Т.2. М., 1965. С.39.
5. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М., 1992. С.76.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 423.
7. Цит. по: Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб., 1997. С. 430-431.
8. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. СПб, 1998. С. 224.
9. Лисичникова А.В. Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века. Автореферат дисс. канд. Иркутск, 2000. С. 3, 15.
10. Кармин А.С. Указ. соч. С. 466.
11. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 27.
12. Культура и культурология. Словарь. М.;Екатеринбург, 2003. С. 508.
13. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 170.
14. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 128.

И. К. Борисова

Ухтинский государственный технический университет

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА УХТЫ)

Научный и практический интерес представляет динамика исторического развития градостроительства в Коми республике. В градостроительстве, как в фокусе, сходятся все проблемы жизнеустройства, освоения пространства, землепользования, налоговой и бюджетной политики, административного устройства регионов и населенных мест. Без решения этих проблем невозможно

обеспечить условия для стабильного и устойчивого развития.¹ Как отмечают исследователи, „Для Европейского Севера это связано с особенностями освоения этих территорий, которые во многом объяснялись военно-стратегическими интересами и потому инициировались из центра“.²

Форпостом промышленного освоения Коми является город Ухта. Этот город положил начало комплексному развитию производительных сил Коми АССР и новым районам, строительству новых городов и рабочих посёлков, ставших форпостами дальнейшего освоения богатств республики Коми. Ухта дала жизнь новым промышленным районам республики: нефтегазодобывающему и газоперерабатывающему с центром в Сосногорске; газодобывающему с центром в Вуктыле и нефтедобывающему с центром в Усинске (в 1984 г. все они стали городами). После Ухты возникли молодые промышленные города: Инта, Печора, Сосногорск, а также крупные рабочие посёлки: Водный, Вой-Вож, Крутая, Ярега, Нижний Доманик, Нижняя Омра, Нижний Одес.

Анализируя генеральный план застройки г. Ухта, автор поставила задачу выявить историю его возникновения, основные черты и этапы осуществления.

На месте высадки комплексной геологоразведочной экспедиции 1929 года, снаряжённой Управлением северных лагерей ОГПУ вырос посёлок, который вначале официально именовался „База экспедиции Чибью“, а с 1932 года — „населённым пунктом Чибью“ и территориально подчинялся Усть-Ухтинскому поселковому совету³.

Ввиду важности выполняемых работ Ухтинская экспедиция была выделена в самостоятельную производственно-хозяйственную единицу с подчинением непосредственно ГУЛАгу ОГПУ, а 6 июня 1931 года — расформирована и вместо неё с 20 июня 1931 года организован Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Ухтпечлар). Его центром стал населённый пункт Чибью. К тому времени в лагере насчитывалось более девяти тысяч осуждённых, которые работали в Чибью, в районах рек Ижма, Большая Инта, Адзьва, Воркута и др.⁴

Посёлок стремительно развивался, и уже в мае 1936 года в Ухто-Печорском тресте была создана специальная комиссия по новой планировке и культурно-художественному оформлению Чибью. Предусматривалось строительство почты, магазина, кафе, музея освоения Севера, стадиона на 500 мест, санитарного городка и дома отдыха, асфальтирование улиц и тротуаров. 25 июля 1937 года в посёлке Чибью получили название первые площади и улицы. Поскольку местного органа государственной власти в посёлке не было, названия присвоил своим приказом начальник Ухто-Печорского треста Я. М. Мороз⁵.

В октябре 1938 года населённый пункт Чибью получил официальный статус рабочего посёлка с тем же названием, а в июле 1939 года — переименован в Ухту. Население посёлка составляли 3654 человека. В это число не входили осуждённые, которые содержались в Ухтинемлаге НКВД СССР. На 1 января 1939 года их насчитывалось 27 тысяч человек. В то время Ухта состояла из пяти улиц и 45 зданий. Помимо жилья, в них располагались три школы, три клуба, библиотека, лечебное учреждение, две бани, и два детских сада и ясли. Имелись почта, телеграф, телефон и радиосеть⁶. При этом ни одна улица не была замощена, отсутствовали водоснабжение, канализация и городской транспорт.

В том же 1939 году в Ухте появился поселковый совет. Почти на каждом заседании поссовета рассматриваются вопросы, связанные с низким качеством жилья, с благоустройством посёлка и его санитарным состоянием. Значительный рост населения посёлка был вызван началом строительства нефтяных шахт, дальнейшим развитием уже существующих нефтепромыслов и сопутствующих им предприятий.

В августе 1939 года на заседании президиума поселкового совета обсуждали вопрос „О генеральном плане строительства и дальнейшего развития посёлка“. В ходе обсуждения выяснилось, что несмотря на приказ начальника Управления Ухтижемлага НКВД, а также неоднократные напоминания и письменные обращения, начальники планового, геологического, строительного и сельскохозяйственного отделов не представили своих замечаний по проекту плана. Нерасторопностью отделов президиум поселкового совета объяснял тот факт, что проектный отдел Ухтижемлага не закончил генеральный план строительства посёлка. На самом деле отсутствие генерального плана строительства посёлка объяснялось многими объективными причинами, прежде всего тем, что главная задача нового поселения заключалась в производственной деятельности.

Президиум поселкового совета постановил рассмотреть проект генерального плана не позднее 25 августа, но составление плана посёлка до конца не было доведено.

В преддверии войны руководство страны выдвинуло принципиально новую задачу — создать на европейском Севере третью после Баку и Урало-Поволжья нефтяную базу. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) „О развитии Ухтинского нефтяного месторождения“ от 10 июля 1940 года Ухте предстояло стать центром нефтяной промышленности республики.

В том же 1940 году по предложению Ухтижемстроя НКВД СССР архитектурно-планировочная мастерская РСФСР провела рекогносцировочное обследование Ухтинского промышленного района и к началу 1941 года были разработаны детальные сметы и определён общий объём работы.

Форсированное развитие промышленности Ухты в годы войны ускорило процесс превращения посёлка городского типа в собственно город. К ноябрю 1943 года общее количество населения составляло 16 тысяч человек. 20 ноября 1943 года Ухта стала городом районного подчинения и центром Ухтинского района. По сведениям Верховного Совета Коми АССР, в городе имелось 290 жилых зданий. Среди учреждений коммунального хозяйства, присущих городскому поселению, названы шесть коммунальных бань, гостиница и 15 столовых. Из учреждений культуры перечислены театр, четыре клуба и музей. Из учреждений здравоохранения — пять амбулаторий, три больницы и ясли. В городе были средняя школа, три неполных средних и две начальных школы, детские сады, метеостанция.

Следует отметить, что население Ухтинского района за годы войны возросло вдвое главным образом за счет эвакуированных; молодёжи, призванной в школу фабрично-заводского населения и ремесленное училище; лиц, освободившихся из заключения после отбытия наказания или прибывших по трудовой мобилизации представителей немецкой и других национальностей. В это число

не входили осужденные, которые содержались в Ухто-Ижемском лагере НКВД СССР (более 15 тыс. чел.).

Являясь центром крупного промышленного района, город не имел подобающего архитектурно-планировочного оформления. В 1952 году по заданию Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР Государственный институт проектирования городов (ГИПРОГОР) приступил к разработке проекта планировки и застройки г. Ухты, а 19 октября 1953 года Совет Министров Коми АССР утвердил первый генеральный план застройки Ухты. Руководителем архитектурно-планировочной мастерской № 1 был В. Л. Пашгов, а автором проекта — Ф. И. Янсон.

Послевоенная Ухта состояла из отдельных разрозненных посёлков, возникших здесь в период первоначального освоения района.

Две особенности характеризовали жилые территории города: отсутствие единого компактного города и характер существующей жилой застройки, в подавляющей своей массе состоящей из ведомственных одноэтажных временных деревянных домов.

Центр города и основная жилая застройка располагались на левом берегу реки Ухты — на надпойменной террасе между реками Ухтой и Чибью. В этом районе сосредоточен двухэтажный деревянный жилой фонд и 2—3-х этажные каменные жилые дома. Здесь же расположены и все общественные здания — райисполком, горисполком, два техникума, управление Ухтокомбината, дворец пионеров и другие. Все эти здания каменные, выстроенные за послевоенные годы, с архитектурно разработанными деталями. Необходимо заметить: размещение переселенческих учреждений носило несколько случайный характер, что привело к большой измелечённости кварталов. Район не имеет чёткой планировочной организации: он состоит из тринадцати кварталов разной конфигурации; размер кварталов колеблется от 0,7 до 8,0 га. На пойменной террасе реки Ухты, при въезде в город, расположен небольшой посёлок индивидуальной застройки.

Как указывалось выше, центр города ограничивался реками Ухта и Чибью. К северу от реки Чибью располагался самый крупный посёлок индивидуальной застройки — Чибьюский, состоящий примерно из 120 индивидуальных домов. Возможно, из-за своей в основном индивидуальной застройки в народе посёлок назывался Кулацким. Кроме домов индивидуального пользования здесь же имелось несколько десятков бараков. К западу от посёлка Чибью находился небольшой посёлок имени Оплесина, в просторечии — Военный городок.

На правом берегу реки Ухты, напротив центрального района, расположены два небольших посёлка — Рабочий и Нагорный, застроенных домами индивидуального пользования и бараками.

Кроме того, в пределах городской черты отдельно располагались небольшие населенные пункты: Пионергора, Сангородок, Ветлосян, Кирпичный завод, совхоз №1, совхоз „Седьё“. Их жилой фонд состоял из ведомственных одноэтажных жилых домов.

Помимо жилья, в Ухте имелось пять общеобразовательных школ (из них две средние; три размещались в типовых школьных зданиях, остальные — в приспособленных зданиях барачного типа), два техникума, три детских сада, дом пионеров и дом культуры. Физкультурные сооружения были представлены стадионом с три-

бунами на 2000 зрителей. Стадион занимал небольшую площадку на заливаемой территории реки Ухты.

Санитарно-гигиенические функции выполняли баня и прачечная. Гостиница на 114 мест располагалась в посёлке им. Оплеснина. Санитарное состояние и благоустройство Ухты пребывало в неудовлетворительном состоянии. Единой благоустроенной системы водоснабжения не было. Центральная часть города обслуживалась хозяйственно-питьевым водопроводом из реки Ухты, выше водозабора находились Сангородок и совхоз „Седью“, загрязняющие воду. Посёлки пользовались всдой либо из реки Ухты без какой-либо очистки, либо из колодцев. Канализация была проведена только в нескольких кварталах центрального района города. Значительная часть центрального района и все посёлки имели надворные уборные с водопроницаемыми выгребам. Коммунального ассенизационного обоза в городе не было, и плановая вывозка нечистот не производилась. Отсутствие на большей территории города канализации и регулярной очистки и общее состояние водоснабжения подавляющей части населения, приводило к частым желудочно-кишечным болезням.

Основные предприятия города — крекинг-завод, строящийся новый нефтеперерабатывающий завод, теплоэлектростанция, механический и автотрактороремонтный заводы находились компактно на левом берегу Ухты в километре к северо-востоку от центра города. На небольшом расстоянии от них располагался кирпичный завод. Остальные более мелкие предприятия (мастерские „Печорлеса“, райпромкомбината, новый кирпичный завод и лесобиржа с лесопильным цехом) занимали правый берег реки Ухты к юго-востоку от центральной части города. Промышленность города образовывала компактный промышленный район и находилась в удалении от жилой застройки.

Поскольку Ухта возникла как часть советского промышленного бизнес-плана и была „вставлена“ в состав основного производства, она являлась типичным городом эпохи промышленного освоения европейского Севера. Тотальный характер ведомственной принадлежности человеческого существа здесь проявился особенно наглядно. Сложившиеся постепенно районы города это наглядно демонстрируют.

Основной рабочей силой были заключенные, которые не могли проживать рядом с вольнонаёмными. Вокруг города сложилось кольцо из отдельных лагерных пунктов, тяготеющих к городу территориально, но планировочно с ним не связанных. Наиболее близко к городу находился посёлок заключенных на Пионергоре, поэтому логично, что именно между ним и центральным районом расположился так называемый Военный городок, основное население которого работало в охране лагеря.

В непосредственной близости от Военного городка, почти примыкая к нему, разросся Чибьюский посёлок. От центрального района он отделялся поймой реки Чибью. Как указано выше, этот наиболее крупный в территориальном отношении район города застроили маленькими одноэтажными домами бывшие заключенные, так называемые колонизированные. Ударным трудом им удалось получить право на относительно свободное проживание, смогли привезти семьи. Эти люди не были вполне

свободны, но и не были заключенными и такое „двойственное“ положение как бы закреплялось территорией их проживания: с одной стороны близки центральные кварталы, но отделены поймой реки, с другой стороны расположен Военный городок, как прямое напоминание о лагерном прошлом.

Центральный район занимал наиболее пригодные для застройки земли — на надпойменной террасе между реками Ухта и Чибью. Здесь находилась наиболее качественная застройка, как каменная, так и деревянная. Основное население составляли вольнонаемные работники Ухтижемлага, специалисты. Поэтому логично расположение именно здесь практически всех общественных зданий и сооружений.

Инвентаризация жилого фонда в городе Ухте не производилась. По данным городского инспектора, на 1 января 1952 года общественный фонд города состоял из 483 домов (жилая площадь 72251 кв. м). Фонд личной собственности — 234 домов (жилая площадь 6726 кв. м). Всего по данным специального учёта в городе имелось 716 жилых строений общей площадью 80118 кв. м., в том числе 701 деревянный (двухэтажные, ведомственные и индивидуальные одноэтажные дома). Было только 15 каменных домов.

Более половины существующей жилой площади составляли ведомственные одноэтажные деревянные дома, в подавляющей массе имеющие временный характер. Двухэтажные деревянные дома в значительной своей части представляли собой хорошие рубленые дома с архитектурно разработанными деталями. Наряду с качественной двухэтажной деревянной застройкой имелось около 30 двухэтажных деревянных домов первых лет строительства низкого качества.

Двенадцать каменных 2-3 этажных дома расположены в центральной части города, три — на Заводской улице у нефтеперерабатывающего завода.

Индивидуальное строительство в Ухте было развито относительно слабо — жилая площадь в домах индивидуального пользования составляла всего 9,3% от общего объёма жилого фонда. Средний размер отводимых под индивидуальное жильё участки не превышал 300 кв. метров. Средний размер жилой площади индивидуального дома — 29 кв. м.

В центральном районе находилось 36% существующего жилого фонда, остальная часть — в отдельных посёлках, хотя и тяготеющих к центральному району, но планировочно между собой никак не связанных.

Такой предстала Ухта перед разработчиками генерального проекта планировки и застройки города в 1952 году. Они же предложили типичную для градостроительства 50-х годов планировочную схему городской застройки.

Прежде чем говорить о процессе осуществления проекта, надо охарактеризовать основные особенности советский архитектуры послевоенного периода.

Романтическая тональность архитектуры послевоенного периода была подготовлена „бумажным проектированием“ военного времени и первых лет после войны. Мечтая о мире, к которому было так трудно приблизиться, проектировали суровые и величественные мемориалы во славу побед и в память павших фантазий. Лаконичный символизм подобных фантазий запоминался

надолго, влияя потом на общую тональность проектирования любых общественных зданий. В послевоенные годы монументальность стала требованием обязательным. Настроение приподнятости, затронувшее массовое сознание, питало как искренний романтический порыв, так и театральную патетику.

Ключевой для профессиональной градостроительной мысли послевоенных лет стала концепция города как единого целого. Единство воспринималось скорее интуитивно, чем рационально, прежде всего, в плоскости образного мышления. Идеологические установки побуждали выделить как главное в этой системе некий сценарий массовых шествий. Словарь форм парадно-представительных декораций основывался на традиции неоклассицизма. Перспективы развития транспорта и сетей обслуживания отступали на второй план.

Построение генерального плана города подчинялось его символическим доминантам. Как правило, символы-доминанты намечались среди новых элементов, вводившихся в систему города. Обычным типом символа — доминанты в градостроительстве послевоенных лет была „главная улица“. Главная улица мыслилась как барочно-классицистическая структура, где локальные ансамбли нанизаны на пространственный стержень.

Тенденция к мифологизации жизни, нараставшая в течение десятилетий в официальной пропаганде, поощряла парадную монументальность застройки, опирающуюся на respectable историзм. Монументализация коснулась и жилищной архитектуры. Совершенствованию внутренней организации жилищ уделялось много сил, но противоречивость и нестабильность установок снижали эффективность работы.

Жильё при этом неизменно воспринималось некоей субстанцией, из которой формируются „интерьеры“ города — его площади, улицы. Размещение новых домов на фронтальных линиях главных улиц стало почти правилом. Главная улица формировалась как триумфальный путь, улица шествий. Фасады её домов рассматривались не как выражение внутренней структуры, но как часть целостного обрамления праздничных процессий. Трудно представить, что за этой торжественной декорацией, основанной на характерном словаре форм неоклассицизма, скрываются сотни жилищ, ячеек обыденного повседневного быта.

Исходя из сложившейся градостроительной практики, разработчики проекта застройки Ухты приступили к формированию города, как единого организма в стилистике советского неоклассицизма 1950-х годов.

По данным городского инспектора центрального статистического управления, на 1 января 1952 г. население Ухты составляло 21380 человек. Проектная численность населения г. Ухты принималась на первую очередь в 30000 человек, на проектный срок — 40000 человек.

Проект планировки и застройки города Ухты предусматривал организацию единого компактного города, в основном 2-3-4 этажной каменной застройки и постепенную ликвидацию существующих обособленных посёлков, застроенных деревянными строениями временного характера. В середине XX века в СССР была установлена норма жилой площади на одного человека в 9 кв. м.

Увеличение проектной численности населения в два раза по сравнению с существующим и необходимость обеспечения всего населения жилой площадью обусловили необходимость освоения новых территорий в пригородной зоне. Выбрали северо-западное направление территориального развития города. Освоение этой территории могло произойти с незначительными дополнительными затратами; позволяло наиболее рационально решить вопрос расселения кадров основных промышленных предприятий, включить в город посёлки, расположенные на левом берегу Ухты: Чибью и им. Оплеснина. Следовательно, выбор данного направления развития города был наиболее благоприятным.

В этом направлении можно было также предусмотреть резерв для жилых кварталов. Вопрос о резервных территориях в Ухте имел актуальное значение, так как сырьевые ресурсы района позволяли предполагать, что развитие промышленности в городе не ограничится существующими предприятиями.

Опорным элементом композиции плана стала уже существующая капитальная застройка центра. Проект планировки и застройки предусматривал развитие этой части города и ориентацию на реки Ухта и Чибью, а также организацию озеленённой набережной вдоль берегов излучины реки Ухты в пределах центральных городских кварталов. Квартал на берегу Ухты, где уже стоял железнодорожный техникум, включался в композицию набережной.

Центральная площадь города проектировалась на месте современной Первомайской площади, которая раскрывалась широким бульваром к пойме реки Чибью и Центральному парку культуры и отдыха. На центральной площади, на пересечении Дома Советов, райкома партии и бульвара возникла вертикальная доминанта — монумент И. В. Сталина. Существующая площадь у Дома Связи сохранилась и благоустраивалась; на углу Октябрьской улицы помещался кинотеатр, главный фасад которого обращён на эту площадь. Октябрьская площадь также сохранялась, благоустраивалась и озеленялась. На этой площади также предполагалась доминирующая вертикаль — монумент В. И. Ленина.

Таким образом, центр города получал три площади, которые образовывали своеобразный треугольник. Две из них имели вертикальные доминанты, что подчеркивало их значение в пространственной композиции города и общественной жизни ухтинцев.

В новом Чибьюском районе организовывалась районная площадь со сквером в центре. Существующий небольшой парк напротив Дома культуры использовался для организации Детского парка культуры и отдыха.

Главной магистралью города, по мысли проектировщиков, становилась улица Первого Мая (Первомайская), которая получала развитие по оси восток-запад; на восток — к новому мосту через р. Ухту, далее через Заречный жилой район — к вокзалу; на запад — по существующему мосту через р. Чибью далее в новый Чибьюский жилой район с выходом на шоссе Ухта — Сангородок. Эта магистраль связывала все жилые районы города между собой и с вокзалом.

Проектом предусматривается чёткое зонирование жилой застройки по этажности.

Организовуются три жилых района: Чибьюский, Центральный и Заречный.

К Чибьюскому району относится вся территория к северу от реки Чибью. В этот район включали посёлки Военный городок и Чибью, которые постепенно реконструировали. Здесь размещаются четырёхэтажные дома с допуском отдельных пятиэтажных домов на наиболее интересных и ответственных в архитектурном отношении местах. В Чибьюском районе 50 га свободной территории отводили под 2-3 этажное строительство и более 60 гектаров для размещения индивидуальной застройки усадебного характера. По проекту этот район является наиболее крупным. Чибьюский район связывается с Центральным районом двумя существующими мостами. Пойменная территория между Чибьюским и Центральным районами отводится для Парка культуры и отдыха.

Центральный район (между реками Чибью и Ухтой) отводится для 4-этажного строительства. Качественная 2-3 этажная каменная и 2-этажная деревянная застройка сохраняется. Остальная будет постепенно заменяться 4-этажными каменными домами. Небольшой посёлок индивидуальной застройки низкого качества, расположенный к тому же на затопляемой территории, подлежал сносу. Освобождаемая территория озеленялась. Заречный район невелик. В нём предполагалось расселить по проекту всего 15 % населения. Кварталы, прилегающие к проектируемому мосту через р. Ухту и связывающие Центральный район с Заречным районом и вокзалом, отводятся для 4-этажной застройки. Остальные кварталы, вытянутые вдоль бровки надпойменной террасы, отводятся для двух — трёхэтажной застройки.

Новое жилищное строительство приводило к значительному изменению характера жилой застройки. Если в 1952 г. жилой четырёхэтажной застройки в городе не было, то к концу проектного срока она должна была составлять 33 % от общего количества, а доля 2—3 этажной застройки увеличивалась с 34 % до 46 %. Доля одноэтажной ведомственной (в основном бараки) резко сокращалась с 57 % до 6 %.

Характер застройки обусловил и силуэт города. Большинство кварталов Центрального района получили 4-х этажную застройку (61 % от общего количества), что подчёркивало его значение как центра города. По мере удаления от центра Ухты застройка района понижалась, и оставшиеся 39 % были исполнены в двухэтажном варианте.

Чибьюский район застраивался преимущественно трёх- и двухэтажными домами (53 % от общего количества зданий). Четырёхэтажные дома (27 % от общего количества застройки района) играли соединительную роль между Центральным и Чибьюским районами. Одноэтажная застройка (20 %) выходила к границе города. Такое размещение четырёхэтажных домов позволяло организовать в центре будущего города компактный жилой массив многоэтажной застройки.

В Заречном районе четырёхэтажная застройка присутствовала только в кварталах, прилегающих к мосту через р. Ухту и визуально связанных с центром города (34 % от общего количества застройки района), далее следовала 2-х этажная застройка (43 %) и одноэтажная (23 %). Почти 60 % населения расселится в Чибьюском районе, 20 % — в Центральном районе, 15 % — в Заречном районе. Плотность жилой застройки по проекту

увеличивалась в три раза, составив 1800 кв. м жилой площади на 1 гектар жилых и общественных кварталов против современных 610 кв. м. При этом жилая площадь на одного жителя увеличилась в 2,2 раза, а площадь жилых кварталов уменьшилась более чем на 15 %.

Площадь улиц увеличивалась почти в пять раз. Сложившаяся уличная сеть имела только в центре, и она полностью сохранялась. В других районах уличную сеть предполагалось полностью создавать вновь.

Площадь зелёных насаждений и стадионов увеличивается более чем в шесть раз. Проектом предусматривается организация Парка культуры и отдыха площадью свыше 20 га, общегородского стадиона, бульваров и скверов. Проектная площадь зелёных насаждений общего пользования должна была составить 51 га или 12,7 кв. м на одного жителя.

Как ни парадоксально, но „сталинские города“, к которым можно отнести и Ухту, созданные преимущественно рабским трудом заключённых, в своей форме несут больше человеческого начала (нормальные пропорции и размеры дома, нормальные габариты дворов). На наш взгляд, это объясняется тем обстоятельством, что поселение создавалось не социально-экономическими силами, а казённой волей. Решение задачи организации города передавалось тем, кто является специалистом городской формы — архитекторам. Архитектор же воспроизводит некие „городские“, европейские стереотипы, пока ощущает себя преемником всемирной истории городских форм.

Генеральный план застройки г. Ухты отражал уровень социально-экономического развития города в середине XX века. Он даёт подробную характеристику и оценку как архитектурно-планировочному состоянию, так и всей промышленной и жилой инфраструктуре города, включая оценку природных и людских ресурсов. Первый генеральный план застройки Ухты дал комплексный план развития города и пригородной зоны на значительную временную перспективу.

Принятый в 1953 году проект планировки и застройки Ухты был рассчитан на 25 лет и в целом был выполнен. В результате его осуществления город превратился в цельный единый организм, в нём появились четырёх- пятиэтажные жилые благоустроенные дома, первые архитектурные ансамбли, которые сформировали облик „новой“ Ухты, центральные улицы покрыли асфальтом, в жилые дома провели газ, водопровод, канализацию.

Проектировщики предполагали, что за 25 расчетных лет население города должно увеличиться вдвое. Но открытое в 1961 году Западно-Тэбукское нефтяное месторождение внесло коррективы в их планы. Город стал бурно строиться и, сначала в 1966, а затем в 1972 годах, пришлось вносить изменения в первый генплан Ухты, а 8 июля 1982 года Совет Министров Коми АССР утвердил генеральный план застройки Ухты до 2005 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федосов Л.С. Управление градостроительным развитием региона. М. Сыктывкар, 2002. С. 27-28.
2. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М.: Наука, 1982. 207 с.

3. Козулин А. На ветрах истории. Город Ухта. Хроника. Ухта, 2004. С. 27.
4. Там же, С. 34.
5. Там же, С. 47.
6. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Сб. документов и материалов. Сыктывкар, 1982. С. 92.

В. С. Зеленский
Национальный музей Республики Коми
А. Р. Игушев

ШОШКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 1921 году происходит образование Коми Автономной области. Это событие способствовало подъему национального самосознания, а также послужило толчком к оживлению краеведческой работы и созданию в мае 1922 года Общества по изучению Коми края. Одним из основных направлений деятельности Общества изучения Коми края являлся сбор и изучение материалов по истории, этнографии, археологии, лингвистике, антропологии и др. Огромную работу проделали в этом направлении учредители и активные деятели общества А. Н. Грен, А. С. Сидоров, М. А. Молодцов, А. А. Цембер, Д. Т. Янович и др. Часть материалов, собранных ими, была опубликована в журналах „Коми му“ и „Записки Общества по изучению Коми края“ выпущенных в 1924-1930 годах. Часть материалов, по различным причинам, не была своевременно обработана и опубликована, и в таком состоянии хранится в фондах музея. Нами была сделана попытка разобрать эти материалы, определить автора и место сборов.

В 1927 году была организована экспедиция в с. Шошку для раскопок древнего кладбища под руководством врача Смирнова Сергея Михайловича. В работе экспедиции принимали участие заведующий музеем Д. А. Батиев, М. А. Смирнова, В. М. Рочев. Предполагалось, что полученный в результате раскопок материал послужит образованию антропологического отдела в музее.

В настоящей статье мы публикуем отчет С. М. Смирнова. Цель публикации — введение в научный оборот материалов могильника и уточнение времени его функционирования.

Могильник расположен на правом берегу р.Сысолы (Сыктывдинский район Республики Коми), на небольшой возвышенности, круто спускающейся к западу, возле с. Шошка. Могильник грунтовый, насчитывает более 50 захоронений, расположенных рядами. Погребения выкопаны в песчаном грунте (Смирнов. Отчет, 1927).

Погребение 1. На глубине двух метров встречены остатки гроба, внутри которого зафиксирован толстый слой шерстяной ткани, и бересты, в который был завернут покойный. Длина скелета 130 см, сохранились туфли, чулки, пояс.

Погребение 2. На глубине 113 см найдена колода с остатками маленького ребенка.

Погребение 3. На глубине 160 см найдены остатки гроба и остатки скелета длиной 137 см. Сохранился череп с остатками волос, из одежды, часть туфель.

Погребение 4. На глубине 160 см сохранился гроб, в нем почти целый скелет длиной 114 см. На груди найден крест бронзовый односторонний четырехконечный литой (рис. 4). В центре

помещено изображение восьмиконечного креста, по бокам литеры — IC XC. Вверху изображение Саваофа.

Погребение 5. На глубине 150 см найден гроб длиной 183 см, в нем располагался скелет длиной 170 см. На черепе сохранились остатки рыжих волос.

Погребение 6. На глубине 165 см найден гроб длиной 170 см. Скелет мужчины длиной 148 см обернут берестой. На черепе сохранились остатки русых волос и большая борода. Из одежды сохранились: пояс, чулки, башмаки. На груди лежал крест (рис. 1). Крест бронзовый литой односторонний с расширяющимися закругленными концами. В центре помещен изображение восьмиконечного креста и голгофы. По бокам изображение святых (?) (крест очень плохой сохранности).

Погребение 7. На глубине 160 см найден скелет мужчины длиной 158 см. Ширина плеч 40 см. Из одежды сохранились башмаки.

Погребение 8. На глубине 170 см найден гроб длиной 188 см, в нем скелет женщины длиной 149 см. На черепе длинные заплетенные в косу волосы и остатки головного убора. Найден крест (рис. 6). Крест бронзовый четырехконечный литой. В углах между перекладинами — завитки волюты с шариком зерни на среднем конце. В центре помещено изображение восьмиконечного креста и плохо читаемая молитва и схематическое изображение голгофы. По бокам литеры — IC XC. На обратной стороне растительный орнамент.

Погребение 9. На глубине 150 см найден скелет длиной 165 см. Из одежды сохранились башмаки.

Погребение 10. На глубине 145 см найден гроб длиной 179 см сделанный из горбылей, в нем скелет, положенный по диагонали, длиной 167 см, очевидно, гроб был мал.

Погребение 11. На глубине 165 см найден гроб длиной 189 см, в нем скелет длиной 148 см. Сохранились башмаки.

Погребение 12. На глубине 152 см сохранился гроб длиной 170 см, в нем совершенно разложившиеся кости. Найден крест (рис. 3). Бронзовый крест, двусторонний, четырехконечный. На концах поперечной перекладины фестончатые выступы — лопасти. В углах между перекладинами — завитки — волюты с шариком зерни на среднем конце. Нижняя часть креста декорирована „когтевидными“ выступами (по две с каждой стороны) с разнонаправленными концами; а также круглыми розетками. На лицевой стороне изделия в центре помещено изображение восьмиконечного креста, голгофа и текст плохо читаемой молитвы, по бокам литеры — IC XC. На обратной стороне в центральной части средокрестия — ромб. Вся поверхность креста декорирована нечитаемыми клеймами с надписями.

Погребение 13. На глубине 170 см сохранились остатки гроба длиной 168 см, в нем скелет длиной 164 см. Сохранились башмаки. Найден крест (рис. 7). Бронзовый литой четырехконечный крест. В углах между перекладинами — завитки-волюты с шариками зерни на среднем конце. В центре помещено изображение восьмиконечного креста и изображение голгофы, по бокам литеры IC XC, вверху ЦРСЛ. На оборотной стороне в центральной части ромб и растительный орнамент с розетками на нижней перекладине креста (очень плохая сохранность изображения).

Погребение 14. На глубине 172 см зафиксированы остатки гроба длиной 166 см. В нем располагался скелет женщины длиной 151 см. На черепе темная коса. Из одежды сохранились башмаки и поясок.

Погребение 15. На глубине 155 см сохранился гроб длиной 186 см. Скелет длиной 174 см. На ногах погребенного сохранились берестяные лапти. Найден крест (рис. 6) и пуговица.

Погребение 16. На глубине 150 см найден гроб. Длина скелета 154 см. Найден крест (рис. 8). Бронзовый литой четырехконечный крест. В углах между перекладинами — завитки — волюты с шариками зерни на среднем конце. В центре помещено изображение восьмиконечного креста и изображение голгофы. На оборотной стороне креста текст плохо читаемой молитвы.

Погребение 17. На глубине 145 см найден гроб длиной 168 см, длина скелета 148 см. На черепе сохранились остатки головного убора. Сохранились остатки башмаков и чулок. Найден крест (рис. 8).

Погребение 18. На глубине 160 см найден гроб длиной 190 см, длина скелета 151 см. Найден крест (рис. 8).

Погребение 19. На глубине 145 см зафиксированы остатки волос и крест (рис. 2). Бронзовый литой односторонний четырехконечный крест с расширяющимися закругленными концами. В центре помещено изображение распятия. По бокам, вероятно, изображения предстоящих Богоматери и апостола Петра. Внизу изображение голгофы. Вверху изображение Саваофа, ниже изображение слетающего голубя.

Погребение 20. На глубине 140 см найден гроб длиной 170 см, длина скелета 147 см. Сохранились башмаки. Найден крест (рис. 5). Бронзовый литой четырехконечный крест. В углах между перекладинами — завитки — волюты с шариком зерни на среднем конце. В центре помещено изображение восьмиконечного креста и терновый венец, и схематическое изображение голгофы. По бокам расположены литеры ИС ХС, вверху ЦРСЛ.

Погребение 21. На глубине 151 см найден гроб длиной 185 см, длина скелета 164 см. Сохранились остатки чулок.

Погребение 22. На глубине 100 см найдены две колоды с детьми, от одной остались одни признаки, а во второй колоде, сильно разложившийся скелет длиной 54 см. Сохранились остатки чепчика. Найден крест (рис. 6).

Погребение 23. На глубине 170 см найден череп.

Погребение 24. На глубине 140 см найден гроб длиной 190 см, скелет длиной 150 см. На черепе сохранилась коса. Найден крест (рис. 8).

Погребение 25. На глубине 160 см найден гроб длиной 180 см, длина скелета 150 см. Сохранились башмаки.

Как отмечает С. М. Смирнов, на памятнике было вскрыто около 40 могил. К сожалению, почти никаких описаний погребений в отчете не приводится.

Глубина захоронения в целом одинаковая — 140-170 см. Длина гробов тоже стандартная — 166-190 см. По всей видимости, конструкция мужских и женских гробов ничем не отличалась. Зафиксированы погребения в колодах (только детей), причем одно захоронение парное. В двух случаях зафиксировано оборачивание покойных берестой. Судя по отчету, все скелеты найдены в одном

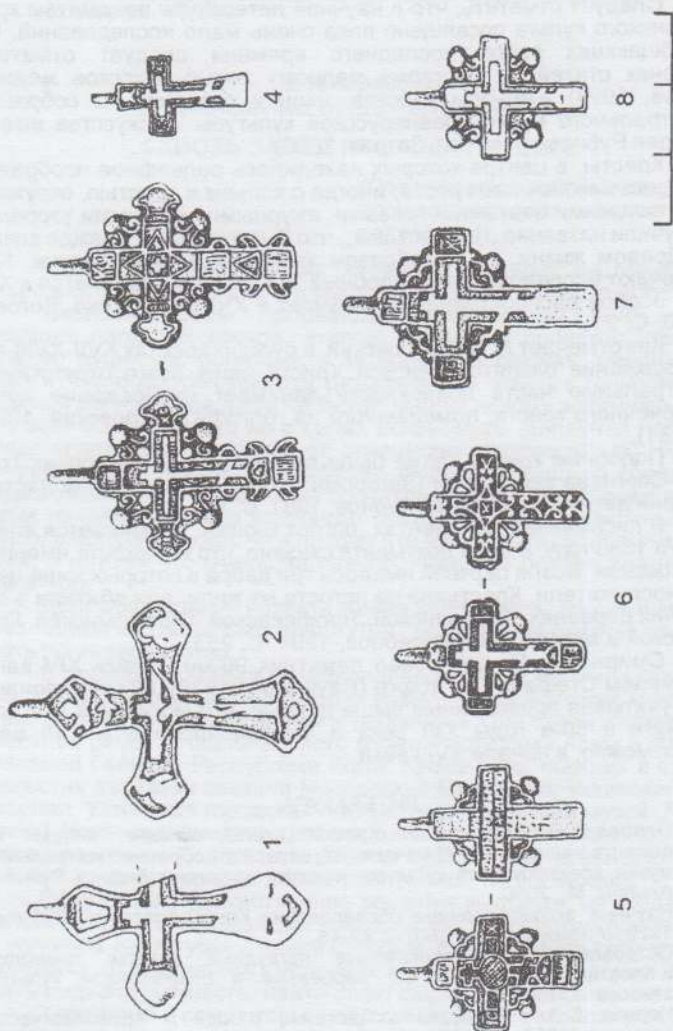

Рис. 5. Шошкинский могильник.

положении, т. е. ногами на восток, со скрещенными на груди руками. Нателные кресты зафиксированы в тринадцати погребениях.

Все изделия относятся к крестам-тельникам. Все они литые и изготовлены из бронзы.

Следует отметить, что в научной литературе предметам христианского культа посвящено пока очень мало исследований. Из обобщающих работ последнего времени следует отметить сборник статей по Русскому медному литью (Русское медное литье, 1993) и альбом крестов, икон и складней из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Гнутова, Зотова, 2000).

Кресты, в центре которых находилось рельефное изображение восьмиконечного креста, иногда с копьем и тростью, окруженные пышными цветами и травами, ажурными сквозными узорами, получали название «Процветших», что было связано, прежде всего, с «Древом жизни», — прообразом креста в Ветхом Завете. Как отмечают исследователи, подобный тип крестов появляется в XVI в. и особое распространение получает в XVII в. (Гнутова, Зотова, 2000. С. 21).

Как отмечает А. Б. Островский, в русских крестах XVII-XVIII вв. изображение распятого Иисуса Христа чаще всего отсутствует; центральную часть поверхности занимает изображение восьмиконечного креста, помещенного на голгофу (Островский, 1993. С. 131).

Подобные кресты также были встречены при раскопках Троице-Сергиева монастыря (Загорский район Московской области), где они датируются XVII в. (Чернов, 1981. С. 89).

В письменных документах «погост Шошка», упоминается впервые в 1586 году. В этом документе сказано, что на погосте имелись две церкви. Возле церквей имелось три двора в которых жили церковнослужители. Крестьяне на погосте не жили, они обитали в соседних деревнях: Ананьинской, Ярофеевской, Петрушинской, Гридинской и Митинской. (Жеребцов, 1994. С. 253).

Смирнов С. М. датировал памятник 90-ми годами XIV века, временем Стефана Пермского (Научные..., 1929). Мы предполагаем, учитывая приведенные выше данные, что могильник мог возникнуть в 80-е годы XVI века и функционировал в XVII веке и, возможно, в начале XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI-начала XX века. Из собрания центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Альбом. М., 2000.
2. Научные экспедиционные обследования Коми области в 1928 году. 1929. // Коми му. № 2 (60). С. 42-45.
3. Островский А. Б. Православные нагрудные кресты: символика и пластика // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб., 1993.
4. Чернов С.З. Разведки в бассейне р.Вори // Археологические открытия. 1980. М., 1981. С. 89.
5. Жеребцов И. Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар. 1994.

ИСТОЧНИКИ:

1. Смирнов С. М. Дневник раскопок древнего Шешкинского кладбища. 1927 // Документальный фонд НМРК. Ф.7. КП 9821/2. — 8 л.
2. Годовой отчет Коми областного музея с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. // Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Ф. 54.

Е. И. Морозова

Национальный музей Республики Коми

„СКВОЗЬ ЗАМКИ ПРОХОДЯТ МУЗЫ...“.

*(Посвящается художникам,
прошедшим через лагеря и
репрессии).*

Среди миллионов наших сограждан, ставших жертвами все-народного геноцида, были и мастера изобразительного искусства.

Сколько их было? Прошедших через Систему ГУЛАГ, не вынесших лагерных сроков, этапов, карцеров, приисков, лесоповалов, рудников; погибших в затопленных баржах; умерших от цинги? Вопросы, по существу, риторические, ответа с точностью до единой загубленной души не будет: многих некому вспомнить, кто-то еще боится, кто-то не в силах вспоминать. Делаются попытки подсчитать общие потери от сталинских репрессий: 60, 50, 40 миллионов — любая цифра будет неточна. И сколько среди них художников, мы тоже вряд ли сосчитаем до конца. Но даже на самом начальном этапе скорбного счета, называя двузначные цифры, охватывает ужас — и потому что чудовищна судьба этих людей, и потому что очевидна невосполнимость потерь для нашей культуры.

Долг общества — назвать имена художников, прошедших через лагерь и ссылки Системы ГУЛАГ, показать их работы, рассказать об их творчестве.

В апреле 2004 года в Национальном музее РК была открыта выставка „Сквозь замки проходят музы...“, посвященная художникам, прошедшим через лагеря и репрессии. Она стала итогом совместной работы Национального музея Республики Коми и Национальной Галереи Республики Коми. Кроме того, помощь в строительстве выставки оказали Московский Мемориал, Ухтинский Мемориал, Ухтинская городская библиотека, Печорский музей „Покаяние“. Именно совместная работа дала возможность сделать выставку интересной, показать работы художников, хранящиеся не только в разных городах нашей республики, но и в Москве.

Обдумывая художественное решение выставки, ее создатели хотели показать строжайший контроль над творческим процессом в условиях диктатуры, с одной стороны, и стремление творческого человека, оказавшегося в условиях жесточайшего давления, проявить индивидуальность, найти свою форму самовыражения.

Художники и скульпторы, искусствоведы и театральные оформители, известные и навсегда оставшиеся для нас безымянными. Эти люди проявляли свои творческие способности в условиях террора, изоляции от привычного мира вещей и дружественных связей, в условиях, нацеленных, прежде всего, на умерщвление в че-

ловеке его сущности, индивидуальности, а в конечном итоге — на физическое истребление.

Лишь немногие из них сумели прорваться сквозь „творческую блокаду“ и даже были представлены на республиканских художественных выставках в г. Сыктывкаре в 1945-1947 гг. Каталоги выставок 1945-1947 гг. называют нам их имена: В. И. Прокошев, А. М. Комаров, К. К. Пантелеев-Киреев, А. С. Кузнецов, В. Э. Эдельгаус.

Это были художники-профессионалы. Их талант не смогла уничтожить даже сама Система. Репрессированные и уже „отбывшие сроки“, но оставленные в республике в связи с „поражением в правах“, они сыграли большую роль в становлении профессионального изобразительного искусства в республике. Ведь многие из них до своего заключения были известны в художественных кругах страны. Географические рамки деятельности профессиональных художников в Коми АССР в 1940-е и 1950-е гг. XX века достаточно широки. В документах Управления по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Коми АССР за 1944 г. в официальных отчетах появляются имена художников, живших в Ухте, Абези, Воркуте. Чтобы определить их статус относительно профессиональной группы профессиональных художников, был найден вполне благонадежный термин — „ХУДОЖНИКИ НОВОСТРОЕК“.

На выставке „Сквозь замки проходят музы...“ были представлены работы „художников новостроек“: В.З. Комарова „Этюд 1944 г.“, „Отражение в воде“, К. К. Пантелеева-Киреева „Полубункер“, А. С. Кузнецова „Эстакада“, В. И. Прокошева „Иван-чай“.

Несравненно большая группа живописцев, графиков, скульпторов и архитекторов, работавших „за колючей проволокой“ не принимала участие в республиканских выставках 1945-1947 гг. Для многих такие выставки состоялись спустя десятилетия. Разные источники упоминают имена следующие: Л. Е. Кропивницкий — живописец; (Персональная выставка Л. Е. Кропивницкого состоялась в 1978 году); Б. А. Старчиков; (Персональные выставки Б. А. Старчикова состоялись в 1965, 1969, 1981 годах); А. П. Арцыбушев — график; И. А. Борхман — график; Б. П. Свешников-график и живописец; В. Г. Гориневский — архитектор и художник и др. Этот список должен быть продолжен.

Редким, практически уникальным экспонатом, представленным на выставке является портрет Н. С. Комаровского работы А. П. Арцыбушева. Написанный маслом (в лагерных условиях маслом мог писать лишь лагерный художник, Арцыбушев же был фельдшером), он мог даже стать причиной дополнительного срока.

Особой категорией художников были театральные художники — заключенные и вольнонаемные. Театральными художниками были П. Э. Бендель (Воркутлаг), Н. П. Жижимонтов (Ухтпечлаг), Л. Н. Рыминский (Абезь), В. Я. Краулис (Воркутлаг) и др. Они рисовали декорации, создавали костюмы, занимались рекламой. Уникальными экспонатами выставки были программы Воркутинского музыкально-драматического театра. На крохотных программах весь спектр спектаклей: комедии „Сильва“, „Вас вызывает Таймыр“, „Не все коту масленица“; драмы: „Анна Каренина“, имена известнейших актеров. Здесь творили гениальные люди, которых как ни старалась, но не смогла сломить даже система.

Театр помогал не поддаваться, выстоять. Расцвет театров ГУЛАГа оказывал большое влияние на повышение культурного

уровня не только на заключенных, но даже на развитие национального искусства в республике.

Впервые на выставке, посвященной людям творческим, наряду с именами известных в нашей республике художников и скульпторов, были представлены многочисленные работы художников, которых мы можем, в лучшем случае, обозначить инициалами: Михаил Иванович Вестенчик, Д. Н. Крачковский, Г. Г. Филипповский, Иконников. В Доме культуры железнодорожников г. Печора (бывший культурно-воспитательный отдел Печорлага) до сих пор висят картины художников Н. Абрамкина и Голубкова. С рисунков и фотографий они издавали произведения, ставшие частью нашей истории. Но во всех случаях, эти люди оставались подконвойными, а их работы — безымянными.

Большая часть работ неизвестных художников была передана краеведческому музею г. Сыктывкара (ранее так назывался Национальный музей РК) в 1946 году с юбилейной выставки, посвященной 25-летию государственности Коми республики.

Одной из важнейших задач выставки было привлечение внимания посетителей и искусствоведов к работам неизвестных художников с целью восстановления их имен и дальнейшего изучения их жизни и творчества.

Особенностью выставки „Сквозь замки проходят музы...“ было то, что она строилась только на картинах и рисунках. Огромные портреты И. В. Сталина, многочисленные репродукции политических деятелей 1930-1950-х гг. По замыслу, они должны были не просто показать эпоху тех страшных лет, а прежде всего, выразить идею столкновения свободы творчества и Системы, как машины подавления Свободы, Творчества, Человека. Словно нависающие над работами художников, они подчеркивали идею тоталитарного контроля над искусством.

Искусством, представленным через маленький лагерный рисунок.

Величиной с ладонь или чуть больше, нарисованный чаще всего простыми или цветными карандашами. Это и свидетельство истории и драгоценная реликвия. Чудом сохранившиеся до наших дней, они составляют фонд репрессированного искусства. Реалистичные рисунки Константина Иванова: „Проверка молоточком“, „Владимира Иеронимовна Уборевич“, „Доходяга“. „Единомышленники“, поздравительные открытки — цветы Всеволода Городецкого, фантастические рисунки Бориса Свешникова. Они были потребностью духовного самовыражения, помогали создавать свой собственный, отдельный мир — царство воображения, фантазии, памяти; он не имел часто ничего общего с реальным окружением.

Но именно в этом и есть парадокс истории. Система рухнула, а работы художников, чье творчество она так стремилась поглотить под свой контроль, но так и не смогла — остались.

А значит так верны стихи Нины Гаген-Торн:

*Если музу видит узник —
Не замкнуть его замками.
Сквозь замки проходят музы,
Смотрят светлыми очами...*

Литература и источники.

1. Национальный архив Республики Коми. Ф. 2282. Архив Лемзакова А.Н. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-15.
2. Каталог выставки "Творчество в лагерях и ссылках". Общество "Мемориал", Московской организации Союза художников РСФСР. Москва, 1990.
3. Каталог персональной выставки Кропивницкого Л. Е. М.: Советский художник, 1988.
4. Каталог персональной выставки Старчикова Б.А. М.: Советский художник, 1986.
5. Беляева С.А. "По другую сторону барьера деятельности репрессированных художников в Коми АССР в 1940-1950-е гг." (чтения, посвященные 100-летию Ф.Г.Тараканова) Сыктывкар, 2000. С. 96-100.
6. Бруни З. Россия вспянет ото сна...// Ухта, 1994. 15 июня.
7. Булычев В. "Вторая жизнь художника Миллера" (о бывшем узнике Ухтижемлага) // Ухта. 1990. 13 апреля.
8. Библиографический словарь: "Художники Коми АССР" Сыктывкар, 1979. С. 78.
9. Библиографический указатель: "Искусство Республики Коми". Сыктывкар, 2001.
10. Влизков А. "Слабые мира сего" // Молодежь Севера, 1994. 15 декабря.
11. Влизков А. Угрюмая кисть Николая Лемзакова // Молодежь Севера. 1994. 14 ноября.
12. Влизков А. У времени в плену // Молодежь севера. 1994. 17 ноября.
13. В недрах Ухтпечлага, выпуск второй (Ухто-печорское историко-просветительское общество "Мемориал"). Ухта, 1994. С. 11.
14. Галинская Е. Б. Театр за полярным кругом // Родники пармы, Сыктывкар, 1990. С. 142-148.
15. Губерман И. Штрихи к портрету// Изобретатель и рационализатор, 1991. № 3 С. 44-47, №4 С. 43-47.
16. Воронцова И.Д. В лагере он работал над памятником Пушкину (о Н. Бруни) // Покаяние. Т. 2. С. 907-909.
17. Канева А. Е. ГУЛАГовский театр Ухты. Сыктывкар, 2001. С. 157-159.
18. Канева А. Е. В ожерелье городов // Красное знамя, 1997. 16 мая.
19. Клейн А. Люди и куклы (к 40-летию Воркутинского кукольного театра) // Красное знамя, 1995. 23 декабря.
20. Литературный альманах 2001 // (О Н.Н.Пунине) Сыктывкар. 2001. С. 141-150.
21. Миллер Н. А. Доброта спасет мир (беседа с художником, бывшем узником Ухтижемлага) // Заря Тиммана, 1990. 29 сентября.
22. Мясоедов Н. Выставка художников Коми республики // За новый Север, 1945. 4 мая.
23. Памятник А.С.Пушкину в г.Ухта // Кульинформ. 2004. № 1.
24. Панорама искусства 13, сборник статей, Москва, Советский художник, 1990. С. 6-54
25. Поладьева И. Художник по прозвищу Гегель: (О бывшем узнике ГУЛАГа, художнике Н. А. Миллере) // Ухта, 1993. 20 мая.
26. Постников В., Изьюров И. Старое и новое // За новый Север. 1953, 14 ноября.
27. Плешакова О. Жил-был художник один...// Заполярье. 1992, 17 октября.
28. Сборник. ГУЛАГовские тайны освоения Севера (Статья о Бруни). // Москва, 2001. С. 158-159.
29. Сивкова А. Дальняя дорога да казенный дом (о судьбе лагерного художника В. Н. Городецкого) // Молодежь севера. 1993, 10 сентября.
30. Соловьева Т. Тот, кто в вас, больше того, кто в вере (о судьбе и творчестве репрессированного художника Н. А. Миллера) // Республика. 1994. 15 июня.
31. Справочник выставки советского изобразительного искусства 1941-1947 гг. Москва, 1965. С.268, 389.
32. Трещалин М. Мой дед-Николай Бруни // Ухта, 1991. 27 апреля. 33. Фрид В. 58/1—2. Записки лагерного придурка. Москва, 1996. С. 373-374.

**ЦЕНЗУРНЫЕ УСЛОВИЯ ИЗДАНИЯ
МНОГОТИРАЖНЫХ ГАЗЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТДЕЛОВ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ
(1940-1950-е гг.)**

Собственные периодические издания появляются в Коми АССР только после Февральской революции. Их возникновение сопровождалось определенными трудностями: существовала проблема с журналистскими кадрами, слабая полиграфическая база, отсутствие в типографии необходимого оборудования, шрифтов, бумаги. Но постепенно эти трудности преодолевали. В 1940 г. в Коми АССР издавалось уже девятнадцать газет и несколько журнальных изданий. В эти годы получила развитие и лагерная пресса. На территории Коми АССР дислоцировались лагеря-стройки, издававшие многотиражные газеты. Лагерная пресса являлась частью советской системы средств массовой информации, поэтому ее изучение представляется достаточно актуальным. Задача исследования — выявить систему ограничительных мер при издании многотиражных газет лагерей, которая определяла специфику этого вида периодической печати.

Издание многотиражных газет было формой агитационной работы наряду с чтением лекций, докладов, газетных материалов, проведением бесед, выпуском стенных газет, ее проводили политические отделы лагерей-строек среди коллектива строителей. Название газет отражало их основное направление: мобилизация масс на выполнение хозяйственного плана строительства: „За ухтинскую нефть“ — орган политического отдела, управления и профсоюзного комитета Ухто-Ижемского лагеря МВД СССР, „За полярную магистраль“ — орган политотдела, управления и построеного комитета Печорского ИТЛ МВД СССР, „Заполярная кочегарка“ — орган политотдела, управления и райпрофкома Воркутинского ИТЛ МВД СССР, „За интинский уголь“ — орган политотдела Минерального ИТЛ МВД СССР, „Лесстройкам“ — орган политотдела Устьвымспецлеса МВД СССР и др. Газеты выходили с конца 1930-х по начало 1950-х годов. Они были стандартные по объему (от двух до четырех полос), размеру, тиражу (до 1000 экземпляров), составляющим их рубрикам. В среднем в месяц выходило 5-10 номеров.

Многотиражные газеты лагерей и строительств Министерства внутренних дел СССР являлись газетами закрытого типа, издавались только для вольнонаемного состава и распространялись в пределах лагеря-строительства. Особые условия многотиражной печати определялись тем, что она являлась органом политических отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД, поэтому редакции обязаны были строго соблюдать требования цензуры и не открывать секретов служебно-оперативной работы.

Цензурные ограничения содержали такие документы, как указания Главного управления по делам литературы и издательств (выпуск любых печатных изданий без визы уполномоченного ЛИТО был запрещен)¹. ГЛАВЛИТ был учрежден в 1922 г. с целью осущес-

твления всех видов политико-идеологического, военного и экономического контроля за предназначенными к опубликованию или распространению произведений печати². Систему ограничительных мер для многотиражных газет лагерей-строек содержали и приказы Министерства внутренних дел. Приказ МВД СССР от 22 февраля 1947 г. запрещал без разрешения МВД СССР посещение объектов МВД представителями центральной и местной прессы, опубликование в последней материалов и фотоснимков о районах, осваиваемых этими организациями, объектах и строительных системах Министерства; приказ обязывал начальников политических отделов, редакторов многотиражных газет установить строжайший контроль за опубликованием материалов, фотоснимков в местной многотиражной печати, не допускать указаний на месторасположение лагеря (номер строительства, географический пункт, нумерация подразделений), данных об объемах работ, оперативных сводок, сведений, расширяющих характер работ на строительствах и объектах МВД³. На газетах предписывалось установить гриф: „За пределы предприятия газета распространению не подлежит“. Под заголовком газеты нужно было указывать — „орган политического отдела“, наименование лагеря, указание на принадлежность его к МВД нельзя было допускать ни под заголовком, ни в тексте газеты (под заголовком газеты „Заполярная кочегарка“ было написано — „орган политотдела, управления и райпрофкома комбината Воркутуголь“, „За полярную магистраль“ — „орган политотдела, управления и постройкома Северо-Печорского железнодорожного строительства“)⁴.

Условия выпуска многотиражных газет были сформулированы и в разъяснениях уполномоченного Совета министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (они содержатся в директиве начальника политотдела ГУЛАГа МВД СССР от 16 июля 1949 г.): в многотиражных газетах закрытых предприятий и строительства не разрешается указывать ни прямо, ни косвенно, какому предприятию или строительству принадлежит многотиражная газета, нельзя указывать местонахождение типографии, тираж газеты, адрес редакции; в тексте материалов не должно заключаться никаких данных, по которым можно установить дислокацию, характер, объем и результаты работы предприятия или строительства, в газете нельзя называть фамилии руководителей предприятия или строительства, приводить полное наименование территориальных организаций области, края и АССР включительно; в многотиражных газетах запрещается перепечатывать материалы из местных газет и наоборот⁵.

Кроме нормативных документов осуществлялся и непосредственный контроль за процессом издания газет. Цензорский контроль над печатной продукцией, издаваемой в типографиях лагерей-строек должен был осуществлять представитель обллита⁶. Газету также высылали в адрес политотдела ГУЛАГа, секретариат МВД, происходил обмен между редакциями. Отделом пропаганды и агитации ГУЛАГа МВД СССР составлялись обзоры многотиражных газет, которые часто издавались в виде небольших брошюр⁷. В обзорах характеризовали ошибки в работе редакций. Например, редакция газеты „За большевистские темпы“ (издавалась в другом регионе СССР) допустила грубую ошибку: вынесла в открытую пе-

чать шифр по боеприпасам „больших молотков“ (в газете сообщалось, что коллектив выполнил годовую программу ГУЛАГа по изготовлению больших молотков)⁸. Результаты обзоров высылались на места для обмена опытом. Политотдел ГУЛАГа МВД СССР к тому же проводил Всесоюзные совещания редакторов многотиражных газет лагерей и строителей, на которых подводились итоги работы редакций и ставились определенные задачи⁹.

Цензурные условия часто затрудняли работу редакций. В докладной записке о работе газеты „За интинский уголь“ за первое полугодие 1950 г. редактор Н. И. Белобородов отмечает, что в связи с цензурными ограничениями газета не может поднимать многих вопросов из деятельности наших предприятий (степени механизации процессов угледобычи, наращивание производственных мощностей, нового шахтного и гражданского строительства), разрешено писать лишь о работе отдельных горняков, участков и смен, но вольнонаемного состава там работает немного, поэтому круг работы газеты узок¹⁰.

Начальник Минерального лагеря МВД второго августа 1950 г. писал в политотдел ГУЛАГа о том, что поскольку комбинат „Интауголь“ отнесен к особым предприятиям, создалось затруднительное положение для выпуска многотиражной газеты. Многотиражке комбината было запрещено: публиковать данные о выполнении плана угледобычи по комбинату (т. е. писать „план выполняется“ или „план не выполняется“), печатать корреспонденцию о строительстве новых шахт и подъездных путей, уровне механизированной добычи, отгрузке угля, механических заводах и мастерских, геолого-разведочном отделе; чтобы газета не раскрыла количество действующих в комбинате шахт и предприятий, она не может называть их ни собственными наименованиями, ни через их руководителей (нельзя писать „шахта № 5“ или „шахта, где начальником т. Петров“); запрещено писать о ходе социалистического соревнования в целом (только о работе бригад и отдельных рабочих). Но эти ограничения приводили к определенным парадоксам. В частности, основной состав рабочей силы на шахтах и предприятиях комбината были заключенные, поэтому публикуя заметки о работе участков, смен и бригад, фактически писали о работе заключенных, пропагандируя вольнонаемному составу их успехи. Комбинату запрещено было упоминать в газете слово „Интауголь“, а многотиражка называлась „За интинский уголь“. В результате газета не оправдывала своего назначения и неоднократно начальник политотдела Минерального лагеря МВД СССР просил ГУЛАГ МВД и областной комитет партии закрыть ее¹¹. К концу 1940-началу 1950-х годов система ограничительных мер стала более всеобъемлющей, что приводило к частым нарушениям требований цензуры и получению редакциями газет замечаний ГЛАВЛИТА.

Многотиражные газеты лагерей были частью той системы средств массовой информации, которая создавалась под воздействием тотального партийного режима и имела соответствующий характер. В целом, цензурные требования, предьявляемые к этому типу периодического издания, формировали его отличительные особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НАРК (архивохранилище № 2). П-2174. Оп. 1. Д. 96. Л. 46.
2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв. М., 2001. С. 288.
3. НА РК. П-2174. Оп. 1. Д. 96. Л. 46.
4. Там же.
5. Там же. Д. 142. Л. 61-62.
6. Там же. Д. 96. Л. 72.
7. Передовая статья в многотиражной газете. М., 1951; Обзор о работе многотиражных газет политотделов лагерей и строителей МВД СССР. М., 1952
8. НА РК. П-2174. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.
9. Там же. Д. 43. Л. 51.
10. Там же. Д. 176. Л. 44.
11. Там же. Д. 183. Л. 100-102.

Т. А. Носова

*Сыктывкарский государственный
университет*

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТЕФАНО-ПРОКОПЬЕВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА

На протяжении XIX в., как и в предшествующие столетия, православная церковь играла значительную роль в духовной и культурной жизни России. Наряду с этим, она вела постоянную борьбу с инакомыслием, прилагая немалые усилия для противодействия расколу. Репрессивные меры в отношении старообрядцев не принесли существенных результатов. Предполагалось, что больших успехов можно достичь путем создания миссионерских организаций, которые в своей деятельности делали бы упор на проповедь, убеждения, просвещение.

Со второй половины 60-х гг. XIX в. в стране возникают православные братства, в том числе и на севере России. В 1886 г. в Вологде было основано братство во имя Всемиловейшего Спаса. Между тем, эффективно вести миссионерско-просветительскую работу по всей епархии одному православному обществу было не под силу. К тому же, в связи с обширностью территории Вологодской епархии в ее составе в 1888 г. было выделено Великоустюгское викариатство, которое объединяло территорию пяти северо-восточных уездов: Великоустюгского, Никольского, Сольвычегодского, Яренского и Усть-Сысольского. Для координации религиозной и просветительской жизни перечисленных уездов в Великом Устюге создается Стефано-Прокопьевское православное братство. Открытие его состоялось 26 апреля 1896 года, в день празднования 500-летия кончины святителя Стефана Пермского¹.

Просветительской работой занимались многие представители братства. Труд одних не выходил за рамки одной деревни, деятельность других распространялась на уезды и даже на все викариатство. Но все братчики выполняли общие задачи, каждый на своем месте. Наибольший объем работы выполнял совет братства, состоявший из председателя, девяти постоянных членов

и нескольких должностных лиц². Представителями совета были, несомненно, энтузиасты, люди, преданные делу служения церкви и народу. Братство, в своих основных чертах, представляло общественную организацию, члены совета собирались в свободное от основной работы время. Большая ответственность ложилась на плечи председателя, координировавшего всю деятельность православного общества. За 22 года существования братства эту должность занимали три человека: Д. А. Смирнов, М. А. Соснин и К. А. Богословский.

Д. А. Смирнов, смотритель Устюжского духовного училища, был председателем совета в течение первого десятилетия существования общества: с 1896 по 1906 год. До вступления в должность он восемь лет возглавлял Устюжское отделение Вологодского епархиального училищного совета. За усердную работу на поприще просвещения имел многочисленные награды³. М. А. Соснин, священник Устюжской градской Кладбищенской церкви, на посту заведующего Красногорской Свято-Стефановской мужской школы „проявлял немалую заботу о подопечных“. В июне 1906 г. был утвержден в должности председателя совета Стефано-Прокопьевского братства⁴. К. А. Богословский был приемником Д. А. Смирнова на посту смотрителя Устюжского духовного училища (вступил в должность в 1907 г.) Имел богатый опыт педагогической и общественной деятельности. С 1900 по 1907 гг. состоял членом совета Вологодского православного братства во имя Всемилолюбившего Спаса. В 1909 г. Константин Александрович возглавил комитет по заведению церковным „древнехранилищем“, а через три года — стал председателем Стефано-Прокопьевского братства⁵.

Просветительская деятельность братства представляется достаточно разнообразной, обратимся к основным ее направлениям. Первоначально православное общество ставило своей задачей поддержку и расширение сети церковно-приходских школ, особенно в приходах с раскольническим населением. Но уже через два месяца после создания организации викарий Великоустюжский Антоний, как ближайший покровитель братства, предложил отредактировать устав в соответствии с „Положением о церковно-приходских школах и школах грамоты“⁶. Изменения касались расширения сферы деятельности и выведения ее за рамки борьбы со старообрядческим движением. В юго-западных уездах Вологодской епархии заведение церковными школами входило в сферу Вологодского епархиального училищного совета, а на территории Великоустюжского викариата эти функции передавались Стефано-Прокопьевскому братству. Таким образом, в подчинение Стефано-Прокопьевского братства перешли все церковно-приходские школы и школы грамоты викариата, включая их открытие и содержание. Так небольшая редакция устава кардинально повлияла на всю работу общества, придав ей не только общественный, но и государственный характер.

Братство не могло плодотворно работать без разветвленной структуры, поэтому, существовавшие в уездных городах отделения епархиального училищного совета были переименованы в отделения совета Стефано-Прокопьевского братства. Необходимо было контролировать деятельность школ разных типов: школ грамоты, церковно-приходских и второклассных школ. Статус школы

грамоты не был точно определен. Специальных программ для таких школ не существовало, поэтому учебные предметы в них преподавались те же, что и в одноклассных церковно-приходских школах⁷. На рубеже XIX-XX вв. наблюдается стремительный рост школ грамоты, так как первоначально они требовали наименьших затрат. Постепенно из-за недостатка средств на содержание, низкого образовательного уровня учителей, расширения земских училищ многие такие школы закрывали и уменьшалась их общая доля среди учреждений начального обучения. Церковно-приходские школы подразделялись по уровню на два разряда: одноклассные (обучение — 3 года) и двухклассные (обучение — 5 лет). Наиболее распространена была одноклассная церковно-приходская школа. Количество двухклассных школ увеличивалось, но медленными темпами.

Ввиду необходимости расширения начальных школ поднимался вопрос о подготовке для них учителей „на местах“, непосредственно в уездах викариатства. С этой целью создаются второклассные школы, курс обучения в которых составлял шесть лет. Их программа в первых двух классах соответствовала двухклассной школе с включением учительского курса, за время которого подробно проходили программу второго класса и проводили занятия с учениками первого класса под руководством учителя⁸. В первые годы существования братства открытие второклассных школ было одной из основных задач, всего было создано девять таких учебных заведений⁹. По затратам времени, сил и средств содействие развитию церковно-школьной делу было главным направлением просветительской деятельности православного братства.

Нужно отметить представителей братства из купеческой среды, которые своей материальной поддержкой и заботой о церковно-приходских школах способствовали развитию образования в викариатстве. Сольвычегодский купец М. А. Хаминов завещал построить при Спасо-обыденной церкви школу с ремесленными классами, назначил 5000 рублей на постройку школы для обучения там 12 мальчиков¹⁰. Благодаря М. И. Охлопкову и его дочери М. В. Ноготковой в бедном районе г. Устюга были основаны два учебных заведения: Красногорская Свято-Стефановская мужская школа и Красногорская женская школа. Попечители снабжали бедных учеников одеждой и обувью. М. В. Ноготкова поставляла в школу материалы для рукоделия, неоднократно устраивала праздники для девочек¹¹.

Успешная работа по просвещению населения была невозможна без создания базы учебной и религиозной литературы. Именно поэтому в 1899 г. в Великом Устюге братством был открыт книжный склад для распространения книг и брошюр среди уездных отделений, учреждений, организаций и частных лиц. Печатная продукция для склада выписывалась из Московской синодальной типографии, из редакции „Троицких листков“ и из частных книжных магазинов¹². Впоследствии в уездах были созданы отделения книжного склада.

С созданием братства при нем организуется центральная миссионерская библиотека из книг, обличающих раскольников и книг назидательного характера. Заведовал библиотекой и книжным складом, член совета братства, преподаватель духовного училища Ф. В. Булатов. В частности, для библиотеки выписывались периодические издания: „Братское слово“ и „Миссионерский сбор-

ник"¹³. Здесь имелись и старопечатные, рукописные книги, которые особенно были необходимы миссионерам в их беседах с раскольниками. По мере необходимости, создавались противораскольнические библиотеки при школах и церквях.

Важным аспектом признавалась поддержка (при необходимости — устройство) хотя бы небольшой библиотеки при каждой школе. Совет братства контролировал создание в этих библиотеках фонда книг для внеклассного чтения. Для просвещения взрослого населения учреждались бесплатные народные библиотеки-читальни. Целью последних, наряду с укреплением знаний христианского вероучения, было обогащение населения практическими знаниями в области сельского хозяйства, ремесел, медицины, гигиены и т. д. Так, библиотека-читальня при Иоанно-Богословской Варженской церкви Устюжского уезда на 1905 г. состояла из 163 книг и брошюр, ее услугами в течение года пользовались 83 человека¹⁴. Читателями Красносельской библиотеки при Чемельской Иоанно-Богословской церкви Никольского уезда в 1905 г. были 60 человек, им были выданы для чтения 152 книги духовного, исторического содержания, а также книги по географии, медицине, сельскому хозяйству и словесности¹⁵. Нередко при библиотеках-читальнях открывались лавки для продажи книг и листов, дешевых икон и нательных крестов.

В конце XIX в. в 77 приходах (25 %) викариатства проживало коми население. В связи с этим, одним из направлений работы братства стала книгоиздательская деятельность на зырянском языке. Указом Святейшего Синода в 1898 г. братство получило разрешение на издание православно-вероучительных, церковно-исторических и религиозно-нравственных книг¹⁶. Цензорами этих переводов были утверждены члены братства: священник Деревянской Христорождественской церкви Д. Попов и священник Усть-Сысольского Троицкого собора Евлогий Вишерский. Переведенные брошюры и листки („Житие Стефана Пермского“, „Житие Прокопия Праведного“, „Молитвослов“ и др.) пересылались миссионерам для распространения и продажи.

Для того чтобы воскресные и праздничные дни проходили с большей пользой для сельских жителей, священники устраивали народные чтения, на которых зачитывали и разбирали статьи по церковной истории, географии, сельскому хозяйству и медицине. Указанный вид работы, преимущественно, был ориентирован на неграмотное население. Неоднократно братчиками¹⁷ в качестве примера ведения народных чтений упоминался Александр Сахаров, священник Троицко-Печорской церкви. А. Сахаров вел чтения исключительно на зырянском языке, для чего он сам переводил выбранные статьи¹⁸. Впоследствии часть переводов была издана по рекомендации совета братства. Ему помогали вести чтения псаломщик Трубачев, а также грамотные крестьяне. По отзывам современников, местные жители охотно собирались в церкви, только услышав три удара колокола, и присутствовали на чтениях в течение двух часов. Для удобства и привлечения слушателей Александр Сахаров распределял материал по степени сложности, использовал „волшебный фонарь“¹⁹.

Своеобразным аспектом просветительской работы братства являлось создание обществ трезвости в приходах викариатства²⁰. Чрезмерное потребление спиртных напитков становилось все бо-

лее серьезной проблемой, особенно для деревни. Общества трезвости ставили целью ослабить вредное влияние пьянства, их представители обещали вести трезвый образ жизни, пытались воздействовать на народ через распространение религиозно-нравственных книг.

В 1909 г. при Великоустюгском братстве было учреждено церковное „древнехранилище“ (музей), заведование которым поручалось специальному комитету. Комитет постановил вести журналы заседаний, утвердил устав. Согласно уставу в „древнехранилище“ поступали древние рукописи, старопечатные церковные книги, церковные и бытовые памятники, имеющие историческое значение, рисунки, фотографии и другие раритеты. Для осмотра музея были назначены специальные дни и часы. Активно велась работа по систематизации, научному определению и описанию предметов коллекций²¹.

Рассматривая просветительскую работу братства, нельзя не упомянуть о замечательном устюжском краеведе — В. П. Шляпине. Вениамин Петрович с момента основания братства состоял членом Усть-Сысольского отделения совета. В 1899 г. он переехал в Великий Устюг. В. П. Шляпин отдал 30 лет жизни преподавательской работе. Все эти годы изучал историю Устюжского края. В газетах „Вологодские губернские ведомости“ и „Вологодские епархиальные ведомости“ одна за другой печатались его работы. Самый значительный труд Вениамина Петровича — двухтомник „Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря“ увидел свет в 1912-1913 гг.²².

Выделяя две основные сферы деятельности братства — просветительскую и миссионерскую, нужно отметить, что они тесно переплетались и дополняли друг друга. Можно выделить два направления миссионерской работы: первое — укрепление авторитета православной церкви в народе и второе — борьба с расколом. Рассматривая первый аспект миссионерства, следует подчеркнуть, что оно являлось составляющим звеном всей просветительской работы братства. Церковно-приходские школы воспитывали детей в духе православной веры, книжный склад братства распространял, в большинстве своем, христианскую литературу. Комитет „древнехранилища“ занимался собиранием и описанием церковных памятников, стремился повысить интерес к знаниям, истории, культуре.

Что же касается второго аспекта, то необходимо учесть, что ситуация с расколом не была одинаковой на территории викариатства. По сведениям братских миссионеров, Устюжский и Никольский уезды считались благополучными с точки зрения вероустойчивости. В каждом из них насчитывалось лишь несколько семей раскольников. Поэтому серьезной противораскольнической работы здесь вести не было необходимости.

Иным было положение в трех других уездах викариатства. По данным миссионеров, на 1898 г. в Яренском уезде насчитывалось три прихода, значительная часть населения которых принадлежала к раскольникам, в Усть-Сысольском — семь, в Сольвычегодском — двадцать пять подобных приходов²³. В указанных уездах братство ставило основными задачами вернуть раскольников в „лоно истинной церкви“ и не допустить перехода в раскол православных жителей. В связи с этим, на данной территории практи-

чески вся просветительская работа была подчинена выполнению миссионерских задач.

Заслуживает внимания миссионерская школа, открытая братством в Великом Устюге в 1898 г. Инициативные представители братства полагали, что в такой школе нужно обучать молодых крестьян из раскольнических районов. По возвращении домой, выпускники школы проводили бы беседы со старообрядцами с целью вернуть их к „истинной“ церкви, вели бы миссионерскую работу на учительских и псаломщических местах. Преимуществом выпускников считалось их непосредственная жизнь в раскольнической среде, в отличие от епархиального миссионера и его помощников, которые объезжали приходы несколько раз в год. В школу принимались молодые люди мужского пола от 22 до 35 лет (иногда моложе), окончившие начальные народные училища. Ученики должны были иметь собственную „приличную“ одежду, а в остальном содержались на средства братства. Помещение под школу было выделено в Устюжском Михайло-Архангельском монастыре. Среди прочих, ученикам преподавались: краткая церковная история (общая и русская), история и обличение старообрядческого раскола, главные правила дидактики, краткие исторические сведения о православном богослужении. Преподавателем школы был назначен Ф. Булатов, законоучителем — Т. Соколов²⁴.

Естественно, что содержание школы требовало больших расходов. Первоначально братство предполагало ежегодно ассигновать из своих средств 1000 рублей, 200 рублей просить у Троице-Стефано-Ульяновского монастыря и по 50 рублей собирать с уездных отделений. В первый год существования школы было израсходовано 1040 руб. 38 коп., а во второй год при двух отделениях — 1856 руб. 14 коп.²⁵ Таким образом, содержать даже два отделения школы братству было не под силу, не говоря уже о третьем. Тем более, по мнению преподавателей, из 16 учеников школы лишь двое были действительно заинтересованы борьбой с расколом. Остальные же ученики, в подавляющем большинстве из бедных семей, поступали в школу для того, чтобы „пропитаться“ в течение трех лет учебы. При таком положении, цель миссионерской школы не могла быть достигнута, а ее содержание обходилось братству слишком дорого. Поэтому, просуществовав четыре года, в 1902 г. миссионерская школа в Великом Устюге была закрыта. Освободившиеся средства переводились в Деревянскую второклассную школу Усть-Сысольского уезда на преподавание общих сведений о расколе и местных сектах. По документам²⁶ прослеживается судьба одного из выпускников миссионерской школы — Т. Золотарева. В 1907 г. он был назначен миссионером-сотрудником в пятом округе Усть-Сысольского уезда с вознаграждением от братства 60 рублей в год. История вышеуказанной школы еще раз показывает, что далеко не всегда задачи, поставленные братством, могли быть реализованы на практике.

Безусловно, в ходе своей работы братчики сталкивались с рядом проблем. Главная из них заключалась в нехватке денежных средств для того, чтобы шире развернуть свою деятельность. Большая территория викариатства, плохие пути сообщения также затрудняли работу общества. Контролировать функционирование школ, библиотек, проведение народных чтений из центра было

сложно. Несмотря на это, именно благодаря деятельности Стефано-Прокопьевского братства, дети из бедных семей обучались начальной грамоте в церковно-приходских школах, сеть которых широко развернулась в викариатстве. Увеличилось количество библиотек, издавалась литература на зырянском языке. Коллекция церковного древнехранилища стала основой экспозиции музея северодвинской культуры в 1918 году. Великоустюгское Стефано-Прокопьевское православное братство, наряду с деятельностью других просветительских организаций, способствовало повышению образовательного и культурного уровня населения, обратило общественное внимание на православную культуру и традиции православной церкви.

Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского конкурса грантов 2004 г. для молодых ученых и специалистов. шифр гранта: М04-1.1К-197.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Великоустюжский филиал Государственного архива Вологодской области (далее – ВУФ ГАВО). Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.
2. Устав Великоустюгского православного Стефано-Прокопьевского братства при Прокопьевском соборе. Великий Устюг, 1896. С. 10.
3. Вологодские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1899. № 17. С. 403.
4. Там же. 1906. № 14. С. 304.
5. Козлов К. О. Судьба протоиерея Константина Богословского // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 236-239.
6. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 33-36.
7. Там же. Д. 65. Л. 16.
8. Там же. Д. 2. Л. 319.
9. Носова Т.А. Роль Стефано-Прокопьевского православного братства в развитии образования в Великоустюгском викариатстве // Молодежный вестник. Вып. 2. Сыктывкар, 2004. С. 59-63.
10. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.
11. ВЕВ. Прибавления. 1902. № 23. С. 691.
12. Вологодские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1900. № 19. С. 37.
13. Там же. Д. 2. Л. 46-47.
14. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 247. Л. 8.
15. Там же. Л. 18.
16. Там же. Д. 79. Л. 14.
17. Братчиками именовались члены братства.
18. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 17. Л. 189-193.
19. Устаревшее название проектора.
20. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 83. Л. 46-47.
21. Малкова О. А. Древнехранилище в Великом Устюге // Бысть на Устюзе. Краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 5-11.
22. Чебыкина Г. Н. В. П. Шляпин: историк и краевед // Бысть на Устюзе. Краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 21-23.
23. ВЕВ. 1899. № 23. С. 586.
24. ВУФ ГАВО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 91. Л. 1-8.
25. ВЕВ. 1900. № 16. 290-296.
26. ВЕВ. Прибавления. № 13. С. 320.

И. Ю. Мусеева
Национальный музей Республики Коми
„ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА“
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТАВКИ „СТАЛИНГРАД.
ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЁННЫЕ“)

Национальный музей РК имеет достаточно большой опыт экспозиционно-выставочной деятельности в военно-историческом и военно-патриотическом направлении. События Великой Отечественной войны 1941-1945 г. нашли отражение в экспозициях музея ещё в 1942 г. Сотрудники музея на протяжении всех последующих лет комплектовали тему новыми материалами. В результате целенаправленной работы она получила дальнейшее своё воплощение в новых выставках и экспозициях¹.

Сегодня патриотическое воспитание вновь обретает достойное место в системе образования и культуры. В январе 2003 г. в Национальном музее РК открылась выставка „Сталинград. Победители и побеждённые“, посвящённая 60-летию со дня разгрома советскими войсками солдат вермахта в Сталинградской битве.

Слово „Сталинград“ 60 лет тому назад приобрело всемирное измерение. Для России, для человечества оно было и остаётся знаком военной и нравственной победы над фашизмом, символом перелома в величайшем вооружённом противостоянии XX столетия. Для немцев военных и послевоенных поколений катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это до сих пор обнажённый нерв массового сознания, непреходящий сюжет национальной историографии². Понять планетарный характер Сталинградского сражения, воссоздать безжалостно-правдивую картину великого события невозможно без учёта „человеческого измерения“ войны.

Выставка „Сталинград. Победители и побеждённые“ позволяет представить Сталинградскую битву и Великую Отечественную войну в целом не только глазами советского солдата, но и солдата вермахта. Она подготовлена с учётом новых подходов и методов новой отрасли исторической науки — военно-исторической антропологии.

Цель выставки — на примере Сталинградской битвы как одного из величайших символов Второй мировой войны, перевернувшего ход мировой истории, представить „субъективную реальность“ войны. Зрительный ряд, основу которого составляют уникальные музейные предметы — фронтовые письма, фронтовые фотографии, награды, оружие, трофеи, усиливается представленными здесь же воспоминаниями советских и немецких солдат. Именно они, наряду с письмами, более глубоко помогают прочувствовать мироощущение человека на войне, понять его мысли и состояние. Приведу лишь некоторые из воспоминаний. „Когда это случилось, мне было очень страшно. Но еще страшнее было потом. Ночью мы с бабушкой вырыли небольшую яму, завернули маму в одеяло и поместили туда. Накрыв могилу железным листом, присыпали его землей. Зная о том, что жители наиболее ценные вещи зарывали, немцы прощупывали землю штыками и искали „клады“. Бедная мама! Четыре раза (!), наткнувшись на железный лист, немцы откапывали ее и выбрасывали из могилы. Четыре раза нам приходилось хоронить ее заново!“ (Г. Н. Плавинская, г.

Магадан). „Я вижу, как в Сталинграде, в медсанбате 109, мы перевязываем, перевязываем, а раненых везут, везут с передовой. Кругом грохот орудий, визг падающих бомб, летят огненные стрелы „катюши“. Мы ампутируем руки, ноги. В палатах от разрывов снарядов все дрожит. Помню себя в 294 стрелковом полку, куда меня откомандировали временно как санитарструктора, и вижу солдата, который тяжело раненный упал, приподнялся на локтях, сказал: „Прощай, Родина!“ и упал лицом в грязь. Шел мокрый снег, никто не обратил на него внимания, шел бой... Я плакала навзрыд от бессилия и жалости“ (Л. А. Буткевич (Путинцева), жительница г. Сыктывкара). „Сейчас канун Нового Года, а когда я думаю о доме, у меня сердце разрывается. Здесь все плохо и безнадежно. Всюду голод, холод, вши и грязь. Днем и ночью нас бомбят советские летчики, почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не произойдет чудо, я погибну, мне очень плохо. Иногда я молюсь, иногда думаю о своей судьбе. Все представляется мне бессмысленным и бесцельным. Когда и как придет избавление? И что это будет — смерть от бомбы или от снаряда? Или же болезнь? Такие вопросы занимают нас постоянно. Как может все это вынести человек? Или все эти страдания — наказание Божье? Мои дорогие, я не должен был вам этого писать, но мое терпение кончилось, я растерял и юмор, и мужество, я разулился смеяться. Мы здесь все такие — клубок дрожащих нервов, все живут как в лихорадке. Если из-за этого письма я предстану перед трибуналом и меня расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий“ (из письма немецкого солдата от 31 декабря 1942 г.) Эти и другие отрывки из писем и воспоминаний, прозвучавшие на презентации выставки, зачитываемые слушателям в ходе экскурсии, не могут не оставить глубокий эмоциональный след в душе каждого посетителя.

Сталинград — это, прежде всего, его бойцы. Выставка содержит большое количество материалов об участниках Сталинградской битвы — наших земляках: П. С. Лареве, В. А. Гореве, К. И. Липине, П. И. Нестерове, П. И. Сорвачёве и др. Совсем юными они ушли защищать свою страну. Они — это те, кто стоял насмерть на Мамаевом кургане, у стен Сталинградского тракторного завода, у реки Царицы, сражался на улицах и площадях Сталинграда. Раздел „Советский человек в Сталинградском сражении“, задача которого реконструировать повседневность войны через фотографии, письма, личные вещи участников событий, представлен также воспоминаниями жителей города о тех страшных для Сталинграда днях. Здесь же — расплавленный металл Сталинграда, осколки снарядов, мин, гильзы, найденные на Сталинградской земле. Из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить несколько десятков тысяч эвакуированных людей из Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград до августа 1942 г. смогли около 100 тыс. Жертв среди мирного населения в значительной степени можно было избежать, если бы была своевременно проведена его эвакуация. Однако Сталин сказал, что солдаты пустые города не защищают...

Немецкая тема Сталинградской битвы раскрыта на выставке через фотографии и немецкие трофеи. Для усиления темы в качес-

тве дополнительного материала в экспозиции приведены тексты из писем и дневников немецких солдат. Подобранный материал подтверждает мысль о том, что ситуация „сталинградского котла“, „преисподней Сталинграда“, в которой оказались солдаты немецкой армии, заставила впервые оглянуться, задуматься, „очеловечиться“ фашистских завоевателей. Справедлив беспощадный диагноз Генриха Бёлля: „До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побеждённых“³.

Выставка отражает также одну из трагических и малоизвестных страниц истории — тему судеб советских военнопленных. О военнопленных не сообщалось в сводках Совинформбюро, фронтовики говорили об этом вполголоса. Бывшие военнопленные были официально признаны полноправными участниками Отечественной войны только в середине 60-х годов. По данным В. Н. Земскова, приведённым в докладе на третьем заседании общероссийского „круглого стола“ по военно-исторической антропологии, в немецком плену побывало более шести миллионов советских военнослужащих, выжило 2,4 миллиона человек⁴. Однако данные о том, сколько же на самом деле солдат и офицеров оказались в плену, военным историкам не известны. Сведения о количестве советских военнопленных приводятся лишь как приблизительные. После окончания войны выжившие в немецком плену люди попадали в другие лагеря — сталинские. Репрессиям подвергались и их родственники. Не удивительно, что даже теперь, 60 лет спустя, многие из них предпочитают не афишировать эту часть своей военной биографии. Еще не изжиты стереотипы псевдопредставления о том, что оказавшийся в плену живым — изменник Родины. Именно так, „У нас нет пленных, у нас есть только предатели“, говорилось в приказе Народного комиссара Обороны И. Сталина № 270 от 16 августа 1941 г.

На выставке о судьбе военнопленных рассказывают документы (трофейные личные учётные карточки, карточки прохождения фильтрации), предоставленные Национальным архивом РК. Здесь же показаны документы Особых отделов из уголовных дел в отношении красноармейцев, выявленные в архиве Управления ФСБ России по РК. Судьба многих из этих людей, невинно пострадавших, была решена в течение нескольких дней, а то и часов. Выставка затрагивает и такие темы как „Женщина и война“, „Раненые“. Напомню слова одного из полководцев Победы: „Великую Отечественную войну выиграли раненые“. Военные медики из каждой ста раненых смогли вернуть в действующую армию восемьдесят пять⁵.

Сталинград выстоял. Сталинград разгромил отборные армии вермахта. Сталинград похоронил миф о непобедимости фашистской армии. О всемирном значении Сталинградской битвы рассказывает последний раздел выставки.

На выставке проводятся тематические экскурсии, будут проведены мероприятия в Дни воинской Славы России. Приведу отзывы посетителей — сыктывкарских школьников, побывавших на экскурсии по выставке. „Спасибо, что показали всю суровость и жестокость войны, мы смогли её почувствовать“ (ученик 11 Б класса СШ № 16). „Мне очень понравилась экскурсия. Не было научных терминов, научной лексики. Нам рассказали словами

участников этой войны" (ученица 10Б класса женской гимназии). „Такого не прочитаешь в школьных учебниках! Теперь я верю в могучий характер русского человека с большой буквы" (ученица 11 А класса СШ № 16).

Тема войны многомерна, неисчерпаема, и, к сожалению, актуальна на сегодняшний день. „Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на её описания, она и проще и сложнее. Её чувствуют, но не всегда понимают её участники. Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи"⁶, — писал в 1943 г. Илья Эренбург. Несмотря на прогресс цивилизации в мире не утихают, а продолжают развиваться и учащаются войны — крайние конфликтные, разрушительные формы взаимоотношений в человеческом обществе. Выставка предоставляет посетителю возможность извлечь уроки из опыта военного поколения, уроки того, как можно „привыкнуть" к войне, уроки того, во что превращает людей война. Задача выставки — внести посильный вклад в то, чтобы изгнать войну из человеческого мышления.

Отдельный эпизод войны, отдельно взятая битва, в том числе и Сталинградская, зачастую концентрируют в себе многое: боль, ужас и жестокость войны, проявление высокого мужества и патриотизма... Думается, что обозначенные подходы в представлении темы войны в музейном пространстве, основные идеи и проблемы данной выставки могут рассматриваться как универсальные и найти отражение в будущих выставках и экспозициях Национального музея РК и муниципальных музеев республики. Экспозиционное представление поворотных событий войны, определивших в конечном итоге Победу, организация выставок к определенным датам (прорыв и снятие блокады Ленинграда, операция под Курском, битва за Днепр и др.), показ неизвестных страниц в истории войны — чрезвычайно важная задача, так как подобные выставки несут в себе огромный нравственный потенциал, помогают сформировать молодому поколению объективный взгляд на прошлое своей страны, способствуют воспитанию патриотизма и гуманизма в обществе в целом. Создание выставок по военной проблематике предполагает сегодня познание исторического процесса через человека, его внутреннего мира, освоение нового гуманитарного знания, каким является антропологически ориентированная история.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом подробнее: Моисеева И. Ю. Отражение темы Великой Отечественной войны в экспозиционно-выставочной и научно-просветительной работе Национального музея Республики Коми // Защита Отечества: история и современность. Сыктывкар, 2001. С. 98-101.
2. Борозняк А.И. Начало преодоления „тотальной бесчеловечности" (по письмам немецких солдат из Сталинградского окружения) // Человек и война (Война как явление культуры). М., 2001. С. 111.
3. Бёль Г. Способность скорбеть // Новое время, 1988. № 24. С. 37.
4. Земсков В.Н. Судьбы советских военнопленных в 1941-1945 гг. в зеркале статистики // Доклад на 3-ем заседании общероссийского „круглого стола" „Военно-историческая антропология: актуальные проблемы изучения". М., 27-28 ноября 2002 г. (В печати).
5. Бойко А. Герои страны, которой нет // Красное знамя, 1995. 20 апреля. С.3.
6. Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 230.

И. А. Пасынкова
Национальный музей Республики Коми
„НО МИЛЕЙ И КРАШЕ РОДИНА СВОЯ...“

**(ИСТОРИЯ СЕМЬИ
АНИСИМОВЫХ-ЧИСТАЛЕВЫХ В ПИСЬМАХ И
ДОКУМЕНТАХ)**

Кажется, что мы знаем все или почти все о жизни и деятельности Прометея Ионовича Чисталева — известного коми композитора, ученого. Знаем о том, что его отец, Иона Тимофеевич — замечательный коми поэт, автор „Букваря“ изданного в Москве в 1923 году, что его мать, Елизавета Александровна, за многолетнюю педагогическую деятельность награждена орденом Ленина, а брат Эдуард стал профессором, доктором педагогических наук.

Однако наш интерес вызывают не только факты из биографии членов семьи Чисталевых, но и их взаимоотношения друг с другом, их внутренний мир.

Исследовать эту тему стало возможным благодаря случайно найденным при ремонте дома Чисталевых в п.Нювчим весной-летом 2004 года документам, фотографиям, письмам.

Были ли эти материалы собраны специально или же это обычный семейный архив, сейчас трудно сказать. Однако, среди найденных материалов есть страница озаглавленная „Музей“ на которой рукой Елизаветы Александровны Чисталевой сделан чертеж дома и распланированы разделы будущей экспозиции. Вот их названия:

1. „Прометей. Член КПСС. Композитор. Кандидат искусствоведения“;
2. „Эдуард. Член КПСС. Доктор педагогических наук. Профессор“;
3. „Мать. Кавалер ордена Ленина. Член КПСС“;
4. „Семейные фотографии Анисимовых“.

Мечта Елизаветы Александровны о создании музея реализовалась в 2004 году. В доме, который в конце XIX построил ее отец Александр Васильевич Анисимов, открылся музей. Этот дом стал свидетелем жизни нескольких поколений: практически всю жизнь здесь прожила Елизавета Александровна Чисталева, значительную часть жизни — Прометей Ионович Чисталев. Здесь он и скончался 11 августа 1988 года.

Среди сохранившихся документов один, несомненно, привлеч бы внимание исследователей истории Кажимских горных заводов — это „Трудовой список“ Александра Васильевича Анисимова, отца Елизаветы Александровны Чисталевой. В этом документе, датированном 1938 годом отмечено: „Родился в 1873 году, образование — незаконченное среднее, социальное положение — служащий из крестьян горнозаводских крепостных, начало трудовой деятельности — 1887 год“. Был ли А.В.Анисимов, как гласит семейное предание, управляющим Нювчимским горным заводом?

В трудовом списке перечислены его должности за 43,5 года работы: бухгалтер, главный бухгалтер, счетовод.

В своих письмах-воспоминаниях, адресованных „сыну — первенцу Прометею“ Елизавета Александровна очень тепло вспоминает об отце: „Папа очень много уделял нам внимания, рассказывал о разном, учил нас. Всегда говорил нам: „Живите бедно, но

честно". Рассказывал о своем детстве. Детство его было тяжелым. Кажется, больше всех он любил меня, т.к. была слабенькой здоровьем. Почему-то часто сидела у него на коленях, он много рассказывал о своем детстве, и я плакала.... Папа очень любил пение, музыку, сам играл на скрипке, а потом покупал нам музыкальные инструменты: была гитара, мандолина, балалайка и гармонь. Пел он замечательно... почти каждый вечер в зале на диване усаживал нас, и мы пели с ним и мамой песни под его скрипку..."

Мать Елизаветы Александровны, Анна Михайловна, до замужества учительствовала в с.Шошка. По семейному преданию, она была хороша собой и в Нювчине ее звали „Мича Анна". Именно для нее и выстроил дом на городской манер Александр Васильевич Анисимов. Здесь, в этом доме, родились их дети. Незадолго до смерти Анна Михайловна пишет прощальное письмо, адресуя его детям. Читать эти строки, написанные слабеющей рукой, невозможно без душевной боли: „Я ухожу дети мои. Любите всегда друг друга. На свете ничего нет другого, кроме счастья любить... О, мои милые, я не увижу больше вас. Это разрывает мое сердце... будьте счастливы, любите, друг друга, да сияет вечно над вами солнце..." В письме Анны Михайловны есть строки: „У меня вас много: 5 дочерей и два сына..." И хотя нам известны имена и судьбы всех детей Анисимовых, в архиве Е. А. Чисталевой сохранились документы лишь одной ее сестры — Рипсимии, или, как ее называли близкие, Римы. Римма Александровна после окончания Усть-Сысольской Александринской женской гимназии несколько лет учительствовала, а затем уехала в Великий Устюг. Через много лет, пережив смерть дочери и мужа, возвращается в родительский дом и ее имя „тетя Рима" становится неотделимо от слова „мама" в письмах Прометея Ионовича.

Во взаимоотношениях сестер, по всей видимости, была трещинка: судьба Римы сложилась бы иначе, если бы влюбленный в нее Иона Чисталев не встретил Лизу.

Вот что пишет Елизавета Михайловна сыну Прометею: „В 1917 г. был съезд учителей в г.Усть-Сысольске. На этом съезде был учитель И. Т. Чисталев, выступал. На съезде он познакомился с сестрой Римой..." Как складывались их отношения? Перед нами копии писем из архива Е. А. Чисталевой.

„4 октября 1918 г. Добрый день, Ионча! Что не пишешь? Или так заинтересовался барышнями, что не находишь свободной минутки черкнуть слова два — три? Была уверена получить письмо и что же? Писем не получаю.

Какая разочарованность... Пиши. Люб. Рима".

И еще одно письмо, дата не указана.

„Увлечение мной — мимолетная вспышка. Оно так же скоро пройдет, как и появилось... Твоим другом я могу быть, но подругой жизни — нет, не могу быть..."

Товарищ — Рима".

А вот что пишет Елизавета Александровна в письме — воспоминании своему сыну:

„В 1918 году я поступила (вся наша группа гимназисток) в 4-й курс учительской семинарии — получать специальность учителя.

...В один такой вечер подходит ко мне инспектор училищ Чисталев И. Т. и спрашивает: „Вы Анисимова?" - „Да". Стал бывать на уроках в семинарии.

...Почему-то он особое внимание уделял мне, а я очень стеснялась его: худенькая, маленькая против него... Когда я кончила семинарию, он пришел меня поздравить и в загс. Я испугалась и заплакала, ведь сестра Рима увлекалась им и мне казалось, что это жених Рима. Я Риме написала об этом, а она ответила: „Пусть никому не достанется он, а пусть тебе...“

В 1921 году у Чисталевых родился сын. „Отец дал имя бога огня — Прометей“. Ему, Теушке, посвятила свои воспоминания Елизавета Александровна. Судя по-всему, Елизавета Александровна обладала незаурядным писательским талантом, и, быть может, ее воспоминания когда-нибудь будут опубликованы?

Прометей Ионович, зная о том трепетном чувстве, которое испытывала его мать к отцу, подарил ей фотокопию портрета отца, сделанную, видимо, с какой-то книги с надписью: „Маме для воспоминаний. Мой папа. Совсем еще молодой, талантливый, на карточке и в жизни, но, к несчастью, она рано оборвалась. Прометей. 2/III 1961 г. г. Сыктывкар“.

Елизавета Александровна бережно хранила и письма Прометея Ионовича:

В них он откровенно делился семейными проблемами, писал о творческих планах. Так, 24 XI 82 г. он пишет из санатория: „Здесь я хорошо отдыхаю, питаюсь, пишу музыку к сказке „Пусть всегда будет музыка“. В черновом варианте (мелодии) закончу, а в Сыктывкаре гармонизирую. Без дела сидеть, тратить попусту время — жалко“.

Прометей Ионович скучал по родине, по родному дому, где прошли его детство, юность, где по-прежнему жила его мать, и эту любовь он передал сыну: „Да, Нювчим — это наш родной дом, это вы наши замечательные, любимые мама и т. Рима“.

Все мы любим свой дом, а Леник (сын П. И.) — особенно. Не зря он стремится из большого города в маленький поселок Нювчим... 20/II/73 г.“

...И, быть может, не случайно Прометей Ионович написал песню на слова П. Образцова „Скворушка“:

*„Улетает скворушка в далекие края,
Но милей и краше родина своя“*

Эту песню он посвятил своему сыну. Это была любимая песня его матери.

ДРАМАТУРГИЯ НИКОЛАЯ БЕЛЫХ

Николай Федорович Белых родился 9 января 1941 года в г. Сыктывкаре. В 1958 году закончил среднюю школу, затем работал токарем на Сыктывкарском авторемонтном заводе. С юности увлекался авиамоделизмом. После службы в Советской Армии долгое время руководил авиамодельными кружками в Сыктывкаре и Вильгорте.

В 1966 году Николай Белых поступил заочно в Литературный институт им. А. М. Горького и закончил его в 1971 г. После окончания института Н. Белых с 1973 по 1979 г. работал в Бюро пропаганды Союза писателей Коми АССР, затем — в Министерстве культуры Коми АССР. С 1986 года возглавлял детский журнал „Би кинь“ (Искорка). Н. Ф. Белых — член Союза писателей России.

Для творческого конкурса при поступлении в Литературный институт им. А. М. Горького Николай Белых написал пьесу с торжественным названием „Верую“.¹ Я пыталась найти текст пьесы, но поиски, к сожалению, успехом не увенчались. Во время учебы в Литературном институте он готовит драму „Таысь судитны колö“ (За это надо судить, 1974), которая вскоре была поставлена на сцене Коми республиканского драматического театра им В. А. Савина.

Затем были написаны одноактные пьесы „Еретнича“ (Колдунья, 1972) и „Анисья“ (1973), вошедшие в сборник одноактных пьес (1980), комедию „Колана воськов“ (Необходимый шаг, 1977), пьесу „Кузь да кóдзыд тóлын“ (Длинной и холодной зимой, 1979), дорабатывает для постановки на сцене Коми республиканского драматического театра пьесу „Анисья“. Последнее драматическое произведение „Ов, дитяй, ов!“ (Живи, дитя мое, живи!) было опубликовано в журнале „Войвыв кодзув“ в 1991 году.

Уже в первых пьесах чувствуется оригинальность драматургической манеры письма автора, самостоятельный взгляд на происходящие процессы, умение отразить их сложность. Творчество Николая Белых, хотя и невелико по объему, является самобытной страницей в истории коми драматургии и театра. Драматург уделяет много внимания труду и быту сельских тружеников. Проблемы и конфликты производственного характера отражают реальное противоречие между трудом крестьянина и административно-командной структурой власти („За это надо судить“, „Длинной и холодной зимой“).

Одним из главных мотивов драматургии Белых является стремление человека к счастью. Но в чем заключается счастье, герои его пьес понимают по-разному. Различие во взглядах является основой конфликтных коллизий в пьесах „У кого какое счастье“, „Необходимый шаг“, „Анисья“.

Пьеса „У кого какое счастье“ раскрывает, как драматургический дар автора, так и его способность к реалистической оценке явлений. Композиция драмы составлена по драматургическим канонам (завязка, кульминация, развязка). Но эта схема не является уныническим. Интересным является то, что драматург приготовил

для каждого персонажа свою сверхзадачу. Его наиболее всего интересовала душевная жизнь Ивана, в свое время В. А. Латышевой и мной причисленного к разряду отрицательных героев.² Иван покидает село в трудное послевоенное время. Возвращается домой, к матери и к брату, много лет спустя. „Я, если хотите знать, все ваше село могу купить, и то еще деньги останутся“ (перевод здесь и далее — подстрочный. Р. К.). Такие слова произносит он о себе встретившимся на пристани сельским девчатам. Но родные и односельчане осуждают Ивана за то, что погнался за легкими заработками, покинул их в трудное время. Сам драматург не так однозначен в оценке поведения своего героя. Он отстаивает право человека выбирать свою жизненную дорогу и именно поэтому мотивирует отъезд Ивана несколькими причинами.

В наши дни, когда расширились и углубились наши познания о событиях и нравах минувшей эпохи, можно сказать, что Николай Белых изыскивал способы художественного выражения своего личностного отношения к жизненным явлениям. Немногословный, поэтому малозаметный, диалог между Иваном и председателем колхоза Лыжуровым раскрывает истинную причину отъезда Ивана: председатель заставляет Ивана вступить в колхоз, жениться на Анне и в случае отказа угрожает арестом. И в то же время в этой драме отражается реальная тенденция общественного сознания: вне коллективного труда человек не может быть счастливым.

Можно заметить, что, как в этой, так и в других пьесах, автор наряду с отражением тенденций общественного сознания высказывает и свое отношение к изображаемому. Это наблюдается и в драме „За это надо судить“. В образе начальника лесопункта Шатова драматург попытался обрисовать образ „делового“ человека, который признает лишь план по вырубке леса. Ему противопоставлены лесник Емельян и молодой лесничий Николай, которые стремятся сохранить молодняк возле родной деревни. „Вырубать совсем еще молодой лес только лишь потому, что он растет вдоль реки — вырубай да сплавь, да за это же судить надо!“ — с возмущением говорит Николай Староверов.

В образе начальника лесопункта демонстрируется психология человека с двойной моралью. Надо признать, что это очень меткое наблюдение автора пьесы. Если в 70-е годы XX века явление так называемой двойной морали можно было рассматривать на конкретном образе героя литературного произведения, то в настоящее время можно сделать вывод, что это было явлением времени, неминуемо ведущим общество к катастрофе. Люди, подобные Шатову, действовали, преследуя эгоистические цели, прикрывались словами о заботе других людей. Дед Емельян откровенно говорит, что Шатов — браконьер, прячущийся за государственными интересами. „Его слова как будто и толковые, как будто так и надо все делать, как он говорит, а на самом деле из всех его добрых побуждений плохое получается“, откровенно говорит старик молодому напарнику. Он готов защищать молодой лес до последнего вздоха. Николай занимает другую позицию. Он понимает, что планам Шатова содействует начальство свыше. Драматург подчеркивает, что Николай более трезво оценивает ситуацию. Ведь система управления,

сложившаяся к 70-м годам, почти полностью исключала инициативу простого работника.

Иногда для прояснения авторского замысла роль эпизодического лица бывает важнее, нежели роль главного героя. Мало заметен в пьесе Ефим, которого все считают слугой Шатова. Но лишь этот так называемый „слуга" показан активно протестующим человеком. Ефим просто не ходит на рубку леса. Он делится своей болью с Емельяном: „Будто лес и река шепчут: а надо ли бесконечно губить их?" Кому, казалось бы, как не Емельяну лучше всех понять молодого человека. Но в ответ на это признание старик называет Ефима лентяем и дармоедом. Таким образом, диалог между Емельяном и Ефимом делает наглядным еще один стереотип мышления эпохи застоя: работать, даже если работа приносит не пользу, а вред.

И все же образ Шатова не так однозначен, как кажется. Николай Белых находит художественные средства, чтобы избежать схематичности в изображении этого персонажа. Он решителен, умен, сметлив, умеет быть дипломатичным. Но эти, казалось бы, положительные черты, оборачиваются для других негативной стороной.

Драматург не ставит точки в конце пьесы. Финал носит открытый характер. В лесу Шатов совершенно нечаянно ранит деда Емельяна. Думается, коми литературоведы, обратившиеся к анализу пьесы „За это надо судить", недостаточно внимательно проследили авторскую мысль. А. А. Вежев отмечал, что в конце пьесы автор показывает Шатова преступником. „Однако молодой драматург этого „делового" человека, добывающегося на производстве выполнении плана любой ценой, неожиданно и без достаточной мотивировки трансформирует в заурядного преступника, стреляющего в лесника Емельяна".³ На самом деле это не так. Шатов вовсе не виновен в ранении деда. Выстрел получился случайно, когда излишне запальчивый старик отбирал у браконьерствующего Шатова ружье. Но драматургу было важно сделать финал, близкий к трагедийному, ибо, благодаря этому, он раскрыл всю циничность натуры начальника лесопункта.

В творчестве Николая Белых отражается апологетика работы без осознания настоящих последствий, апологетика рабского труда. Вероятно, это явление сильно волновало писателя, так как к этому он возвращается почти десятилетие спустя в пьесе „Длинной и холодной зимой". В ее основе лежит как бы малозначительный конфликт: молодой управляющий отделением совхоза Николай продает соседнему селу выращенный его бригадой картофель. По распоряжению директора совхоза Сажина он должен был этот картофель закопать в землю.

Пьеса представляется довольно скучным, несценичным произведением. Она не была поставлена на сцене. Но в данном случае следует избежать упреков в художественном несовершенстве, так как драматург именно, благодаря фабульной вялости достигает художественного эффекта: он подводит читателя к размышлениям на вопросы, которые начинаются со слова „почему?" И в результате проясняется главная мысль автора, от которой веет грустью: сельский труженик не стал хозяином на своей родной земле, он является лишь исполнителем воли вышестоящей инстанции.

Таким образом, в драматургии Николая Белых 60-70-х годов не чувствуется высокого пафоса, связанного с процессом коллективного труда. Его герои работают и живут не потому, что это хорошо и прекрасно, а потому что так надо. Во многих его пьесах (особенно в пьесе „Необходимый шаг“ многократно повторяется слово „колö“ (надо). Несмотря на все попытки драматурга „сделать“ драматические ситуации юмористическими картинками (сам драматург был жизнерадостным человеком), его драматургия наполнена подспудной грустью.

Надо отметить, что в контексте драматургии 60-70-х годов пьесы Н. Белых на так называемую производственную тему сближались с комедиями Н. М. Дьяконова. Николай Дьяконов обращался к таким же темам. Его герои хотели быть не только исполнителями, но и полноправными хозяевами на своей земле. Драматург, благодаря своему романтическому мироощущению, с комедийной легкостью „разрешал“ эти проблемы в своих лирических комедиях „Куим багатыр“ (Три богатыря, 1960), „Эжва дорса букет“ (Букет с берегов Вычегды, 1966) и в др. Н. Белых был реалистом в художественном творчестве и избегал романтических и ярких лирических мотивов. Он старался обнажить проблему в ряде ее аспектов. И ради выполнения сверхзадачи иногда пренебрегал формальной стороной художественного произведения.

Пьесе „Колана воськов“ (Необходимый шаг, 1977) сам автор назвал комедией. Комическое начало в этой пьесе связано с комедийными ситуациями и положениями, в которые попадают персонажи вследствие розыгрышей. Озорные выходки, насмешка друг над другом, — все это соответствовало жанровой природе пьесы.

Комичен в пьесе центральный образ — образ Дарья. Комизм ее характера основан на противоречиях. Дарья — боевая, своенравная женщина. Она может рассердиться из-за пустяка, но в то же время отходчивая, зла не держит. Драматургу удалось уловить и передать эту особенность деревенских коми женщин. Дарья и сама понимает, что иногда делает не то, что следует, но из-за упрямства признавать себя виновной перед другими не желает.

Драматург художественно обосновывает, что эта черта характера Дарья, ее упрямство стали причиной размолвки с любимым человеком, хотя вину на себя за это берет другой персонаж, по имени Ольбш (Алексей). Отношения Дарья и Павла, любящих друг друга, автор высвечивает сквозь призму грустного комизма. Они не смогли соединить свои судьбы. Причиной их размолвки, как выясняется, явилась еще и излишняя самоуверенность молодых. Каждому хотелось одержать верх. Своеобразная комедийная борьба между Дарьей и Павлом заканчивается их примирением.

Драматург большое внимание уделяет комедийному сюжету и комической обрисовке образов. Но все же основной проблемой в пьесе является проблема реальная, жизненная — проблема переселения жителей из неперспективных деревень. Без сомнения, замысел драматурга состоял еще и в том, чтобы раскрыть драматизм людей, вынужденных покидать места, где они родились и выросли. Павел Михайлович, его дочь Таня, Алексей и Василий пытаются уговорить Дарью с Анной, ее дочерью, переехать в село. Комедийная стихия, углубление в перипетии личной жизни героев как бы затушевывали и скрывали

драматизм Дарьи. И финал пьесы выглядит довольно благополучным: Дарья с дочерью переезжают в село.

Николай Белых обладал даром сценического мышления. Благодаря этому, постановки его пьес „За это надо судить“ и „Анисья“ имели неизменный зрительский успех. Они были в репертуаре Коми республиканского драматического театра в течение нескольких лет.

В середине 70-х — в начале 80-х гг. критик В. А. Латышева отмечала поверхностную комедийность в пьесах Н. Белых, недостаточное раскрытие образов, отсутствие мотивировок поступков героев, детективность сюжета в драме „За это надо судить“ и другие недостатки, выявленные при анализе его драм и комедий.⁴

Мной также был отмечен ряд недостатков в статье „Морт лов дінö пеля-ö?“ (Чутко ли к душе человека), опубликованной в 1986 году в указанном ранее сборнике. Среди них, можно припомнить, были: пассивность Николая Староверова („За это надо судить“) и Николая („Длинной и холодной зимой“), статичность характеров персонажей, отстраненность второстепенных героев от конфликта и др.

Следует уточнить, что в предыдущих статьях преобладал критический подход авторов к творчеству драматурга. И многие положения в них оправданы с критической точки зрения. Кроме того, в эти годы, как писателям, так и людям, занимавшимся изучением литературного творчества, приходилось придерживаться общепринятых взглядов, соответствующим принципам социалистического реализма.

В настоящее время произошли большие перемены во всех сферах жизни коми народа — общественно-политической, нравственной, духовной. Наблюдаются, как позитивные, так и негативные перемены. В духовной жизни коми интеллигенции (писательской и литературоведческой) благоприятным является то, что появилась возможность относиться к художественному произведению, как к явлению духовного порядка. Отраднo, что наряду с использованием концепции материальной эстетики литературоведы финно-угорского региона обращаются к принципам духовного осмысления художественного наследия национальных писателей.⁵

Кроме того, современные литературоведы могут подойти к исследованию литературного произведения несколько по-иному, отойти от схематизации и упреков в несовершенствах. Академик Д. С. Лихачев предлагает творчески подходить к исследовательскому делу. Он напоминает:

„Литературное творчество — не расчетливое произведение каких-то определенных принципов, и писатель — не счетно-решающее машинное устройство, способное выдавать решения, строго укладывающиеся в „стилистическую“ программу. Поэтому в любом писательском творчестве мы можем найти отклонения от принципов, которым это творчество следует. И отклонения должны изучаться так же, как и самые принципы. Именно они придают особую эстетическую остроту произведениям“.⁶

Если рассматривать творчество Николая Белых в свете вышесказанного, то можно заметить, что в его драмах и комедиях отразились многие приметы и тенденции периода застоя, как в настоящее время называют 70-е годы прошлого столетия. Драматург

не претендовал на изображение образа строителя светлого будущего, отличающегося активной жизненной позицией. Пассивность героев оправдана, как историческими условиями жизни, так и художественно. В драматургии Н. Белых не чувствуется высокого пафоса, связанного с коллективным трудом. Его герои работают не потому, что это хорошо, а потому что — надо.

Вершиной драматургического мастерства Н. Белых является его последняя пьеса „Ов, дитяй, ов!“ („Живи, дитя мое, живи!“). Она явилась новым словом не только в его творчестве, но и во всей комедийной драматургии начала 90-х гг., ознаменовав возникновение исследовательского отношения к жизни. Драматург предлагал поиск нетрадиционных форм отражения действительности и способов выражения к ней авторского отношения.

Следует особо отметить, что эта пьеса — единственное в комедийной драматургии произведение с посвящением. Оно адресовано матери. Материнский голос, звучащий из небытия (голос матери главного героя, писателя Томова) является образом трансцендентального порядка, вносящим в произведение мотив утешения.

В пьесе есть элементы автобиографического порядка: сходство профессий самого автора и главного героя, писателя Томова. Тут много размышлений о сути и пользе писательского труда, о поиске индивидуального пути в творчестве, о роли печатного слова, окрашенных различным настроением. Томов показан как герой пьесы и одновременно как создатель новой художественной реальности (он пишет пьесу, которая получает сценическое воплощение в ходе действия).

Реалистическое видение мира Николая Белых подкрепилось видением духовного порядка. И этот синтез способствовал появлению пьесы философского характера. Драматург находит оригинальное определение, заменяющее жанровое обозначение: „збыль нисьё вѣтъ“ (то ли явь, то ли сон).

В начале пьесы изображено нравственное несовершенство героев. Образы писателя Томова, которого преследуют мрачные видения, Тони и Сони — комедийные девушки, усвоивших принципы легкого поведения, таксиста Шуктомова, зарабатывающего деньги спекуляцией спиртным в ночное время, драматург создает отнюдь не в целях осуждения. Его нравственное кредо — отыскать истоки подобного поведения своих персонажей, а также показать черты доброй человечности.

Надо подчеркнуть, что пьеса является концептуальным произведением. Поиск новых форм в области художественных средств сопряжен с размышлениями о жизни комедийного человека, о перипетиях его существования в постоянно обновляющейся действительности. С этой целью драматург создает мини-пьесы (их автором является писатель Томов), которые позволяют как бы заглянуть в эпоху язычества, христианизации коми, во времена коллективизации, ощутить веяния современности. В своей статье „Некоторые особенности поэтики пьесы Н. Ф. Белых „Ов, дитяй, ов!“ (Живи, дитя мое, живи!)“ я попыталась проследить движение мысли автора и исследовать оригинальность композиции пьесы.

В отличие от предыдущих пьес, в которых приглушенно звучал мотив безысходности, это последнее драматургическое произведение, несмотря на несколько трагедийный фон, имеет оптимистический финал. Драматург положительно оценивает

время перестройки. Ведущие герои последней мини-пьесы приходят к прозрению, что единомыслие и лицемерие являются пороками, а свободомыслие и гласность могут способствовать совершенствованию человеческой личности.

Драматургическое творчество Н. Ф. Белых невелико по объему. Почти все его пьесы опубликованы в журнале „Войвыв кодзув“, кроме того, в 1981 году в Коми книжном издательстве вышел сборник пьес под названием „Кодлӧн кутшӧм шуд“ (У кого какое счастье), куда вошли четыре пьесы. В архитектурном построении его драм и комедий проявляется образ автора, как человека думающего и размышляющего, с „гармоничным взглядом на полный противоречий мир, оптимистичного, верящего и видящего свет человеческой личности.“

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов В. Некемын кыв тайӧ книгалӧн автор йылысь (Несколько слов об авторе этой книги) // „Кодлӧн кутшӧм шуд“. Нӧль пьеса (У кого какое счастье. Четыре пьесы). Сыктывкар, Коми кн.изд-во, 1981. С. 140.
2. Латышева В. Тема да характеръяс (Темы и характеры) // Войвыв кодзув. 1983. № 11. С 44; Куклина Р. Морт лов динӧ пеля-ӧ (Чуток ли к душе человека?) // Лыддысьыськӧд сӧрни (Разговор с читателем). Сб. лит.-крит. статей. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1986. С. 82.
3. История коми литературы в 3-х т. Т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С 231.
4. Латышева В. Мыйысь колӧ судитны (За что надо судить) // Войвыв кодзув, 1974. № 7. Латышева В. Тема да характеръяс (Темы и характеры) // Войвыв кодзув, 1983. № 11.
5. Зуева А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Монография / Изд-во удм. ун-та, Ижевск, 1997.
6. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб.: Алетейя, 1997. С. 401.
7. Куклина Р.И. Некоторые особенности поэтики пьесы Н.Ф.Белых „Ов, дитяӧй, ов!“ (Живи, дитя мое, живи!) // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. Сыктывкар, 2004. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; Вып. 64). С. 91-108.

В. А. Сова

Национальный музей Республики Коми

П. Д. СТЕПАНОВ — МУЗЕЕВЕД И УЧЕНЫЙ

В 2003 году исполнилось 105 лет со дня рождения Павла Дмитриевича Степанова — известного ученого в области археологии и этнографии Среднего Поволжья.

Научная карьера заслуженного деятеля науки, доктора исторических наук, профессора Мордовского университета им. Н.П.Огарева Павла Степанова началась с работы в качестве научного сотрудника Музея голода, организованного в г. Саратове в 1921 г. Более 20 лет он проработал в музеях страны. Около двух лет он провел в Сыктывкаре, работая в Коми республиканском краеведческом музее в должности заведующего отделом истории. Перед приездом в Сыктывкар он выслал в адрес дирекции музея письмо — представление, в котором подробно

изложил послужной список и занятия общественной работой: „Родился я в г. Саратове в семье рабочего металлиста-кабельщика, который в настоящее время работает на машиностроительном заводе им. М. Кагановича в г. Саратове. В Саратове же окончил начальную школу и городское 4-х классное училище. Для продолжения образования не было средств и пришлось искать работу. Первая работа была в почтовом ведомстве, где я работал с 1915 по 1918 г. В 1918 г. поступил на работу на Рязанско-Уральскую железную дорогу в должности конторщика, где проработал до 1921 г. В 1921 г. поступил на работу в „Музей голода“ научным сотрудником, в 1922 г. перешел в той же должности в Саратовский областной музей, где и проработал непрерывно в должности научного сотрудника, а затем завед. отделом до 1932 г. Одновременно работал по совместительству ассистентом при кафедре Археологии и Этнографии педагогического факультета Саратов. государ. ун-та с 1927 по 1932 г.

В 1932 г. выехал по собственному желанию для работы на Севере, в качестве завед. краеведческого пункта Тугуро-Чумиканской культбазы Комитета Севера при ВЦИК (РСФСР — С. В.), где проработал до августа 1934 г.

В 1934 г. был принят вновь на работу в Саратовский областн. музей, сначала старшим научным сотрудником, а затем завед. отделом, где работаю в настоящее время в отделе капитализма.

С октября 1934 до середины 1935 г. работал музейным инспектором Саратовского обл. ОНО, но ввиду приглашения научным сотрудником в Научно-исследовательский институт краеведения им. М. Горького вынужден был оставить эту должность. В данное время — я по совместительству старш. научн. сотр. Института краеведения. Кроме указанных выше учебных заведений окончил педагогический факультет Саратовск. государств. университета в 1925 г., а в 1937 г. окончил двухгодичный Марксистско-Ленинский университет для научн. работн. при Саратовском Доме Ученых.

В профсоюз вступил в 1918 г. С 1921 г. состою в союзе Рабпрос, с 1927 г. — член секции научных работников, а с 1935 г. — член союза высшей школы и научн. учрежден. Академическая работа заключалась в изучении мордвы по линии этнографической и исторической. На культбазе занимался вопросами социально-экономическими у звенков Охотского побережья.

Печатные работы имеются (см. список). Прилагается так же список экспедиционных работ. Общественная работа за истекший промежуток времени довольно обширная. Работал в профсоюзных организациях... Сейчас руковожу общемузейным производственным совещанием и являюсь отв. редактором стенгазеты. Был членом правления Саратовского Дома Ученых, работая на культбазе, был избран районным запасным судьей.

В 1930 г. вступил в ряды ВАРНИТСО и работал как член Президиума областного Бюро. В 1937 г. работал руководителем переписного отдела по г. Саратову и был премирован...

Все родственники и ранее и теперь безвыездно проживают в Саратове. За границей ни знакомых, ни родных нет.

Под судом и следствием не был. Ни в каких армиях не служил никогда. Ни в каких партиях не состоял и не состою.

4. 09. 1938 г. Научн. работник П. Степанов".¹

П. Д. Степанов стал сотрудником Музея голода не случайно. В октябре 1921 г. профессор Саратовского государственного

университета Б. М. Соколов обратился в Губернский комитет помощи голодающим с предложением организовать Музей голода в здании этнографического музея г. Саратова. Тема голода в Поволжье в 1921-1922 гг. — одна из трагических страниц в истории России, стала основным лейтмотивом экспозиции нового музея. Студенты Саратовского университета, ученики Б. М. Соколова Т. М. Акимова и П. Д. Степанов были приняты научными сотрудниками музея. У музея было много добровольных помощников, особенно из числа студенческой молодежи. За короткий срок удалось собрать свыше двух тысяч экспонатов: документы, листовки, различные виды суррогатов пищи, большое количество фотографий, статистические данные. Из этих экспонатов была создана стационарная экспозиция и построены передвижные выставки, которые демонстрировались при чтении лекций в благополучных областях и в Саратове. Оформлением экспозиций и выставок занимался П. Д. Степанов.

В напряженном ритме сотрудники музея работали в самый пик голодного лихолетья с октября 1921 г по август 1922 г. В августе его штат перестал получать зарплату, однако работа музея продолжалась до 1924 г.

С поступлением на работу в Музей голода Павел Дмитриевич начал заниматься научной работой. С 1922 по 1938 годы он принял участие в 13 этнографических и археологических экспедициях в районы постоянного проживания мордвы и башкир в Саратовской области. Им опубликовано 10 научных статей по материальной культуре в Трудах Нижне-Волжского научного общества краеведения и Саратовского университета, журналах „Этнография“ и „Советский музей“. В соавторстве с Т. М. Акимовой в 1937 г. издана книга „Сказки Саратовской области“.

Желание изучить „непосредственно на месте этнографию коми народа“² привели исследователя в Коми АССР. По рекомендации Музейного отдела Наркомпроса и его личной просьбе П. Д. Степанов был назначен старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделом истории Республиканского краеведческого музея. За время работы с 19 сентября 1938 г. по апрель 1940 г. Павел Дмитриевич сделал немало. В книге приказов музея имеется запись от 30 апреля 1939 г.: „Зав. историческим отделом т. Степанову объявляю благодарность за работу стахановскими ударными методами по перестройке экспозиции и за досрочное открытие отдела истории к 1 мая с/г. Директор В. Подоров“.³

В июле 1939 г. музей впервые организовал свою археологическую экспедицию в Сысольский район. В состав экспедиционного отряда вошли студенты второго курса исторического факультета КГПИ Иосиф Козлов и Анатолий Новинский, а также ученик 10 класса Владимир Степанов — сын Павла Дмитриевича. Экспедиция работала на Сыsole в окрестностях крупных сел Ужга, Пыёлдино, Вотча, Иб, Шошка. Работа экспедиции подробно описана в отчете П. Д. Степанова (КП 9816/2), а так же в его письмах, адресованных директору В. Н. Подорову (НА НМРК, оп. 1, д. 1431). Приведу наиболее интересные выдержки из этих документов:

2 июля. Прибыли в с. Ужгу Сысольского района. Село Ужга расположено на несколько возвышенном над поймой берегом реки. К С. (Северу — С. В.) круто обрывается к реке невысокий

кряж идущий в направлении 3-В (Запад-Восток). Река Сысола ударяется об этот крутой берег и поворачивается круто к 3 (Западу). Течение реки около села довольно быстрое, а ширина реки в межень около 80 метров. Песчаный холм, на котором стоит село кое-где открыт, но находок на нем никаких не обнаружено.

Ужгинская школа стоит на каком-то могильнике, возможно, позднем, т.к. отсюда недалеко до сохранившейся еще каменной церкви, построенной в стиле конца XVIII—нач. XIX вв. При рытье ям для фундамента школы находили человеческие кости, по словам зав.школой, без гробов. Когда-то при школе был музей, занимавший 1 комнату, в котором имелось и археологические вещи. Впоследствии все музейные экспонаты куда-то растерялись.

9 июля. Пыёлдино. По рассказу старика Пунегова В./ 75 лет/ в урочище Чапра-чай в 1876 г. была найдена часть кольчуги, которая была доставлена в волостное правление, а оттуда в какой-то музей. Чапра-чай находится в 15 км. в сторону д. Гагшор и Ниашор.

10 июля. Пыёлдино. Уважаемый Василий Николаевич! Пишу Вам со середины обратного пути. Половину намеченного маршрута прошли. Идем ускоренным темпом, т.к. на пути археологических памятников минимальное количество. Пока что имеем лишь могильники, да и то поздний в Ужге, отдельные находки оттуда же, да городок-то без вещей в Гриве.

Наш корреспондент Козловский, на которого мы возлагали большие надежды, не дал никаких материалов по археологии. Он живет в Пыёлдино три года, а окрестности не знает совершенно. Имеются у него мало интересные собрания раковин и белемнитов (чертовы пальцы).

Надеюсь, что следующая часть пути вознаградит нас, хотя у меня после пройденного пути надежда слабая. Постараемся, если ничего интересного не будет, закончить работу, чтобы не терять деньги. Из студентов, Новинский, тот, что с Вами спорил, оказался не на высоте. Остальные двое инициативные и работоспособные ребята. Вещей для музея приобретать не удалось, т.к. район беден в историческом отношении вещами. Завтра выезжаем в Визингу и Вотчу. Если что будет интересного — то сообщу по телефону...⁴

12 июля. с. Вотча. На одном из береговых выступов было обнаружено городище „Кар- йыл“. Данный выступ расположен довольно далеко от берега реки и отличается от других выступов большей крутизной... Никакой растительности, кроме заросли шиповника по валу городища не имеется. Древесная растительность имеется лишь на выступе, где расположена новая двухэтажная церковь.

23 июля. с. Шошка. Осматривали могильник, раскопанный экспедицией музея в 1930-1931 г. Раскопок не производили, т.к. могильник поздний и православный...

25 июля. Экспедиция вернулась в Сыктывкар".⁵

По мнению Степанова, экспедиция не дала каких-либо значительных открытий и находок. Однако фонды музея пополнились почти на 100 предметов эпохи средневековья и исторического времени.

Вторая половина 1939 г. была весьма насыщенной для Павла Степановича. В октябре 1939г. правительство республики приняло решение о праздновании 100-летия со дня рождения коми поэта и прогрессивного мыслителя И. А. Куратова. 1 ноября 1939 г. было

принято Постановление СНК Коми АССР об утверждении выставочного комитета в связи с празднованием юбилея коми поэта Куратова. В состав выставочного комитета вошли начальник управления по делам искусств С. М. Попова (председатель), В. В. Поляков, П. Г. Доронин, П. Д. Степанов, В. В. Юхнин. На подготовку к юбилейным торжествам отводилось чуть больше двух месяцев. Предстояла напряженная организационная работа. Открытие выставки, посвященной жизни и творчеству основоположника коми национальной литературы предполагалось в краеведческом музее Сыктывкара. Кроме того, один из разделов выставки должен был отразить ретроспективу исторического прошлого Коми края и достижения республики за годы советской власти. Опыта работы в создании подобных экспозиций ни у кого из состава выставкома не было. Многочисленные добровольные помощники были командированы в Москву, Вятку, Объячево, Визингу, Кибру и другие места по сбору экспонатов, фотографирования мест, связанных с именем И. Куратова, закупке необходимых строительных материалов и красок.

Тематический и тематико-экспозиционный планы выставки „100-летний юбилей со дня рождения И. А. Куратова“, подготовленный П. Д. Степановым был утвержден. В этой работе принимал участие и П. Г. Доронин. Следует отметить, что им значительно помогло в работе над подготовкой научной документацией письмо А. А. Попова (Цлек Цлексан) — научного сотрудника музея А. М. Горького, предложившего свой вариант структуры будущей выставки.⁶

В Постановлении СНК Коми АССР за № 1202 от 17 октября 1939 г. о проведении юбилея И. А. Куратова имеется небольшое примечание: „... выставку организовать при Сыктывкарском музее с расчетом на дополнение её и развитие в литературный музей Коми АССР имени И. А. Куратова“.

Однако, в связи с ожиданием на юбилейные торжества большого количества гостей, местонахождение выставки было перенесено в фойе Дома народного творчества (ныне — Республиканский академический театр драмы).

18 января 1940 г. начались официальные торжества с представлением публике выставки об И. А. Куратове. А 21 января 1940 г. выставком подвел итоги работы и постановил продлить демонстрацию выставки до 15 февраля, после чего надлежало передать 340 экспонатов в фонды музея. Документы приема материалов выставки подписаны П. Д. Степановым. Вполне возможно, что его авторитет и профессиональный опыт сыграли определенную роль именно в таком решении судьбы экспонатов первой экспозиции, посвященной некогда опальному поэту.

Весьма плодотворными и результативными для Петра Степановича были последние месяцы работы в Сыктывкаре. Им была подготовлена археологическая карта Коми АССР, а по поручению Академии наук СССР для четырехтомного издания „Этнография народов СССР“ составлен „Этнографический очерк коми“ объемом в 60 машинописных страниц, собран и систематизирован материал по истории Республиканского музея для справочника „Музеи СССР“, написан путеводитель по экспозиции отдела истории. Однако болезнь супруги Марии Леонидовны, которая работала заведующей библиотекой музея, стала причиной

отъезда этой семьи из Сыктывкара в г. Саранск. Местом его новой работы стал Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории.

В научном архиве Национального музея сохранилось несколько писем П. Д. Степанова, в которых он сообщает о своей новой работе, делится советами, интересуется результатами работы бывших коллег. Вот одно из них:

„Саранск. 10/VI 40 г. Уважаемый Николай Васильевич! Вашу открытку от 19/IV 40 г. получил. Благодарю за извещение. В ней Вы только не упомянули о получении книги „Разинщина“, которую я уже давно отослал Вам. Как получите книгу, обязательно пошлите уведомление о её получении.

Я работаю здесь до одури. Только что возвратился из археологической экспедиции — работали 13 дней. Результаты не плохие. Надеюсь, что у Вас в Коми АССР что-либо делается в этом направлении.

Здесь музею далеко до Вашего, как в смысле помещения, так и в смысле экспозиции, хотя штат музея не маленький. Надеются на строительство нового здания.

У меня к Вам одновременно и просьба, и предложение. В библиотеке музея имеются три экземпляра книги „Первобытный человек“... Причем одна из них очень и очень растрепана. Если бы Вы разрешили мне её передать — я был бы Вам крайне признателен. В обмен я Вам могу выслать несколько книг, выпущенных в Мордовии, как на русском, так и мордовском языке по фольклору, языку, истории. Если Вас устраивает такое предложение обмена, то напишите, и я немедленно книги пошлю. Всего книг будет 5-6 штук. Думаю, что для научных работ фольклористов и языковедов они будут представлять большой интерес... Шлю привет Вам и Агн. Иван., а так же всем музейщикам.

П. Степанов⁷.

Следующее письмо адресовано исполняющему обязанности директора музея П. И. Нахлупину:

„Саранск. 23 / IX 40 г. Уважаемый Павел Ильич! Ваше письмо получил. Очень рад познакомиться. К сожалению, не мог Вам сразу ответить. Но требуемую Вами статью разыскал, напечатал и отослал на имя Вас. Никол. Можете ею воспользоваться, хотя она не дает исчерпывающих данных даже по 1-й комн. Безусловно, Вам придется много поработать. Между прочим, где размещена выставка по Куратову? Вы ничего об этом не пишете. Не включена ли она в экспозицию 2-й комнаты, где этот материал должен быть хронологически? Напишите же. Что касается схемы 3-й комнаты, то она была в грубых чертах тематически набросана как в плане работы, так и на чертеже, который был приколот к фанерному щитку... Советую эту комнату первоначально дать на общероссийском материале, а затем уже подработать местный материал как по литературе, так и в архиве. Кое-какой иллюстративный материал в музее имеется, но явно недостаточно.

Итак, рекомендую Вам сделать 3-ю комнату, попутно проводить инвентаризацию — познакомьтесь со всеми фондами, а это главное для музейчиков, затем только займетесь подготовкой к реэкспозиции. Помните одно правило — никогда не закрывайте все отделы, а перестраивайте всё частями. Меняйте экспозицию только после окончательной подготовки нового материала, а смену проведите в самый кратчайший срок.

Ко мне за советом обращайтесь в любое время, что знаю — помогу. Привет всем музейщикам. Как они поживают и почему не отвечают на письма?

Ваш П. Степанов".⁸

Научно — педагогическая деятельность П. Д. Степанова особенно ярко проявилась в послевоенные годы. Под его руководством раскапываются многочисленные археологические памятники. К числу значительных заслуг Павла Дмитриевича относится открытие им фатьяновских поселений эпохи бронзы на территории Мордовии и Чувашии. Итогом его многолетней экспедиционной и исследовательской работы явился труд „Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья“, а также „Археологические памятники на территории Мордовии“. Большое место в трудах П. Д. Степанова занимала проблема истории хозяйства мордвы, этногенезу мордовского народа. Крупным событием в истории археологического изучения Среднего Поволжья стало открытие и исследование П. Д. Степановым уникального памятника — Андреевского кургана на территории Мордовии. Обнаруженный им могильник, содержащий ценнейший археологический материал, мог служить эталоном для построения хронологической шкалы древностей Среднего Поволжья.

П. Д. Степановым внесен большой вклад в подготовку научных кадров Мордовии. Работая заведующим сектором археологии и этнографии Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, профессором кафедры истории СССР Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, он вырастил немало археологов и этнографов.

Скончался П. Д. Степанов 27 января 1974 г., похоронен в г. Саранске.

ИСТОЧНИКИ:

1. НАРК. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ.18,19.
2. Личное дело зав. кафедрой Степанова П. Д. Архив Саратовского Государственного университета. Оп. 1. Д. 198. ЛЛ. 1-3.
3. Национальный архив Республики Коми. Ф. 1636, Оп. 1. Д. 9. Л.37.
4. Письмо П. Д. Степанова директору музея В. Н. Подорову. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп. 1. Д. 1431. Л. 24.
5. П. Д. Степанов. Отчет об археологических работах по р. Сысоле Коми АССР. Фонды Национального музея Республики Коми. КП.9816/2.
6. Материалы юбилейной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения коми поэта И. А. Куратова. 1939-1940 гг. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп. 1. Д. 124. ЛЛ. 3-6.
7. Научный архив Национального музея Республики Коми. Оп. 1. Д.1431. ЛЛ.46-47.
8. Там же, ЛЛ. 53, 53 об.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КНИЖНЫХ
ФОНДОВ БИБЛИОТЕКИ НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ РК В 20-30-е гг. XX ВЕКА

Во все времена своего существования библиотека была главным очагом пропаганды и распространения грамотности и книги, занимала прочное место в сферах просвещения. Библиотечное дело является частью истории, национальной культуры и народного образования, показателем уровня развития интеллектуального потенциала народа. Этим объясняется необходимость изучения истории библиотек, причин и предпосылок их возникновения, этапов деятельности, проблем фондообразования и комплектования, опыта их работы на различных этапах развития общества. Библиотека Национального музея — одна из старейших библиотек Республики Коми и за годы своего существования прошла большой и сложный путь развития. Настоящая работа — это один из первых шагов в исследовании материалов, посвященных истории библиотеки Национального музея.

Дата основания музея автоматически может считаться датой основания библиотеки — это 1911 год. Книжный фонд библиотеки Национального музея начал складываться с момента создания Усть-Сысольского отделения Архангельского Общества изучения Русского Севера.

В отчете директора областного музея о работе музея со дня его основания по 1932 г., С. А. Попов отмечает: „В 1912-1913 гг. организуется музей и библиотека в помещении здания Городской Управы“. Архангельское Общество изучения Русского Севера обратилось ко всем гражданам и учреждениям с просьбой о помощи Усть-Сысольскому музею: рекомендовалось собирать предметы археологического и этнографического характера и зырянские народные произведения. На страницах газеты „Вологодский листок“ освещалась деятельность краеведов по формированию музейных коллекций. В 360-м номере за 1912 г. сообщалось, что „за год было собрано 37 предметов, ...изданы каталоги библиотеки и музея“.¹

Из отчетов Архангельского общества изучения Русского Севера мы видим картину пополнения фондов библиотеки:

Состоит на 1 января	Названий книг	Экземпляров	Томов
1912 г.	276	318	648
1913 г.	348	396	733
1914 г.	—	—	754
1915 г.	—	—	870
1916 г.	454	902	506

В основном, большинство книг было пожертвовано Правлением Архангельского общества изучения Русского Севера.

С 1911 по 1916 годы бессменным председателем Усть-Сысольского общества изучения Русского Севера был Андрей Андреевич Цембер, известный в Коми крае исследователь фольклора, языка и этнографии, он одновременно возглавлял и работу музея. Влечение к книге, соби́рание редких и ценных изданий

музея. Влечение к книге, собирание редких и ценных изданий характерно для Цембера в течение всей его жизни. В апреле 1931 года он сообщает, что предложил краеведческому музею 120 книг. Они были приобретены музеем уже через несколько дней, так как представляли большую научную ценность: это памятные и справочные книжки и ежегодники Вологодской губернии, история северных городов („Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический сборник“), монастырей („История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899“), различные публикации новгородских и великоустюжских летописей („Новгородская летопись по синодальному списку. СПб., 1888“), сочинения историков: П. Савваитов „О зырянских деревянных календарях“. М., 1873 г., А. А. Кизеветтер „Русский Север“. Вологда, 1919, и местных ученых-краеведов: Бессонов „Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту“. СПб., 1908; Бартнев В. „На крайнем северо-западе Сибири. Очерки обдорского края“. СПб., 1896.²

В библиотеке музея выявлено 54 книги со штампом или автографом Цембера. На титуле книги „Новгородская летопись по синодальному харатейному списку“ (СПб., 1888) сохранилась владельческая надпись: „Из книг Андрея Андреевича Цембера. Купил в Вологде у сестры историка Суворова в июне 1921 г.“. На титуле книги „Город Тотьма“ (Вологда, 1887) две надписи: 1) „Николаю Ивановичу Суворову в память искреннего и глубокого уважения. В. Попов. 6 февраля 1888 г., Вологда“; 2) „Уплатил Суворовой 1 руб. 8 мая 1929 г.“. На обложке книги „Труды комиссии Вологодского Губернского Земства по обследованию в 1910 году экономического положения местностей, прилегающих к водным путям губернии“ (Вологда, 1913) дарственная надпись „Коми Областному Музею А. Цембер 1926 года 29 декабря“.

С 1918 г. судьба музея связана с Усть-Сысольским отделом народного образования. В выявленном отчете УОНО за май 1919 г. говорится: „... В одну из комнат дома Суворова по Набережной улице была доставлена библиотека бывшего общественного собрания, в которой имелись книги XVIII—XIX веков. При этой библиотеке не было ни каталога, ни списков книг. Даже отдельные тома одного и того же сочинения были разбросаны по разным местам. Сложив 1142 тома по сочинениям, группам в системе и порядке в шкафы, снабдив каждый том отдельной карточкой с подробным обозначением наименования сочинения, его автора, года и места издания и типографии, подраздел составил список книг и в дальнейшем, руководствуясь этими карточками и списком, будет составлять подробный каталог библиотеки, который войдет в состав музея.“³

Большое пополнение фондов музея состоялось в 1924 г. По постановлению III съезда Советов Коми области музей был передан в ведение Общества изучения Коми края (ОИКК). Благодаря Обществу изучения Коми края, разворачивается работа музея по сбору коллекций. В мае 1924 г. член ОИКК А. С. Сидоров из кладовых бывшего Ульяновского монастыря извлек книги и рукописи общим весом до 70 пудов и вывез их в Усть-Сысольск в Коми областной музей.⁴ В настоящее время часть этой коллекции находится в фондах музея, а часть в библиотеке. В дальнейшем

необходимо изучение состава этой коллекции и истории ее существования.

Одним из свидетельств деятельности библиотеки музея в 20-ые годы является информация, представленная в журнале „Коми му“: „В период с октября по декабрь 1925 года закончили разборку библиотеки музея (Библиографический отдел). Всех томов оказалось 2684; из них были исключены разрозненные тома и книги, не имеющие никакого музейного значения, в количестве 317 томов. Кроме книг печатных в Библиографическом отделе имеется отдел Рукописей (в форме книг (писанных) и отдельных грамот, указов, распоряжений и т.д. Всех номеров в отделе Рукописей — 257; в последнее время поступило еще 200 номеров. Кроме того, имеется отдел Газет, — газет, выходивших в бывших Усть-Сысольском и Яренском уездах и в области Коми за все года (за исключением некоторых номеров, — к пополнению ими библиотекой приняты меры)“.⁵

В 1920-ые годы огромную роль в пополнении фондов библиотеки научной литературой сыграло Общество изучения Коми края, которое становится центром научно-исследовательской деятельности в Коми области. „В отношении наличности научной литературы в г. Усть-Сысольске дело обстояло весьма плохо, а на единичные экземпляры более или менее серьезных трудов по Области, имеющих в библиотеке Коми музея, существовал громадный спрос, как со стороны работников государственных органов и краеведов, так и со стороны учащихся. Общество принимает ряд мер для организации Областного центра научно-краеведческой литературы, при национальном музее.

1. Облисполкомом отпущен обменный фонд журнала „Коми му“ в размере 67 экземпляров для установления регулярной научной связи с научно-исследовательскими учреждениями и организациями СССР, а также и с отдельными исследователями.

2. Отпущена также сумма в размере 300 рублей для приобретения научной литературы по Угро-финноведению за границей.

3. Обществом изучения Коми края вносится в облисполком проект постановления о том, чтобы количество бесплатно рассылаемых Усть-Сысольской типографией всех произведений печати в обязательном порядке увеличить на 5 экземпляров на предмет регулярного снабжения местной литературой научной библиотеки музея.

4. Через Облисполком и ВЦИК проведено постановление о передаче Коми области дубликатов музейных экспонатов и литературы, касающейся Коми края, из соответствующих учреждений, подведомственных Наркомпросу.

Кроме того, в смету будущего года по местному бюджету вносится сумма для организации систематической работы по составлению библиографии краеведческой литературы“.⁶

С подачи этих предложений Обществом изучения Коми края было принято постановление Президиума ВЦИК от 29 марта 1926 года, согласно которому краеведам разрешалось изымать из центральных и расположенных по соседству с Коми областью учреждений научную литературу по Коми краю и переводить в Усть-Сысольск. Это постановление сыграло огромную роль в формировании книжных фондов библиотеки музея для научного познания Коми края.

Согласно этому постановлению было произведено изъятие 830 книг, касающихся Коми области, и представлен библиографический указатель на литературные труды и материалы, касающиеся Коми края, подлежащие изъятию из различных научных организаций, учреждений и книгохранилищ, составленный Московским филиалом Общества изучения Коми края и, приблизительно, на 600 номеров получены указатели из Ленинграда от т. т. Сидорова и Старцева.⁷

В статье научного сотрудника музея Вл. Вульфберта есть интересные данные о развитии Коми музея и библиотеки в частности: „В 1926 году музей разделен на 6 отделов, в том числе библиотечный. Библиотека с отделом рукописей составила из книг, принадлежащих собственно музею, переданных ему из городской библиотеки, клуба, школ и от частных лиц, из незначительного количества книг Общества изучения Коми края (76 томов) и из книг библиотеки Уляновского монастыря, последние по своему содержанию мало интересны для музея, тем не менее это большое собрание в 1926 году было разобрано и из него было выделено в особый (церковно-исторический) отдел все интересное и пригодное для музея (в т. ч. старинные книги XVIII века).

На средства музея был приобретен ряд весьма ценных художественных изданий из музеев Наркомпроса: история живописи Бенуа, Гнедича, Муттера, монографии художников Левитана, Серова и пр., могущих служить руководством для Коми молодежи и удовлетворить ее возрастающий интерес к искусству.

В настоящее время библиотека музея пополняется большим количеством книг, получаемых из центра в порядке изъятия дублетов из государственных хранилищ, среди которых, несомненно, много ценных и необходимых для музея.

В настоящее время библиотека музея насчитывает свыше 5000 томов. В виду такого ее увеличения (почти вдвое сравнительно с 1925-м годом) и предположения о ее дальнейшем росте, составленный алфавитный каталог не может удовлетворить ее требованиям, и ведутся работы по переводу ее на принятый в больших библиотеках каталог по десятичной системе.⁸

Дополняет картину формирования библиотеки, описанную Вульфбертом, сведения из краеведческой хроники в журнале „Коми му“: „За навигацию 1926 года музей получил из Центральных Научных учреждений бесплатно до 4000 названий разных научных книг. На будущий год Общество И. К. К. поставило задачу: необходимо работу по изъятию книг расширить, и по количеству учреждений и по количеству экземпляров по учреждениям. К этому времени библиотека музея являлась единственной научной библиотекой в Коми области и имела уже около 9000 названий: между ними есть библиографические редкости, например: Путешествие Лепехина, труды Кайзерлинга и др. Работа по изъятию книг в Москве и Ленинграде были частично произведены, но в остальных городах, намеченных в плане Общества, в 1926 г. изъятие, за отсутствием средств, провести не удалось. В 1927 году предполагалось произвести изъятие в г. Вятке, Перми, Чердыни, Усолье, Вологде, Архангельске, Устюге, Яренске и продолжить в Ленинграде и Москве. Систематическому пополнению библиотеки во многом способствовал обмен изданиями Общества. В библиотеку Музея с 1 января 1927 г. начинает поступать

литература от 45 научных учреждений СССР и 14 заграничных (Финляндии, Германии, Эстонии, Латвии, Венгрии, Китая) и есть запросы на Коми литературу в обмен из Швейцарии и других государств. За полгода в обмен получено из-за границы до 400 названий и из СССР около 500 журналов. На деньги ОИКК были приобретены полный Энциклопедический словарь „Брокгауза и Ефрона“, атласы и определители. От т. Забоева из Ленинграда получено более 1500 книг, среди которых имеются сочинения К.Ф. Жакова, которые продаются в музее”⁹.

В октябре 1929 года в штат музея назначается библиотечкарь — Успасская Зинаида Владиславовна, которая работала сначала делопроизводителем и была Секретарем Общества изучения Коми края. Директором музея в это время был Сергей Александрович Попов, в 1934 г. он был снят с работы и осужден. В 1935 г. Успасская уволена приказом по Музею с формулировкой: за несоответствие занимаемой должности. Сергей Александрович и Зинаида Васильевна любили друг друга, и она уезжает к нему в Казахстан, где он находится в ссылке. Здесь же, в 1940 году она умирает от туберкулеза. По различным свидетельствам Успасская была человеком образованным, инициативным и, конечно же, не могла не повлиять на формирование библиотечного фонда, но у нас нет конкретных данных о ее деятельности, поэтому этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Из последующих годовых отчетов видим такую картину:

„В библиотеке музея состоит на 1 января 1934 года 12 000 обработанных томов. Всего книг на русском языке 21 000, на коми — 3 500, иностранных — 500. Общее число читателей — 42, число читателей в читальне — 200 человек. Библиотека обслуживает только научных работников, краеведов и студентов”.

„На 1 января 1935 г. в библиотеке находится 28400 томов книг, из которых корешков книг — 14 000, журналов — 4060. За 1934 г. поступило 4820 экземпляров. В необработанном виде находится 12700 экземпляров. Читателей зарегистрировано — 75, книговыдача составляет 2424 экземпляра”.

Ведущие деятели Общества изучения Коми края высказывались за открытие в Коми области научно-исследовательского института для комплексного исследования Коми края, и в 1934 г. он был открыт. Библиотека музея стала называться „Библиотека Коми научно-исследовательского института и музея”. Новый статус повлиял на расширение книжных фондов научно-исследовательской литературой. Президиум АН СССР оказал помощь в комплектовании библиотеки института. Но вскоре Научно-исследовательский институт вышел из музея: с фондов библиотеки музея было передано в НИИ около 4000 книг.

В двадцатые-тридцатые годы двадцатого столетия библиотечные фонды страны подверглись чистке, невиданной в истории государства российского. Книги дореволюционных издательства, церковная литература, контрреволюционные произведения описывались и изымались как „непригодные для современного читателя”. Не избежала этой участи и библиотека музея. Из акта совместной проверки ОБЛИТА и Севкрайлита по изъятию из библиотеки Облмузея контрреволюционных произведений: „Обнаружено 58 книг контрреволюционного содержания, из них: Троцкого — 3 книги, Каменева — 2 книги, Сафарова — 2 книги, с выдержками, цитатами, с портретами вышеуказанных

контрреволюционеров — 46 книг, идеологически невыдержанных разных произведений — 5 книг. Директор музея тов. Старцев проявил исключительную халатность. Даже больше того, пытался отдельные контрреволюционные произведения сохранить в своей библиотеке, якобы для „научных целей“.¹⁰

За этим актом следует докладная „Секретарю Сыктывкарского горкома ВКП (б) от членов ВКП (б) Юркина и Михеева от 17 июля 1936 г.: „Библиотека музея находится в полной беспорядке. Доступ к книгам библиотеки открыт для всех сотрудников музея и имеется полная возможность пользования библиотекой всем желающим вплоть до ссыльных (через художника музея — тоже политссыльного). При наличии такого хаоса в учете и хранении литературы в библиотеке нет никакой гарантии сохранности книг и других материалов, имеющих историческую ценность. Книжный фонд библиотеки чрезвычайно засорен троцкистско-зиновьевским хламом, и в момент ознакомления с библиотекой, нами изъята троцкистская литература, находящаяся на общих открытых полках библиотеки. До 4/5 части из общего состава книг библиотеки для работы музея являются излишними, а значительное количество книг — романы 1800-х гг., брошюрочная литература (1918-1919 гг.) подлежит сдаче в макулатуру“.

Директором музея был назначен Подоров В.Н., член ВКП(б), окончивший Учительский институт. Из его отчета за 1936 год мы можем увидеть следующее: „Библиотека музея составляла богатейшую ценность Коми области. В настоящее время в музейной библиотеке насчитывается около 19 000 единиц. В этом числе, конечно, есть книги царского режима, которые находятся в особых шкафах под замком и к выдаче не подлежат, кроме тех случаев, как для справок научным работникам. Библиотека музея обслуживает только узкий круг читателей (научные работники и студенты пединститута). Учет литературы в библиотеке был поставлен слабо, не была разбита и классифицирована по отделам, даже в этом году не было до октября месяца отдельного библиотекаря, его замещал завхоз. Теперь, с октября месяца нанят специальный работник — библиотекарь, проводится классификация книг по десятичной системе, которая еще далеко не закончена полностью“.¹¹

За 1937 год мы имеем информацию о состоянии работы Республиканского музея по итогам проверки работы музея Горкомом ВКП(б): „... Перед самым снятием с работы Старцев без акта, безо всего сдал около 4-5 тысяч книг в утиль — контору на макулатуру, в том числе, по словам Фроловой (Фролова Л. А., беспартийная, окончила Пединститут, работает второй год в качестве экскурсовода), и художественную литературу, классиков Лермонтова, Кольцова, Толстого и др., и сейчас случайно нашлись книги, принадлежавшие музею у одной ученицы Педучилища Готман, которая получила из рук сестры, работавшей при Старцеве в музее (5 книг из сочинений Жуковского). Вот как растаскивался фонд библиотеки. Подоров же мер к охране библиотеки до февраля 1937 года никаких не принимал. Библиотека на сегодня комиссией не просмотрена. Изъятая литература находится в шкафу. Предложения: наикратчайший срок закончить инвентаризацию библиотеки и установить надлежащее хранение книжного фонда и экспонатов“.¹² Из этих актов, докладных мы видим неблагоприятные явления в общественной жизни 30-х годов: набирает силу борьба с „на-

ционал-шовинизмом", идет травля участников краеведческого движения.

На протяжении двадцати лет существования библиотеки музея не только сотрудники музея, но и краеведы непрерывно пополняли книжный фонд редкими книгами, справочной литературой, словарями, календарями, особенно по краеведческой тематике. Рассказывая об истории библиотеки музея, нельзя не упомянуть о неупомимом краеведе А. А. Цембере, который был не только основателем музея, но несколько лет был единственным хранителем фондов и библиотекарем музея, о директорах музея — Д. А. Батиеве, С. А. Попове, Г. А. Старцеве, В. Н. Подорове, которые были неупомимыми краеведами, талантливыми научными сотрудниками и на практике познавали научные и образовательные цели музея, о членах Общества изучения Коми края, благодаря которым музей в эти годы становится центром научно-исследовательской деятельности в Коми области.

Это лишь некоторые страницы из жизни одной из старейших библиотек, библиотеки Национального музея РК. Несмотря на невзгоды, которые были в ее судьбе, она сохранила часть редких изданий, а главное — свою уникальность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов С. Отчет о деятельности Коми областного Музея с 1919 по 1932 г. // Науч. архив НМРК. Инв. № 339.
2. Цембер А. А. Дневник. Сыктывкар, 1997. 190 с.
3. Отчет [УОНО] за май 1919 г. // НА РК: ф. 185, оп. 1, д. 124, л. 1
4. В Коми Областном Музее // Коми му. 1924. № 4-6. С. 128.
5. Об организации научной краеведческой библиотеки при Областном Музее // Коми му. 1926. № 5. С. 50.
6. В Коми Областном Музее // Коми му. 1926. № 12. С. 41-43.
7. В Областном Музее // Коми му. 1925. № 12. С. 54-55.
8. Вульферт Вл. Областной Коми Музей // Коми му. 1927. № 12. С. 38-41.
9. Краеведческая хроника // Коми му. 1927. № 8. С. 49-51.
10. Акт от 10.04.1936 г. // НА РК: ф. 148, оп. 1, д. 950, л. 40.
11. Попов. Информация о состоянии работы Республиканского музея за 1937 г. // Коми РГА ОПДФ: ф. 1, оп. 3, д. 386, л. 1-4.
12. Подоров В. Отчет о годовой работе Коми Областного краеведческого Музея за 1936 г. // Науч. архив НМРК. Инв. № 344.

Г. К. Лисовская

Коми научный центр УрО РАН

ВКЛАД В. Н. ДЕМИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И. А. КУРАТОВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КУРАТОВЕДЕНИЯ

Проблема сохранения и изучения национального наследия включает в себя не только сохранение и изучение наследия выдающихся писателей Республики Коми, но и крупнейших их исследователей. В последние годы в связи с резкой сменой идеологических парадигм, с одной стороны, и с резкой сменой литературоведческих кадров после ухода из жизни плеяды ведущих коми ученых — А. К. Микушева, А. П. Туркина, В. Н. Демина, А. Е. Ванеева, с

другой стороны, в литературоведении ярко проявился феномен „забывания предтеч“.

В связи с этим важно осмыслить вклад видных литературоведов в исследование литературного процесса, обобщить их достижения с тем, чтобы понять на каком этапе находится наука о литературе и что несет ей „переоценка ценностей“.

Одним из таких ученых является В.Н.Демин. Его многолетние фундаментальные исследовательские труды в области коми поэзии составляют эпоху в коми литературоведении, в том числе и в изучении творчества И. А. Куратова, и являются национальным достоянием.

Первая статья о Куратове написана В. Н. Деминым в 1975 году, и с этого года он постоянный участник всех „Куратовских чтений“. Главы о Куратове вошли в его книги „Коми поэма“ (1978), „Под кронами сосен“ (1989), „На небе звезда“ (1995), „История и типология жанров коми поэзии“ (1997). В год смерти исследователя (1999 год) была опубликована книга о поэте — „Рифмою крылатой свяжем строки“ и уже посмертно вышла в свет работа „И. А. Куратов и европейская поэзия“, изданная в серии „Научные доклады“ Коми научным центром. И. А. Куратову посвящена первая глава его докторской диссертации „История и типология жанров коми поэзии XX века“.

В своем отзыве на диссертацию профессор Сыктывкарского университета А. К. Мikuшев написал, что „все в этой диссертации впервые: впервые — жанровый подход к поэзии, открыты новые жанры в коми поэзии, такие, как баллада“. Профессор Чувашского университета В. Г. Родионов особо отметил научную интуицию диссертанта, позволившую ему делать интересные открытия. И самое главное — В. Н. Демин, по мнению ученого, сумел показать, что „поэзия не только художественно-эстетическое, но и национально-философское явление“. Член-корреспондент АН Татарстана, профессор Н. Г. Юзеев написал, что она демонстрирует рождение новой методологии литературоведения, что она свободна от устаревших идеологических штампов, что „впервые в коми литературоведении прослежен путь коми поэзии не в идейно-эстетическом, а в жанрово-типологическом аспекте, и что это позволило автору диссертации „глубоко раскрыть национальные истоки коми литературы, достоверно показать особенности функционирования поэтических жанров в различные периоды развития коми поэзии и выявить жанровую модель коми поэзии. Все эти открытия исследователя представляют большой интерес и для финно-угорских литератур в целом“¹.

Все вышесказанное учеными имеет значение и для определения того вклада, который внес В. Н. Демин в изучение поэзии И. А. Куратова. Впервые в коми литературоведении ученым была исследована жанровая система его поэзии, которая включает в себя и элегию, и высокое послание, и юмористическую сценку, и стихотворный цикл и балладу (народно-поэтическую, философскую) и показана эволюция жанровых форм.

В. Н. Демин очень ярко заявил о себе с самых первых публикаций, блестяще проанализировав поэму „Ягморт“², стихотворения „Менам муза“ (Моя муза) и „Съылан-менам съылан“ (Песня моя песня)³. Новизна литературоведческого анализа молодого ученого заключалась в том, что он сосредотачивает внимание на „форме поэтической мысли Куратова“. Он вступает в спор со своим

научным руководителем А. Е. Ваневым, который считает, что стиль Куратова „усредненный“, и ставит в заслугу поэту, что он „...эстетски не усложнял свою поэтическую роль“ и примитивизировал ее, заботясь прежде всего о доступности⁴. В. Н. Демин убежден, что „энергия куратовского стиха“ в „исключительной сконцентрированности выразительных возможностей родного языка“⁵. Так он исследует, например, своеобразие синтаксического строения, интонационное и ритмическое богатство стихотворения „Менам муза“ (Моя муза), показывает как меняется образ мира в двух вариантах этого стихотворения через изменение стиливого и ритмико-синтаксического рисунка. Главная задача, которую ставит ученый — исследование поэтики Куратова на всех уровнях текста. Тезис о величайшем мастерстве поэта, всегда декларируемый, на деле чаще всего ограничивался исследованием идейного содержания его поэзии. В своих работах В. Н. Демин раскрывает мастерство Куратова, которое проявляется во всех компонентах поэтической системы: лексико-фразеологический, образно-метафорический, стиховой, а также эволюцию его поэтической системы⁶. Фактически В. Н. Демин разрабатывает концепцию пути И. А. Куратова как поэта. Этот путь им прослеживается в культурном контексте эпохи, так как ученый полагает, что только в соотношении с ним поэт развивает свои эстетическую систему, и именно в широком контексте, ибо редуцирование его эстетических поисков, ограничивающее их только пристрастием к революционным демократам (что было свойственно одному из этапов куратоведения) или же библейской тематикой (что наблюдается в последнее время), ограничивает понимание Куратова как поэта и мыслителя. В. Н. Демин написал в своей последней работе: „Куратов был поэтом-мыслителем. Для него стихотворение было не только средством поэтического, но и философского постижения истины“⁷. Это качество его поэзии, наличие глубокой мысли, куратовед связывает с европейской школой поэзии, с философской линией развития поэзии XIX века, и это направление в исследовании творчества И. А. Куратова, по мнению ученого, „сулит новые открытия“⁸. И не случайно, что новые исследователи пошли по пути, проложенному В. Н. Деминым, иногда почти повторяя его в выводах: „поэзия Ивана Куратова — поэзия европейского поэта — интеллектуала...“ (П. Лимеров)⁹.

Существенную часть литературы, посвященной творчеству Куратова, составляет мотивно-тематический разбор его поэзии. Мотивно-тематические анализы, осуществленные В. Н. Деминым всегда соотношены с историко-литературным контекстом. И темы и мотивы он никогда не рассматривает в статике, а всегда диахронно, в развитии. Так, например, любовную лирику ученый связывает с эволюцией творческого метода Куратова, с углублением его творческих принципов. Каждое значительное стихотворение этой тематики он концептуализирует, связывает с развитием Куратова как поэта и контекстуализирует, вписывает в культурный контекст времени.¹⁰ Для В. Н. Демина характерно стремление к выявлению целостного мировоззрения поэта, которое проявляется в том числе и в постоянстве тем и мотивов, например, тема тьмы или библейские мотивы,^[11] а также их переплетения. Преувеличение значения одних мотивов, например, религиозных, в работах последующих исследователей, приводит к деформации картины мировоззрения поэта.

Одной из наиболее важных для понимания творческого своеобразия И. А. Куратова является статья В. Н. Демина „Куратов и русская культура“ (1990). Многосторонность отношений поэта с русской культурой исследуется им для определения национального своеобразия творчества И. А. Куратова: „вопрос о восприятии И. Куратовым русской культуры — это вопрос о том, какие стороны русской культуры способствовали формированию национальной самобытности поэзии И. Куратова, вопрос о том, что в русской культуре явилось формой притяжения и отталкивания основоположника коми литературы“¹². Любой другой подход приводит к тому, что Куратов объявляется послушным учеником деятелей русской культуры¹³.

Лебединой песней В. Н. Демина как куратоведа и организатора науки стала организация и проведение в Сыктывкаре в июле 1999 года Международной научной конференции „И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения“. Одним из итогов конференции сам ученый считал „выдвижение и обоснование новых концепций творчества И. Куратова“¹⁴. Тех концепций, за утверждение которых бился ученый все последние годы — против стереотипа — Куратов — поэт некрасовской школы, за утверждение „истинных европейских масштабов мысли и поэзии Куратова“¹⁵.

В решениях конференции и в планах ученого была подготовка к изданию академического собрания сочинений Куратова и работа над Куратовской энциклопедией. В его планах было также добиваться к 2004 году, к 165-летию И. А. Куратова, издания „Словаря языка И. А. Куратова“, составленного Г. И. Торлоповым¹⁶.

К сожалению, планам и мечтам В. И. Демина не суждено было осуществиться, и они перешли в разряд нерешенных проблем, стоящих перед куратоведами. И к этим проблемам за пять лет добавились новые. Они связаны с общей атмосферой в науке о Куратове.

Куратоведение XXI века переживает „детскую болезнь левизны“. Исследователями владеет желание „сбросить с корабля современности“ все авторитеты, конечно, прежде всего тех, кого теперь принято называть литературоведами советской эпохи. Некто Ф. Босов, например, пишет: „Куратоведы советской эпохи намудрили...“¹⁷. Разоблачения коснулись самых крупных имен в истории коми культуры: „Этой крупной личностью овладели мелкие чувства соперничества и местечкового патриотизма“ (о К. Ф. Жакове)¹⁸, „Мутная волна кривды, поднятая Жаковым и Сорокиным“¹⁹, „Подковерная возня с целью закрепить за собой заманчивый титул первооткрывателя...“ (об А. С. Сидорове и др.)²⁰.

Лотман писал, что любой анализ текста — искажение оригинала, перевод на метаязык исследователя.²¹ К сожалению, в некоторых работах последнего времени, особенно написанных в стиле панибратства, в развязной манере, исчезают глубина поэзии И. Куратова и масштаб его личности.

Идеологическое прочтение поэзии И. А. Куратова — еще одна проблема новейшего куратоведения. Как ни странно, именно такая проблема возникла в период свободного развития литературоведения, идеологизм советского литературоведения сменился волюнтаризмом новой идеологизации. Новым исследователям хочется совсем по-новому прочесть Куратова, на основе модных концепций — а это и значит вновь идеологическое прочтение, ибо оно „предполагает в качестве отправной точки готовую, взятую извне

концепцию, навязывая свои собственные модели"²¹. В. И. Ленин заметил: „Всякую истину, если ее сделать „чрезмерной“ (как говорил Диоген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она также неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд“²². Именно это явление наблюдается в тех работах о поэте, в которых чрезмерно драматизируются одни какие-то моменты его жизни и творчества за счет других.

Так, трагическое мироощущение поэта в последние годы жизни все-таки вряд ли соответствуют тому патологическому состоянию поэта, которое рисует в своей статье исследователь: „Разрушение тела, скорая смерть — это и искупительная жертва, в результате чего вместе с телом погибнет и все зло мира, избавление от невыносимых мук, причиняемых телу вошедшими в него злом, болезнями и смертью“²⁴. Это как раз тот случай, когда поиск новых уровней смысла в текстах поэта приводит к искажению смысла (не случайно исследователь не подкрепляет свои утверждения цитатами из текстов И. Куратова). Душевные травмы и кризисы, которые коснулись Куратова, его физические страдания оказали влияние на его творчество, однако эстетическая значимость его произведений не объясняется полностью ими.

Принцип историзма, без которого не может быть профессиональной интерпретации творчества поэта, перестал быть основополагающим для исследователей, а без него невозможно продолжение научного академического изучения наследия И. А. Куратова.

Составление научной писательской биографии И. А. Куратова — сложная задача, ведь в отличие, например, от К. Ф. Жакова, он не написал свою „биографическую легенду“ и его стихотворения нельзя все-таки считать „лирическим дневником“. Автобиографический мифологизм не был ему свойственен в той степени, как был свойственен позднее писателям начала XX века. Хотя в любом случае уточнение взаимосвязи жизни и творчества поэта является ключевым вопросом куратоведения.

И любой оригинальный взгляд на личность и поэзию И. А. Куратова, любая самая смелая и абсурдная версия, конечно, имеет право на существование. Своим полемическим задором они способствуют подъему интереса к нему, особенно у молодежи. Однако вольные интерпретации не должны подменять собой академические научные исследования. Как это произошло при составлении вузовской программы по коми литературе (автор В. А. Лимерова)²⁵. Рекомендуемая студентам литература по творчеству И. А. Куратова обязывает студентов прежде всего обращаться к подобным текстам и не содержит ни одной статьи, монографии В. Н. Демина, единственного на сегодняшний день, доктора филологических наук, специалиста по коми поэзии.

Однако, хочется верить, что поиск новых подходов к наследию И. А. Куратова в самых разных направлениях, к чему призывал В. Н. Демин в своем последнем выступлении — вступительном слове к участникам Международной научной конференции „И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения“,²⁶ будет осуществляться исследователями, не забывающими своих предтеч и в то же время обладающими свободой мысли, чтобы двигать куратоведение вперед.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Материалы из личного архива В.Н.Демина.
2. Куратовские чтения, т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. С. 54-67.
3. Куратовские чтения, т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 68-74; С.75-81.
4. Ванеев А. Е. Куратов да талунья коми поэзия // Куратовские чтения, т.1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. С.123-124.
5. Демин В. Н. Своеобразие стихотворения И.А.Куратова „Менам муза“ // Куратовские чтения, т.3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С.69.
6. См. например, его статью: И.А.Куратовлӧн мастерство // Куратовские чтения, т. 5. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С.33—42.
7. Демин В. Н. Куратов и европейская поэзия.- Сыктывкар, 1999.С.9 (Научные доклады / Коми научный Центр УрО РАН. Вып.416).
8. Там же. С.19.
9. Лимеров П. Ф. И. А. Куратов: Лейтмотивы творчества. Сыктывкар, 2001. С. 29. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып.431).
10. См., например, анализ стихотворения „Эльтчӧм“ в кн.: В.Н.Демин. Рифмоу крылатой свяжем строки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С.126-127.
11. См. об. этом: Демин В. Н. История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С.41-45.
12. Куратовские чтения. Т.6. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С.47.
13. Куратов... „поступает в полном соответствии с советами Чернышевского“. Цит. по раб.: А. Е. Ванеев, Н. В. Вулих. Античность в творчестве И. А. Куратова. Сыктывкар, 1986. (Доклад на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 4 ноября 1986 г.). Серия препринтов „Научные доклады“. Вып.156. С.33.
14. Демин В. Н.Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. С. 92
15. Там же.
16. Попов А. Как слово отзовется // Владимир Николаевич Демин: Страницы воспоминаний. Сыктывкар, 2001. С.97-98. (Научный центр УрО РАН).
17. Босов Д.К. К вопросу о религиозных и общественно-политических взглядах И. А. Куратова // Арт, 2004. №2. С. 129.
18. Тираспольский Г. Кто же первым открыл рукописи И. А. Куратова? / Арт, 2004. № 2. С.117.
19. Там же. С.118.
20. Там же.
21. Лотман М. Ю. Мандельштам и Пастернак (Попытка контрастивной поэтики).
22. Михаэль Кольхауэр. Роман и идеология. Точки зрения // НЛО, 1996. № 14. С.5.
23. Ленин В. И. Полное собрание соч., Т. 41. М., 1965. С. 46.
24. Лимеров П.Ф. И. А. Куратов и лейтмотивы его творчества. Сыктывкар, 2001 (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН), Вып. 431. С. 11.
25. См.: Коми литература XIV нэмсянь XX нэмӧдз. Программа да методологическӧй индӧдъяс (Коми литература XIV-XX веков. Программа и методологические указания). Сыктывкар, 2000. С. 8.
26. Демин В. Н. Вступительное слово к участникам Международной научной конференции „И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения“ // И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения (Сборник статей). Сыктывкар, 2003. С. 6-7.

ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ КИНОСЦЕНАРИСТА КАПЛЕРА

В начале октября я с особой тщательностью просматривала программы телевизионных передач. В предощущении праздничной встречи взгляды искал знакомую фамилию в газетных строчках. Горько — но встреча ни на телеэкране, ни на журнально-газетных страницах не состоялась, ожидания не сбылись, хотя повод был серьезный...

11 октября этого года исполнилось 100 лет со дня рождения Алексея Яковлевича Каплера — первого и самого яркого ведущего „Кинопанорамы“, талантливого публициста, сценариста фильмов, вошедших в золотой фонд российской киноклассики, человека, судьба которого и сама достойна стать сценарием интереснейшего фильма. Но кто бы взял на себя смелость определить жанр и содержание этой киноповести?

Что бы это было? Рассказ о человеке, в судьбе которого, как в капле воды, отразилась драма целой эпохи? Осужденный по сфабрикованному обвинению, он прошел лагерные лишения и унижения, был надолго отлучен от творческой работы, от близких и друзей.

А может быть — любовная мелодрама? Любовь в жизни Алексея Каплера играла огромную, нередко — роковую, роль.

Это могла быть и полнометражная документальная лента об известном кинодеятеле — творческих успехов достало бы с лихвой и не на одну.

Но поскольку автором жизненного сценария Алексея Каплера, как, впрочем, и каждого из нас, была сама жизнь, то безуспешно пытаться определить содержание или разделить его на жанры, и, как каждому из нас, жизнь отмеряет всего — и бед и радостей, и успеха и неудач, просто в случае с Каплером — ее фантазия и щедрость были исключительной.

Пришедший в советский кинематограф на заре его развития, Алексей Каплер стал искать свое место в искусстве, начав с нескольких ролей в еще немом кино (1926 г). Затем был ассистентом у начинающего Александра Довженко. И, наконец, когда кино обрело звук, Каплер становится сценаристом, полагая, что эта профессия является осевой в кинематографе. „Самым существенным в работе над сценарием мне кажется не случай, но характер и поведение героев...я действительно убежден, что придумать сюжет совсем не трудно — трудно создать подлинный, яркий реалистический характер...“, — этот принцип стал ключевым во всей его драматургии.

Творческая судьба Алексея Каплера была очень удачной. Он первым пытается создать образ Ленина на экране, — поступок по тем временам довольно смелый, но молодой драматург с блеском справляется с этой задачей, и вот - на экраны страны выходит дилогия о вожде: „Ленин в Октябре“ и „Ленин в 1918 году“.

Хвалебные рецензии в прессе, государственные награды, премии — Каплер на вершине успеха. Но тут в жизнь уже дважды женатого 38-летнего человека врывается любовь к 16-летней школьнице. На беду эта школьница оказалась еще и дочерью Ста-

лина. Расплата наступила довольно скоро, по сфабрикованному обвинению (дело № 6863) лауреат Сталинской премии, кавалер Ордена Ленина, автор популярнейших фильмов в конце 1943 года оказался в Воркутинском исправительно-трудовом лагере. Два фильма, поставленные по его сценариям, — «Котовский» и «Она защищает Родину» вышли и стали невероятно популярными в этом же году, но фамилии Каплера в титрах уже не было.

В Воркуте Алексею Каплеру повезло — знаменитого узника расконвоировали, и он устроился работать театральным художником в музыкально-драматический театр, а по совместительству — стал еще и фотографом в им же организованном фотоателье.

Воркута стала местом встречи Каплера с актрисой Валентиной Токарской, ставшей впоследствии его третьей женой.

Валентина Георгиевна была осуждена в 1945 году по статье 58 пункт 4 за то, что, попав с фронтовой бригадой в плен, выступала в театрах на оккупированной территории.

Каплер освобождился раньше Токарской, но за нарушение запрета посещать Москву был практически сразу арестован и этапирован в Минлаг — лагерь особого режима, находившийся в Инте.

Из воспоминаний Бориса Левятова-Селиверстова: «Строили мы город (тогда, впрочем, поселок) Инту, потом новый лагерьный пункт №6. Переселившись на Шестой, мы приступили к строительству шахты 11/12, там я работал в качестве рабочего на поверхности. Рядом машинистом подъема работал Каплер.

Однажды нам показали фильм «Ленин в Октябре». сценаристом в титрах был назван Ромм!

Вторым машинистом был славный паренек из Ровенской области Женя Хринюк (позже ставший известным украинским сценаристом и режиссером, автором замечательного фильма «Анна и командор»), дневальным в здании комбината — египтолог М. А. Коростовцев, впоследствии академик».

Таким было непосредственное окружение Каплера на Инте.

Каких только встреч не бывало в заповоленном мире. В Интинском лагере Каплер встретил и подружился с поэтом Ярославом Смеляковым а также с будущими сценаристами Валерием Фридом и Юлием Дунским. Дружба с последними (после освобождения) переросла в сотрудничество — сценарий к комедии «Полосатый рейс» и приключенческому фильму «Человек-амфибия» были созданы «Фридами» (так в шутку называли творческий союз друзей-сценаристов их близкие) именно для Каплера.

Там же, на строительстве интинской шахты познакомился Алексей Яковлевич и затем не расставался всю жизнь с владимирским литератором Павлом Александровичем Рачковым.

Из воспоминаний Павла Рачкова: «Рабочее место Каплера было в тесовом, продуваемом со всех сторон сарае. Человек, словно прикованный, сидел (в бушлате с номером на спине, на ногах кирзовые ботинки второго срока), держась за рычаги лебедки. Рядом с ним — ни души. Перерыва на обед не бывает. Дается небольшая пауза, чтобы люди могли подкрепиться остатками пайки. Рабочий день у лебедчика, как и у тех, кто в забое, на два часа дольше, чем у шахтеров Донбасса. В месяц три выходных дня. Но это не значит, что в эти дни люди могли подольше поспать и провести время в жилой зоне, как им хочется. У лагерного начальства на эти дни свои мероприятия. То шмон устроят, то инвентаризацию. Сго-

нят всех в одну секцию барака и начнут! Полетят с нар подушки, набитые комковатой ватой или стружкой, матрацы, мешочки с нехитрым зековским скарбом (расческа, нитки, пуговицы) — все поставят дыбом, перемешают, истопчат сапогами. Потом начинается личный обыск с раздвиганием догола. И уж после этого начнут пускать по одному в разоренный дом”.

Из Инты Каплер часто писал Токарской нежные, поэтичные письма. Работала „живая почта“ через вольнонаемных. Как-то он послал ей в письме кусочек толя и написал: „Если его долго-долго жевать, то можно понять какая у меня жизнь”. Но, несмотря на отвратительный вкус жизни, Каплер и в лагере продолжался оставаться романтиком. „Как герой и героиня довоенного американского фильма, мы начали смотреть на звездное небо, — вспоминала Валентина Токарская, — искали Большую медведицу: Каплер в Инте, а я в Воркуте.

Еще договорились по понедельникам слушать радио в одно и то же время. Сколько прошло таких понедельников пока я не получила от него письмо, в котором он наконец написал: „В понедельник радио не слушай!” — я поняла, что теперь мы оба свободны”.

В 1953 году Каплер и Токарская переехали в Москву. Токарская стала актрисой театра „Сатиры”, у Каплера вышел фильм „Полосатый рейс”. На телевидении появилась знаменитая „Кинопанорама”. Открывались перспективы свободной совместной жизни. Но любовь, давшая „силы на любые испытания” в условиях несвободы, испытанием свободой не выдержала, и пришлось расстаться.

Новой женой Алексея Каплера стала известная поэтесса, участница Великой Отечественной войны — Юлия Друнина, которую он, по образному выражению Марка Соболя, переобул из солдатских сапог в хрустальные туфельки. Многие стихи и поступки Друниной как бы хранят отблеск яркой личности Алексея Каплера.

Друнина, сама достаточно большая величина в искусстве, высоко ценила талант Алексея Яковлевича. Она писала: „Я — не киновед. Моя задача — задача человека, которому выпало счастье в течение четверти века видеть, КАК появляются на свет „дети” этого художника — киноповести, киноновеллы, очерки, статьи, полемические заметки...”.

С ним вместе она несла бремя славы, превратившееся в настоящее бедствие, когда Каплер стал вести на телевидении „Кинопанораму”. Многочисленные поклонники и поклонницы, наивно уверовав во всемогущество своего кумира, обрывали телефон с признаниями в любви, а нередко и с требованиями помочь в самых различных житейских ситуациях. В силу характера Алексей Яковлевич терпеливо выслушивал каждого и по мере возможности пытался помочь.

У него было обостренное чувство справедливости. За многих сражался Каплер и острым пером публициста, и острым словом в „Кинопанораме”. Его не могла оставить равнодушным судьба великой актрисы Веры Холодной, светлая память которой была исплечена обывательской грязью писателем Ю. Смоличем и драматургом Г. Плоткиным, не мог он не вступить и за доброе писательское имя расстрелянной в застенках ГУЛАГа Раисы Васильевой, автора известного фильма „Подруги”.

Несмотря на огромную занятость (Каплер преподавал во ВГИКе и на Высших сценарных курсах, был одним из организаторов Союза кинематографистов СССР, вице-президентом международной гильдии сценаристов, бессменным руководителем сценарного цеха) — он оставался пылким романтиком. В письмах и телеграммах, отправляемых им со всех концов света любимой женщине, сквозь легкую самоиронию и мягкий юмор просматривается глубокое, почти мучительное чувство: „как странно, противоестественно быть без тебя“ (из письма). Или „Сидел дома, занимался, и вот меня выстрелило срочно бежать на телеграф, сказать, что я тебя люблю, может быть ты не знаешь или забыла“

Их любовь длилась до последних дней жизни Алексея Яковлевича, нет, пожалуй, дольше: попытка Друниной устроить свою личную жизнь после его смерти не удалась — никто не смог бы любить ее как Каплер, а на меньшее она была уже не согласна.

Жизнь яркого и талантливого, красивого внутренне и внешне, много и щедро любившего и многими любимого Алексея Яковлевича Каплера ждет своего сценариста, режиссера и постановщика. Условие одно — он должен быть не менее талантлив, чем сам Каплер!

РАЗДЕЛ 2. „ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ“

Н. А. Юшкова

Сыктывкарский лесной институт

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПО КУРСУ „КУЛЬТУРОЛОГИЯ“

Культура — многогранное и многофункциональное явление, об этом говорит тот факт, что существуют разнообразные попытки дать определение культуре.

Культура несет в себе огромные познавательные возможности. Все явления культуры — литература, изобразительное искусство, музыка, архитектура, театр, религия и другие — содержат в себе колоссальный поток информации, который нужно уметь обнаружить, понять и использовать в своем социальном опыте. „А для этого необходимо овладеть языком культуры, который дает человеку свободу, помогает приспособиться к определенному социуму и ориентироваться в окружающем пространстве культуры“¹. Возможно, в этом и заключается образовательный процесс по курсу „Культурология“. Несмотря на техническую специализацию вуза, эта дисциплина изучается студентами всех специальностей.

Культурология как учебная дисциплина нуждается в наглядных пособиях, да и как рассказывать о стилях и направлениях в живописи, не видя этих произведений, говорить о музыке, не слыша ее ритма. Поэтому в образовательном процессе освоения художественного наследия большую роль играют музеи, в Сыктывкаре — это Национальный музей и Национальная галерея Республики Коми. „Одно дело знать о культуре, другое — быть в ней.... Когда хочется ориентироваться не только на теории и „материал“, а на личный опыт художников, поэтов, философов...“². Музеи выступают в роли посредника в развитии визуальной культуры, ассоциативного мышления, способности к переживанию и чувствованию художественного образа, эстетического восприятия живописи, графики, скульптуры и музейных предметов вообще.

Студентам предлагаются такие формы практических занятий, как занятия в институте с использованием имеющихся наглядных пособий и музыкальных записей, и посещение музеев, где во время экскурсий происходит зрительное восприятие предметов, а экскурсовод помогает „раскодировать“ и понять смысл экспоната, помогает не только увидеть, но и услышать его. Анкетирование, проведенное среди студентов, показало, что все без исключения заинтересованы именно в таких формах проведения практических занятий, так как порой очень трудно представить себе то или иное художественное направление.

Каждое явление культуры имеет свой язык. Живопись не нуждается в словах. Язык живописи — цвет, краска. Живопись — это искусство выражать невидимое посредством видимого. А все видимое образуется из трех основных тонов: желтого, красного

и синего. Художник свою идею выражает символически. Если перевести краску в символы, то получится, что красный цвет означает глину, из которой создано тело человека (плоть, кровь, страсть); синий — воздух, дух, мысль, бесконечность, неведомое; желтый — солнце, свет, волю, царственность. Наше восприятие живописного полотна зависит еще и от композиции картины¹. Так, например, интересно наблюдать за студентами, как они воспринимают информацию, как спрашивают, уточняют, с чем-то не соглашаются, когда рассказываешь им о картине И. Ф. Тупылева „Плутовская игра“ (конец XVIII—начало XIX века). На картине представлено сюжет карточной игры, сами игроки легко узнаваемы: шулер, простак, сочувствующий простаку, наблюдатели. Что такое игра? Ю. М. Лотман объяснял это так: „Поединок со Случаем в сочетании с жадной мгновенного обогащения или столь же мгновенной победы над денежным веком порождал стремление видеть именно в карточной игре путь к богатству. Жажда мгновенного обогащения, то есть чуда, составляла психологическую атмосферу игры в карты. Потерю веры в божественную помощь можно было компенсировать надеждой на успехи научного расчета или же шулерским мошенничеством. И то, и другое получило широкое развитие. Запутанность реальной жизни, ее иррациональный характер заставляли возлагать надежды на непредсказуемый Случай“².

Помимо игроков привлекает внимание предметный мир картины, тщательно прорисованный, который помогает зрителю домыслить то, что было невозможно выразить позами и жестами. В картине много символов. Например, образ плута сопровождает традиционный символ алчности и корыстолюбия — кошелек-монетница. А ровные стопочки монет словно олицетворяют его расчетливость и педантичность. Поэтому за внешне занимательной и простой жанровой сценкой кроется весьма поучительный смысл, который можно свести к философским размышлениям о бренности земных страстей⁴.

И вот тут центральной фигурой становится экскурсовод, от рассказа которого зависит восприятие информации. Основной прием, использующийся при проведении экскурсий — демонстрационный, сочетающий показ со словом экскурсовода. Важен и прием беседы в форме вопросов-ответов, который активизирует каждого студента, выводит его из состояния пассивного созерцания. Здесь хочется выразить большую признательность сотрудникам Национальной галереи, которые знакомят студентов Лесного института с сокровищами изобразительного искусства.

Посещение музеев необходимо чередовать с практическими занятиями в институте, на которых необходимо проводить беседу-опрос, чтобы закрепить полученные знания. Последовательное проведение занятий в музее воспитывает у студентов музейную культуру, ведь музеи тоже надо уметь посещать. А преподаватель-культуролог, базирующийся на коллекциях и экспонатах музея, способствует популяризации музеев, превращая его в незаменимый культурный центр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарьян Н. Г. Язык культуры / Н. Г. Багдасарьян // Социально-политический журнал, 1994. № 2. С. 51-67.

2. Ахутин А. В. Что значит „учить культуре“? / А. В. Ахутин // От философии жизни к философии культуры: Сборник статей / Под ред. В. П. Визгина. СПб.: Алетейя, 2001. С.159-166.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 415 с.
4. Национальная галерея Республики Коми, г. Сыктывкар / Авторы текста: Э. Поповцева, Н. Плаксина. М.: Белый город, 2003. 64 с.

Т. А. Косолапова

Национальный музей Республики Коми

**ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НМРК СО СТУДЕНТАМИ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВЫСШЕГО СЫКТЫВКАРСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА №1**

Сегодня музейной педагогикой занимаются многие музеи страны. С 2001 года в структуре Национального музея РК наряду с методическим, этнографическим, научно-просветительным и т. д., был образован в составе научно-просветительного отдела сектор музейной педагогики.

Научными работниками (Пасынковой И. А., Косолаповой Т. А., Балакиной О. В.) за год была составлена музейная программа „Мир музея“ созданная с учетом общеобразовательных программ РФ, которая была одобрена на заседании методического совета НМРК в апреле 2002 года. Программа „Мир музея“ рассчитана на разновозрастную аудиторию. В нее заложены экскурсии, лекции, праздники в музее, лектории, как для воспитанников детских садов, так и для учащихся 1-11 классов.

Сотрудникам музея хотелось, не только чтоб продолжалось сотрудничество музей — детский сад, музей — школа, но и стали формироваться традиции взаимодействия музей — колледж.

С учетом знаний о реальной аудитории музейная педагогика подходит к решению следующей проблемы, имеющей наибольшее практическое значение, — к созданию и апробации новых методик, программ, экспозиций для различных категорий посетителей. В данном случае такой категорией посетителей стали студенты художественно-графического отделения Высшего Сыктывкарского педагогического колледжа № 1. Для этой аудитории уже несколько лет создается программа „Основы музейного дела“. Она появилась благодаря совместному сотрудничеству Национального музея РК, Высшего Сыктывкарского педагогического колледжа № 1 и Национальной галереи РК. Связующим звеном между учреждениями культуры выступил Высший Сыктывкарский педагогический колледж № 1. НМРК выступил организатором практики. Практика в музее — это одна из распространенных форм музейного образования студентов. При составлении программы необходимо было ответить на вопросы: какова цель создания программы и ее задачи; кому адресована программа; как в соответствии с уровнем аудитории определяется ее содержание; какие формы, средства и приемы предлагаются для реализации программы; каковы ее сроки и в чем выражаются результат и оценка эффективности программы.

Цель создания программы „Основы музейного дела" — представить направления основной деятельности НМРК как социально-культурного учреждения.

Задачи практики:

1. Создать представление о роли взаимодействия музея с системой образования и о потенциале музея в современном образовательном процессе.

2. Изучить специфику различных форм педагогической работы в условиях музейного пространства (лекция, беседа, экскурсия, мероприятие).

3. Сформировать представление о специфике музейной педагогики и ее роли в развитии креативных способностей личности.

Срок практики — неделя. В течение недели практики: первая половина дня занятий проходит на базе НГРК, вторая половина — на базе НМРК. Данная последовательность занятий логически обоснована. Студенты получают образование на художественно-графическом отделении, поэтому тематика занятий, предлагаемая НГРК, отличается достаточной степенью сложности. Музейному педагогу НМРК при составлении программы приходится учитывать эту особенность. Информация подаваемая во второй половине дня на лекциях, экскурсиях, мероприятиях должна быть емкой, полезной, доступной, интересной. Например, во время экскурсии „Мифы народа коми" студентам дается задание: изобразить понравившиеся символы или солярные знаки на лопасти прялки.

В ходе практики каждый студент заполняет „Дневник наблюдения". В процессе работы над ним студенты учатся письменно выражать свои впечатления от музея, выявляя его отличительные черты и описывая историю и структуру Национального музея РК. „Дневник наблюдения" — своеобразная форма отчета по практике.

„Календарь настроения" — это еще одна интересная форма работы со студенческой аудиторией во время прохождения практики в музее. В конце дня юноши и девушки оставляют свои впечатления в зарисовках, используя цветные мелки. Пять календарей настроения — пять цветных зарисовок. Они очень ценны, т. к. позволяют в конце практики, при подведении итогов, вспомнить, как прошел день, что более запомнилось (обычно подается в ярких, насыщенных тонах), а что менее.

В последний день практики студенческую молодежь просят заполнить анкеты. Анкета — это своеобразный результат и оценка эффективности программы. В результате анализа анкет, который был проведен в 2003 году, в качестве респондентов выступили студенты в количестве 15 человек (11 девушек и 4 юношей), были выявлены следующие данные:

• вопрос: „В каком возрасте Вы впервые посетили НМРК?" Большинство респондентов (около 93%) ответили: посетили музей в школьном возрасте: в 10-14 лет — 26,7%, в 15-18 лет — 26,7%, в 7-9 лет — 20% и старше 19 лет — 20%. Только 6,7% студентов первый раз пришли в музей до 6 лет.

Позднее приобщение к музею — фактор, безусловно, печальный, начинать осваивать роль музейного посетителя желательно с раннего возраста.

• вопрос: „С кем впервые вы пришли в наш музей?" 13% респондентов ответили: „С родителями и 80% указали на органи-

зационные формы приобщения детей к музею — с воспитателем или с учителем”.

В ходе практики студенты познакомились с тремя экспозициями НМРК: истории, природы и этнографии. Наибольший интерес вызвала экспозиция отдела природы, о чем свидетельствуют данные:

Отдел	Заинтересованность
<i>Истории</i>	66,7%
<i>Природы</i>	73,3%
<i>Этнографии</i>	60%

На взгляд респондентов наиболее интересные разделы этих экспозиций следующие:

В отделе истории, залы

<i>Великая Отечественная война</i>	33,3%
<i>Первобытнообщинный строй</i>	26,7%
<i>Установление советской власти</i>	26,7%

В отделе природы, залы

<i>Животный и растительный мир РК</i>	60%
<i>Минерально-сырьевые ресурсы РК</i>	13%
<i>В отделе этнографии: залы: Все разделы</i>	33%
<i>Мир предков</i>	26,6%

Прослушанные лекции

Заинтересованность

<i>(7.1) НМРК — история и современность.</i>	
<i>Знакомство с музейным делом. Предмет и задачи музейного дела.</i>	33%
<i>(7.2) Экспозиционно-выставочная деятельность НМРК.</i>	53%
<i>(7.3) Иконы. Их изготовление и реставрация.</i>	87%

Таким образом, у студентов художественно-графического отделения вызвала интерес лекция „Иконы. Их изготовление и реставрация”.

На вопрос: „Какие лекции вы предлагаете исключить из программы практики?”, большинство студентов отметили: „Лекции интересны, и исключать их не нужно”. Студенты высказали свои пожелания, лектору, который проводил лекцию (7.1) „НМРК — история и современность...”: „Было скучновато, желательно излагать материал более эмоционально” и „... материал лекции (7.1) подавать не в таком объеме, т.е. уменьшить объем предлагаемого материала”.

Кроме того, студенты были участниками экскурсий по темам:

Экскурсии	Заинтересованность
(8.1) Мифы народа коми	33%
(8.2) Кукла мала — всем детям мила	26.7%
(8.3) Животный и растительный мир РК	73%
(8.4) Воркута-Ленинград: История сопротивления в зеркале Коми в 1950-1980-х годах	86,7%
(8.5) Ош чуалан лун	73%
(8.6) История города Усть-Сысольска (автобусная экскурсия)	93%

Подавляющее большинство респондентов считают, что все экскурсии следует оставить, ничего на исключая. Один из респондентов в своей анкете отмечает: „Все, что новое — полезно и интересно, только нужно найти подход, заинтересовать“.

Рассмотрим теперь, что именно в НМРК удивляет, поражает, изумляет студентов. Особенно запомнились экспонаты, которые можно объединить под условным названием „неживое живое“ (чу-чела животных и птиц) и пр., т.е. вся та природа, которая неподвижно застыла на подиумах (73%). Запомнились охотничья избушка и ловушки, что составило 26,6%. 20% респондентов впечатлили: старинное оружие, трактор, шестиведерный самовар, предметы быта и минеральные ресурсы, в частности, друза горного хрусталя. 13% респондентов большое место отводят музейным предметам, связанных с жизнью древнейших людей.

Организаторов практики интересовал еще один аспект — что дала практика на базе НМРК, выполнены ли поставленные цели и задачи этой практики? Полученные результаты выглядят достаточно оптимистически. Вот ответы респондентов:

	Заинтересованность
1. Узнали о работе музея	100%
2. Познакомились с методикой построения экспозиций, лекций, занятий	80%
3. Познакомились с природой, историей и этнографией	80%

Анализ анкет показал, что в целом цель практики достигнута. Об этом говорят и отзывы самих студентов, где преобладают следующие высказывания:

„Музейная практика мне очень понравилась. Я готова еще ходить по музею! Музею — удачи, успеха и процветания!“

„Желаю музею развиваться дальше, побольше посетителей, много новых экспонатов и интересных встреч с новыми людьми“.

В адрес организаторов студенты высказали следующие пожелания:

„Все замечательно, только немного удручает большое количество методики, хотелось бы больше смотреть, ощущать, а не записывать“.

„Мне бы хотелось более организованное проведение практики в музее (не все точно было продумано со временем и готовностью работников музея принимать нас)“.

„Больше времени на осмотр выставок, а в дальнейшем разрешение студентам приходить в музей для выполнения зарисовок“.

Разумеется, отзывы студентов очень важны. Предлагаемая вниманию студентов, педагогов, сотрудников музея программа „Основы музейного дела“ из года в год корректируется: уточняются некоторые детали (темы), но при этом сохраняются ее основные принципы и структура, как оправдавшие себя на практике.

Разработанные и используемые музеем формы и методы работы со студенческой аудиторией художественно-графического отделения дадут возможность значительно расширить влияние музейной педагогики НМРК в учебных заведениях среднего и высшего образования. Они способствуют формированию целенаправленного интереса к истории родного края, дальнейшего его изучения, т.е. в конечном счете, духовному росту личности. Что позволит будущим педагогам воплотить свои знания и умения в дальнейшей педагогической деятельности.

Р. И. Ларукова

Национальный музей Республики Коми

**СОТРУДНИЧАЮТ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ.
К 40-ЛЕТИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО
МУЗЕЯ РК И РЕСПУБЛИКАНСКОГО КОЛЛЕДЖА
КУЛЬТУРЫ ИМ. В. Т. ЧИСТАЛЕВА**

*„Вне культуры существование
человечества на планете лишается
смысла“.*

Д. С. Лихачев.

Музей является хранителем национальных культурных ценностей. Функция музея, его особая роль как специального института культуры состоит в том, чтобы бережно сохранить культурное наследие прошлого (без которого не может быть будущего) и передать его значение нынешнему и будущим поколениям посетителей.

Историко-культурные ценности — неотъемлемая часть национальной культуры, ее достояние, но для того, чтобы они эффективно использовались, необходимо донести их суть до широких слоев населения.

Вполне естественно, что многие сейчас обращаются прежде всего к музею. Ведь с помощью подлинных музейных предметов оригинальная в художественном отношении экспозиция музея

позволяет посетителям пережить исторические события, эмоционально воспринять и рационально осмыслить уникальный материал.

Вот уже на протяжении 93 лет Национальный музей РК является главным музейным учреждением республики, выполняющим функции методического центра. Сегодня в его структуре — отделы истории, природы, этнографии, литературно-мемориальной музей И. А. Куратова. Музей обладает уникальным собранием, насчитывающим более 240 тысяч музейных предметов: документальные и фотоматериалы, богатейшая коллекция предметов этнографии и быта, памятники иконописи XV-XX вв., рукописные и старопечатные книги XVI-XX вв. и т. д. Музей ежегодно посещает более 80 тысяч человек.

Решая просветительские задачи, НМРК стремится показать историко-культурное значение экспонатов музея, раскрыть их историческую и культурную ценность. Основная задача — воспитывать интерес и любовь к памятникам истории и культуры народа коми, подлинным музейным предметам и документам.

Ввести посетителей в мир культуры через познание музейных памятников помогает и программа „Мир музея“, разработанная научными сотрудниками в 2002 г.

Однако успех образовательно-воспитательной деятельности музея невозможен без постоянного и серьезного сотрудничества с другими учреждениями культуры. Особое место в этом ряду занимает сотрудничество с Республиканским колледжем культуры им. В. Т. Чисталева, который был создан еще в 1956 году как Республиканская культурно-просветительская школа. Позднее она была преобразована в культурно-просветительное училище, а с 1993 года — колледж культуры.

39 лет тому назад, в 1965 году, музеем и культурно-просветительным училищем (ныне колледж культуры) впервые были подготовлены и проведены два тематических вечера: „Революционной, боевой славы“ (на базе Сыктывкарского механического завода, на котором присутствовало 500 человек, а в его организации участвовало 117 человек) и „Славься, ленинский комсомол“ (в монтаже было занято 140 учащихся культпросветучилища, музучилища, артисты драмтеатра, ансамбль Сыктывкарского военного гарнизона).

Ныне между Национальным музеем РК и Республиканским колледжем культуры заключен договор о сотрудничестве, согласно которому ежегодно на базе музея проходит практика студентов колледжа.

Практика — один из важнейших этапов профессиональной подготовки будущего работника культуры. Она является значимой составной частью профессиональной образовательной подготовки будущих постановщиков театральных представлений, руководителей народных хоровых коллективов, руководителей хореографических коллективов.

К. Гельвеций писал: „Все искусство воспитания состоит в том, чтобы ставить молодых людей в условия, способные развивать в них зачатки ума и добродетели“. К этому и стремятся организаторы практики. Ведь практика на базе музея включает студентов в поток наследия, поток памяти, что крайне непросто.

Первый блок занятий рассчитан на работу со студентом: знакомство с экспозицией музея, музейными предметами, методикой подготовки и проведения музейных мероприятий и праздников. Студенты узнают о работе, которую музей ведет совместно с другими учреждениями культуры (в частности с клубами, Домами культуры, библиотеками, где предстоит работать будущим специалистами).

Второй блок предполагает практическую работу студентов по подготовке сценариев и проведению мероприятий и праздников на базе музея. Все они „построены“ на подлинных предметах, ведь музейные экспонаты не только привлекают своей уникальностью. Они трогают душу, будят воображение, учат умению чувствовать эпоху через отдельный предмет, раскрывают перед студентами мир „овеществленной“ истории.

Разнообразна форма проведения праздников, подготовленных студентами.

Так, если на мероприятии, посвященном истории г. Усть-Сысольска (Сыктывкара) студенты сыграли роли купца Суханова, ученого Лепехина, подъячего Юрьева, то в театрализованном празднике „Музыкальная тропинка в лесу“ (по отделу природы) рассказали о происхождении коми народных музыкальных инструментов: пу барабан (деревянный барабан), тотшкдчан (колотушка), сярган (трещетка) и др.

До слез тронула ветеранов, репрессированных, учащихся школ, присутствовавших на мероприятии, посвященном Дню памяти жертв политических репрессий литературно-музыкальная, хореографическая композиция „Хранить вечно...“.

В театрализованной экскурсии „С песней от весны до весны“ студенты исполняли народные песни, использовавшиеся коми народом в обрядах жизненного цикла. А при проведении мероприятия „Вспомним их сегодня всех до одного...“ были задействованы личные вещи, выдержки из писем наших земляков, участников 57 военных конфликтов, произошедших на планете после Второй мировой войны (в том числе Афганистан и Чечня).

Такие совместные работы научных сотрудников музея и преподавателей, студентов колледжа культуры заставляют посетителей восхищаться и задумываться о судьбах наших земляков, гордиться ими и историей нашей республики.

Это сотрудничество является плодотворным. Ведь в конечном итоге оно способствует воспитанию поколения, которое будет знакомо с работой музея не по наслышке, а изнутри, для которого мир культуры будет неразрывно связан с музеем как с местом, где культурные ценности не просто хранятся, но и создают живое пространство культуры, в котором она развивается. Опыт же подготовки и проведения праздников студенты могут использовать в дальнейшей своей работе.

Благодарные же посетители в книге отзывов музея оставляют свои записи:

„Огромное спасибо за подаренную детям радость. Замечательный праздник „По лесным тропинкам“. Он запомнится надолго“.
СШ № 25, 4 „В“, учитель Редькина О. А.

„Огромное спасибо! Очень понравилось мероприятие. Интересна подача материала, и, главное, это очень нужно для людей, помнить не только светлые, но и темные страницы нашей истории.“

Мероприятие заставляет задуматься о трудных судьбах репрессированных людей".

II курс, 3 группа ОЗО ПАМНО.

„Мы, ветераны г.Сыктывкара, благодарим за то, что мы были приглашены на сегодняшний вечер „В городском саду играет...". Мы вернулись в нашу молодость. Спасибо всем организаторам праздника".

Бывшие музыканты струнного оркестра Н. Зезегова, Л. Патракова; музыкант духового оркестра М. Фролов.

Р. И. Ларукова

Национальный музей Республики Коми

ЭКСКУРСИИ ПО ГОРОДУ. ИЗ ОПЫТА ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Современный город — это сложный социальный, хозяйственно-экономический и культурно-бытовой комплекс, который развивается, изменяется и обновляется. Каждый исторически сложившийся город несет в своем облике зримые черты предшествующих эпох (формаций). Они прослеживаются в сложившейся планировке города, в характере застройки отдельных районов, кварталов и улиц, памятниках истории и культуры. Роль города как исторического центра развития общества с многообразием памятников; современное значение города как политического, административного, экономического, культурно-научного центра — все это определяет значение города как основного объекта экскурсий.

Экскурсии по городу расширяют познания, культурный кругозор, позволяют ощутить эпоху, отраженную в памятниках, представить ход и характер событий, приобщиться к прошлому, понять настоящее. Получая информацию, осматривая памятные места, экскурсанты конкретизируют свои знания.

Поэтому одна из важных задач музеев — включать человека в культурное пространство города, что позволит расширить функции музея как центра духовной жизни региона.

Самыми распространенными экскурсиями по городу являются автобусные маршруты.

Экскурсия — один из труднейших способов налаживания контакта широкой публики с историей, культурой, природой, искусством.

Поэтому важно, чтобы в ходе автобусной экскурсии каждый, смотря, думая, наблюдая, слушая, самостоятельно ответил на вопросы: какой он, город? Каков его лик? Какова его история? Он меняет нас или мы его? Ведь город — это то невыдуманное пространство, которое мы творим.

НМРК имеет ресурс, который пока используется не в полной мере — это подготовка и проведение автобусных и пешеходных экскурсий, хотя положительный опыт работы в этом направлении имеется.

Уже не первый год научными сотрудниками музея подготовлены и проводятся такие автобусные экскурсии по городу, как „История Усть-Сысольска" (по старой части города), „Сыктывкар-

город двух веков" (обзорная экскурсия), „Сыктывкар в годы Великой Отечественной войны“.

При подготовке таких экскурсий, составлении маршрута, важно избегать однотипных объектов или объектов, связанных с однохарактерными событиями; необходимо предусмотреть выходы из машины. Так, во время обзорной экскурсии по городу предусмотрено несколько выходов: на главной площади, у Свято-Стефановского собора, у парка им. С. М. Кирова, у мемориала Славы в микрорайоне Орбите: на самой высокой точке города (4 уровень). При необходимости могут быть дополнительные выходы.

Кроме того, на любой остановке экскурсовод должен начинать именно с показа объекта, а не с рассказа об обстоятельствах, которые с ним связаны, какими бы важными и интересными они не представлялись.

В таких экскурсиях используется и показ фотографий. Они обогащают экскурсию, делают ее интереснее, способствуют запоминанию.

Однако при их использовании нужно учитывать их соответствие месту и времени свершения событий. В основном фото можно показывать во время остановок, но не во время движения. Так, научные сотрудники музея, проводя автобусные экскурсии по городу, используют показ копий фондовых коллекций: фото утраченного 1930-е годы Стефановского собора, стоявшего на площади; Стефановской церкви (на ее месте теперь кинотеатр „Родина“); здание горвоенкомата (ныне территория мемориала Славы), Троицкого собора и другие. Конечно, показывать следует такие фото, которые вызывали бы у экскурсантов живые, яркие образы, приоткрывали неизвестные ранее страницы истории города, способствовали бы более прочному овладению материалом. Но и перегружать экскурсию иллюстрациями не стоит.

Важно, что бы каждое место, здание города было представлено как событием, которое здесь произошло, так и эстетической характеристикой. Часто экскурсоводы музея при проведении автобусных экскурсий используют выдержки из произведений, стихи. Они несомненно помогают в восприятии материала, делают рассказ экскурсовода более образным, ярким, как бы подкрепляют и обогащают его.

И хотя НМРК особо не рекламировал эти экскурсии (для этого есть объективные причины), они пользуются спросом.

Сейчас музей работает в направлении расширения тематики автобусных и пешеходных экскурсий по городу. Так, в 2004 году появились новые темы экскурсий „Храмы Усть-Сысольска — Сыктывкара“, „Памятники и памятные места г. Сыктывкара“. Продолжительность таких экскурсий от 1,5 до 2,5 часов.

Большая часть посетителей нашего музея — студенты сузов, вузов, учащиеся школ, воспитанники ДОУ, то естественно, что музей не может не выступать союзником школы в процессе образования. Еще в 2002 году в музее была разработана новая программа „Мир музея“, которая охватывает возрастные периоды от воспитанников ДОУ до учащихся старших классов школ. При ее составлении были учтены самые разные учебные программы. Так в программе „Окружающий мир“ (авторы Н. Ф. Виноградова, Г. Г. Ивченкова, И. В. Потапов) предусмотрены занятия с учащимися начального звена по истории города, в котором живешь. Так появилась идея подготовки цикла пешеходных экскурсий по ули-

цам Сыктывкара для учащихся 1-4 классов. Были выбраны улицы: Советская (Спасская), Ленина (Троицкая), Кирова (Набережная), Бабушкина (Сухановская), Стефановская площадь, Мемориал Славы.

Однако в ходе разработки текстов экскурсий, выяснилось, что такие экскурсии интересуют посетителей разных возрастов. Тем более, что приближается 225-летие города. Поэтому тексты экскурсий составлялись с учетом полноты информации, которая может быть использована в зависимости от возраста экскурсантов.

На сегодняшний день разработаны и проводятся пешеходные экскурсии, которые мы объединили в цикл под названием „Улицы нашего города“.

Варианты пешеходных экскурсий для учеников начальных классов и старших школьников отличаются по построению, продолжительности и объему информации.

Такие циклы экскурсий помогают более последовательно передавать знания, проследить события, происходившие в городе, в их развитии и динамике. Ведь во время таких экскурсий культурная среда города понимается как пространство культурного развития учащихся.

Идея создания воспитывающей среды не нова. В. А. Сухомлинский (1979) отмечал, что в формировании духовного облика ребенка большое значение имеет то, что он видит вокруг себя.

Во время проведения автобусных и пешеходных экскурсий идет диалог времени. Такие экскурсии воспитывают ценностное отношение к городу, помогают почувствовать его непостижимое влияние на духовный мир человека.

В настоящее время НМРК готовит к изданию путеводитель „Улицы нашего города“, который разработан как методическое пособие для педагогов, творчески подходящих к изучению краеведения.

Такие экскурсии помогают открывать новые стороны культурного богатства города нашим посетителям.

Л. Н. Королева

Корткеросский районный центр

дополнительного образования детей

**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПО АВТОРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПРОГРАММЕ „ВУЖЪЯС“ — „ИСТОКИ“:
ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВИШЕРО-ВЫЧЕГОДСКОГО КРАЯ ЧЕРЕЗ РАБОТУ
С БЕРЕСТОЙ И КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Актуальным считается вопрос воспитания детей национальной культуре, т.к. задачи эстетического воспитания не могут решаться отдельно от сложившихся традиций, места проживания детей.

В программе ставится цель: путем изучения коми народных промыслов, его корней, участия в краеведческих исследованиях, поисковых экспедициях, способствовать воспитанию интереса к истории, культуре, природе Республики Коми.

Задачи программы:

- Воспитание патриотизма через бережное отношение к природе и культурному наследию родного края;
- Внедрение в образовательный процесс активных форм туристско-краеведческой работы, способствующих восстановлению психофизических сил и здоровья детей, их адаптация к жизни в современном обществе;
- Создание доступного комплекса краеведческих материалов с экспозицией музейного типа;
- Сохранение исторической памяти, лучших традиций местности и всего ценного, выработанного веками в национальной культуре;
- Учить детей откликаться на красоту природы родного края. Учить видеть черты национального своеобразия в облике людей, их одежде, украшениях, предметах быта, зодчестве;
- Ввести детей в увлекательный мир искусства, через народные промыслы, через его исторические корни.
- Прививать и поощрять смелость в поисках новых форм и декоративных средств выражения образа, в проявлении фантазии и разнообразия при разработке композиции изделия.
- Помогать в определении выбора дальнейшего направления своей деятельности.

Пути реализации программы:

В нашем стремительно меняющемся мире многое безвозвратно уходит из жизни народа, его памяти. Наш долг — успеть найти и сохранить для будущих поколений все ценное и достойное из народной культуры его материального и духовного наследия.

Эту задачу решаем через поисковую работу с посещением населенных пунктов района и сбором материалов, интервьюированием участников и свидетелей событий, ведением летописей и хроник, фото и видеосъемками, созданием фондов. Это позволило накопить материал, оборудовать методический кабинет по возрождению коми народных промыслов и уголок старины. Они стали базой реализации программы «Вужъяс» («Истоки»).

В основу программы положен комплекс:

1. Коми народные промыслы. Береста и природный материал.
2. Народный эпос, легенды и предания. Символика Вишеры и Вычегды.
3. История, культура и природа Коми.

Каждая тема включает:

- изготовление изделий и участие в выставках;
- исследовательские работы и участие в конференциях;
- участие в сборе материалов — экспедиционная работа.

Учебный план программы «Вужъяс» предполагает *три ступени обучения*:

Первая ступень, первый год — подготовительная, или начальная для детей от 6 до 9 лет. Занятия проводятся четыре часа в неделю, 80 занятий по 2 часа, или 160 часов за учебный год.

Обучающиеся получают общие представления об истоках коми народных промыслов, знакомятся с природным материалом — берестой и ее свойствами. Осваивают простейшие изделия. Первые трудовые навыки сориентированы на качество изделия.

Кроме того, дети знакомятся с легендами и преданиями своей местности, узнают о целебных силах природы, мифологию коми о происхождении мира.

Вторая ступень, два года — работа в творческих мастерских по интересам для детей 9-13 лет. Занятия проводятся по шесть часов в неделю или 240 часов за учебный год. Наполняемость групп от 6 до 12 человек.

Продолжается постижение основ работы с берестой с изучением национальных местных традиций. Помимо этого, во время походов, этнографических экспедиций, посещений населенных пунктов и подворного обхода домов дети знакомятся с населенными пунктами района, узнают легенды и предания, знакомятся с культурой населенных пунктов Вишеры, Вычегды, Локчима, изучают традиционный уклад жизни, народного искусства. Это способствует возрождению национального самопознания.

Третья ступень, мастерская совершенствования, от одного года и более — индивидуальные творческие занятия для детей 13-16 лет. Занятия проводятся по шесть часов в неделю или 240 часов за учебный год. При планировании учебного процесса предусмотрены занятия по группам и по звеньям.

В процессе обучения ребята создают авторские изделия из природного материала, готовят персональные выставки. Ведут исследовательские работы. Участвуют в сборах местного материала по истории, культуре, природе малой Родины. Участвуют в обучающих мероприятиях:

- в районной краеведческой конференциях;
- в выставках по декоративно-прикладному творчеству;
- во встречах с интересными людьми, мастерами, художниками;
- в туристско-краеведческих и других спортивно-оздоровительных соревнованиях, в туристских походах.

Как правило, лучшие работы педагога и учащихся пополняют кабинет „Возрождение коми народных промыслов“ и становятся методическими пособиями.

Проблемы программы:

1. Сбереечь самобытность коми культуры от растворения в мировой культуре

Существует мнение, что на территории Корткеросского района, в котором преобладает коренное население, с культурой коми благополучно.

Если бегло обратиться к фактам оказывается, что тираж коммязычной газеты „Звезда“ при 27 тыс. населения всего составляет 1300 экземпляров. В газете мало материалов по проблемам языка, культуры. Только половина постановок Корткеросского народного театра выходят на коми языке. В общеобразовательных школах района в 2004/05 учебном году всего 8 кружков и объединений имеют национальную направленность. Из 3400 учащихся по национальной программе коми языку обучаются 1200. В библиотеке села Корткерос из одной тысячи читателей коми книги берут только 10-15 человек. В информационно-методическом кабинете управления образованием района сегодня нет четкой программы комплексного подхода к проблемам коми языка и культуры. Из 42 мастеров и художников, имеющих в районе, только двое из них работают,

придерживаясь местных национальных традиций. В моем родном коми селе Керос, где все жители коми, местные названия улиц, не так давно были переименованы на русский лад. Многие родители коми избегают со своими детьми разговаривать на родном языке, считая это ненужным...

По утверждению венгеского ученого Я. Пустаи („Республика“ 16.10.04) „В Республике Коми выросло целое поколение (поколение моложе 30 лет) составляющее 56,9 % численности населения, которое не знает родного языка и которого не интересует история и культура коми народа“. Поэтому программа „Вужьяс“, наряду с другими подобного рода обучающими программами рассчитана на воспитание у молодежи интереса к коми языку, истории и культуре.

2. Доступность программы

Интегрированная программа „Вужьяс“ совмещает исследователя, мастера по народным промыслам, народного педагога, краеведа. Поэтому для работы по этой программе, желательно обучение педагогов. У автора, к сожалению, нет пока возможностей тиражировать приложения к программе, т.к. литература и источники к ней для сельских педагогов труднодоступны.

3. Первоочередная география размещения программы, ее реализация

Первоочередно программу можно использовать (применять) в сельских районах РК, в которых местная газета издается на русском языке. Опорой и базой программы могут стать местные центры детского творчества дополнительного образования с ориентацией на национальный компонент.

На территории Корткеросского района реализация программы возможна в Нившерском, Сторожевском этноцентрах и Корткеросском центре дополнительного образования детей. По мере накопления опыта в школах района, например в с. Небдино, где имеется музей В. А. Савина.

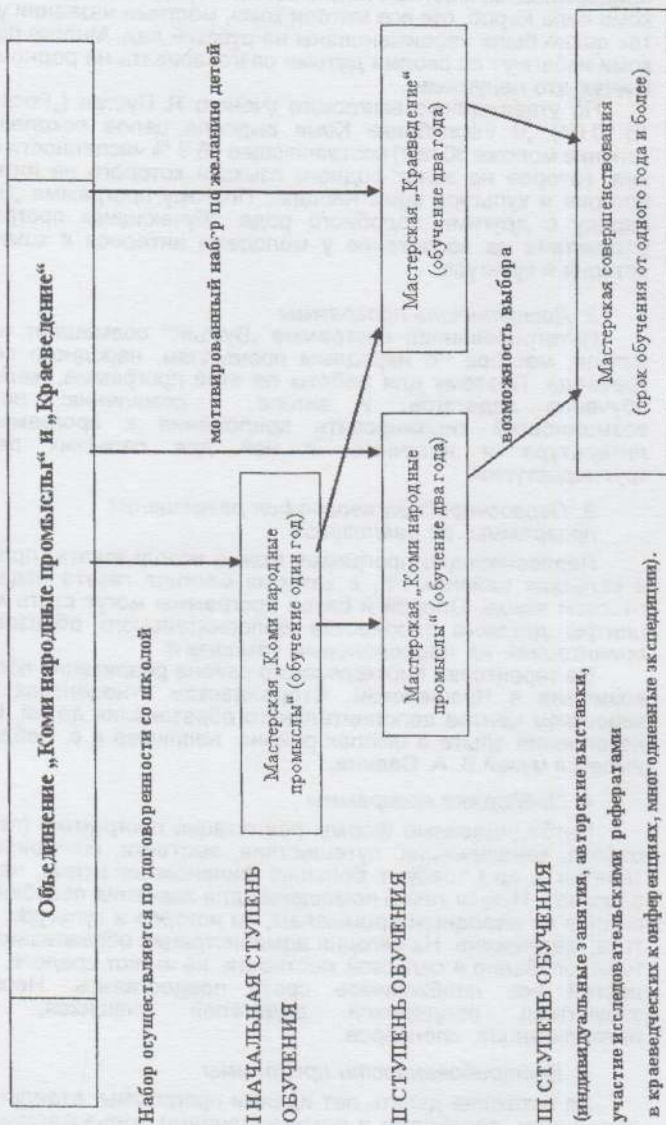
4. Поддержка программы

Нетрадиционные формы реализации программы (поисковая работа, конференции, путешествия, выставки, интегрированные занятия и др.) требуют больших финансовых затрат, чем уроки в школах. Нужны также помещения для хранения пособий и материалов по народным промыслам, по истории и культуре; библиотека; мастерские. На сегодня администрация образования и культуры, особенно в сельской местности, не имеют средств, возможностей все необходимое сразу предоставить. Необходимо заручаться поддержкой родителей учащихся, местной интеллигенции, спонсоров.

5. Востребованность программы

За истекшие десять лет идеями программы, отдельными положениями, пособиями и рекомендациями пользовались практически ежегодно работники этноцентров района, преподаватели школ, детских объединений, воспитатели дошкольных учреждений, сотрудники домов культуры, библиотек как района так и республики.

СХЕМА РАБОТЫ ПРОГРАММЫ „ВУЖБЯС — ИСТОКИ“

Ожидаемые результаты

Создание учебных кабинетов и обучение с использованием местных памятников материальной и духовной культуры будет способствовать их сохранности и сохранению историко-культурных традиций. В перспективе они получат статус музейных предметов и займут достойное место в музеях.

Обучающиеся получают навыки и познания по изготовлению предметов народного творчества, что будет способствовать сохранению культурного наследия, местных традиций, возрождению интереса к языку и истории народа коми.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Министерство образования и высшей школы Республики Коми. Коми республиканский центр детско-юношеского туризма: Республиканская программа „Отечество — Земля Коми“ на 2002-2005 г. Сыктывкар. С. 9.
2. Буйнова Л. Н., Кочнева С. В. Организация методической службы учреждений дополнительного образования детей. М., 2001. С. 88.
3. Сорокина Т. В., Рабинович Л. К., Королева О. Е. Испить из отчего колодца (программа студии декоративно-прикладного искусства „Фантазия“) // Внешкольник. Саянагорск. 2002. №8. С.20-22.

ИСТОЧНИКИ:

1. Приказ № 218/од от 13.05.2004 г. „Об утверждении Правил оформления на государственных языках Республики Коми вывесок названий учреждений, текстов официальных печатей, штампов, бланков на территории Республики Коми / Республика, 2004. 3 августа.
2. Информационно-методический вестник Министерства образования и высшей школы Республики Коми и Коми республиканского института развития образования и переподготовки кадров / Педагог, 2002. № 38, ноябрь.
3. Пустаи Я. Почему умирают языки / Республика, 2004. № 190. С. 6.

И. В. Мамонтова

Национальный музей Республики Коми

МУЗЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

„...Мы обязательно придем к вам снова!“ — такую запись оставили семиклассники средней школы № 12 г. Сыктывкара в книге отзывов после посещения праздника „Рождественские посиделки“ в отделе этнографии Национального музея Республики Коми.

Для нас, музейных работников, такие слова являются самой высокой оценкой нашей работы. Именно ради таких слов мы работаем и творим.

Музеи уже давно стали общеобразовательными центрами, особенно в провинциальных городах, куда можно отнести и Сыктывкар. Современные темпы жизни не позволяют нам стоять на месте, „на пятки наступают“ достойные конкуренты: центры дополнительного образования, центр национальных культур,

клубы по интересам. Чтобы привлечь в музей как можно больше посетителей, мы должны вести поиск новых форм работы, причем таких, какие бы отвечали запросам современной аудитории. А это значит, что в музее должно быть интересно.

Такой формой в НМРК стали музейные праздники и, как оказалось, мы выбрали верный путь. Если за 2001 г. ими было обслужено около 2 тыс. посетителей, то в 2003 г. — уже более 3 тыс.

Когда 12 лет назад мы начинали с новогодних утренников для дошкольников и младших школьников, очень сложно было сломать сложившийся стереотип, что музей — это довольно специфическое учреждение, что здесь все знания можно получить в роли пассивного слушателя и никак иначе.

Психологи уже давно определили, что лучше всего человек усваивает новое в процессе активной деятельности. Именно такую деятельность и предполагают наши праздники, на них каждый посетитель становится активным участником процесса.

Немало детских садов и школ пришлось обзвонить и обойти нашему организатору экскурсий, чтобы привлечь детей в музей на новогодние праздники, где уже знакомая им экспозиция (не секрет, что обновляются экспозиции в музеях довольно редко) вдруг предстанет в совершенно новом свете. Чтобы добиться этой новизны мы используем разнообразные технические средства: игру света, музыкальное сопровождение, записи птичьих голосов, криков животных или даже их „разговор“. Ведущими праздников являются сказочные персонажи (переодетые в костюмы научные сотрудники музея) или экскурсоводы в роли гостеприимных хозяев в коми национальной одежде. Чтобы на празднике не было скучающих лиц, в него обязательно включаются игровые моменты. Каждый участник музейного праздника может получать знания и отдыхать одновременно!

Конечно праздник, как и любое другое зрелищное мероприятие, требует большой подготовки и творческого подхода к сценарию и к форме его проведения. Мы ставим перед собой цель: получить от каждого посетителя эмоциональную реакцию, иногда даже такую, какую он сам от себя не ожидает. Такая форма работы помогает им раскрыться с невидимой доселе стороны.

Получая большой эмоциональный заряд на наших праздниках, дети и педагоги стали сами предлагать идеи для новых календарных праздников. Используя литературу по традиционной культуре народа коми и этнографические коллекции из фондов Национального музея, нами были придуманы сценарии и проведены такие музейные праздники, как „Пасха в Усть-Сысольске“ (на экспозиции литературно-мемориального музея И. А. Куратова и отдела этнографии НМРК), „Госпожа честная Масленица!“ (в отделе истории).

Для мероприятий специально были сшиты национальные костюмы. По собственным эскизам художники изготовили необходимые атрибуты: небольшие деревянные горки, желоб для катания яиц, и сами „яйца“ (из пенопласта), качели, муляжи куличей и многое другое. Все эти предметы нами многократно используются на различных праздниках и в игровых экскурсиях.

В 1998 г. дочь одной из наших сотрудниц пошла в первый класс, и у научно-просветительного отдела возникла идея устроить большой праздник в музее для всех детишек ее класса. Сказано —

сделано, придумали сценарий, где главными героями стал веселый Буратино и строгий Календарь. Вместе с ними дети открывали двери в Страну Знаний „волшебными“ ключами. Здесь ребята ожидали необычные уроки с озорными буквами и цифрами и, конечно, с веселыми переменками. И все это происходило в музейных залах, с использованием музейной экспозиции и музейных предметов, а не за партами!

Благодаря налаженной работе и тесному сотрудничеству НМРК со средствами массовой информации, наши праздники постоянно освещаются в прессе. Это способствует большому количеству желающих побывать в музее и стать непосредственными участниками театральных постановок. С каждым годом таковых становится все больше. Нашими постоянными гостями являются не только сыктывкарские школьники, но и учащиеся из школ Сыктывдинского района (Шошка, Зеленец, Пажга). Теперь у нас даже стали возникать проблемы с тем, чтобы обслужить всех желающих в удобное для них и нас время.

С 2001 г. музейный праздник „Путешествие в Страну Знаний“ вошел в общегородской план мероприятий, проводимых Управлением образования МО „г. Сыктывкар“ в первые сентябрьские дни для новоявленных школьников. В 2004 г. первоклассники города, а это почти 1500 человек, побывали в учазее совершенно бесплатно, так как уже четвертый год все расходы по его проведению взяло на себя Управление образования.

Стоимость входных билетов на музейные мероприятия несколько отличается от стоимости билетов на тематические экскурсии, и определяется она затратами, которые были вложены при их подготовке. Это и изготовление атрибутов, костюмов, масок, поощрительные призы для участников праздника. В День знаний дети получают красочные поздравительные телеграммы от Буратино и его друзей. Рождество не обходится без маленьких бумажных ангелочков, Масленица — без блинов, и какая же Пасха — без кулича?!

Хотя материальная сторона не является главной целью проведения музейных праздников, нельзя не учитывать того, что проведение их подчас является единственным способом зарабатывания реальных средств для воплощения наших новых творческих идей. А идей у нашего коллектива много!

Так, например, мы задумали создать свой музейный кукольный театр и уже закупили для него несколько персонажей. Сейчас куклы пока только используются на игровых экскурсиях для малышей и на празднике „Путешествие в Страну Знаний“, но это только начало. Благодаря театру, мы можем решить проблему нехватки „актеров“ и костюмов для них. Кроме того, сцены, разыгранные куклами, всегда очень привлекают детскую аудиторию.

Постепенно к проведению музейных праздников стал подключаться научные сотрудники других отделов Национального музея. Решая одну из актуальнейших проблем на Земле — проблему охраны окружающей среды, сотрудники отдела природы разработали экологический праздник для младших школьников и дошколят под названием „Этот нестрашный лес“ и приурочили его ко Всемирному дню животных (4 октября). Цель праздника — формировать у детей экологическую грамотность.

Специально для этого мероприятия были изготовлены большие маски главных персонажей: Лесовика и Зайца. Представьте

себе научного сотрудника, на голову которого надета огромная поролоновая маска Лесовичка, где вместо волос — настоящие еловые шишки! Вокруг слышны голоса зверей и птиц, журчание ручья... Дети сразу же включаются в театральное действие. Они с удовольствием учатся правильно разводить и тушить костер в лесу, убирать за собой мусор с лесной поляны.

Не секрет, что если просто сказать детям, что необходимо помогать взрослым высаживать деревья на месте старых вырубок, думаю, что большого энтузиазма у детей эти слова не вызовут. Но когда просьба звучит от лица самих „лесных жителей“, дети задумываются. Тогда, им предлагается сделать это тут же, в музее. И желание помочь лесу у ребят возникает мгновенно. Они с большим старанием начинают рисовать на бумаге различные деревья и прикреплять их на большую нарисованную поляну с пнями. И на глазах у всех полянка сразу оживает: березки, сосны, елочки, все вокруг зелено и красиво! После такого совместного творчества детям хочется делать хорошие поступки и дальше. Надеюсь, что многие из них постараются посадить настоящее дерево возле своей школы, детского сада, во дворе.

Не оставили без внимания мы школьников среднего и старшего звена. Для них в отделе этнографии НМРК проводятся „Рождественские посиделки“, на которых можно узнать о смешении языческих обрядов и христианских обычаев у народа коми. Каждый учащийся, пришедший на праздник, может быть просто зрителем, а может и предстать в облике „ряженого“ и „ходить по домам“, прославляя Христа. Некоторые смогут попробовать свои силы в роли колядовщиков и незатейливыми колядками пожелать всем присутствующим добра и достатка в доме.

Дополняя сценарии уже проводимых праздников более насыщенным информационным материалом, мы стали разыгрывать их для студентов педагогических колледжей и вузов. Причем приходили на них студенты очной и заочной форм обучения. Интересно было наблюдать за сменой настроения у взрослых людей, ведь у многих из них свои проблемы, в том числе нехватка времени и в музей они пришли только по принуждению педагога. Но буквально через несколько минут после начала мероприятия, полностью безучастные люди со скучающими лицами вдруг преобразались и с детским азартом, возгласами, старались выполнить все предложенные задания. Вот, что написали в книге отзывов студенты 653 группы (2002 г.) Коми Государственного педагогического института, побывав на нашей Масленице: „...мы все почувствовали себя снова детьми. Хотелось бы неоднократно приходить сюда самим и со своими детьми. Спасибо за блины..., вы расширили наш кругозор прекрасно организованным, со сценической точки зрения, праздником!“

Специально для студенческой аудитории в 2003 г. сотрудники научно-просветительного и методического отделов музея организовали праздник — конкурс „Татьянин день“, приуроченный к 25 января, Дню студентов. В подготовке мероприятия самое непосредственное участие принимал комитет по делам молодежи МО „Г. Сыктывкар“, он же выделил и деньги на призовой фонд.

Праздник проходил в выставочном зале, где то время располагалась уникальная выставка „Игра в бисер..“, привезенная в наш город из московского музея — усадьбы Останкино. Мероприятие было насыщено разнообразными и занимательными заданиями,

которые выполняли участницы конкурса на звание лучшей „Татьяны“. Девушки отвечали на вопросы по истории родного города, по истории бисероплетения. Не обошлось на празднике без соревнования на самую лучшую рукодельницу. Участницам пришлось сматывать нитки в клубок, плести „фенечки“ из бисера, а еще петь и даже танцевать. В общем, скучать в Татьянин день было некогда. Даже болельщики принимали в нем самое активное участие. Праздник получился веселым, шумным, познавательным и незабываемым.

В следующем, 2004 г. мы организовали „День Святого Валентина“, на который пригласили учащихся 11 класса гимназии им. А. С. Пушкина. Праздник тоже удался, хотя по масштабу он несколько уступал предыдущему.

Организуя мероприятия такого плана, невольно сталкиваясь с рядом проблем, пути решения которых нами пока не найдены. Это проблемы прежде всего организационные. Старшеклассники и студенты могут приходиться к нам только в вечернее время или в выходные, что не очень удобно работникам музея. Еще одна проблема — материальная. Организация масштабных праздников требует немалых финансовых затрат на художественное оформление залов, на изготовление атрибутов, на призовой фонд. И хотя вход на музейные праздники является платным, это решает лишь часть денежных проблем.

Один из выходов в сложившейся ситуации нами уже найден, мы стали переводить праздники из разряда разовых, в традиционные. Пример тому — „Ош чуалан лун“ (День медвежьих свадеб), студенческий праздник, который первоначально планировалось провести один раз, 14 сентября (по народному календарю Семенов день). Подготовки потребовалось много. И чтобы труд сотрудников музея не пропал даром, мы стали проводить его каждый год в течение всего сентября.

В настоящий момент многие наши мероприятия существуют в видео записи. Их применяют в своей работе как методическое пособие преподаватели КГПИ и колледжа культуры при подготовке будущих учителей и режиссеров.

В планах научно-просветительного отдела, а в настоящее время — отдела культурно-образовательных программ — создание праздников для детей-инвалидов. Первые пробы уже сделаны, мы несколько раз приглашали к себе ребятшек из Кочпонского детского дома-интерната и детей из школы-интерната № 5 (дети с нарушением опорно-двигательного аппарата). Хочется, чтобы праздники, как самое радостное и светлое событие, были в жизни каждого ребенка, как здорового, так и больного.

Счастливые лица всегда вызывают у нас, музейных работников, чувство удовлетворения и желание не останавливаться на достигнутом!

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О РОДНЫХ МЕСТАХ? (К ВОПРОСАМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Экологическому воспитанию и образованию с каждым годом уделяется все больше и больше внимания: разрабатываются новые учебные программы, учебники, пособия. Это, несомненно, верно — уж очень долгое время этому аспекту образования в нашей стране не уделялось должного внимания.

Целью экологического образования в настоящее время является становление экологической культуры личности и общества как совокупности практического и духовного опыта взаимодействия человечества с природой, обеспечивающего его выживание и развитие.

Национальный музей Республики Коми прodelывает не малую работу по экологическому воспитанию, образованию и просвещению населения, в особенности подрастающего поколения на протяжении многих лет: на постоянной экспозиции представлена тема «Охраняемые природные территории Республики Коми», в обзорных экскурсиях проговариваются данные вопросы, разработаны тематические экскурсии с экологической тематикой, создаются выставки по данной тематике.

В июне 2004 года в отделе природы Национального музея Республики Коми открылась фотовыставка к десятилетнему юбилею национального парка «Югыд ва». Цель выставки — показ уникальной природы национального парка. Экспонатами на выставку послужили фотографии с видами природы национального парка «Югыд ва», как профессиональных фотографов, так и фотографов-любителей. Интерактивным элементом выставки явился показ «туристического привала»: туристической палатки, туристического снаряжения.

Удивление научных сотрудников отдела природы вызвал факт незнания посетителями самой большой по площади охраняемой природной территории не только нашей республики, но и Европы, знаменитой на весь мир. Любуясь фотографиям с видами первозданной природы «Югыд ва», посетители музея нередко задавали вопросы: «Где это находится?», «Неужели это у нас?», и удивлялись, узнав о том, что эти замечательные уголки природы находятся на территории Республики Коми.

Автора статьи данные вопросы навели на мысль о том, а знает ли местное население, особенно молодежь, которая по своей специальности не имеет отношения к природоохранным вопросам, об особо охраняемых природных территориях Республики Коми. Их, все же, на сегодняшний день насчитывается более 250. Это и Печоро-Илычский государственный биосферный заповедник, и национальный парк «Югыд ва», а так же большое количество разнообразных заказников и памятников природы.

Для выяснения поставленной проблемы был разработан тест, который содержал следующие вопросы:

1. Какова площадь (доля в %) особо охраняемых природных территорий Республики Коми?

2. Как называется государственный биосферный заповедник, расположенный на территории Республики Коми, в каком году он был создан?

3. Назовите самую большую по площади охраняемую природную территорию Республики Коми?

4. Какую юбилейную дату отметил в 2004 году национальный парк Республики Коми?

5. Для охраны и воссоздания численности популяции какого вида растения созданы заказники „Нившерский“, „Сусьель Локчимский“, „Соплесский“?

6. Назовите один из памятников природы, функционирующий на территории Республики Коми.

Анкета была предложена студентам средних специальных заведений — будущим работникам культуры и образования. Полученные результаты говорят сами за себя. Из 120 опрошенных студентов смогли правильно ответить на второй вопрос 48 опрошиваемых, и еще два человека дали правильный ответ на третий вопрос. Все остальные вопросы остались без ответов.

Становится грустно и обидно, что жители республики не знают о тех уголках родной природы, которые известны на весь мир.

И, наверное, сегодня, говоря о патриотизме, нельзя упускать из внимания и вопросы экологии. Прежде всего, надо знакомить местное население различных возрастов с неповторимыми, удивительными уголками девственной природы своей родины, прививать чувство гордости и ответственности за землю своих предков! Будут знания — не будет равнодушия жителей республики к этим вопросам, которое наблюдается в данный момент.

Поэтому в дальнейшем, для достижения более значимых результатов в экологическом воспитании, образовании и просвещении, по нашему мнению, необходимо объединить усилия учреждений образования и культуры, а также природоохранных организаций.

В планах Национального музея Республики Коми заложено продолжение создания цикла выставок по особо охраняемым природным территориям Республики Коми, привлечение к знакомству с ними как можно больше посетителей путем организации различных мероприятий, акций, конференций совместно с природоохранными организациями и средствами массовой информации; расширение тематики экскурсий по экологии.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Т. И. Чудова

*Сыктывкарский государственный
университет*

ЗАСТОЛЬНАЯ ТРАПЕЗА В БУДНИ И В ОБРЯДАХ КОМИ(ЗЫРЯН)

Трапеза представляет собой целостное образование, в котором читаются четкие принципы организации приема пищи как в будни, так и в обрядовой жизни общества. Правила приема пищи демонстрируют нормы поведения, социальный статус отдельного человека, мифопоэтические представления общества. Поведение за столом строго контролировалось, нарушение правил поведения в традиционном обществе наказывалось. По своим качественным характеристикам повседневная трапеза приближается к ритуалу¹, поэтому правила поведения за столом в будни и в обрядах рассматриваются в едином контексте.

Работа выполнена на основе архивных материалов, собранных в 60-70-е годы XX в. и хранящихся в архиве КНЦ УрО РАН, а также полевых материалов автора, собранных за последние пять лет.

Для коми(зырян) характерно трехразовое питание. Первый прием пищи происходил рано утром, в 5-6 часов утра, назывался „обед“. Обед, называемый „пажин“, был в 12-13 часов дня, третий прием пищи, „ужин“, приурочивался к 16-17 часам. Трапеза состояла из нескольких блюд, подача горячей пищи была обязательна при каждом приеме пищи.

Символическое деление пространства жилища на мужскую и женскую половины угадывается и в размещении членов семьи во время еды, порядок которого имел четкую регламентацию. Так, хозяин дома усаживался на лавку в красном углу у внешнего угла стола, но никогда не занимал сам угол, т.к. это место в народной культуре ассоциировалось с местом Бога за столом. Хозяйка занимала место за столом, конец которого ближе всего располагался к печи, на приставном табурете. В таком порядке рассаживания за столом подчеркивается бинарная оппозиция красный угол - печь, где печь и прилегающее к ней пространство связаны с женщиной и противопоставляются красному углу, связываемому с мужской частью избы. Все остальные члены семьи рассаживались вокруг стола на лавках. Места, расположенные ближе к красному углу, занимали взрослые дети. Многодетные семьи прием пищи осуществляли в две или несколько смен, при этом детей кормили первыми. Перемещения в порядке размещения членов семьи за столом не приветствовались, они были допустимы только в связи с изменением социального статуса человека. Во время приема пищи перемещения сотрапезников расценивались негативно. Считалось, что кто обойдет стол во время еды, у того будет большая семья, которую трудно будет прокормить.

В крестьянском мире совместный прием пищи рассматривался как важный объединяющий фактор, трапезничали все вместе, игнорирование общей трапезой или опоздание на нее не при-

ветствовало. Отсутствие членов семьи за общим столом было возможно только в исключительных случаях, когда кто-либо находился в отъезде. Ежедневный прием пищи происходил чинно, размеренно. За столом не разрешалось громко разговаривать, болтать ногами, класть локти на стол. Важно подчеркнуть, что подросток, впервые принимавший участие в пахоте, имел право класть локоть левой руки на стол. Так демонстрировался переход подростка из одной социальной группы в другую, группу работников, тем самым подчеркивался его новый половозрастной статус. Фактически такое действие можно рассматривать как акт инициации. Взрослые, как правило, не пользовались этим правом, т. к. их социальное положение было устойчивым. Во время приема пищи не разрешалось баловаться, стучать по столу ложкой. Застолье представляет собой паузу в течение обыденной жизни, статичность и безмолвие которого соотносится с миром мертвых². (Ср.: „Когда я ем, я глух и нем“). Ребенок, нарушивший правило приема пищи, получал от хозяина дома ложкой по лбу. Важно отметить, что вербального порицания в этом случае не происходило, т. к. всем была понятна причина наказания.

Сервировку как будничного, так и обрядового стола осуществляла хозяйка дома, но распорядителем за столом выступал хозяин. Такой порядок организации приема пищи связан с представлениями о Боге как подателе пищи, где роль стряпухи сводится на нет³. Стол для будничной трапезы накрывали скатертью из пестряди⁴ или принятие пищи могло проходить за столом, не покрытым скатертью. До начала еды на стол клали ложки, выпечку, которую выкладывали прямо на стол или в специальную деревянную тарелку. В зависимости от количественного состава со-трапезников все это выкладывалось либо в центр, либо на два конца стола. При сервировке стола строго следили за количественным соответствием участников застолья и ложек. Существовала примета, что лишняя ложка — лишняя рот в доме или за стол сядет нечистая сила.

Любая трапеза не обходилась без хлеба. Бережное отношение к хлебу связано с его сакрализацией. В коми языке для обозначения понятия „заквасить тесто“, „дать подняться тесту“ использовался глагол „ловзёдны“ (оживить). Употребление данного глагола в хлебопечении достаточно символично, т. к. хлеб ассоциировался с живым существом. Для „исправления“ неподнявшегося теста квашню ставили на порог, добавляли закваску и заново месили тесто. Пространственная локализация повторного замеса теста на пороге аналогична лечению больных детей. До посадки хлеба в печь произносят молитву „Господи, благослови“, сформованный хлеб крестят. В традициях коми(зырян) соблюдалась очередность в раздаче хлеба по старшинству⁵, сохранялось правило полностью съесть взятый на обед хлеб, его не выбрасывали, упавшие крошки поднимали, подносили ко лбу и съедали. Крошки со стола собирали, скармливали скоту или выносили на улицу, подкармливая птиц.

Высокий сакральный статус хлеба, поддерживаемый христианской соотнесенностью с „телом Христа“, предопределил его ежедневное местоположение вне трапезы на столе под образами⁶. Постоянное наличие хлеба на столе связывается с достатком в доме. В коми традиции только хлеб мог находиться на столе, который уподоблялся церковному престолу. Стол под

образами, являясь некой центральной точкой в пространстве избы, противопоставлялся очагу, хронологически первому центру внутреннего пространства дома. Печь группировала обрядовые действия, имеющие языческие корни, а стол притягивал к себе верования христианского характера. Аналогичная картина наблюдается и в русской традиции⁷. Исходя из такого символического осмысления стола, существовали определенные предписания и запреты. Так, нельзя стучать по столу, иначе накличешь нечистую силу. Стол всегда должен соприкасаться в чистоте, грязная посуда убиралась сразу же после еды. Вытирать стол нельзя голой рукой, а только предназначенной для этого тряпкой. Голая рука в народной культуре ассоциировалась с бедностью, что достаточно ярко проявляется в обрядах гадания. На столе нельзя сидеть, держать посторонние предметы. Символическая соотнесенность стола с идеей пути достаточно прозрачно читается в практике проводов в дальнюю дорогу, когда уходящий три раза обходит стол посолонь. То же самое совершают в день свадьбы поезжане, приехавшие за невестой. А вот накануне свадьбы жених и дружки, прежде чем сесть за стол в доме невесты, трижды обходят его против движения солнца⁸.

Сакрализация хлеба проявляется и в практике встречи молодых после венчания ковригой хлеба с солью. Молодые откусывали по куску этого хлеба. Считалось, чем больше откусишь, тем богаче жизнь будет⁹. Сочетание хлеба с солью имеет сакральный смысл, т. к. не только хлеб, но и соль содержали магическую характеристику, что проявляется в практике осыпания солью молодых¹⁰. Выражение «нянь-сов» (хлеб-соль) выступает не только способом приглашения в гости, но и пожеланием счастья, здоровья, безбедного существования¹¹. Нарезку хлеба, как правило, осуществлял хозяин дома. В его отсутствие эту обязанность брала на себя хозяйка дома. Хлеб никогда не резали на столе. Как правило, ковригу хлеба прижимали к груди и, движением ножа на себя, разрезали его. Обратное движение ножа было недопустимо. Народное объяснение такого способа нарезки хлеба связано с сохранением достатка в доме, богатства для себя. Движение от себя ассоциировалось с возможной утратой имущества. Необходимо подчеркнуть, что на стол подавали хлеб, разрезанный на ломты, а выпечку выкладывали целиком. Технологические особенности приготовления теста диктуют способы деления хлебного изделия¹². Так, коми (зыряне) хлеб формовали из кислого теста, а основа выпечки готовилась из пресного теста. Поэтому хлеб нарезали, а выпечку ломали. Интересно отметить, что у рыбака отламывали верхнюю корочку, а затем съедали саму рыбу. Замена пресного на кислое тесто при выпечке рыбака внесла изменения и процесс его съедания. Рыбник из квашеного теста разрезали вдоль, а затем верхнюю корочку разламывали на куски.

В традициях будничного застолья коми(зырян) характерна строгая очередность подачи блюд. После того как члены семьи рассаживались на свои места, хозяйка подавала первое горячее блюдо в общей тарелке. Каждый член семьи поочередно брал пищу из общей тарелки, но право «первой ложки» принадлежало хозяину дома. И только после этого все члены семьи приступали к приему пищи. Существовали особые правила пользования ложкой. Ее нельзя было класть на край общей тарелки, т.к.

полагали, что по ней как по мосту может проникнуть нечистая сила. Ложку облизывали после каждого зачерпывания из общей тарелки и клали на стол, но только вогнутой емкостью вниз. Тот, кто не выпускал ложку из рук, считался прожорливым. Такая же картина наблюдается и в русской традиции¹³. Только хозяин дома мог держать ложку в руке во время приема пищи, не кладя ее на стол. Приучая детей к аккуратности, говорили, что у кого выложена на столе дорожка из капель еды, у того супруг будет пьяницей. При еде жидкой пищи, чтобы не разливать на стол содержимое ложки, под нее подставляли хлеб. В народной культуре считалось, что у кого изо рта постоянно падают крошки, тот не жилец на этом свете. В этом контексте интерес представляет практика, хотя и редко фиксируемая, подачи пищи в отдельной тарелке немощному члену семьи. Такое действие можно рассматривать как некий акт дистанцирования старого человека из структуры семейного коллектива.

Локальных отличий в потреблении первого горячего блюда не наблюдается, за исключением мясного супа. Так, на Сысоле мясной бульон ели с сухарями, затем хозяйка наливала густой суп, куда добавляли мясо. Вторую тарелку супа ели со свежим хлебом. На Средней Вычегде суп с нарезанным мясом подавали сразу, но вначале съедали бульон. Вторую порцию бульона ели, чередуя бульон с мясом. Разрешение на еду мяса подавал хозяин дома, вербально или ударяя ложкой по краю общей тарелки. На Удоре мясо подавали в отдельном блюде, хозяин солил его¹⁴. Каждый из участников трапезы кусочком хлеба макал в общую тарелку, прихватывая кусочек мяса. На Верхней Печоре мясной суп ели также как на Удоре только без хлеба. А хлеб подавали к каше. Ижемские коми рубленное на мелкие кусочки мясо ели без хлеба вначале трапезы. Затем хозяйка каждому из сотрапезников наливала бульон в отдельную тарелку, к нему подавался хлеб. Интерес представляет словосочетание, употребляемое ижемцами для обозначения способа приема супа — „шыд ю“ (букв.: „суп пей“)¹⁵. Во всех остальных районах использовали глагол „сэй“ (букв.: „ешь“). Разнообразие способов подачи мясного супа связано с разной степенью обеспеченности хлебом в районах, что в свою очередь связано с природно-географическим фактором и направлениями хозяйственной деятельности населения того или иного района.

Мясо на мелкие куски ножом разрезал хозяин дома, используя для этого отдельную тарелку в качестве разделочной доски. На Выми нарезка мяса осуществлялась двумя ножами, движение которых было направлено в противоположные стороны. Существовало строгое правило обращения с ножом. Его никогда не клали на тарелку, а только на стол. Бережное обращение с ножом проявляется и в практике хранения его в залавке, а открытый доступ к нему был ограничен. Нож нельзя было оближивать. Здесь просматривается не только прагматизм, связанный с безопасностью, но и символизм. В народной культуре считалось тот, кто оближивает нож, будет злым.

Смену блюд осуществляла хозяйка дома и только после того, как тарелка оказывалась пустой. После первого блюда подавалась каша в общей тарелке. В скоромные дни ели кашу с топленым маслом, которое наливали в специально выполненное углубление в центре горшка. Ели кашу, зачерпнув ее с края горшка и обмакнув в масло. Еда с чужого края не приветствовалась. В качестве тре-

тьего блюда подавали молоко, простоквашу, квас, чай или кисель, который был густым, ели его ложками. Существовала традиция наливать напиток до края сосуда. Количество содержимого в чаше соотносилось с полнотой жизни. (Ср.: жизнь — полная чаша). Существовало неукоснительно выполняемое правило наливания напитка в сосуд, когда движение руки было направлено на себя. Наливать наотмашь (кимлѡсь ки — букв.: оборотная сторона руки) было недопустимо потому, что так наливали покойнику. Интерес в данном контексте представляет практика выливания молодоженами наотмашь остатков сура на матицу, которая в структуре дома рассматривалась как мировое дерево.

Чаепитие, достаточно развитое у коми(зырян), имело свои особенности. Так, чай пили горячим, подача холодного чая рассматривалась как неуважение к гостю. И это связано с тем, что, по народным представлениям, холодная пища предназначена для мира мертвых. Очень часто пили чай, добавляя в него молоко. По мнению В. В. Похлебкина, такое сочетание создает особый жиробелковый комплекс, облегчающий усвояемость молока, а также смягчающий действие кофеина¹⁶. Северные коми подавали к чаю соленую рыбу¹⁷. Интерес представляет словесная формула приглашения в гости, широко распространенная у коми(зырян): „Лок чай юны“ (букв.: „Приходи чай пить“). Приход постороннего во время трапезы сопровождался словесной формулой „Кокыд кузь вѡлѡма“ (букв.: „Ноги длинные“). Эта фраза рассматривалась и как приглашение к столу, отказ от трапезы оценивался негативно¹⁸. Поддача еды в отдельной посуде для гостя расценивалось как оскорбление, выказыванием пренебрежительного и недоверчивого отношения. Участие гостя в трапезе было равнозначно включению его в структуру семейного коллектива, но только до момента ее окончания¹⁹.

Праздничный стол помимо богатства и разнообразия подаваемых блюд отличался наличием скатерти светлых тонов, которую берегли. Прием гостей в доме вносил свои коррективы и в порядок размещения за столом, и в правила приема пищи. Особо почитаемое место в Красном углу предназначалось для почетных гостей мужского пола. Праздничное застолье происходило без участия детей, которых кормили отдельно. Если гостей было немного, то детей могли усадить за общий стол. Застолье праздника отличалось приятной беседой, песнями, общим весельем и шумом. Иные правила поведения за столом подчеркивали исключительность праздника в череде будничных дней.

Гостеприимство у коми(зырян) рассматривалось как одно из положительных качеств человека. С постоянным ожиданием гостей как посланцев Бога связана практика хранения хлеба на столе. Принять гостя, накормить и напоить его рассматривалось в народной культуре как способ взаимоотношения с миром предков, от благорасположения которых зависело благополучие общества. Необходимо подчеркнуть, что начало будничной трапезы, отмечалось приглашением предков-родителей к столу, которое озвучивал глава семейства. Но приглашение озвучивали только в первой половине дня. Считалось, что во второй половине покойников не поминают. Практику ежедневного выставления в Красный угол горячего хлеба можно рассматривать как одну из форм гостеприимства и связанного с ним ритуального кормления умерших родственников. Пища, выставляемая в Красный угол, по

народным представлениям наделялась особыми магическими свойствами, способна исцелить недуги. Такую пищу вечером отдавали детям для укрепления их здоровья. Взаимоотношения в системе „живые — мертвые“ хорошо просматриваются в практике раздачи охотниками части своей добычи немощным членам сельской общины, в доме которых не было охотника. Раздача части добычи связана с представлениями о том, что в следующем сезоне удача не отвернется от охотника. Приняв и накормив гостя, при прощании всегда благодарили посетителя за приход в дом. Такая практика сохраняется до настоящего времени.

Праздничная сервировка стола имела свои особенности и в способе подачи блюд. Если в будни характерна смена блюд, то в праздники все блюда выкладывались на стол одновременно, а гости выбирали понравившиеся им яства. Праздничный стол отличался количеством и качеством подаваемых блюд. Особым разнообразием отличались выпечка и каша. Последняя рассматривалась как обязательное блюдо праздничного застолья. Информанты подчеркивают, что в голодные послевоенные годы хозяйки старались приготовить как можно больше разных каш. Рыбники на праздничный стол выставлялись так, чтобы голова рыбы была направлена в Красный угол. Для этого до выпечки хозяйка помечала месторасположения головы рыбы зацепами на тесте. Окончание праздничного застолья обозначалось подачей блинов, в практике употребления которых имеются локальные отличия. Так, на Сыsole и Лузе блины, свернутые вчетверо, макали в латку с маслом. На Выми блины разрезали на четыре части. Считалось, что подают блины, пора и честь знать, больше на стол не подавали ничего.

У коми(зырян) отсутствовали развитые традиции потребления алкогольных напитков, но на празднично-обрядовом столе обязательным напитком выступало домашнее пиво. Хмельное темное с густой пышной белой шапкой пены пиво из бочонков наливалось в медные едновы или деревянные братины, из которых наливалось пиво в чаши. Безалкогольное пиво считалось полезным и для детей. Ограничений в питии пива не отмечается, хотя считалось, что необходимо выпить не менее двух стаканов. На отказ от второй чаши говорили фразу: „Ю, абу син пöла“ (букв.: „Пей, не одноглазый“). Здесь достаточно четко проявляется символика четных чисел, связываемых с миром живых.

Ритуальные трапезы имели несколько иную организацию, в которой также просматривается символическое деление пространства избы. Свадебное застолье, возглавляемое женихом и невестой, разделялось на две стороны, соотносимые с партией жениха и партией невесты. Рассаживание за столом имело свою строгую иерархию, соотносимую с социальной стратификацией общества, когда более почетные гости усаживались ближе к молодым. На Нижней Вычегде во время свадебного застолья родственники невесты усаживались за столы, расположенные ближе к печи, а родственники жениха — ближе к дверям²⁰. На свадебный стол выставлялась только целая посуда. Это правило сервировки стола строго соблюдалось, т.к. посуда с различными дефектами в традиционном обществе наделялась негативной символикой²¹.

Сваты не садятся за стол, пока родители невесты не подадут как-нибудь знать, что они не против предложения сватов. Считалось, что будешь сидеть за самоваром в доме невесты, сватовство

не удастся²². На Ижме невеста угощает участников обряда рукобитья вином, привезенным женихом, при этом рюмку прикрывает хлебом²³. Необходимо подчеркнуть, что точно также выставлялась рюмка с хлебом и на поминальном столе. Интересна организация плача невесты накануне свадьбы в с. Куратово Сысольского района. Каждая из подруг невесты за плач (чипсалём), обращенный к ней, подает ей яйцо, которое складывается в берестяной лоток (куд). За свадебным столом за пожелание счастья невеста одаривает этими яйцами всех присутствующих. Прилузские коми рукобитье отмечали блинами, стопку которых жених должен был перевернуть²⁴.

В день свадьбы на Нижней Вычегде сама невеста самостоятельно не ела, ее кормили. Таким образом демонстрировалась ее немощность, связанная с символической причастностью невесты к миру мертвых. Первым блюдом свадебного стола выступает рыбник, который первым пробовала невеста. Во время свадьбы сысольские коми не подают кисель²⁵, который рассматривается как поминальная пища. На свадебный стол ижемцы подают цельного лебедя, которого нельзя было употреблять в пищу в обычные дни. Иногда лебедь заменяется другой птицей, но обязательно приготовленной целиком. Жених и невеста пьют пиво по три раза из одного стакана, а остатки наотмашь плещут на матицу²⁶. Свадебный стол отличался разнообразием блюд, а его завершающим аккордом выступала каша, которую должны были по ложке попробовать все присутствующие гости. Иногда эта каша обильно содобрена солью.

Во время тризны на край стола, обращенный в Красный угол, ставилась пища для умершего, и эта часть стола оставалась незанятой. На 40-ой день там усаживался „заместитель“ покойника. Сервировка поминального стола имела свои особенности. На поминках можно есть только ложками. Это правило стараются соблюдать и в современных условиях. Еда, выставляемая для покойника, наливалась в посуду, которой тот пользовался при жизни или же в посуду с каким-нибудь дефектом. Все остальные участники поминального стола рассаживались в соответствии со своим социальным статусом. В поминальной трапезе чередуется подача горячей и холодной пищи, последняя рассматривалась как пища для предков. Обязательными блюдами погребально-поминального стола считались рыба/рыбник, кутья, мучной или гороховый кисель. На Выми в число обязательных блюд поминального стола входит дичь, приготовленная целиком. Во время поминок ее по кусочку раздают всем участникам тризны. Информанты отмечают, что поминальный стол должен обязательно содержать три рыбника, один из которых выставлялся в Красный угол для „родителей“, а на сороковины необходимо выставить 40 блюд. Ритуальный стол отличался и способом потребления пищи, которую ели все присутствующие поочередно, пуская по кругу. Поминальный стол начинается с подачи кутьи, символика которой связывается с кругом рождений. В практике приготовления кутьи сысольскими и прилузскими коми существует особенность, связанная с добавлением в нее гороха, который в народной культуре ассоциируется со слезами. Каждый из участников тризны по кругу пробовал ее три раза. Интересна организация прощания с умершим. Члены сельской общины прощаться приходили не с пустыми руками, а приносили какую-нибудь

еду, что на мифологическом уровне можно рассматривать как пищу для предков.

В целом застольная трапеза коми(зырян), в акциональном плане демонстрирующая социальную организацию общества, соотносится с мифопоэтическими воззрениями. По структуре и организации правила приема пищи близки традициям русского населения. Обрядовый совместный прием пищи призван был объединить в единое целое деревенский социум и разделить на всех радость и горе коллектива. Такая характеристика пищи хорошо просматривается в предании о богатыре Юрке²⁷. В организации трапезы, особенно ритуальной, читается символика числа, демонстрирующая систему „живые-мертвые“.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаратов В. Э. О мифологических истоках некоторых этикетных ситуаций (на примере застольного этикета в традиционной культуре коми) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов. Ч. I. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1990. С. 102.
2. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1990. С. 145.
3. Там же. С. 145.
4. По информации Л. Н. Королевой, в семье ее бабушки обеденную скатерть стелили только во время трапезы, в остальное время она хранилась в скатанном виде в залавке.
5. Шаратов В. Э. Указ. соч. С. 103.
6. Мифология коми. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. С. 260.
7. Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. Соч. С. 135.
8. Конаков Н. Д. Мифологические основы традиционной свадебной обрядности коми // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Тезисы докладов. Ч. 1. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1990. С. 97.
9. Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. С. 65.
10. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1968. С. 124.
11. Мифология... С. 345.
12. Байбурин А. К., Топорков А. Л. Указ. соч. С. 142.
13. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь). Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство — СПб, 1999. С. 239-240.
14. При сборе информации пожилые люди отмечают, что солили пищу только при подаче на стол, т.к. эмалированный чугунок от соли желтеет.
15. Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 139. С. 216.
16. Похлебкин В. В. Чай. М.: Центрополиграф, 2001. С. 339-344.
17. Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 139. С. 218.
18. Информацию любезно предоставила Л. Н. Королева.
19. Шаратов В. Э. Указ. Соч. С. 104.
20. Плесовский Ф. В. Указ. соч. С. 42. ●
21. Чудова Т. И. С. Гончарство коми(зырян) во второй половине XIX-первой половине XX веков. Сыктывкар, 2001. С. 76-78.
22. Плесовский Ф. В. Указ. соч. С. 17.
23. Там же. С. 26.
24. Там же. С. 30.
25. Там же. С. 123.
26. Там же. С. 37.
27. Мифология... С. 404.

Г. Н. Романова
РЭМ, С.-Петербург

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В КОМИ 1973—1976 гг.*

В 1973-1976 гг. мною было предпринято этнографическое обследование территории Коми для сбора материалов, которые могли бы дать картину распространения традиционного домашнего ремесла и наиболее характерных промыслов с начала XX в., а также их сохранения в среде местного населения в 70-е годы XX в. Все годы, кроме меня, в экспедиции принимала участие лаборант сектора этнографии ИЯЛИ Коми филиала РАН Л. Я. Канева, которая не только помогала собирать материал, но и была переводчицей, так как некоторые пожилые женщины в отдаленных деревнях говорили только по коми. В 1974 году в экспедиции участвовала научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ Коми филиала РАН Н. В. Титова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить их за помощь в работе, но особенно хочется выразить восхищение и сказать слова благодарности, возможно запоздалые, тем людям из деревень, где мы побывали, за их мастерство, гостеприимство, широту души и щедрость, которые мы встречали повсеместно.

За 4 года было проведено 4 экспедиции и 2 командировки в следующие районы — Ижемский, Княжпогостский, Койгородский, Корткеросский, Печорский, Прилузский, Сыктывдинский, Сысольский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Куломский, Усть-Цилемский. Всего было обследовано более 80 населенных пунктов и опрошено более 300 информантов, сделано много фотографий и зарисовок. В эти годы большинство пожилых людей в сельской местности и даже городах Коми республики сохраняли в своем быту предметы традиционного ремесла; еще жили мастера, которые их изготавливали или помнили приемы их создания, они могли рассказать о знаменитых мастерах, работавших на рубеже XIX-XX вв., о ярмарках, где происходил обмен крестьянскими вещами, назвать цифры, выражающие количества изделий и их параметры, они отмечали меняющееся отношение к предметам народного быта, почти всегда выражая сожаление по поводу их „ухода“.

В статье приводится список сел, где проходила наша работа и мастеров, дававших информацию во время экспедиций. Список не полный, так как сведения по наиболее массовым занятиям, например, тканье половинок или изготовление саней, лодок и др., собирались в деревне у одного-двух человек, а занимались этими ремеслами многие. Статья написана на основе полевых дневников автора и сохраняет последовательность маршрута и стиль дневников с некоторыми комментариями.

Домашние ремесла и промыслы у коми активно развивались прежде всего вблизи крупных сельских и городских торговых центров — Усть-Сысольска (ныне г. Сыктывкар), Визинги, Небдино, Помоздино, Ижмы, Усть-Выми и Важгорта. Особенно выделялись г. Усть-Сысольск и с. Вильгорт — это были два главных ремесленных

центра Коми края, где были известны почти все виды ремесел, поэтому эти два пункта были обследованы несколько раз.

1973 год

Зимой 1973 года состоялась первая командировка в г. Сыктывкар и в д. Пажга. Знакомство с местными музеями и беседы с пожилыми людьми из д. Пажга, дали понять, что эта деревня славилась своими кожевниками. Выяснилось, что у сысольских, вычегодских и удорских коми ремесло имело массовый характер, так как земледелие здесь не обеспечивало семьи всем необходимым, поэтому не только мужчины, но женщины и дети занимались производством каких-то изделий для себя и на продажу. В связи с этим первую экспедицию я решила провести в июле-августе 1973 года в наиболее „ремесленных“ районах — Сысольском, Сыктывдинском, Удорском, а также посетить некоторые села Княжпогостского района, в котором ремеслом на продажу почти не занимались. Экспедиция началась с посещения села Вильгорт *Сыктывдинского района* — большого и оживленного, расположенного в 7 километрах от столицы Коми — г. Сыктывкара. В этом старинном селе тогда еще проживало множество прекрасных мастеров, называвших себя самоучками, которые еще в недавнем прошлом изготавливали для своей семьи и соседей телеги, сани, мебель, гармони, валенки, глиняную посуду, могли выделывать шкуру, сшить кожаную обувь, построить дом, сплести корзины и заплечные мешки из бересты — *пестери*. Особенно славились вильгортцы, а также мастера г. Усть-Сысольска в начале XX в. своими столярами-мебельщиками, производством деревянной посуды, выездных саней — *кошов*. Вильгорт был центром гончарного ремесла у коми, это село состояло из нескольких маленьких деревень, каждая из которых имела своих специалистов. Так гончары жили и работали в центре Вильгорта — Вичкодоре, в д. Дав шили сапоги, в Верхнем Вильгорте, который назывался Ягвыв, по мнению местных жителей, все были кузнецами. Многие мастера и в 70-е годы XX в. продолжали свои занятия каким-нибудь ремеслом, часто поражая разнообразием и высоким уровнем своего мастерства. Например, С. С. Киселев (78 лет) был поистине мастером на все руки, он делал мебель уже с 1915 г., был также плотником, печником, каменщиком, плел посуду из бересты, делал бочки. Степан Семенович помнил, что в Вильгорте 4 человека делали гармони, последнего гармонщика звали Яков, был один балалаечник — С. И. Налимов. В доме С. С. Киселева вся мебель собственного изготовления, покупной немного. С. П. Власов сообщил, что несмотря на то, что в селе есть сапоговаляльная мастерская, он катает валенки, так как свои лучше, а раньше еще шил сапоги, туфли, бродни, но теперь есть обувь в магазинах. М. В. Лыткин (73 года) — потомственный овчинник, рассказал, что он обрабатывал овчинные и оленьи шкуры для себя и соседей. Кроме него были и другие овчинники и кожевники. С. П. Худяков шил сапоги в Вильгорте и ходил шить в Дав, Давпон, Аныб и Вотчу, он сообщил, что раньше в Вильгорте были хорошие дубильщики кож, сейчас уже нет.

Далее были обследованы деревни Зеленец, где работал мастер, изготавливавший сани; Парчег, в которой А. В. Габова при нас сделала глиняный горшок без круга, ленточно-жгутовым налепом,

эта техника активно использовалась в Коми до середины XX в. В Парчеге у каждой пожилой женщины сохранился ткацкий стан, на котором ткали только половики, почти в каждом доме есть самодельная деревянная посуда — долбленные солонки, чашки, ложки, корыта, совки для муки, берестяные туеса, коробки — *куды* из бересты или дранки для женского рукоделия, хлебницы, плетеные из корней. А. Г. Порошкина сообщила, что здесь нитки могли получить не только с помощью прядения на веретене, но сучением руками на бедре и на щеке. В д. Часово еще изготавливали лодки, жили сапожники, пимокаты (катальщики валенок), кожевники, гнал смолу А. Г. Цивунов. А. И. Аверина, М. Н. Торлопова, М. А. Лодыгина рассказали нам, что в молодости ткали полотенца браной техникой, но теперь они ткут половики и вышивают. В деревне также ткот половики А. В. Смирнова, катает валенки пимокат Г. А. Болотов, в прошлом эти три деревни были известны также своими лодочниками, изготавливавшими плоскодонные лодки — *дощаники* на продажу.

В д. Пажга еще были свои пимокаты, сапожники, кожевник Н. Ф. Поляков, который обучался кожевенному делу с 11 лет, а потом, вместе со своей семьей обрабатывал кожи для своей и соседних деревень.

Деревня Ньючим — заводская, здесь работало много русских. Коми и русские женщины этой деревни ткали и плели кружева, это мастерство сохранялось в 70-е годы XX в. кружевницами А. В. Поповой и А. И. Воробьевой. А. Н. Порошкина (род. в Зеленце) — ткачиха из г. Сыктывкара, рассказала о крашении холста в Зеленце самыми простыми способами, тем, что было под рукой — болотной грязью, илом, который кипятили с древесной корой — *ловлу*, добавляя и настаивая с железными вещами и купоросом. Это в черный цвет, в розовый — из коры ивы; шерсть и холст красили луковой шелухой, травой, листьями деревьев.

В д. Палевицы Е. И. Торопова (72 года) сказала, что до войны еще ткали узорные полотенца, скатерти браной техникой; она вместе с подругами ходила на посиделки пряхь; во время работы девушки пели песни „Кругом я такой сиротина“, „Все пташечки на рейде“, сказала также, что женщины в деревне лепили горшки руками, вязали одной и несколькими спицами, мужчины резали посуду, плели из бересты и корня, мастерили лодки-дощаники от 3 до 7 м., долбленки, сани, катали валенки, здесь были свои бондари. Некоторые предметы домашнего обихода привозили из других деревень, например, лубяные коробки для женского рукоделия *куд* и набирушки для ягод из бересты из д. Коквицы. В лубяных коробках хранили мелкие женские вещи, а приданое складывали в большие сундуки, это могло быть до 100 аршин холста, 20 полотенца, несколько скатертей.

В Сыктывдинском районе были обследованы: г. Сыктывкар, села: Вильгорт, Силапаян, Парчег, Зеленец, Часово, Палевицы, Пажга, Лозым, Ньючим. Были выявлены следующие мастера Сыктывдинского района и г. Сыктывкара: С. С. Киселев, с. Вильгорт — столяр; С. П. Власов — катальщик; М. В. Лыткин — овчинник; В. Г. Власов — гончар; А. В. Габова, д. Парчег — гончар; А. И. Аверина, с. Часово — кружевница, ткачиха; А. Н. Порошкина, г. Сыктывкар — ткачиха; Н. Ф. Поляков, д. Пажга — кожевник.

1973 г. Сысольский район

Этот район знаменит самыми разнообразными ремеслами, особенно портняжным и пимокатным, которыми занимались почти в каждой деревне для себя, соседей и ходили в отход. Больше всего в отход ходили портные в Пыелдине, Межадоре, Вотче, Кунибе.

По словам Степана Федоровича (фамилия не зафиксирована) из Пыелдина „...портняжить ходили целыми семьями, женщин брали сподручными, мальчишек с 13 лет. Деды ходили пешком, по Каме — на лодках, от Усоляя — по железной дороге. Портной ходил с холщовой сумкой, в которой лежали ножницы, а еду и одежду портного, швейную машинку везли на санках. Отец Степана Федоровича и четыре брата отца всю жизнь ходили в Ирбитский округ, другие портные Пыелдино тоже ходили по Уралу, каждый в „свое“ место, некоторые в Вятскую губ., до 1 марта все стремились домой, к Евдокимовской ярмарке. Возвращались пешком или на лошади до с. Зануля, далее пешком, затем парходом до Сыктывкара. На ярмарку приезжали купцы из Сыктывкара, Палауза, Визинги, Вильгорта. На вырученные от шитья деньги покупали товары: у вильгортских — бочки, сани, горшки, телеги, хомуты, сапоги; у вятских покупали телеги, сети, ткани, посуду. Хорошие мастера оставались до НЭПа. Шили шубы, мужскую и женскую одежду. Портняжный промысел считался более престижным, чем пимокатный или скорняжный, пимокатов было немного, так как валенки не носили постоянно, а только по праздникам и дома. Кроме того, крестьяне работали и на ближний рынок, так в Кунибе был красильщик, обслуживавший всю округу, в Межадоре изготавливали лодки, сети, *пестеры*, ткали холсты, в Кунибе были сапожники, здесь же делали сани, в Куратово — добротные *пестеры* (в этом районе была распространена фляжная форма пестеров, в то время как повсеместно конвертообразная), в Чухломе курили смолу семьями, в Вотче работали кожевники, был сапожник, ходивший в отход, делали сани“. Д. Дикоево славилась обработкой шкур овец, кроликов, лисиц, куниц, зайцев, белок, медведей, здесь изготавливали лодки и бочки, плели сети, курили смолу.

В Сысольском районе, как и во многих районах Коми, почти все крестьяне занимались деревообработкой. В с. Визинга было много мастеров по дереву, которые делали сани, лодки, ложки, курили смолу и деготь, плели корзины, делали разнообразную утварь из бересты; кроме того, здесь работали кожевники, красили и шили одежду, изготавливали гармони, сети, валяли валенки, шили сапоги, хотя более важным занятием считалась охота. В момент обследования в визингском лесопункте существовал сувенирный цех по изготовлению деревянной посуды, который впоследствии закрылся. Но успешно работала на дому плетеница из лозы и корней — М. А. Морозова (47 лет), продукция которой хорошо продавалась: хлебницы, короба для детских саней, бельевые корзины, дамские сумочки, корзины для сбора ягод и грибов, стулья и т. д.

В д. Шерлом жил мастер на все руки — И. Ф. Куратов, который работал в МТС комбайнером, а также обрабатывал кожи, шкуры, шил сапоги, валял валенки, делал сани, телеги, строил избы, ставил печки, плел *пестеры*, делал деревянную посуду, мазут из

пней сосны, занимался кузнечеством. Почти в каждой деревне в момент обследования мужчины изготавливали сани, пожилые женщины ткали половики из тряпок, но они помнили как „ходили на кудель“ — прясть в дома родственников, как ткали холсты, вязали.

В Сысольском районе были обследованы села Межадор, Чулом, Визинга, Дикоево, Вотча, Пыелдино, Чукаиб, Куратово, Шорпом. В числе мастеров Сысольского района: М. А. Морозова, с. Визинга — плетенщица из лозы; М. А. Дикоев, д. Горьковская (д. Дикоево) — лодочник, кожевник; П. А. Кузьбожев, д. Вотча — сапожник санник; А. Е. Попов, д. Пажга — катальщик, сапсчник; А. В. Попова, д. Нювчим — кружевница; М. К. Ульянова, с. Пыелдино — вышивальщица, ткачиха; И. Ф. Куратов, д. Шорпом — кожевник, катальщик, сапожник, деревообработчик; В. И. Морозов, с. Межадор — изготовитель пестерей; П. Е. Шарапов, с. Пыелдино — потомственный портной.

1973 г. Удорский район

Кослан — центр Удорского района, село большое, но мастеров здесь осталось мало. Посетили бондаря, сапожника и кружевницу. Бондарь А. С. Доронин (62 года) рассказал, что крестьяне победнее делали себе все сами; он, например, бондарь, пимокат, кожевник, шорник, столяр, плотник. О. С. Тимаковская с 9 лет вяжет узорные вещи, сейчас тклет половики, плетет кружева, заметила, что в Удорском районе еще многие носят вязаные узорные чулки.

Село Разгорт. По рассказам А. П. Жилина (73 года) „... в селе всегда было много мастеров, которые владели несколькими ремеслами, он сам больше занимался охотой, но приходилось работать и топором — сделать сани, лодку-долбленку, посуду из березового нароста, гнать смолу. Сюда много товаров привозили купцы из Вятки, Важгорта, Устюга, Печоры (красные товары, колеса для телег, посуду, кадушки, подойники, праздничную сбрую, хомуты, рыбу), из Глотова приходили отходники-коновалы и катальщики; был свой красильщик по фамилии Палкин, кузнец, портной, балалаечник, бондари, которые вывозили свои бочки на ярмарку в Важгорт“. Смолокур С. П. Жилин (87 лет) рассказал, что еще недавно гнал смолу, глиняных горшков местные здесь делали мало, до революции 1917 г. горшки привозил из Кослана мастер Ольшанин или делал их на месте, а до войны 1941 г. в селе была гончарная мастерская, потом она закрылась. Сапоги и одежду сами шили и покупали у тех, кто приходил сюда шить, каждый мужчина ловил рыбу сетью и сам их плел. Он работал ямщиком „...возил людей направо и налево“, потом записался охотником, бил дичь рябчиков, белок.

Глотова — село коновалов. К. Г. Иевлев (79 лет) вспоминал, что помогал отцу — профессиональному коновалу, который и кастрировал и лечил скот заговором. Отец кастрировал лошадей, а он — бычков, баранов. С 14 лет он ходил *коновалить* с отцом за Урал, в Сибирь, обычно ходили группами, по 2 человека, в основном, родственники. Хозяева предоставляли еду, ночлег, хорошо платили, но ему не привилось это ремесло, оно ему не нравилось и он выучился на портного, стал ходить в отход, работал на машинке Зингер, шил нижнюю и верхнюю одежду, военное обмундиро-

вание. По его словам в Глотова половина деревни коновалила, а осенью — охотились. С. Ф. Доронин (70 лет) занимался коновальским ремеслом с 22 лет, ходил с дедом в деревни соседних районов — Вотчу, Керчомью, Визябож, Койтыбож, Вильгорт и в дальний отход — от Эжвы до Перми, Печоры за Урал, Из Глотова коновалы ехали с ямщиками до Айкино, или Сыктывкара, затем пароходом, пешком и „как придется“. Отходники уходили из дома обычно в ноябре, а возвращались в апреле, зарабатывая по 50-100 рублей (деньги 1920-х гг.), в эти годы, по его словам, в деревне было 20 коновалов. Коновалы не только кастрировали, но и лечили с:от порошками, травами и заговорами — *причитаниями*, они прибегали к разным хитростям, чтобы убедить людей в своих необыкновенных способностях. Семен Федорович тоже кое-что делал. Он рассказал несколько историй из жизни глотовских коновалов. История первая. „Один глотовский крестьянин купил корову в дальнем селе и вел ее домой. По дороге ему встретился коновал, который предложил ему пойти выпить, а корову отпустить, сказав, что его корова сама придет домой. Крестьянин согласился. Коновал погладил корову, взял грязь из-под копыта, помазал ею корову, опять погладил, что-то пошептал (все это надо делать незаметно) и она сама пришла в стойло незнакомого ей дома. Таким же способом можно вылечить коров от порчи“. История вторая. Обычно, во время свадеб, чтобы удивить односельчан и внушить к себе уважение, коновалы останавливали свадебные поезда. Вот, что сделал однажды Семен Федорович. Пока молодые венчались в церкви, он намазал столб у ворот дома жениха медвежьим салом. Пара лошадей, которая везла жениха и невесту к дому, остановилась у ворот и ни с места. Соседи предложили позвать коновала. Семен Федорович пришел, потребовал вина, потом подошел к лошадям, погладил их по мордам и провел через ворота. Также лошадей можно было остановить и на дороге, достаточно намазать палку медвежьим салом и бросить на пути свадебного поезда, а при надобности убрать ее или успокоить лошадей и проводить их до нужного места. История третья — „Угон скота“. Коновал может угнать скотину в такое место, что хозяин не найдет. В Глотова был такой случай. Коновал *отправил* корову какого-то крестьянина неизвестно куда и ее потом нашли на Вашке. Или другой случай. В Глотова забрел чужой жеребец и хозяин его не отыскался. Это делалось с помощью заговора или грязи из-под копыт“. Коновалы могли повредить скотине порчей, но убить ею не могли. Порча делалась также с помощью сочетания различных специальных трав, какие это были травы, Семен Федорович не знал. Он также рассказал про пожар в сельсовете: „Загорелся сельсовет, пожар никак не могли потушить, старухи ходили с иконами, пели молитвы, бросали в огонь куриные яйца, молились, чтобы огонь не распространился на соседние дома, но огонь не стихал, тогда пригласили коновала, коновал крикнул, чтобы выходили снохачи. Вперед вышли мужичины, которые имели половую связь с невестками и пожар прекратился“.

В. Д. Дубленников (67 лет) сапожничал с 15 лет, ходил шить сапоги и бахилы в Турью, Весляну. А. А. Афанасьев (75 лет) — шил сапоги с 15 лет, достиг очень высокого уровня, его сапоги считались лучше покупных; он же — столяр, плотник, печник, охотник, рыбак, плел сети, резал посуду, сам скручивал нитки на бедре и на щеке, и

на прясле, ходил сапожничать месяца на два, недалеко: в Кослан, Турью. Его брат коновалил в Пермской губернии, в городах: Тюмени, Ирбите, Верхотурье, он ему 2-3 раза помогал, но это дело было ему не по душе. Я. Ф. Будрин — пимокат, кожевник, также делал кирпичи, клал печки из необожженного кирпича, мастерил сани, гнал смолу. Сказал, что здесь делали прялки из ели, раскрашивая черной, красной и зеленой краской, на них изображали фигуры лошадей, всадников, оленей или геометрический орнамент, изготавливали горшки налепом, сооружали лодки-дощаники — длинные, плоскодонные с невысокими бортами, за форму их шу-ливо называли *утюг*.

Село Чупрово. А. Ф. Якимова (63 года) с 12 лет ткала, позднее мать научила ее ткать браные узоры на полотенцах и скатертях. В период нашей поездки она одна единственная этим занималась, еще две женщины в деревне ткали половики, а Е. Багаева вязала узорные носки. По словам А. Ф. Якимовой в Чупрово в недавнем прошлом были кожевники, овчинники, бондари, гончары, которые работали вручную и на гончарном круге, коновалы и пимокаты, ходившие в отход в *Печору*, сапожники и портные ходили по р. Вашке, здесь делали лодки — долбленки, занимались извозом по Вашке до Пинеги.

Село Важгорт. Здесь была знаменитая и богатая ярмарка. В. П. Лукин — пимокат, вспомнил, что сапожники, санники, плотники, овчинники, резчики посуды, портные и бондари здесь были местные, но так как в селе была ярмарка, то местные крестьяне, продав лошадей и сено, многое могли купить. А. С. Долгин (65 лет) — кожевник, сапожник, портной, сказал, что „... столярничал „от Коптюги, до Лоптюги“, делал решета для сеяния, сбри, плел корзины, туеса. Его отец С. М. Долгин резал деревянную посуду, мать Н. Н. Долгина лепила глиняную посуду; сюда приходили кожевники из д. Вильвидз, а коновал был свой — А. Бутырев, здесь не делали прялок, не ходили в отход, мужчины занимались лесозаготовкой, сплавом и охотой, женщины извозом, лепили горшки на ручном гончарном круге, в соседней деревне Каца был красильщик, который изготавливал набойку“. В селах Разгорт, Вильвидзе, Пучкоме встретились дома с резными и крашеными охлупнями, в Чупрово на одном крыльце была вырезана уточка, остальные дома не украшены.

В этом районе были обследованы — Кослан, Глотова, Разгорт, Важгорт, Вильвидз, Пучком, Чупрово, Ертом.

Мастера Удорского района: А. С. Доронин, с. Кослан — бондарь; О. С. Тимаковская — ткачиха, вязальщица; А. П. Жилин, с. Разгорт — деревообработчик; С. Ф. Доронин, с. Глотова — коновал; К. Г. Иевлев — портной; А. А. Афанасьев — сапожник; Я. Ф. Будрин — пимокат; А. Ф. Якимова, с. Чупрово — узорное тканье; А. С. Долгин, с. Важгорт — кожевник, сапожник; П. И. Матвеева, с. Ертом — ткачиха; И. Ф. Павлов — столяр, плетенщик.

1973 г. Княжпогостский район.

В этом районе не было развито изготовление изделий на продажу, крестьяне делали необходимые предметы для своей семьи или покупали их на ярмарках в Усть-Виме и пользовались услугами мастеров-отходников из других мест. Здесь почти все мужчины зимой занимались лесоразработками — очень доходным

промыслом, а осенью — охотой, весной — сплавом леса, некоторые женщины по необходимости — извозом.

В д. Турья подробную информацию дал Ф. И. Габов (75 лет), родом из д. Весляны — столяр, кузнец, плотник, печник, смолокур. Ф. И. Габов рассказал о том, что в Турье делали для себя лодки, сани, туеса, глиняные горшки налепом, деревянную посуду; он сам шил сапоги и катал валенки. В деревне был бондарь, один сапожник по фамилии Захаров ходил в отход, кожу здесь не дубили, овчины не выделывали, мало занимались изготовлением посуды из дерева. Из Глотова приходили коновалы, из Кони — портные и катальщики валенок, из Усть-Выма коробейник приносил пряники, ленты, колечки, там же покупали праздничную сбрую, дуги, хомуты, корзинки для ягод — набирушки, пестери, прялки, иконы. В деревне, кроме него есть еще один пимокат, печник, мастер по бересте (гнал смолу, деготь, изготавливал берестяную утварь) — это Г. И. Габов (75 лет). Тоже самое — и в других деревнях этого района. Так, в деревню Верхние Кони из д. Коквицы приходили коновалы; из Усть-Выма — коробейники. Крестьяне сами почти не ездили на ярмарку, все покупали у скупщиков. Здесь делали лодки из досок, долбленок не делали, вытачивали деревянные ложки, лепили глиняные горшки, которые обжигали в печи дома, гнали смолу, катали валенки. П. И. Летошев — кожевник, сапожник, сообщил, что здесь в 1927 г. был смолокурный завод.

В деревне Ляли сведения дали супруги Каракчевы. А. И. Каракчева (75 лет) в недавнем прошлом ткала холсты, половики, делала горшки, ее муж, С. П. Каракчев (81 год) был сапожником, столяром, плотником. Раньше сами делали горшки, сани, ложки, туеса, смолу курили, был свой сапожник и бондарь, шорные товары привозили из с. Серегово, приезжал овчинник из Ляли, кожевник был в Акводе, портной ходил по р. Выми из Сыктывкара. Так же и в другие деревни округа приходили портные, валяльщики; холсты красили в д. Еросдино (8 км. от Ляли), деревянную посуду покупали в Усть-Выме и Серегово на ярмарках, куда товары привозили из Устюга. Ляльские мужики возили дрова для соляного завода в Серегово. Из Сыктывкара, Коквиц приходили портные, валяльщики, с Удоры — коновалы.

Обследованы Турья, Ляли, Кони, Княжпогост. Местные мастера: Г. И. Габов, с. Турья — столяр, плотник; П. И. Летошев, д. Кони — лодочник, плетенщик; С. П. Каракчев, п. Ляли — столяр, сапожник; И. Каракчева — гончар.

1974 год

В 1974 году в течение трех месяцев были обследованы Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Печорский, Ижемский, Усть-Цилемский районы.

1974 г. Усть-Куломский район

Большинство деревень этого района известны деревообработчиками, особенно хорошими столярами-мебельщиками. Здесь почти не было отходников, так как на Верхней Вычегде мужчины занимались заготовкой леса для русских и иностранных фирм и обеспечивали семьи средствами к существованию. Повсеместно в домах нам встречалась самодельная мебель, хлебницы, шкатулки, плетеные из сосновых корней, которым уже перевалило за 100

лет, долбленая утварь, глиняные горшки, иногда пестери в виде фляги и раскрашенные туеса.

В д. Аныб в 70-е гг. еще работало много прекрасных мастеров по дереву, здесь жили потомственные бондари из семьи Казариновых, потомственные столяры и санных дел мастера многочисленного семейства Нестеровых. Н. П. Казаринов (70 лет) делал бочки для своей и ближайших деревень и, как и его отец П. М. Казаринов, ставил на бочка свои инициалы. П. Н. Казаринов делал разные сани, у него было множество инструментов по деревообработке, по его словам „...раньше здесь много плели из бересты: короба, пестери, умывальники, делали долбленную посуду — солонки, кадки, корыта, чашки и гнули разнообразную утварь из цельных кусков бересты — туеса, *чуманы* — коробки для женского рукоделия, ковшики; охотники делали даже котелки из бересты, в которых варили пищу“. Столяр А. С. Нестеров делал мебель для всей деревни и ходил столярничать по Печоре. Его сын — С. А. Нестеров ходил в отход в Подтыбок, Печору, Сторожевск, где строил дома; делал рамы, сундуки, мебель, которую красил черной краской. Он был большой мастер, сам выдумывал узоры, формы изделий; большим спросом пользовались его стулья, которые он вывозил в разные деревни. В момент обследования С. А. Нестеров еще много занимался столярничеством. Не менее популярными столярами были также Ф. И. Нестеров и его сын М. Ф. Нестеров — мебельщик и плотник, красивший свою мебель по-особенному — в коричневый тон с разводами. И. А. Нестеров (64 года) показал приспособление для гнутья санных полозьев — *балу*, полный набор плотницких и столярных инструментов. Он сообщил, что мебельщики из деревень Аныб и Деревянк снабжали своими изделиями все села по Верхней Вычегде и Верхней Печоре. Здесь еще ткала Е. А. Пименова, валял валенки М. П. Нестеров (61 год), он ходил катать валенки в округе 10 км., женщины вязали рукавицы одной спицей, здесь ее называли иглой, мужчины делали сани, мебель и деревянную посуду. Д. Деревянк., в которой М. М. Лармина в недавнем прошлом работала на гончарном круге; глиняную посуду здесь делали многие мужчины и женщины, горшки возили по деревням и на ярмарки. Во время обследования работали ткачиха, саннык, бондарь, П. М. Удоратин (74 года) — столярничал, клал печки. Павел Ракин (60 лет) в это время делал деревянную утварь — долбленые чаны и бочонки с краном для варки праздничного пива, кумли — долбленное блюдо, используемое как форма для выпечки хлеба, а также для подачи на стол мяса, рыбы, картофеля, миски, чашки, солонки, кадушки для невест, из бересты делал бураки, *чуманы* — четырехугольные корытца из цельного куска бересты, прошитые корнем или березовым лыком, пестери; рассказывал, что кожи выделявать здешние отвозили в д. Ручь.

Деревня Дзель. И. В. Логинова (64 года) рассказала, что всю жизнь ткала холсты, сейчас половики, вспомнила про посиделки. „Девочек начинали приучать прясть с 5-6 лет на швейке. Ей прялку сделал отец в д. Верхняя Вочь (прялка раскрашена кругами и листьями), в 10 лет она уже хорошо пряла. Девушки, утром сделав свои дела дома, собирались в доме одинокой бабушки и пряли до ночи при светце, за прялкой разговаривали, пели песни и частушки. К девушкам приходили парни, приносили подарки. По обычаю, если девушка понравилась, парень закладывал за узор-

чатый чулок девушки веретено и в следующий раз уже садился рядом с ней. Девушки тоже выбирали себе парня и ходили их провожать. Иногда на посиделках делали пельмени, варили пиво и немало веселились. Молодые замужние женщины ходили в свою компанию пряхь по выходным дням, обязательно с мужьями". Во время обследования в д. Дзель был катальщик, санник, кожевник, ткачихи половиков, лодочник.

Далее мы проехали в деревни Габово, Усть-Нем, Мыелдино, Пожег, Скородум, Помоздино — везде картина была примерно одинаковая: в д. Габово — делали долбленые кадки, веретена, плетеные корзины и пестери, женщины ткали половики, до войны здесь был кожевник, плетенщик коробов для разъездных саней-кошювок. В с. Усть-Нем — Е. А. Шешуков (68 лет) катал валенки для своей деревни и ходил в соседние, делал сани, телеги, здесь сучили нитки на щеке, вили веревки из конопля, одной спицей уже не вязали, делали дощатые лодки, сани, телеги. Г. И. Габов (67 лет), изготавливал лодки-долбленки. В д. Скородум у Л. В. Жангуровой (70 лет), встретились прялки крашенные и резные с надписью ПИП — это был подарок мужа. В д. Кырныш работал мебельщик по имени Афанасий Елисеевич, также имелись санник, катальщик, столяр, лодочник, еще недавно женщины и мужчины делали горшки на круге, обжигали их в специальной кирпичной печи, детям мастерили глиняные свистульки, встретилась посуда из березового чага, дранки. В д. Помоздино — санник делал и лодки, он же выделывал овчины, гнал смолу, деготь, плел пестери, сказал, что "...до 30-х гг. одежду красили травой, корой, глиной, что гончарный центр был в Пожеге, здесь есть катальщик, овчинник; еще недавно изготавливали лодки, долбленную посуду, зыбки из луба, гнали деготь". Здесь, как и во многих районах Коми, плели пестери конвертом (усть-куломцы иронизировали над фляжной формой пестерей у сысолецких). Самое большое впечатление в Усть-Куломском р-не осталось от мебели села Деревянска — она черного цвета почти полированная, у кресла и дивана тонкие спинки с узорами, просверленными круглыми дырочками, ножи втытые.

Обследованы села Усть-Кулом, Аныб, Деревянск, Дзель, Габово, Усть-Нем, Помоздино, Скородум. Местные мастера: Н. П. Казаринов, с. Аныб — бондарь, санник, плетенщик из бересты; Ф. И. Нестеров — столяр; М. Ф. Нестеров — столяр, плотник; Е. А. Пименов — ткачиха; М. П. Нестеров — пимокат; С. А. Нестеров — столяр; И. А. Нестеров — санник; М. М. Лармина, с. Деревянск — гончар; П. М. Удоратин — столяр, санник; П. Ракин — бондарь, плетенщик из бересты; И. В. Логинова, с. Дзель — ткачиха; А. Д. Логинов — кожевник; А. Н. Логинов — лодочник; А. А. Лодыгина, д. Габово — ткачиха, плетенщица из бересты; Г. И. Габов, с. Усть-Нем — лодочник, делал сани, телеги; Е. А. Шешуков — пимокат, санник; О. Л. Игнатова — ткачиха; Л. В. Жангурова, д. Скородум — ткачиха; В. С. Пашнин — столяр, санник, лодочник, гончар, плетенщик; С. В. Игнатов, с. Помоздино — катальщик, санник, лодочник, смолокур.

1974 г. Троицко-Печорский район

В верховьях р. Печоры и на ее притоках население, в основном, занималось охотой и рыбной ловлей, поэтому здесь всегда были лодочники, санники, бондари, в начале XX в. здесь еще сея-

ли лен и коноплю, занимались гончарством, изготовлением посуды из дерева и бересты, некоторые домашние ремесла продолжали существовать и в период нашей поездки.

Село Усть-Ильч. А. Е. Пыстин (57 лет) делал нарты для охотников, дровни, розвальни, подсанки для перевозки бревен. Лодочник Е. Е. Пыстин (66 лет) изготавливал большие дощаники, вмещающие до 1 тонны груза; по его словам, в селе есть сапожник, смолу еще гонят в бочке, пестеров здесь не плели, только гнули из бересты чуманы-набирушки, туеса и штателки с крышкой и резными узорами. Из нароста березы вырезали пороховницы, чашки для супа, солонки; катальщики вленок всегда приходили с Вычегды. Туеса, набирушки, жбаны, прялки здесь раскрашивали синей, красной, розовой краской и украшали резьбой.

Село Покча. И. К. Шахтаров (81 год) делал розвальни, нарты, сани для выезда — *кареты*, подсанки, грабли, бочки. Сказал, что «...здесь занимались больше охотой, пестеров не плели, их привозили из Помоздино, туеса делали, прялки, раскрашивали краской и продавали на ярмарках, также резали посуду из березового нароста: ковши, чашки, пороховницы, на посуде ставили *пасы* (знаки собственности) — кресты, черточки, фамилию, имя, отчество, год рождения. Глиняную посуду делали женщины, они же вязали толстые варежки и носки одной иглой, охотники сами дубили шкуры. Вспомнил, что покойников везли хоронить на розвальнях, которые потом доставляли домой».

Деревня Ваньпи. В. П. Юдин (70 лет) рассказал, что несколько лет назад он лепил горшки на ножном круге, а раньше женщины и мужчины лепили их руками. Здесь сами делали деревянную посуду, коробки из дранки, туеса, которые раскрашивали сплошь и цветами; женщины вязали узорные варежки, ткали из конопля, шерсти и крапивы, об этом сообщила А. А. Юдина (70 лет), рассказав, что «...невесте в приданое могли дать лодку, корову, мебели в домах не было — стол, стулья, лавки на 2 стены и перед печкой, кровати не было, спали на полу на оленьих или овчинных шкурах и на полатях, ни занавесок, ни скатертей не имели, некоторые хозяева красили шкафчик у печной стены, сюда приходили мастера: из Савинобора бондари, из Кузьбожа — катальщики, а кожевники и овчинники были свои, здесь делали телеги, лодки до 8 м. длиной, был столяр, деготь не гнали, ткани покупали».

Деревня Митрофаново. Здесь в начале века сеяли лен и коноплю только для изготовления верхней одежды, овец держали мало, шерсть покупали для шитья *лузанов* (охотничья куртка-безрукавка), *дукосов* (верхняя суконная одежда типа армяка), *вачегов* (составная обувь, верхняя часть которой суконная).

В этом районе были обследованы села Усть-Ильч, Троицко-Печорск, Покча, Митрофаново, Ваньпи, Савинобор.

Мастера Троицко-Печорского района: А. Е. Пыстин, с. Усть-Ильч — санник, смолокур; Е. Е. Пыстин — лодочник, смолокур, делал лыжи, утварь из березовой коры, луба, березового нароста; А. И. Вахнина, с. Покча — ткала из конопля, шерсти; И. К. Шахтаров — санник, сапожник; В. П. Юдин, д. Ваньпи — гончар.

1974 г. Печорский район

В селениях ниже по р. Печоре в начале XX в. почти не сеяли лен, картошку, рожь, только репу, коноплю для дратвы, веревок и конопляного масла, холсты привозили с Вычегды, глиняную по-

суду из деревень с верховьев Печоры, но больше всего необходимых товаров покупали у чердынских купцов. До 70-х гг. XX в. продолжали изготавливать долбленую и лубяную утварь, катать валенки, ткать толстую шерстяную ткань для *лузанов* и голенищ сапог, делать большие бочки для мяса и рыбы, лодки-дощаники, плести сети, вить веревки на самодельном приспособлении — *гез-гартане*, гнать смолу, сооружать простую, не крашеную, грубоватую мебель, здесь уже заметно уменьшается количество изделий из бересты.

Село Подчерье. О. В. Мезенцев (76 лет) — лодочник, бондарь, делал бочки для рыбы и мяса на 100-150 кг., катал валенки. Рассказал, что здесь делали маленькие лодки для езды на протоках, длиной 4,5-6 м, и большие — длиной до 10-12 м., которой управляли 2-3 гребца, нос и корма у таких лодок очень высокие, по сравнению с лодками в селах на верхней Печоре и в Усть-Куломском районе, иногда их продавали. Кожевников не было, сапоги привозили, а овчины выделывали на одеяла, сами делали пестери, которые украшали резным и тисненым орнаментом, (женщины здесь даже ловили в них мелкую рыбу), шкатулки из луба, телеги привозили. Утварь — скромная, не крашенная. Деревня Усть-Лыжа. Н. В. Хозяинов (78 лет) сказал, что «...некоторые жители держали оленей, но кожи сами практически не обрабатывали, отправляли в Ижму, сами обрабатывали только овчину, из которой шили малицы, как и из оленьей шкуры; бондари были, но большие бочки, глиняную посуду привозили из Чердыни, смолу гнали в д. Акись, валенки не катали, пимокаты приезжали с Вычегды, мебель, прялки привозили из Усть-Цильмы». У него в доме хранилась резная соялка с резными *городками*, инициалами и датой 1918 г. Он собрал, что телег здесь не было, делали розвальни, дровни, подсанки и кошовки — на санях устраивали кузов из досок (*карету*), красили краской, туеса также украшали раскрашиванием, штамповкой и подкладыванием цветной материи в вырез замка. С верховьев Печоры привозили сукно для *лузанов* или т. н. *чердынское*, но оно тонкое, свое было лучше (иногда кроили лузан из кожи, но это не удобно — птица слышит шум веток, ударяющихся по лузану). Здесь делали килевые лодки — *шняги* от 8 м., с высоким носом и кормой (1,25-85 см.) для перевозки грузов, рыбацкие лодки были низкие с широкой кормой. В 30-е гг. здесь был свой хороший столяр, его мебелью еще пользовались, особенно популярны были его лари для продуктов. В д. Колва, Захар-Вань, Мутный Материк делали большие *шняги*, вмещающие до 5 тонн груза (доски *стык в стык* или заходили друг на друга *спянец*), они были с узким носом и кормой, но, как шутили здесь, не такие узкие, как удорские *емва утюг*. Ходили и под парусом за рыбой, иногда за 500-700 км., в прошлом у каждого печорца было по 2-3 большие лодки. Шняги сохранились в хозяйстве современного населения средней Печоры, так как все занимаются рыбной ловлей. Рыбу солили, потом ставили бочки в воду, как в холодильники, она все же немного портилась, но здесь любили рыбу „с душком“. В этих селах варили клей из оленьих рогов и из язя, клеем подклеивали камус на лыжах и тонкие деревянные конструкции на мебели. Ткачества не было, женщины пряли шерсть и привозную коноплю для веревок. В приданое девушки

здесь обычно входили: одежда — малица, пимы, валенки, вязаные вещи, полотенца, подушки, коса, грабли, посуда.

Село Мутный Материк — здесь был катальщик, бондарь, изготавливающий бочки для воды, рыбы, мяса, расширяющиеся книзу и маленькие на 5 л. для молока и простокваши, здесь был свой резчик посуды, столяры изготавливали красивую крашеную мебель. В деревнях Бакур, Васькино, Брыкаланск были устроены специальные кирпичные печи для получения смолы. С. Т. Артеев из с. Мутный Материк (83 года) нарисовал такую печку и подробно описал процесс смолокурения. Смолы заготавливали много и потом меняли ее на хлеб у чердыгских купцов. Кож здесь не выделяли, отдавали в села Вертеп и Галово, одежду и обувь носили из оленьей шкуры, а валенки только по праздникам и дома, их катали пимокаты из д. Захар-Вань, прялки и бочки привозили из д. Щельяюр, колеса из Ижмы. Женщины плели много поясов и продавали оленеводам, свое приданое девушки складывали как в лубяные коробки, так и в меховые сумки-тучу.

В Печорском районе обследованы села — Подчерье, Усть-Лыжа, Колва, Захар-Вань, Мутный Материк, Васькино. В числе местных мастеров: А. А. Денисов, с. Подчерье — лодочник, делал деревянную посуду; П. А. Онофриева, с. Усть-Лыжа — вязала шерстяные узорные изделия; Н. В. Хозяинов — лодочник, кожевник; Г. Ф. Манзадей, с. Колва — лодочник, санник; С. А. Чупров, д. Захар-Вань — лодочник; М. А. Ногова, с. Мутный Материк — обработка меха; А. В. Артеев — бондарь, изготавливал деревянную посуду, сани, плел из бересты, обрабатывал шкуры.

1974 г. Ижемский район

В селах Ижемского района в прошлом также делали деревянную посуду, утварь из дранки, раскрашенную цветочным и растительным орнаментом, бочки, сани, нарты, лодки, плели пестери, гнали смолу, обрабатывали домашним способом оленью шкуру для одежды и сумок. В кон. XIX-нач. XX вв. многие села этого района специализировались на отдельных производствах, например, села Няшабож, Вертеп были известны своими судостроителями, с. Мошьюга — посудниками, Кельчиюр, Щельяюр, Ласта, Щель — бондарями, Ижма, Краснобор, Бакур, Сизябск, Ель, Мохча, Диюр, Большое Галово — изготовителями замши, которые работали на „заводах“ — мелких предприятиях с наемными рабочими.

Во время нашего обследования многие пожилые люди уже мало что делали, но хорошо помнили, что было. О мастерах (которых уже нет в живых) села Брыкаланск рассказал В. П. Терентьев (78 лет) „В этой деревне жили столяры Сметанины, которые мастерили красивую, изящную мебель на токарном станке, красили ее, покрывали лаком и продавали в печорских селах, а также ходили столярничать до Нарьян-Мара. Здесь был хороший посудник, лодочник и печник — И. Х. Терентьев, но прялки и ложки чаще привозили из Усть-Цильмы“. И во время обследования еще многие мужчины работали по дереву. Смолокур Н. В. Терентьев нарисовал смолокурную печь как замок, с трубами, украшенными зубцами, он же сделал деревянную скульптуру оленя. В Брыкаланске встретилось много украшений в виде оленя — деревянные головы на дверях, изображения рогов на меховых сумках. В большом, торговом селе Ижме, по информации П. А. Канева (72 года), было

много мастеров, здесь жили хорошие столяры-мебельщики, плотники, посудники, которые только здесь делали пивные кружки, специально для оленеводов изготавливали лубяные коробки — *куды*, раскрашивая их краской, были свои пимокаты, кожененная артель с наемными рабочими, гончары, работавшие на ножном гончарном круге, которые лепили не только горшки, но и детские игрушки — свистульки, петухов, собачек. Здесь любили ездить на высоких санях, изготовленных по типу нарт, они назывались *утыча*. Чем ниже по р.Печоре, тем меньше встречалось изделий из бересты и луба, у всех были только туеса, но почти в каждом селе были искусные столяры, работавшие на самодельных токарных станках. Старинная мебель сохранилась в домах Ижмы, Брыкаланска, Сизябска, она выполнена в стиле бидермейер — с точеными ножками, резными филенками, крашеная или расписная. В с. Кельчиюр, в семье Сметаниных, сохранился старый токарный станок и сделанная на нем мебель: стол, стул, шкаф и кресло. Из усть-цилемских сел сюда привозили лубяные *куды* и лукошки, веретена, прялки, расписанные растительным орнаментом, а шкатулки с трехгранно-выемчатой резьбой вырезали здесь. В ижемских селах любили красиво и дорого одеваться в бархат, шелк, парчу, меховую одежду украшали вставками из сукна и меха. Во время обследования много вязали узорных чулок и рукавиц, из овчины делали шубы, одеяла, рукавицы, валяли валенки, готовили клей из рыбьей чешуи, им подклеивали лыжи и мебель.

В Ижемской районе были обследованы — Брыкаланск, Чика, Ижма, Сизябск, Усть-Ижма, Кельчиюр, Щельяюр. Получена информация о 9 ремесленниках: Н. В. Терентьев, с. Брыкаланск — смолокур; Е. П. Сметанин — сани; Н. И. Терентьев и Е. В. Рочев — лодочник; Т. М. Терентьев, д. Чика — пимокат; А. А. Терентьев — бондарь; А. М. Бизенкова, с. Ижма — гончар; В. Ф. Чупров, с. Сизябск — коженник; В. С. Витязев, д. Мохча — замшедел; М. Д. Филиппов, д. Усть-Ижма — столяр, бондарь, лодочник; А. Е. Канев, с. Кельчиюр — изготовитель замши.

1974 г. Усть-Цилемский район

Это русский район Коми, здесь во всем просматривалась северорусская традиция, однако изделия местных мастеров были вполне самобытны. Во время нашей экспедиции во многих деревнях мужчины изготавливали лодки, сани, бочки, сапоги, гнали смолу, женщины вязали узорные носки и варежки. Нам было известно, что в прошлом многие села, по р. Пижме — Замежное, Скитская, Степановская, Верховская, Левкинская славились своей особенной росписью по дереву. Мы посетили самое знаменитое село Замежное, где осталось два мастера, изготавливавших расписные ложки. Г. М. Чупров (65 лет) рассказал о ложечном промысле. „Он занимался изготовлением ложек с 1946 г., его отец делал их с детства, он, как все мальчики и почти все мужчины этих деревень резали ложки зимой. Парни и девушки с поздней осени собирались на *посидки* у одинокой старушки, парни скоблили ложки, а девушки пряли, вязали и пели песни. Ложки входили в приданое невесты, их дарили любимым девушкам, (с надписями „Кого люблю тому дарю“), гостям, продавали оптом усть-цилемам и ижемцам, которые развозили их по ярмаркам и перепродавали

купцам". У него хранились ложки с надписями „100 лет Ленину“, „50 лет Комсомола“, „50 лет советской власти“, „Надежде Николаевне 1974 г. от папы и мамы“. Раньше красили суриком, а контур наводили сажей, разведенной в воде с „серой“ (сосновой смолой), теперь краской для шерсти, контур — черными чернилами школьным пером, затем три раза покрывали олифой, затем лаком. Самая знаменитая династия ложечников в Замежном — это Мяндины. Еще до 1914 года в Замежном ложки изготавливали братья Федул, Тимофей и Антон Мяндины, после войны 1941-1945 гг. — М. Мяндин, Т. Торопов, М. Поздеев. До сих пор лучшими ложками считаются мяндинские. Известным ложечником был тесть Г. М. Чупрова — Фотий Мяндин, который мог изготовить за зиму несколько тысяч ложек, он сам вывозил их на ярмарки, продавал и обменивал у ижемцев на оленье *постели* (выделанные оленье шкуры). Дед Марфы Фотиевны (жены Г. М. Чупрова) был столяром, делал шкафы, стулья, *наблюдники* (посудные полки), прялку для нее сделал и расписал ее брат И. Мяндин, роспись „мезенская“ с тонкими красными конями с уздечками, всадниками и петухами. Рассказ С. И. Мяндина (76 лет) об изготовлении ложек „... учился скоблить ложки с 8 лет, его отец, умерший в 1917 г., 75 лет отроду, был потомственный ложечник, расписывал ложки *кривульками*, и С. И. Мяндин так писал, но в 1946 году прекратил, а потом выдумал свое *письмо*, придумывал также надписи на ложки для девок: „Ложечкой хлебай — меня не забывай“, „Кого люблю, тому ложечку дарю“, „Ложечка любима — кушанье сладимо“. По его словам, этот промысел был даже выгоднее охоты, так как давал устойчивый доход („Охотника заря кормит, а ложечника — труд“). Отец С. И. Мяндина работал с тремя родными братьями, двумя двоюродными и дядей, изготавливая иногда за день до 100 ложек, работая по 10-12 часов в сутки. Ижемские купцы скупали весь товар, некрашенная ложка стоила 1,5 коп., баская (расписная) — 2 коп. (цены дореволюционные). Раньше ложки делали из березового дерева, теперь из ольхового, так как оно мягче и розового цвета, краска всегда черная, красная и зеленая. Рисунок *кривульками* в 1950-е гг. перенесли на тыльную сторону ложки, а „на лице“ стали писать клетку с *кривульками* и *кружелями*. Сейчас он 100 штук делает за 12 дней. Пока мы разговаривали, он сделал мне ложку, сказав — „немного подбасим“ — расписал ее и по краю лицевой стороны сделал надпись „На память Рамановой Галине Ниловной — делал 1974 г.“. В этой же деревне, в доме С. Чуркина, встретился сундук с росписью — по красному фону желтые и голубые цветы в черном контуре, у некоторых женщин — прялки с мезенской росписью.

Деревня Филиппово. По сведениям Е. С. Филиппова (61 год) в этой деревне делали много разных саней: выездные — кареты, кошовки, лежанки и розвальни, дровни, узкие охотничьи санки, а также изготавливали узкие мелкие лодки, были свои катальщики, сапожники, сами мастера туеса, украшая их тиснением и крашеными цветами. Местные жители покупали товары у архангельских купцов с Вашки, Мезени, Пинег и привозили лен, изделия из луба, шорные товары. Интересный рассказ о своей деревне мы записали у И. Ф. Носова (70 лет). „Здесь сами изготавливали лодки-плоскодонки, а также узкие килевые, как на Верхней Вычегде и Верхней Печоре, а лодки-осиновки им продавали ижемцы, кожи отдавали выделывать в Усть-Цильму. С

Мезени привозили глиняные горшки, расписные прялки, дуги, лукошки с крышкой, которые использовали вместо чемоданов. Глиняные горшки с волнистым орнаментом, долбленые ведра и бочонки — *дыльницы* для молока привозили из Усть-Цильмы и д. Карпушевки, сапоги — бродни, ступни, бахилы, кожи многие покупали у кожевников из д. Большое Галово. Деготь и смолу гнали в деревнях Нерица и Ильинка, здесь до колхозов был свой кожевник — А. П. Семенов". В доме И. Ф. Носова мы увидели изящную точеную мебель, его отец Ф. С. Носов был в плену в Германии и научился там делать резную мебель. Местные столяры усвоили приемы изготовления такой мебели и ходили по деревням, выполняя заказы деревенских жителей.

Село Хабариха. Житель этой деревни — Ф. Г. Поздеев сообщил, что здесь и ниже по Печоре кустарными ремеслами не занимались, а в основном, охотой и рыболовством, все товары доставлялись с Пижмы, Мезени, Ижмы, Чердыни. Делали только самое необходимое — сани, лодки, гнали смолу, шили меховую одежду. На деревянных сундуках встретилась роспись белыми, желтыми и голубыми цветами, окаймленными черным контуром.

В Усть-Цилемском районе были обследованы села Трусово, Филиппово, Замежное, Хабариха, Усть-Цильма. Мастера Усть-Цилемского района: С. И. Мяндин, с. Замежное — ложкарь, также изготавливал туеса; Г. М. Чупров — ложкарь; Е. С. Филиппов, с. Филиппово — сапожник, санник; И. Ф. Носов — кожевник, овчинник.

1975 г. Корткеросский район.

В этом районе мы посетили села по р. Локчим — Позтыкерос и Мордино, в которых, вследствие относительной изоляции в прошлом, сохранились архаические черты в способно изготовления домашних изделий, оставалось довольно много самодельной посуды из дерева и глины, так как здесь до 20-х годов XX в. почти не было металлической посуды. Интересно то, что до 40-х годов XX в. здесь еще бытовал древнейший способ обжига глиняных горшков — напольный, который существовал здесь наряду с обжигом в русской печи. Женщины, изготовив 2-3 горшка ленточно-жгутовым налепом, разводили костер прямо на улице или в огороде, ставили горшки в огонь и обжигали. Если горшков было больше, то выкапывали яму и в ней разводили костер, после обжига посуда никак не закаливалась, ничем не обмазывалась и сразу поступала в употребление.

Село Позтыкерос. Т. А. Изьюрова (74 года) рассказала, о том, что "...здесь существовала многоремизная техника ткачества на 4 подножках, здесь ткали сукно, вязали узорные чулки и варежки, толстые рукавицы для возки дров и сена одной спицей, в приданое девушки входило до 15 полотенец, 15 чулок и носков. Мужчины делали телеги с кузовом, железные и плетеные тарантасы, сани, дровни, волокуши, детские санки с кузовом, плели пестери в виде фляги и конверта, для переноски тяжестей на спине из бересты кроили своеобразный рюкзак — *крошни*, которым пользовались охотники, вытачивали посуду из березового нароста, шили сапоги, катали валенки, мастерили мебель. Глиняную посуду привозили из с. Маджа, где женщины лепили ее ручным способом".

Село Нившера. М. П. Михайлов (73 года) всегда занимался столярным делом: изготавливал столы, рамы оконные, лодки. Сказал, что здесь до войны использовали борону из верхушки ели,

распиленной пополам, еще недавно кожу носили обрабатывать в деревни Руч и Войпока, а валенки приходил катать пимокат из Большелуга, в деревне есть свой бондарь — П. Г. Габов. М. А. Михайлова (80 лет) сообщила интересную деталь: в деревне еще есть пояса в виде сетки, их в старину носили по праздникам, хранили на смерть, их не завязывали узлом, а в местах соединения завязывали веревкой. Такие пояса пока были известны только в Прилузском районе. У нее хранилась прялка с трехгранновыемчатой резьбой, она пришла с приданым, которое у нее было довольно значительное — 40 рубашек, *шущун*, русский жакет, шуба с русским сукном, цветные чулки и *козин* — это то, что требовалось дарить семье жениха: столько чулок и носок, сколько человек в его семье.

В Корткеросском районе были обследованы села Корткерос, Позтыкерос, Нившера, Додзь. Из местных мастеров перечислю: Л. Е. Вавилова, с. Позтыкерос — ткачиха; Т. А. Изьюрова — узорное вязание, ткачество; А. А. Изьюрова — гончар; М. П. Михайлов, с. Нившера — столяр.

1975 г. Удорский район

Повторная поездка в Удорский район (как и в Сысольский, и Сиктывдинский) была предпринята с целью дополнить уже имеющиеся сведения о ремеслах в крупных пограничных селах республики

В селе Большая Пысса, по свидетельству А. А. Павловой, только в 60-е гг. прекратили ткать браной техникой, до этих лет продолжали ткать узорные полотенца фабричными нитками, так как лен перестали сеять до войны 1941 года. Многие бытовые товары покупали у мастеров на ярмарках, так глиняные горшки привозили из Разгорта, но некоторые женщины сами лепили их руками, мужчины изготавливали необходимые в хозяйстве деревянные предметы — сани, лодки, пестери, сюда поступали и русские товары, поэтому здесь было не так уж много своих мастеров.

В д. Патраково встретились современные туеса, украшенные цветами и тисненым орнаментом. Здесь еще широко пользовались пестерями из сосновой дранки для сбора грибов и ягод, еще помнили, что на подсеке копали еловым сукном с железным наконечником *кокый*, а в момент обследования им окучивали картошку на домашнем участке, мужчины выделывали кожу, был свой бондарь.

Село Разгорт. В этом селе в начале XX в. было много мастеров — гончары, работавшие на ножном гончарном круге, красильщик — С. В. Палкин. Было развито узорное ткачество и вязание, но в период обследования сохранилось только узорное вязание, в котором был распространен "шахматный" рисунок.

В селе Ёртом А. Н. Матвеев (77 лет) сообщил, что "....делал лодки-долбленки до 1920 г., потом — плоскдонные, до войны приходилось делать разные сани — кареты и кошовы, волокушы, телег не делали. Первые дуволки появились в начале XX в., затем четырехколесные, железные плуги с 1919 г., на сложных участках для копания земли применяли *кокан* — еловый сук, боронили еловой бороной-суковаткой, ткали узорные и многоремизные ткани". А. Е. Пантелеева (65 лет) вспоминала как ткала узорные полотенца, лепила горшки на гончарном круге, а также делала глиняные игрушки детям — куклы, чайники, горшочки, петушки.

Здесь, как и в д. Большая Пысса, плели берестяные лапти, в них ходили коров доить. И. Ф. Павлов (68 лет) — прекрасный столяр, сказал, что до революции в селе земством была устроена столярная мастерская, где делали столы, стулья, шкафы, диваны, изготовленные на токарном станке по русским образцам и с тех пор здесь было много столяров, он назвал несколько фамилий: Иванов, Егоров (имен столяров он не помнил), А. И. Пирулин, И. И. Пантелеев. У него стоит мебель собственного изготовления, украшенная резными рисунками. Практически все мужчины в селе плели из сосновой болони кузова для сбора грибов и ягод, коробки для белья, И. Ф. Павлов делал их постоянно и сдавал в сельпо, сказал, что лодки-долбенки здесь перестали делать в 60-е годы. В молодости И. Ф. Павлов выделывал кожи. До войны в с. Ёртом был гончарный круг, работал катальщик валенок, овчинники, деревянную посуду и расписные прялки сюда привозили из мезенских сел Палощелья и Белощелья.

В Удорском районе были обследованы села Большая Пысса, Патраково, Ёртом

Мастера Удорского района: А. А. Павлова, с. Большая Пысса — ткачиха; А. Н. Матвеев, с. Ёртом — лодочник; А. Е. Пантелеева — ткачиха; И. Ф. Павлов — столяр.

1975 г. Прилузский район.

Это самый южный район, отличающийся многими особенностями материальной культуры. Здесь большую роль играло земледелие. Для изготовления одежды сеяли довольно много льна и конопли, излишки кудели и холстов продавали соседям, только здесь одежду украшали вышивкой и кружевами и носили лапти из липового лыка, в этом районе существовал редкий способ изготовления глиняной посуды. Самым доходным промыслом в этом районе в прошлом был судостроительный — изготовление барок для пристани в с. Ношуль.

А. В. Елин (82 года) и М. А. Туголуков (73 года) из с. Объячево представили картину жизни с начала XX в. „Мужчины занимались лесозаготовками, делали долбленые лодки-осиновки, небольшие лодки-дощаники из ели длиной 3-4 м., волокуши, дровни, розвальни, кошвы (кузов из досок или из деревянных реек, оплетенных веревками), здесь был дегтярный и кожевенный „заводы“. У вятских купцов покупали телеги с металлическими обрубками, а без ободов делали местные мастера, а также прялки, мебель, плуги, кованые сундуки, тарантасы, посуду. Столяры работали в д. Беляевской. Из бересты делали туеса, чуманы, шердыны, плели лапти для работы на подсеке и сенокосе, а также конвертообразные пестери, солонки для охотников, из соснового корня — хлебницы, коробки, из веток — корзинки, для переноски продуктов и вещей, из сосновой дранки — корзинки для сбора ягод и грибов. Катальщики приходили из Визинги, но и сами катали, вили веревки; бондари, плотники ходили в Ношуль пилить доски и строить барки“. В деревне работало два гончара и овчинник. Во время экспедиции мы видели, что лодки-долбенки еще широко применялись в быту коми на переправах, для переездов на небольшие расстояния, ловли рыбы, но все больше сельские жители уже стали предпочитать железные лодки с мотором. В недавнем прошлом портные и сапожники приходили из д. Кибры, узорные носки тоже привозили из Кибры и Куратова, в Объячево мало

вязали. В Прилузском районе также употребляли борону-суковатку и копалку типа *кокан*. А. И. Елина (70 лет) из с.Объячево вязала ва-режки одной спицей, чулки узорами, пояса как сеть, сказала, что здесь была распространена вышивка и показала свою свадебную рубаху с вышивкой и кружевами. Такую рубаху надевали невесты вместе с холщевым сарафаном на момент оплакивания, а на свадьбу с сатиновым без пояса. Сетевой пояс носили на праздники.

Село Ношуль. Здесь была пристань, поэтому село обслуживало ее нужды. У деревни Супрядкина, в Ношуле сеяли много конопли и продавали конопляную кудель, она была нужна на веревки и канаты, пряли на самопрялках стояках и лежаках, при прядении прибегали к помощи соседок и родственниц, ткали красные браные узоры, скатерти многоремизным способом, суконную ткань валяли руками. И. В. Иевлев (72 года) строил барки для пристани. На барках возили грузы до Архангельска. С 1935 г. до 1949 г. здесь была гончарная артель, до этого местное население делало горшки руками, в с.Ношуль был дегтекуренный завод, после революции смолу гнали в д. Кривуше, были свои овчинники, кожевники, катальщики, нитки мужчины сучили для драгты на щеке и на колене.

Деревня Гурьевка. П. П. Сидоров (79 лет) сообщил, что здешние жители многие товары покупали у вятских купцов на Николин день в д. Слудке. Здесь были сапожники, мужчины делали долбленки, а лодки-дощаники не делали, покупали двуколки и четырехколесные телеги, П. П. Сидоров плел лапти из липы, помнил, что браных узоров на полотенцах и скатертях не ткали, а ткали красные полосы полотняным переплетением, скатерти ткали *елочкой* на 4 подножках.

Деревня Талица. По сообщению Е. А. Яриковой в их деревне "...узорные чулки давали девушкам в приданое, а мужики их не носили, еще 10 лет назад здесь носили липовые лапти в лес в сухую погоду, старинные рубахи и порты донашивали вниз под современную одежду".

В с. Летка у А. Ф. Поповой обнаружилось два сосуда, выполненных редкой, нигде больше в Коми не встречающейся техникой — формовкой на моделях. На деревянный круг раскатывали глиняную лепешку, в середину ставили деревянный цилиндр, иногда его окружали деревянными клиньями, смачивали водой, поднимали края лепешки, облепляя заготовку, просушивали, вынимали деревянные части, обжигали в домашней печке, опускали в „квас“ (опара из ржаной муки) и получался сосуд либо баночной формы, либо с расширенным верхом. В начале XX в. в такой технике работал только один мастер в д. Иванвож, находившейся в 4 км. от с. Летки. В этом селе была ярмарка на Петров день, сюда приезжали мастера из соседних деревень и продавали свои изделия, здесь были русские кожевники, столары, овчинники, красильщики, смолокуренный завод в 4 км. от Летки.

Село Верхолузье — А. П. Рубцова (80 лет) рассказала, что почти у каждой женщины села есть самопрялка и простая прялка, здесь ткали скатерти на 8 подножках, узор получался кубиками. Е. С. Рубцов (77 лет) рассказал о мужских работах — делали сани, долбленки, *дощаников* не делали, почти у всех были телеги 2-х и 4-х колесные, много товаров и отходников приходило из Кирова,

привозили горшки, валенки, мебель, сюда приходили Кировские пимокаты и кожевники.

В д. Бадья был дегтекуренный завод. Из бересты здесь еще делали многие вещи — *ноп* для переноски грузов на спине (крош-ни), туеса, пестери, из дранки никаких вещей не плели, а из корней плели посуду, женщины ткали скатерти и одеяла на 8 подножках, а также узкие красные узоры простого переплетения.

Село Занулье, здесь встретились самопрялки-лежак, стояков не было. У Е. И. Вязовой (69 лет) есть скатерть и полотенце с браными узорами, им 100 лет. Она сообщила, что „...здесь все ткали и вязали одной и несколькими спицами, мужчины изготавливали из бересты и дерева много изделий: солонки, пестери, долбленую посуду — ковши для капусты, солонки-уточки, ступы, кадки, но были и бондарные кадки, а деревянные ложки покупали у русских“. И. Н. Вязов (75 лет) вспоминал, что каждый мужчина в деревне делал сани, долбенки, в деревне долго была борона — елка, разрубленная пополам с сучьями. Сам он курил смолу в яме, а деготь гнали в мастерской. Хороший бондарь был в д. Мишаково, изготавливал кадки, ушаты. Сюда приходили мастера из соседних деревень: кожевники из Объячево, катальщики из Визинги, сапожники из Кибры, овчинники из Спаспоруба, здесь принято было ставить свои *пасы* на вещи, лес, который надо вырубать, двери, бирки. Мужчины многое делали из дерева — сани, на сани ставили плетеные кареты из очищенных веток, на телегах были съемные корзины, все телеги были привозные; все жители плели из бересты лапти типа калош, без веревок, а также солонки, пестери конвертом, туеса использовали привозные с цветами, здесь не плели изделия из корня и дранки.

В Прилузском районе были обследованы села Объячево, Ношуль, Гурьевка, Талица, Летка, Верхолузье, Занулье. Из мастеров перечислю следующих: И. О. Иевлев, с. Ношуль — гончар; Е. Е. Вахнина — ткачиха; М. Г. Черных, д. Талица — вязальщица; Е. И. Вязова, д. Верхолузье — ткачиха; Е. С. Рубцов изготавливал орудия труда, утварь.

1976 г. Сысольский район

В этом районе продолжалось обследование сел, где было много отходников.

Деревня Куниб. С. С. Квашнин (68 лет) рассказывал о том, что еще в 30-е годы катальщики и портные коми ходили в Сибирь вместе с женами и детьми, катали валенки, шили пальто, костюмы. На вырученные деньги покупали необходимые товары: горшки, мебель, сапоги у мастеров из Вильгорта, кадки и долбленую посуду из Слободы, кожи и сапоги из Визинги. К. Е. Цыпанова (82 года) рассказала о тканье на 4 подножках, вязании на одной спице, о крашенных кубовых тканях, которые красили в деревнях Куниб и Пустошь, о вышивках на скатертях, полотенцах, женских и мужских рубахах, фартуках, сообщила, что узорное полотенце клали на гроб женщины и с ним закапывали.

Деревня Палауз — С. В. Мишкина ткала узорные скатерти и полотенца. Сообщила, что раньше здесь не вышивали, начали только в начале XX в. „По обычаю женщине в гроб клали украшенное полотенце, могли и скатерть, на свадьбу готовили *козин* (подарки семье жениха) — мужчинам штаны, рубашку, рукавицы, пояс; матери жениха — рубашку, сарафан; жениху —

рубашку, чулки без узоров, штаны, пояс, рукавицы. Приданое готовили на посиделках, девушки собирались на совместное прядение, к ним приходили парни, играли в карты, потом танцевали, замужние собирались пряхть отдельно, у них был специальный день *печкана коть* без мужиков, в этот день сначала прядли, потом пили пиво и танцевали под собственный напев. Часть приданого покупали у вятских купцов: металлическую посуду, часы, зеркала, керосиновые лампы, которые стали приобретать еще до 1914 г. Портные из Палауза тоже ходили в Сибирь, здесь было много разных мастеров: мебельщиков, бондарей, лодочников, сапожников, катальщиков, плетенщиков из бересты, женщины лепили горшки руками".

Село Пыелдино, здесь у А. Ф. Нечаевой сняли узор на полотенце, подушках, подзоре, он с розами, как в Визинге и в Прилузье — этот узор распространился здесь в 30-е гг. Сюда тоже приходили отходники — плотники из д. Иб, гончары, но больше всего горшков привозили из Вильгорта. С. Ф. Ефимов (76 лет) — портной, "...до 1929 г. ездил шить верхнюю одежду в Свердловскую обл. Ирбитский округ, д. Фролово. Туда еще отец ходил портняжить. Из д. Пыелдино ездили портняжить в Алтайский край, Тюмень, некоторые мастера в городах держали свои вывески (мастерские) — в Нижнем Тагиле. Катальщики и портные ходили вместе, хорошие портные иногда оставались жить в городах. Портные учили своих учеников 2-3 года, затем ученики работали самостоятельно. Известные портные были во многих деревнях — Палаузе, Гагшоре, (реже в Ужге, Койгородке), в Визинге, Вотче, в Куратово были самые знаменитые портные и также в Пыелдино, по сообщению С. Ф. Ефимова 2 мастера из Пыелдино работали закройщиками в Большом театре в Москве — это Князевы Михаил и Павел. Сюда ходили другие отходники — плотники из Зеленца, Иба, горшечники, мебельщики, сапожники из Вильгорта, бондари из д. Слобода".

В Сысольском районе были обследованы села Куниб, Палауз, Пыелдино.

Мастера Сысольского района: К.Е. Цыпанова, с. Куниб — ткачиха, вышивальщица; С.В. Мишкина, с.Палауз — ткачиха, вышивальщица; А. Ф. Нечаева, с. Пыелдино — вышивальщица; С. Ф. Ефимов — портной.

1976 г. Койгородский район

Село Койгородок. Н.С. Торопов (70 лет) — санник, сообщил, что здесь тоже были свои отходники, больше катальщики, которые компаниями ходили в Сибирь. В селе были смолокуры, лодочники, бондарь, сами делали телеги, сани с плетеным кузовом, ткали холсты, но красить приходили набойщики из Вятки, до революции здесь самый доходный промысел был — строительство лодок для перевозки грузов с железодельательных заводов.

Мастера Койгородского района: Н. С. Торопов, с. Койгородок — санник; Я. И. Мелехин — портной; И. Н. Мелехин — сапожник; Ф. И. Мелехин — плетенщик корзин.

В заключении можно сказать о том, что в семидесятые годы XX в. традиционные домашние ремесла еще играли довольно значительную роль в жизнеобеспечении пожилых людей — пенсионеров, особенно в деревнях, удаленных от районных

центров. Молодежь и среднее поколение, занятое учебой и работой, предпочитали современные предметы быта машинного производства. Почти во всех деревнях пожилые женщины занимались тканьем половиков, вязанием узорных чулок и варежек, гончарные изделия они не изготавливали, но могли показать приемы ленточно-жгутового налета, только в одной деревне Чупрово Удорского района продолжало существовать узорное тканье. Из мужских ремесел во многих деревнях сохранялись изготовление саней, лодок, плетение из бересты, корней, веток, валяние валенок, обработка шкур лесных зверей и овчин, некоторые пожилые люди по состоянию здоровья своим ремеслом уже не занимались, но сохраняли наборы инструментов, изделия, созданные своими руками. Все предметы изготавливались только для своей семьи. Чтобы сохранить ремесленные и художественные традиции коми, в 1975 году в г. Сыктывкаре было создано Экспериментальное предприятие по народным художественным промыслам, которое изготавливает бытовые и сувенирные изделия, близкие к традиционным.

Примечание. Материалы данных этнографических экспедиций послужили основой для написания автором диссертационной работы „Традиционные домашние ремесла и кустарные промыслы коми (конец XIX-нач.XX вв.). Л., 1976 г.

В. Э. Шарпов

Коми научный центр УрО РАН

**О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЗДАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОГО АТЛАСА ПО ЭТНОГРАФИИ КОМИ.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К РАЗДЕЛУ
„ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО“**

В ходе обсуждения плановой темы исследований отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН („Этнографическое районирование Республики Коми“) и подготовки академической коллективной монографии „Этнография народа коми“, становится все более очевидной необходимость создания этнографического атласа с целью систематизации чрезвычайно обширных текстовых и визуальных материалов по различным аспектам изучения этнической культуры коми. Вопросы, связанные с целесообразностью и возможными методами этнографического картографирования традиционной культуры коми, неоднократно обсуждались в работах Н. Д. Конакова (1981; 1984; 1989; 1990). В период с 1997 по 2001 гг сотрудниками ИЯЛИ, при активном участии коллег из Национального Музея Республики Коми, был предпринят некоторый опыт в создании серии этнографических карт для раздела по традиционной культуре в Историко-культурном атласе Республики Коми (Москва, 1997, сс.248-284; 2001, С.146-211). Судя по рецензиям, полученным из Института Этнографии и Антропологии РАН (Москва), и многочисленным отзывам в республиканской прессе, первые опыты картографирования по различным проблемам изучения этнической культуры коми были выполнены с разной степенью профессиональной корректности и соответствия необходимым требованиям этнографической типологии (Арутюнов, 1998, с.134). Представляется, что в данном

случае более продуктивным может стать создание электронного варианта этнографического атласа — не статической, а динамической гипертекстовой и графической базы данных (открытой для внесения необходимых уточнений, дополнений и изменений, как в структуре, так и в содержании). Осуществление подобного проекта во многом будет способствовать продуктивному обсуждению целого ряда методических и методологических вопросов в типологии и картографировании традиционной и современной культуры коми. Отметим, что ранее, в ходе осуществления проектов по созданию гипертекстовой этнографической энциклопедии „Традиционная культура народов европейского Северо-Востока России“ (Сыктывкар, 1999) и гипермедиа энциклопедии „Традиционная культура коми“ (Хельсинки-Сыктывкар, 2000), сотрудниками отдела этнографии ИЯЛИ, при непосредственном участии программистов НМРК, были созданы необходимые программные оболочки для подготовки электронной версии этнографического атласа (подробнее о проектах см. в: Шарапов, 2003) В упомянутых электронных энциклопедиях, в частности, были представлены некоторые материалы по картографированию этнографических групп коми и коми-пермяков, этноконфессиональных и локальных групп коми, а так же ряд лингвистических (диалектных) карт www.komi.com/folk/komi/38.htm. В перспективе предполагается размещение ресурсов электронного атласа по этнографии коми для открытого доступа в Этнокультурном центре НМРК „Древо Жизни“ (Котылева, 2001, С. 384–386), а так же в сети интернет на сайте www.komi.com/folk.

Не вызывает сомнения и тот факт, что включение ресурсов электронного этнографического атласа в гипермедиа „Традиционная культура коми“ и последующее тиражирование этой мультимедиа энциклопедии на CD для учебных заведений и учреждений культуры Республики Коми могло бы способствовать в решении ряда проблем, связанных с преподаванием курсов по народной культуре коми, а так же развитием этнокультурного туризма в Республике Коми (в частности, профессиональной разработкой и эффективной рекламой этнографически ориентированных туристических маршрутов и экскурсий).

Материалы, представленные в этнографическом атласе с успехом могут быть востребованы и в работе представителей законодательных республиканских органов при обсуждении вопросов, связанных с осуществлением необходимой этнологической экспертизы (в частности, при обсуждении законов о традиционном природопользовании). Электронный этнографический атлас, как динамическая информационная система, сосредотачивающая в себе синхронные и диахронные научные данные (архивные, полевые, аналитические) об этнической культуре и среде обитания коми, может стать эффективным инструментом в диалого-конфликте этнических землячеств, республиканских властей и промышленных компаний, работающих в регионе.

Отметим, что некоторые результаты этнографического картографирования традиционной культуры коми уже были востребованы в современном законодательном процессе, в частности, при обсуждении Федерального закона „О народных художественных промыслах“, в связи с рассмотрением вопроса о предоставлении определенных льгот (в реализации продукции) для мастеров народных художественных промыслов и ремесел Республики Коми. В

настоящей статье приводится текст „Историко-этнографической справки о традиционных художественных ремеслах и промыслах у коми в XIX-XX вв.“, подготовленной для обсуждения на заседании Художественно-экспертного совета по народным художественным промыслам при Правительстве Республики Коми в мае 2004 г. Эти материалы представляют собой результат предварительной подготовки одного из разделов электронного атласа по этнографии коми.

Виды традиционных художественных промыслов и ремесел у населения Коми Края в XIX-XX вв. В течении XIX-XX вв. на территории Коми Края бытовали следующие ремесла и художественные промыслы: *обработка дерева* (изготовление мебели; резьба и роспись по дереву; изготовление утвари из бересты и капа; тиснение и резьба по бересте; плетение из дранки, корней и ветвей черёмухи и ивы); *гончарное производство* (изготовление разнообразной лепной посуды, светильников и игрушек); *изготовление традиционных музыкальных инструментов* (из дерева, глины и материалов растительного и животного происхождения); *обработка металла* (художественное литье чугуна и бронзы, фигурная холоднаяковка, гравировка и наклепка); *изготовление культовой христианской пластики* (нательные и наперсные кресты, резные деревянные иконы, иконостасы, деревянная храмовая скульптура); *обработка меха и кожи* (производство замшевых изделий, меховой одежды, обуви и сумок); *шерстобитное и валяльное производство* (изготовление шапок, рукавиц, валяной обуви); *ткачество* (изготовление тканей из конопляных, льняных и шерстяных нитей в различной технике: на дощечках, на бердечке, на ниту; закладная, браная и многоремизная техника тканья на стане); *вязание* (на одной, двух и пяти спицах); *вышивка* (бисером, серебряными, золотыми и разноцветными нитями в различной технике); *кружевоплетение* (из хлопчатобумажных и шерстяных нитей с помощью коклюшек и кручком); *обработка кости* (резьба фигурная, гравировка, циркульный и прорезной геометрический орнамент, нанесение пазов на изделия из кости). (Белицер, 1958; Грибова, 1980; Романова, 1975)

Перечень мест традиционного бытования народных художественных промыслов у коми в XIX-XX вв. Исторически сложившиеся центры народных художественных промыслов и ремесел на территории современной Республики Коми. В течении XIX-первой половине XX вв. на территории Коми Края исторически сложилась определенная специализация в народных художественных промыслах и ремеслах, которая в определенной мере продолжает сохраняться до настоящего времени.

Изготовление долблёной, бондарной и плетённой утвари. До 20 г. XX в. в коми селах, расположенным по рекам В.Вычегда, Локчим, Нившера и на р. Вашка широко бытовала традиция изготовления долблёной посуды из берёзовых наростов (ендовы, блюда, ковши, солонки) и утвари из бересты (пестери, туеса, коробы). Бондарный промысел был развит в селах Кельчиюр (р. Ижма), Щельяюр (р. Печора), Коквицы (р. Вымь), Палевицы (р. Вычегда). Для пластического декора долблёно-резной посуды коми типичны зоо- и орнитоморфные мотивы. У вычегодских, удорских и ижемских коми резную и бондарную утварь изредка покрывали свободнорисовой росписью (геометрическим, либо геометри-

зированный растительным орнаментом). Изготовлением резной посуды на продажу занимались мастера в сёлах Зеленец (р. Вычегда), Вильгорт, Слобода (р. Сысола), Небдино (р. Пысса). У вычегодских, удорских и печорских коми берестяные сосуды, нередко, декорировались прорезным геометрическим орнаментом и, реже, тиснением, выполненным с помощью костяных и деревянных штампов. У сысолских коми до середины XX века сохранялась уникальная традиция плетения берестяных солонков в виде орнитоморфных и зооморфных образов. Повсеместно у коми изготовлялась утварь, плетённая из еловых и сосновых корней, ивовых и черемуховых веток, дранки (разного рода корзины, лукошки, коробки, хлебницы, воронки, шкатулки). Реже встречаются изделия из ивовой лозы — р. Сысола, г. Усть-Сысольск. (Белицер, 1958; Грибова, 1980; Зеновская, 2001; Романова, 1975, 1986)

Художественная резьба по дереву. В традиционном декорировании изделий из дерева у коми и русского старожильческого населения Коми Края преобладают пластическая, прорезная и выемчатая резьба. В оформлении внешнего убранства жилища традиционным для вычегодских, удорских и ижемских коми является прорезной геометрический орнамент (наличники, причелины, повалы, деревянные „полотенца“ под охлупнем, подзоры и карнизы). Фигурная зооморфная резьба характерна для декора жилых построек на реках Ижме, Печоре и Вашке. У летских коми в конце XIX в. получила распространение традиция декорировать столбы-верей, полотнища ворот и калиток геометрическим орнаментом в технике трехгранновыемчатой, рельефной и накладной резьбы (сёла Гурьевка, Мутница, Летка). Для удорских, печорских и вычегодских коми традиционна техника контурной и трехгранновыемчатой плоскостной резьбы в оформлении орудий ткачества и прядения. На реках Вашке и В.Вычегде прялки, швейки, блоки ткацкого стана, трепала и другие предметы для льнообработки украшались резным контурным геометрическим орнаментом, нередко, по всей поверхности изделия. У вычегодских коми получает распространение сюжетная геометризованная резьба на прялках (сёла Богородск, Сторожевск, Большелуг, Нившера). У ижемских коми контурной и выемчатой резьбой украшали прямоугольные, круглые, гранёные и бочкообразные деревянные сосуды и шкатулки. У летских и удорских коми зафиксирована традиция орнаментирования в технике контурной и выемчатой резьбы детских колыбелей. У вычегодских, удорских, ижемских и печорских коми производили веретена, декорированные выемчатой резьбой — поперечными насечками или зигзагами, мотивом креста. (Белицер, 1958; Грибова, 1980; Зеновская, 2001; Романова, 1975; Уткина, 2000; Шипунова, 1967)

Производство традиционной мебели. В конце XIX в. развитие мебельного ремесла получило распространение в крупных сёлах и торговых центрах. Особенно популярны были и изделия местных мастеров-мебельщиков г. Усть-Сысольска, с. Вильгорт на Нижней Вычегде; сёлах Семуково и Усть-Вымь на р.Вымь; сёлах Аныб и Деревянск на Нижней Вычегде. В декоре мебели у ижемских коми типичной является фигурная резьба — стилизованные зооморфные изображения (сёла Ижма, Мутный Материк). Для вычегодских коми в оформлении мебели характерна свободноките-

вая роспись — растительные и, реже, сюжетные композиции. (Грибова, 1980; Романова, 1975)

Изготовление культовой христианской пластики. До начала XX века у коми-старообрядцев на реках Вашка, Печора и Вычегда сохранялась традиция изготовления деревянных надмогильных икон (из сосны и кедра), выполненных в технике плоскорельефной, обронной и трехгранновыемчатой резьбы. До настоящего времени в коми селах в Удорском и Усть-Куломском районе сохраняется традиция изготовления резных (из черемухи, можжевельника и осины) и литых нательных крестов. До начала XX в. артели вымских и вычегодских мастеров занимались изготовлением резных иконостасов для сельских храмов. Повсеместно у православных коми для приготовления ритуальных блюд изготавливались деревянные формы, выполненные в технике контррельефной плоскостной резьбы, для которой характерен обратный, или негативный, рельеф. (Котылева, 2000; Шарапов, 2001)

Народная роспись по дереву. Традиционными для коми считаются несколько видов северной народной росписи: мезенская графическая и сюжетная роспись с геометризированными растительными и зооморфными мотивами (с центрами „подражательной“ мезенской росписи по реке Мезень в селах у удорских коми; у вымских коми в селах Онежье, Турья, Кони; у ижемских коми в селах Мутный Материк, Кипиево, Сизябск, Кельчиор, Мохча, Няшабож); верхне-вычегодская (в селах Дон, Керчомья, Нижняя Вочь, Ручь, Помоздино и Вомын) и нижневычегодская (с. Айкино) свободнокистевая роспись; самобытная свободнокистевая техника нанесения геометрического орнамента на деревянные изделия была характерна для росписи удорских коми-старообрядцев (в селах и деревнях по р. Вашка — Чупрово, Тойма, Верхозерье, Остров); единичные образцы индивидуальной свободнокистевой росписи у вымских (с. Айкино), сысольских (с. Куратово), летских (с. Слудка, с. Прокопьевка, с. Ипатово) и вычегодских коми — в селах междуречья Пожега и Сысолы. (Грибова, 1980; Зеновская, 2001; Королева 1969; Уткина, 2000) На р. Вашка вплоть до 20-х годов XX века существовали мастерские скрытников, которые наряду с росписью деревянной утвари занимались писанием старообрядческих икон по канону XVII века — „провинциальное письмо северной поморской иконописи“. (Шарапов, 1997, 2000)

Изготовление традиционных музыкальных инструментов. До середины XX в. на территории Коми Края сохранялась традиция изготовления из осины, ели, ивы и березы разного рода музыкальных инструментов: идеофонов (деревянных барабанов; колотушек; трещеток — Сысола, Вымь, Ижма, Печора); мембранофонов (гребенчатая гармонь у вымских коми); хордофонов (простейшие струнные щипковые инструмент у сысольских, вычегодских и печорских коми); аэрофоны (рожки и флейты у из бересты и гума — дягиля; свистки из ветвей ели, ивы и черемухи — у прилузских, вычегодских, вымских и удорских коми). Глиняные флейты, свистульки и дудки бытовали на Вычегде, Сыsole и в Прилузье. До начала XX в. в с. Вильгорт на р. Сысола работала мастерская по производству балалаек. Сысольские коми мастера так же занимались изготовлением „сводедельных“ гармоник — села Визинга, Шошка, Пажга. (Чисталёв, 1984)

Гончарное производство. Архаичная техника жгутового налёпа с напольным обжигом бытовала ещё в начале XX в. в с. Нившера на р. Вычегде. Оригинальная техника лепки посуды была характерна для летских коми (с. Летка, п. Иванвож) — изделия формовали на деревянной модели. Производство лепной посуды, изготовляемой в технике ленточно-жгутового налёпа на ручном гончарном круге было характерно для вычегодских (сёла Помоздино, Пожег, Вомын, Деревянск, Скородум), ижемских (сёла Ижма, Гам), прилузских (с. Прокопьевка), удорских (сёла Важгорт, Кослан, Ертом, Разгорт) и вымских (сёла Усть-Вымь, Ляли) коми. Для вычегодских коми в сёлах Нившера и Вомын характерна техника лепки из цельного куска глины. У сысольских коми (с. Вильгорт) с 30-х гг XX в. получила распространение техника свободной формовки на ножном гончарном круге. (Белицер, 1958; Грибова, 1980; Зеновская, 2001; Романова, 1975, 1986; Чудова, 1997)

Обработка металла. В XIX — нач. XX вв. у ижемских коми в сёлах Краснобор, Ижма, Бакур, Сизябск, Усть-Ижма, Коровий ручей получило развитие самобытное плоскорельефное бронзовое литье. Отливались части оленьей упряжи, ременные пряжки, бляхи, кольца, цепочки, накладки для ножей. По декору это литье во многом повторяло аналогичные костяные изделия ненецких и обско-угорских оленеводов. В семьях коми-старообрядцев на реках В.Вычегде и Вашке до начала XX в. традиционным промыслом было литье серебряных украшений, производство изделий из меди и свинца (оклад для икон, кольца, сережки, подвески, пуговицы). У вычегодских, вымских, удорских и прилузских коми бытовала традиция изготовления металлических идиофонов (торган, бракольчи, тильгей — традиционные музыкальные инструменты из нескольких бубенчиков). В XIX в. на нювчимском горном заводе было освоено художественное литье чугуна: посуда, декоративные решетки, очажные доски, мелкая скульптура. (Грибова, 1975, 1980; Зеновская, 2001; Романова, 1975; Коми-зыряне, 1993)

Резьба по кости. Художественная резьба по кости широко бытовала до первой половины XX века у ижемских, удорских и вычегодских коми. Этот промысел был непосредственно связан с изготовлением атрибутов охотничьего и оленеводческого снаряжения (рукоятки ножей, пороховницы, мерки, копоушки, детали упряжи, поясные украшения, различного рода обереги, игрушки) из кости, рогов, копыт оленя и другого домашнего скота и, реже, из зубов и когтей хищных зверей (волка, медведя). Традиции косторезного искусства, зародившегося в XVIII веке преимущественно в среде коми охотников и оленеводов во многом под влиянием ненцев и хантов, поддерживаются отдельными коми мастерами и в настоящее время. В быту оленеводов, проживающих в бассейнах рек Усы, Косью и Адзьва до настоящего времени широко распространены изделия из оленьего рога и кости. (Грибова, 1980; Романова, 1975)

Обработка меха и кожи. Меховое производство получило наибольшее распространение у северной группы коми-ижемских оленеводов на Средней Печоре, Усе и Ижме и в русских сёлах на Нижней Печоре. Ижемские оленеводы, не только переняли у ненцев и хантов технологию первичной обработки оленьего меха, выделки из шкур замши-ровдуги, умение окрашивать мех и замшу в различные цвета, но и выработали самобытные приемы

в мастерстве изготовления и декорирования меховой и замшевой обуви, одежды, головных уборов, сумок, рукавиц и других изделий. Основными приёмами декорирования меховых изделий у коми является аппликация и мозаика — выполнение орнаментальных композиций из контрастного по цвету меха и введения в композицию разноцветных суконных и замшевых деталей. (Грибова, 1975, 1980; Зеновская, 2001; Романова, 1975)

Вязание. Самобытная техника вязания на одной спице бытовала в селах на Верхней Вычегде и Печоре. Повсеместно у коми до настоящего времени распространено узорное вязание разноцветными шерстяными (изредка льняными) нитями на двух и пяти спицах. В основе узора вязаных изделий лежит диагонально-геометрический орнамент, реже геометризованные растительные и зооморфные мотивы, характерные для вышивки и меховых изделий. Традиционными считаются двухцветные орнаментальные композиции на вязанных изделиях. Набор орнаментальных мотивов, цветовая гамма узоров на вязаных изделиях существенно различаются по районам бытования. Исследователи выделяют несколько локальными вязанных орнаментированных типов у коми: ижемский (в бассейнах средней Печоры и ее притоков Усы и Ижмы); удорский (бассейна р. Вашки, левого притока Мезени); верхневычегодский (в пределах распространения верхневычегодского диалекта языка коми, т. е. в бассейне р. Вычегды и верховьях р. Ижмы); среднесысольский (бассейн р. Сысолы); лузско-летский (бассейны рек Лузы и Летки); печорский (бассейн р. Печоры от д. Мамыль до г. Печоры); нижневычегодский (бассейн рр. нижней Вычегды и Выми); верхнесысольский (верхняя Сысола); мезенский — село Пысса Удского района. (Грибова, 1980; Климова 1978, 1984; Романова, 1975; Шипунова, 1960)

Ткачество. Вплоть до первой половины XX в. традиционное узорное ткачество было представлено на территории Республики Коми несколькими видами браной техники: одно-уточное и двухуточное браное ткачество на большом количестве дощечек (бассейн рек Вашки, средней Лузы, нижней и средней Вычегды с притоками Вымы, Сысола, Локчим); двухуточное — на малом количестве дощечек (у коми на реках средней Лузе, нижней Вычегды и средней Сысоле); многоремизное ткачество (верховья Кобры и Сысолы, единично в бассейнах нижней Вычегды и средней Лузы). Каждый из перечисленных видов ткачества был связан с определенным материалом и установившимся набором изделий и располагал характерным кругом орнаментальных и цветовых решений. Для нижневычегодских и удорских (р. Вашка) коми традиционные узорчатые тканые изделия (полотенца, скатерти, пояса), выполненные в браной технике (геометрический орнамент). Самобытное закладное узорчатое ткачество в сочетании с браной техникой характерно для вымских коми. У сысольских коми бытовали браные полотенца с нехарактерным для коми зооморфным орнаментированием ткани. У коми используют три основных (с небольшими техническими вариациями) способа тканья узорных поясов: тканье на дощечках шире всего практиковалось в бассейнах Вашки, верхней Вычегды, Сысолы, Лузы, Летки; тканье на бердечке в конце XIX-начале XX вв. больше всего было распространено по средней Сысоле, верхней Вычегде, Вашке; нитовые пояса встречаются у сысольских и удорских коми, в местах пограничного проживания коренных коми и русского

старожильческого населения. (Грибова, 1980; Климова 1984; Романова, 1975; Шипунова, 1960; Vahter, 1949)

Вышивка. Повсеместно для коми характерны различные техники вышивки: счетная и рельефная гладь, вышивка крестом и тамбуром. Наиболее распространена вышивка счетной гладью или мелким крестом на мужских и женских рубашках, нарядных женских передниках. Диагонально-геометрический или геометризованный растительный и зооморфный декор вышивки у коми очень редко повторяет тканые узоры. Самобытная техника сплошного коврового шва на головных уборах, рубашках, полотенцах бытовала у летских, лузских и сысольских коми. В вышивке на женских рубашках, кроме счетной глади использовались техника двухстороннего шва и тамбурный шов. Вышивка цветным бисером, серебряными и золотыми нитями различных элементов одежды типична для ижемских коми. Для этого типа вышивки характерны стилизованные растительные и зооморфные композиции. Редкие образцы вышивки бисером и золотыми нитями символов христианской веры представлены на старообрядческих лестовках у удорских и вычегодских коми. (Грибова, 1980; Климова 1984; Шипунова, 1960)

Кружевоплетение. В XIX - начале XX вв. у сысольских коми (с. Нювчим, Усть-Сысольского у.) получает распространение художественное кружевоплетение. Первоначально возникнув под влиянием техники русского кружевоплетения в соседних Вологодской и Вятской губ., нювчимское кружевоплетение не имело местной специфики. Коми мастерицы изготовляли кружево на жесткой подушке в форме валика при помощи коклюшек — деревянных палочек-бобинок. В орнаментике кружевоплетения сысольских коми чаще всего встречаются растительные мотивы вологодского кружева. Позднее, с распространением техники кружевоплетения у других этнографических групп коми (в частности, у вымских и летских коми), складываются самобытные мотивы орнаментации, перекликающиеся с местной геометрической орнаментикой. Примечательно, что к определенному тканому или вышитому узору, в частности на полотенцах, изготовлялись кружевные подзоры с рисунками, которые гармонировали с общим традиционным декором изделий. (Грибова, 1980; Коми-зыряне, 1993)

Приведенный выше историко-этнографический обзор показывает, что уже XIX веке происходит формирование определенной ремесленной специализации между различными этнографическими группами коми. Некоторые населенные пункты Коми Края выделяются своими специалистами по отдельным ремеслам. Так, например, село Ижма с прилегающими деревнями славилось искусными замшеделами; г. Усть-Сысольск и село Вильгорт — гончарами, мебельщиками, посудниками, бондарями; южные прилузские коми деревни — мастерицами-ткачихами. Следует отметить, что оформление центров самобытных художественных промыслов и ремесел у коми-зырян в XIX - начале XX вв. происходит в ареалах совместного, либо пограничного проживания коми, ненцев, северных хантов и русского населения (в частности, старообрядческого). Именно в этих контактных зонах происходит рождение таких этнокультурных феноменов, как удорская старообрядческая иконописная традиция, вычегодская свободно-кистевая роспись по дереву, нювчимское кружевоплетение.

ние, художественная обработка меха и резьба по кости ижемских коми оленеводов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнов С. А. Рецензия: Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997, 384 с. // Этнографическое обозрение, 1998. № 6. С. 132-135.
2. Белицер В. Н. Народное изобразительное искусство коми // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 10. М., 1950.
3. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми, XIX-начало XX в. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия; Т. 45). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Волокитина О. Н. Мифологема „Мировое древо“ в контексте крестьянского прикладного искусства коми // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар. 1997, Вып. 1. С. 12-16
5. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975
6. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980
7. Грибова Л. С., Савельева Э. А., Васкул И. О., Зеновская В. П., Уткина И. М. Народное искусство коми. М., 1993
8. Зеновская В. П. Обработка дерева и бересты; Резьба и роспись по дереву; Художественная обработка меха, глины, металла; Ткачество, вышивка, набойка; Узорное вязание // Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 2001, С. 160-163; 168-173
9. Климова Г. Н. Вышивка летских коми // Этнографические исследования северо-запада России. Л., 1977.
10. Климова Г. Н. Узорное вязание коми. Сыктывкар, 1978.
11. Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.
12. Климов-зыряне. Историко-этнографический справочник / Сост. Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 1993.
13. Конаков Н. Д. Естественно-географическая среда и традиционная народная культура коми // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
14. Конаков Н. Д. Этническая экология и традиционная культура коми / Сер. препринтов „Науч. докл.“ КФАН СССР. Вып. 107. Сыктывкар, 1984.
15. Конаков Н. Д. Декоративно-прикладное искусство коми. Оперативно-информ. матер. Президиума КФАН СССР о науч. справоч. „Коми АССР“. Сыктывкар, Ч. 2, 1986.
16. Конаков Н. Д. Этноэкологические факторы культурогенеза и динамики традиционной культуры коми. Материалы VI МКФУ М., 1989. Т.1.
17. Конаков Н. Д. Некоторые вопросы этнографического картографирования народа коми // Этнические и социально-культ. процессы у народов СССР. Тез. Всесоюз. конф. Т.1. Омск, 1990.
18. Королева Н. С. Народное искусство пермских финно-угров (коми, коми-пермяков, удмуртов) XIX-XX вв. Автореф. канд. дис.... .искусств. наук. М., 1969.
19. Котылева И. Н. «Древо жизни»: формирование этнокультурного информационного центра на базе Национального музея Республики Коми // Материалы Международной научной конференции „Музей, традиция, этничность: XX-XXI век“. СПб., 2001. С. 384-386.
20. Котылева И. Н. Трепала в контексте космогонических представлений о создании нити/полотна (на примере коллекции трепал из собрания НМРК) // Музеи и краеведение. Труды НМРК. Вып. 3, 2001, С. 198-203.
21. Котылева И. Н. К вопросу семантики творожной пасхи в контексте традиционной культуры коми-зырян конца XIX - начала XX в. //

- Христианский мир. Религия, культура, этнос. Материалы научной конференции. Декабрь 2000 года. С-Петербург, 2000. С. 285-288.
22. Романова Г. Н. Традиционные домашние ремесла и кустарные промыслы коми (конец XIX - начало XX вв.). Автореф. канд. дис. ..историч. наук. М., 1975.
 23. Романова Г. Н. Традиционная текстильная техника коми // Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Л., 1984. С.87-96.
 24. Романова Г. Н. К вопросу о развитии традиционного ремесла коми // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986, С.81-87.
 25. Уткина И. М. О чем рассказывают прялки. Коллекция прялок в собрании НМРК // Арт, Сыктывкар. 2000. №1.
 26. Чисталёв П. И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар, 1984.
 27. Чудова Т. И. Глиняная посуда коми (зырян) // Музеи и краеведение. Труды национального музея республики Коми. Сыктывкар, 1997.
 28. Шарапов В. Э. Прикладное искусство коми: ткачество, вязание, вышивка; Традиционная одежда; Традиционный орнамент коми; Украшения жилища. Роспись и резьба // Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. / Отв.ред. и сост. Н. Д. Конаков. Сыктывкар, 1994. СС. 89-95; 234-255.
 29. Шарапов В. Э. Графическая и свободнокистевая роспись по дереву на территории Коми края в XIX-нач. XX веков // Музеи и краеведение. Труды национального музея республики Коми, Сыктывкар, 1997, Вып. I. С.104-116.
 30. Шарапов В. Э. О традиции изготовления резных деревянных икон и нательных крестов у коми старообрядцев-бесполовцев // Музеи и Краеведение. Труды Национального Музея Республики Коми, Сыктывкар, 2001, Вып. III.С. 191-197.
 31. Шарапов В. Э. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Гл. 4. Материальная культура. Раздел „Одежда и обувь“; Гл. 8. Народное искусство и фольклор. Раздел „Народное декоративно-прикладное искусство: роспись по дереву“ // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты., М., 2000, СС. 91-107; 167-169.
 32. Шарапов В. Э. Гипермедиа проекты по народной культуре коми, коми-пермяков, ненцев и северных русских // Материалы конференции «Социально-экономическое и этно-культурное пространство Ненецкого автономного округа. Тенденции и перспективы». Вестник ПГУ. Архангельск, 2003, С. 232-236.
 33. Шипунова Г.В. Народное искусство коми (узорное тканье, вязание, вышивка) // Советская Этнография, 1960. № 2.
 34. Шипунова Г.В. Народное искусство коми (резьба по дереву) // Доклады по этнографии географического общества СССР. Вып. V. Л., 1967.
 35. Vahter, Tyyni. Permalaisnaisten korukdsitijit // Kalevalaseuran vuosikirja 29, Porvoo: Werner Söderström, 1949.

В. Б. Липин

Национальный музей Республики Коми

КОЛЛЕКЦИЯ ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВЕЦКОГО СНАРЯЖЕНИЯ В ФОНДАХ НМРК

Предлагаемая статья представляет собой предварительный обзор коллекции промыслового снаряжения, хранящегося в фондах НМРК. В последующем предполагается создание каталога охотничье-рыболовецкого снаряжения для большего ее использования, как в исследовательской, так и в экспозиционной работе.

Экспонатов, связанных с охотой и рыболовством, в фондах НМРК насчитывается более 180 единиц хранения. Сбор их осуществлялся на протяжении всего существования музея и до настоящего времени. Материал представлен достаточно разнообразный, охватывающий почти все стороны охотничье-рыболовецкого хозяйства народа коми, хотя в большей степени присутствует охотничий инвентарь. Малочисленность рыболовного снаряжения, вероятно, объясняется меньшим сроком его хранения и сохранности, в силу большей подверженности агрессивному воздействию атмосферной среды во время его использования.

В плане географии, в коллекции представлена вся нынешняя территория Республики Коми, но более всего те районы, где охота и рыболовство играли значительную роль в традиционном хозяйстве у коми вплоть до начала XX века — Верхняя Печора и Вычегода, Вымь, Ижма, Удора.

Классификационные группы в ходе работы над каталогом предполагается выделить по функциональному назначению предметов, как-то: средства лова, средства передвижения, вспомогательный инвентарь, одежда, обувь и т. д.

Наиболее многочисленный материал составляют орудия ловли — снаряды и огнестрельное оружие, комплекты вспомогательного снаряжения для ружейной охоты. Ручное метательное оружие представлено тремя редкими экземплярами, относящиеся к лукам простого (1 ед. хр.) и сложного типов (2 ед. хр.). Сохранность луков неполная, у одного экземпляра обломаны оба конца кибити, у второго отсутствует половина кибити. Имеется также 2 наконечника стрел.

Коллекция огнестрельного охотничьего оружия насчитывает 45 экземпляров. Большая часть из них относится к ружьям дульнозарядного типа, к кремневым и ударно-капсюльным: „питшали“, „турки“ „крымки“. Имеются также винтовки системы Крнка, Бердана, гладкоствольные казнозарядные ружья центрального боя, в том числе и двуствольные. Большинство ружей отечественного производства Тульского и Ижевского оружейных заводов, но имеются экземпляры иностранного происхождения из Германии и Франции. Датируется вся коллекция в основном серединой XIX-началом XX вв. Приклады кремневых ружей самодельные, ударные механизмы, вероятно, также местного производства.

Довольно многочисленны предметы вспомогательного снаряжения к огнестрельному оружию. К такому относится ремешок-портупея „тасма“, с набором принадлежностей — пороховница, мешочки для хранения дроби, кремня, трута, пистонов-капсулей. Всего имеется 11 полных и 11 неполных комплектов, более 20 отдельных элементов набора, 7 единиц роговых пороховниц натрусок и 3 патронташа.

К вспомогательному инвентарю относятся также охотничьи посохи „койбедь“ (4 ед. хр.), которые бытуют в качестве таковых у сельских промысловиков РК и в настоящее время, что, впрочем, относится и к некоторым видам средств передвижения.

В фондах НМРК средства передвижения представлены восьмью парами лыж, относящихся к обитым камусом („лызь“) и голицам („лямпя“), ручным охотничьим нартам „норт“ (3 экз.) и одной лодкой-долбленкой „ветки“. Ручные охотничьи нарты относят-

ся к прямокопильному типу с одной горизонтальной передней дугой. Лодка представляет собой комбинированный вариант долбленки с набоем, приспособленная для езды с подвесным мотором.

В коллекции присутствует также инвентарь для „пассивной“ охоты. Это держатели для волосяных петель силков „лэч видзан“ (4 набора), комплект деталей силка для ловли куропадок, ловушки-клянцы (3 экз.), ловушка-черкан (1 экз.) и металлические капканы для разных видов дичи и зверей (9 экз.)

К промысловому снаряжению относятся некоторые типы одежды и обуви, в частности охотничьи накидки „лузаны“ (6 ед. хр.) и специальная обувь для ходьбы на лыжах „тюни“ и „ныра көм“, а также несколько экземпляров кожаной обуви типа бродней (14 экз.). Единичными экземплярами, зафиксированными как охотничьи, представлены шапки, штаны. Специфическими элементами промыслового быта являются деревянные охотничьи календари — „пу святсі“ (7 ед. хр.)

Рыболовецкий инвентарь, имеющийся в фондах НМРК, как уже было сказано выше, не так многочислен как охотничий. В рыболовецкой коллекции представлены одноственные ставные (3 экз.) и трехстенная ставная сети, деревянные и сетные рыболовушки, „гымги“ (5 экз.) и „ветели“ (2 экз.), орудия активного лова — остроги „адзлас“ (4 экз.), единичные экземпляры снастей для ловли рыбы на крючок и блесну. Из вспомогательных средств присутствуют таган для огня, применяемый при ловле рыбы способом лучения и ботана для ловки ботанием (2 экз.). Кроме того, имеются принадлежности для вязания сетей, два комплекта в наборе и 11 экземпляров в отдельности.

В целом коллекция охотничье-рыболовецкого снаряжения в фондах НМРК достаточно представительна, однако следует отметить, что ее пополнения за счет новых поступлений в последние годы почти что не было. Вместе с тем, традиционные способы охоты и рыбной ловли, сохраняются в сельской местности и в настоящее время, так же как некоторые виды традиционного инвентаря, поэтому представляется, что пополнение коллекции возможно уже современными предметами.

И. М. Уткина

Национальный музей Республики Коми

**ЗНАКОВЫЙ ОБРАЗ СОЛОНКИ-УТКИ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ (ЗЫРЯН):
К ВОПРОСУ О КАТАЛОГИЗАЦИИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ НМРК**

Комплектование фондов Национального музея Республики Коми этнографическими предметами началось в первые десятилетия XX века в связи усилившимся интересом к культуре „малых“ народов. Общий теоретический уровень этнографических знаний того времени, а также отсутствие общепринятой методики полевой работы допускали рассмотрение отдельных явлений культуры и быта в отрыве от конкретных исторических и социальных условий. Все это нашло отражение в формировании узкотематических коллекций начала и середины XX века. Примером того может слу-

жить коллекция солонок-уток (сов доз), основа комплектования которой была заложена в 1920-е годы. Под названием „утка“ эти предметы известны у многих народов и были не раз описаны в научной литературе ряда известных авторов.

Для научного анализа взято 27 предметов с удивительной зоморфной пластикой в виде мифологической Пра-Матери-утки¹. Солонка-утка (сов доз) — это посуда, которая служила для хранения и подачи на стол соли. Большинство исследуемых предметов не имеет обстоятельной „музейной легенды“, их история малоизвестна. Следует отметить, что первые четырнадцать предметов поступили в музей в 1925-е годы в результате экспедиционной деятельности на Ижме Даниила Тимофеевича Яновича. Его можно отнести к числу незаслуженно забытых собирателей первой половины XX века. В результате разносторонней и вместе с тем целенаправленной деятельности им была заложена основа этнографической коллекции Национального музея Республики Коми. В период активной полевой работы на территории Коми края им было собрано более 1000 экспонатов, поступивших впоследствии в фонды музея. Свои исследовательские задачи Д. Т. Янович формулировал следующим образом: „Я собираю для будущих исследователей, которые обработают материал, собранный нами. Для меня же имеет значение музей — кладовая охраны произведений народного творчества... В близком будущем народ, конечно, оценит свою родную старину и будет ее беречь... Тогда, быть может, тысячи студентов будут снаряжены экспедиционно..., но тогда они не найдут и 1/1000 доли того, что я вижу сейчас перед глазами“².

Остальная часть коллекции сформировалась в результате экспедиционной деятельности сотрудников музея: А. М. Рубцова, Л. Д. Люсовой, Н. А. Митюшевой, В. В. Соловьева, работавших в 1960-2000-е годы в Княжпогостском, Усть-Куломском и Корткеросском районах. Несколько предметов поступило от любителей-краеведов. Хронологически коллекция относится к концу XIX - началу XX веков. Если учесть тот факт, что любая деревянная вещь в среднем „живет“ около 150 лет, то какое же поколение „уток“ хранится в фондах музея? В настоящее время мы не располагаем этими данными, можно лишь сделать предположение на основе высказывания некоторых исследователей, что посуда в форме водоплавающей птицы была известна уже в XII веке³.

До 1995 года все эти предметы находились на разных стеллажах в фонде „дерево“. Их сохранность характеризовалась сильной загрязненностью, многочисленными утратами. На протяжении последующих пяти лет коллекция была собрана воедино, проведена профилактическая обработка, консервация и реставрация. Работа по изучению коллекции велась в нескольких направлениях. Это, прежде всего, визуальное обследование самих солонок и работа с учетной документацией. К сожалению, музейная учетная документация не располагает полным набором сведений о каждом предмете. Необходимо отметить, что основы атрибутирования коллекции были заложены научным сотрудником В. П. Зеновской. Более глубокая изученность коллекции позволила создать каталог „Коллекция солонок-уток из собрания НМРК“ и использовать ее в показе раздела „Мир предков в традиционном искусстве коми“, который построен в рамках этнографической экспозиции „Традиционная культура

народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX - начале XX веков". Данная экспозиция построена на основе подлинных предметов этнографии из фондов музея. Тематическая направленность экспозиции основана на разделении мужской и женской доли, сочетание и чередование которой создают ритм жизненного цикла. В разных разделах этой экспозиции также представлены семь солонок-уток.

Все анализируемые солонки изготовлены из капа в виде уток, чаще с толстостенным туловом. Некоторые выполнены на небольшом поддоне или на ножках. Шея и голова имеют естественные изгибы. Верхняя часть вырезага и образует сдвижную крышку, которая крепится на деревянной втулке. На одной из солонок, на крышке вырезаны маленькие утята, на другой — рыбки. Поверхность солонок никогда не декорировалась ни росписью, ни резьбой (исключением являются солонки КП 287, КП 5788/3, КП 5799/1, 6453/4). Последняя приобретена в селе Мордино Корткеросского района. При внимательном рассмотрении выяснилось, что поверхность солонки окрашена краской красного, зеленого, синего цветов. Каждый цвет краски накладывался в указанной последовательности и покрывал всю поверхность солонки. Кроме утиц, в коллекции встречаются солонки с головой других водоплавающих птиц (гуся, лебеда), и, более того, имеется одна солонка с головой и туловом коня. Некоторые солонки на дне имеют надписи, которые традиционно содержат дату изготовления и инициалы мастера (КП 294, КП 1098, КП 10193). Следует отметить, что каждый предмет, имея определенные особенности, по-своему интересен. Все подробные сведения даны в каталожной части статьи.

С солонкой и солью у коми связаны определенные правила поведения. Соль — одно из наиболее действенных магических средств, по представлению коми, которая очень широко применялась в качестве оберега от нечистой силы и использовалась как средство от болезней и порчи. Особенно действенным считалось у коми-зырян сочетание хлеб-соль (нянь-сов). Уже само это выражение является не только приглашением в гости, но и пожеланием счастья, безбедного существования, здоровья и полноты жизни. У коми-зырян соль не давали взаймы, так как считалось, что вместе с солью уходит счастье (шуд), через одолженную соль могут нанести порчу⁴.

По мнению Л. С. Грибовой солонку-утку девушке дарил брат матери — чож. Такое же название имела и утка (чож). Этот факт интересен тем, что дает представление о статусе обрядового символа солонки-утки. Особая роль брата матери в свадебном обряде у коми широко известна. Именно дочери дарили солонку — как символ продолжения материнского рода. Когда девушка уходила из родного дома, она получала в дар солонку-утку матери, унося с собой частичку своего рода, воплощение его жизненной и охранительной силы. По мнению Г. Н. Чагина, помимо утилитарного назначения солонки-утки несли антропийную (охранительную) функцию. В древности этот образ фигурировал у народов Северного Приуралья в искусстве медной пластики. В изделиях из бронзы (подвесках, пронизках) встречается изображение уток, утиных лапок, чрезвычайно характерных для археологических памятников I тысячелетия, расположенных на Каме, Вычегде, Сыsole и Выми⁵. В фольклорной традиции у коми

образ утки также глубоко традиционен. Особый интерес представляет содержание мифа о происхождении мира, который по-разному интерпретируется у всех финно-угорских народов.

Когда-то давно-давно... Это выражение звучит на коми языке "му пуксиген", что буквально означает "в начале земли". Говоря так в обиходе, современные коми вряд ли сознают, что "начало земли" это время ее сотворения. У всех народов есть мифы о сотворении мира. Мифы из разных концов земли настолько схожи, что верится, будто бы все люди пошли от тех первых, созданных Богом, и только потом мы непросительно забыли о своем изначальном родстве. По древним верованиям коми мир явился результатом деятельности двух божеств Ена и Цмоля. Первый — носитель энергии созидания, второй — разрушения. Мифы по-разному описывают начало начал. До того как мир стал существовать, была некая порождающая субстанция. Она содержала в себе все вещи и атрибуты будущего мира. В качестве этой субстанции в мифах коми выступает мрак и туман, болото, но чаще всего вода в виде первозданного беспредельного океана. Сотворение начинается с выделения суши и отделения ее от воды.

Сопоставление имеющихся мифов о сотворении земли у финно-угорских народов указывает на то, что мир был создан из яйца. Птица (утка, режа — гусь, голубь, ласточка) сносит одно или несколько яиц посреди вод первичного океана. Из этих яиц возникают небо, земля, светила⁶.

В песенном фольклоре северных великорусов широко распространен образ серой утицы, возникший, по всей вероятности, в новгородской среде как отражение идентичных финно-угорских мировоззренческих представлений, поскольку в состав славянского населения входило значительное число финноязычных племен, как считает Л. С. Грибова.

Широкое распространение космогонических мифов, в которых утка является прародительницей всего живого на земле, не могло не сказаться на развитии материальной культуры народа коми. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что ремесленное творчество, подчиненное нуждам человека, отражало древнейший пласт крестьянского мировоззрения. Смысл зооморфной пластики сводился к выполнению магической и эстетической функций. Несмотря на то, что в позднем этапе доминирующей стала эстетическая сторона, старшее поколение людей не забывало и о сакральном смысле солонки-утки. Следовательно, образ водоплавающей птицы в народном искусстве коми был глубоко традиционен и распространен достаточно широко. Ярким примером тому являются солонки-утки, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Коми.

Пояснения к каталогу

Каталог содержит 27 статей, расположенных в последовательности поступления солонки в музей. Каждая статья включает следующие сведения: порядковый номер, название предмета, дату поступления, место бытования, автора сбора, описание, сведения о мастере, датировку, сохранность, размер, инвентарный номер. Степень сохранности указана до выполнения реставрационных работ.

Каталог

1. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д. Т. Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена из нароста (капа) в виде плывущей утки. Тулово вырезано примитивно, значительно отличается от естественной формы. Шея, голова почти не проработаны, клюв оформлен треугольным вырезом. Часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку, крепление подвижное, на деревянном стержне и расположено в области хвоста. Солонка окрашена масляной краской в красно-коричневый цвет.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: красочный слой частично утрачен.

Размер: 20,5x11,5x8.

НМРК, КП 287

2. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена из нароста (капа) в виде водоплавающей птицы со слабой проработкой головы и тулова, с мощной грудью. Выдолбленная часть спинки служит местом для хранения соли.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: в хвостовой части две трещины дл. 3,5 и 1 см., многочисленные мелкие трещины по всей поверхности.

Размер: 21,5x12,5x9.

НМРК, КП 288.

3. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д. Т. Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плывущей утки. Тулово толстостенное, грудь высокая мощная, плавно переходящая в голову. Хвост вырезан в виде пятиугольного выступа. Выдолбленная часть спинки служит местом для хранения соли.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: крышка и конец клюва утрачены, на тулове трещины дл. 6 и 2 см., по всей поверхности естественная сучковатость.

Размер: 14,5x18x10.

НМРК, КП 289.

4. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плывущей утки с повернутой шеей. Хвост вырезан в виде прямоугольного выступа с округленными углами. Выдолбленная часть спинки служит местом для хранения соли.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: утраты тулова и головки, в донце сквозное отверстие d-2,5 см., по всему хвосту трещина дл. 0,5 см.

Размер: 9x15,5x6,5.

НМРК, КП 290.

5. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д. Т. Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плывущей утки, грудь слегка выпуклая переходящая в прямую шею, значительно отличаясь от естественного силуэта. Часть спинки вырезана, и образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, на деревянном стержне в хвостовой части солонки. Хвост вырезан в виде полуцилиндрического выступа.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: по кромке тулова отломы 1x1, 1x1,5 см., в донце трещины дл. 5 и 4,5 см.

Размер: 13x21x12,5.

НМРК, КП 291

6. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Сбор Д. Т. Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плывущей утки, силуэт массивный, тулово толстостенное. Мощная грудь переходит в маленькую головку. Выдолбленная часть спинки служит местом для хранения соли.

- Конец XIX-начало XX вв.
Сохранность: на тулове трещина дл. 4 см.
Размер: 14x23x10.
НМРК, КП 292.
7. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).
Сбор Д.Т.Яновича. 1925 г., Ижемский район.
Выполнена в виде плывущей утки. Шея чрезмерно удлинена, голова сильно стилизована. Часть тулова имеет углубление. Работа грубая, толорная, по всей поверхности следы от затесов. Возможно, что это заготовка.
Конец XIX-начало XX вв.
Сохранность: в шейной части трещина дл. 4 см., на днище сучковатость.
Размер: 18x25,5x9,8.
НМРК, КП 293.
8. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)
Передана гр. гор. Сыктывкара М.О.Забоевой в 1932 году.
Выполнена в виде плывущей утки. Тулово максимально приближено к естественному силуэту. Часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, расположено в хвостовой части. На крышке вырезана пара маленьких утят. Солонка окрашена в коричневый цвет
На дне надпись: „1904. Г. НОА. 14 АИХ“.
Сохранность: потертости.
Размер: 19x24x10.
НМРК, КП 294.
9. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).
Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.
Выполнена в виде плывущей утки на поддоне 0,5 сантиметра. Тулово толстостенное, шея не имеет естественного изгиба и выполнена в форме восьмигранника. Клюв утолщен
На дне надпись: „1XX5 СГХ“.
Конец XIX-начало XX вв.
Сохранность: крышка утрачена, трещины около хвоста 5x0,5 см., на спинке 1x0,1 см.
Размер: 22x13,5x10,5.
НМРК, КП 1098.
10. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).
Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.
Выполнена в виде плывущей утки, тулово средней толщины, шея, прямая длинная. Крышка подвижная, крепилась в хвостовой части на деревянную втулку.
Конец XIX-начало XX вв.
Сохранность: крышка отсутствует, на дне естественная сучковатость.
Размер: 17,5x21x9.
НМРК, КП 1099.
11. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).
Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.
Выполнена в виде плывущей утки, шея которой не имеет естественного изгиба и выполнена в виде уплощенного цилиндра. Часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку. Крепление крышки подвижное, на деревянном стержне. Хвост вырезан в виде выступа.
Конец XIX-начало XX вв.
Сохранность: клюв утрачен, по всей поверхности имеются следы естественного старения дерева.
Размер: 16x23x10.
НМРК, КП 1100.
12. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).
Сбор Д. Т. Яновича, 1925 г., Ижемский район.
Конец XIX-начало XX вв.

Выполнена в виде плавущей утки с длинной шеей. Вырезанная часть спинки образует крышку. Крепление подвижное, на металлическом стержне.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: утрачен конец головы и хвост в крышечной части, на хвосте трещина дл. 2,5 см.

Размер: 16x23x9,5.

НМРК, КП 1101.

13. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плавущей утки, тулово на поддоне высотой 0,3 сантиметра. Шея и голова хорошо смоделированы, на шее имеется выступ — зоб. Хвост вырезан в виде выступа неправильной формы. Вырезанная часть спинки образует сдвижную крышку. Крепление крышки подвижное, на деревянном стержне с круглым навершием.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: царапины по всей поверхности, на дне сучковатость.

Размер: 12,5x22,5x12.

НМРК, КП 1102.

14. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Сбор Д.Т.Яновича, 1925 г., Ижемский район.

Выполнена в виде плавущей утки с массивной грудью и изогнутой шеей. Вырезанная часть спинки образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, на деревянном стержне с круглым навершием. Хвост вырезан в форме пятиугольного фигурного выступа.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: голова утрачена, выбоина на корпусе 2,5x4,5 см., трещина дл. 3 см.

Размер: 22x13,5x11

НМРК, КП 1103

15. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Приобр. в с. Аныб Сторожевского р-на в 1911 г.

Выполнена в виде плавущей утки. Тулово максимально приближено к естественной форме, голова и шея хорошо смоделированы. Вырезанная часть спинки образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, расположено в хвостовой части. На крышке вырезаны две пары маленьких утят.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: полная.

Размер: 25x13x11.

НМРК, КП 1159.

16. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Приобр. в с. Курья Троицко-Печорского р-на.

Выполнена из капа в виде плавущей утки форма обтекаемая. Верхняя часть тулова вырезана вместе с головой и образует сдвижную крышку. Крепление крышки подвижное, на металлическом шурупе и расположено в хвостовой части солонки.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: на дне сквозное отверстие d-3мм.

Размер: 10,5x19x10

НМРК, КП 4543/1

17. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Приобр. в с. Весляна Княжпогостского р-на.

Сбор Рубцова А.М. в 1972 году.

Выполнена в виде стилизованного скульптурного изображения лошади. Тулово на четырех прямых ножках (h-2 см.). Хорошо смоделированы шея и голова. Крепление подвижное, на деревянном стержне, расположено в хвостовой части.

Хвост вырезан в виде фигурного выреза.

Свадебный подарок Катаевой Ульяне от отца в 1919 году.

Сохранность: утраты красочного слоя, разлом 1x1,5 см на шее, трещины в хвостовой части дл. 5 см.

Размер: 13,5x23,5x9.

НМРК, КП 5526.

18. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Приобр. в с. Помоздино Усть-Куломского р-на.

Сбор Рубцова А. М.

Выполнена в виде плывущей утки, тулово обтекаемой формы, максимально приближено к естественному силуэту. Вырезанная верхняя часть образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, на металлическом стержне, расположено в хвостовой части солонки. Хвост выполнен в виде фигурного выступа.

Мастер: Игнатов Михаил Егорович

Конец XIX—начало XX вв.

Сохранность: Хвост частично утрачен, нарушено крепление крышки, на шее трещина дл. 5 см.

Размер: 11,5x16x7

НМРК, КП 5280

19. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в д. Кони Княжпогостского р-на, 1908 г.

Сбор Рубцова А. М. 1972 г.

Солонка выполнена в виде плывущей утки. Тулово максимально приближено к естественному силуэту. Часть крышки вырезана и образует сдвижную крышку. Крышка — подвижная, крепится на деревянном стержне. Хвост вырезан в форме ромбического выступа

Начало XX в.

Мастер: Сокерин Алексей.

Сохранность: клюв утрачен, мелкие трещины на поверхности солонки.

Размер: 17,5x29x11.

НМРК, КП 5533/1.

20. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в 1973 г. в с. Вольдино Усть-Куломского р-на.

Сбор Митюшевой Н. А.

Солонка выполнена в виде плывущей утки. Шея и голова слабо проработаны. Часть спинки вырезана и служит местом хранения соли. Хвост оформлен в виде трапециевидного выступа. Работа грубая, по всей наружной поверхности следы от затесов.

Конец XIX—начало XX вв.

Сохранность: по наружной поверхности тулова сколы

Размер: 24,5x15,5x11,8.

НМРК, КП 5777/2.

21. СОЛОНКА-УТКА (сов доз).

Приобр. в 1973 г. в д. Бадьельск Усть-Куломского р-на.

Сбор Митюшевой Н. А.

Солонка представляет сосуд ладьевидной формы на небольшом поддоне (0,3 см.), с двумя рукоятями в виде головок водоплавающей птицы. Головки направлены в противоположные стороны. Крышка солонки выпуклая, укреплена на металлической двухвоздевой скобе, открывается поднятием вверх, при закрывании опускается на два металлических стержня. На крышке вырезаны четыре скульптурных изображения рыб, расположенных по диагонали. Окрашена солонка краской в светло-коричневый цвет.

Мастер: Кузнецов Егор Петрович (1875-1949 гг.).

Конец XIX—начало XX вв.

Сохранность: на одной из головок отслоение, на поддоне следы клея.

Размер: 16,3x27x10.

НМРК, КП 5788/3.

22. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в 1973 году в д. Бадьельск Усть-Куломского р-на.

Сбор Митюшевой Н. А.

Солонка выполнена в виде плывущей утки. Тулово толстостенное, хорошо смоделированы шея и голова, клюв удлиненный. Часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку. Крепление крышки выполнено в хвостовой части солонки.

Мастер: Уляшев Иван Савельевич.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: крышка утрачена

Размер: 20,5x11,5x10

НМРК, КП 579023

23. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в 1973 году в с. Пожег Усть-Куломского р-на.

Сбор Митюшевой Н. А.

Солонка выполнена в виде плывущей утки. Тулово максимально приближено к естественному силуэту, хвост усечен. Подвижная крышка на спинке укреплена металлическим стержнем. Глаза выполнены из металлических кружков d-0,5 см. Солонка окрашена в коричневый цвет.

Мастер: Шахов Василий Федорович.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: утрачен конец носика, трещина у хвоста дл. 2 см, шир. 0,2 см.

Размер: 30x18x13,5.

НМРК, КП 5799/1.

24. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в 1977 году в с. Мордино Коркеросского р-на.

Сбор Люсеовой Л. Д.

Солонка выполнена в виде плывущей утки. Силуэт массивный, мощная грудь переходит в короткую шею. Часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку. Крепление крышки подвижное, на деревянном стержне и расположено в хвостовой части. Хвост вырезан в виде выступа цилиндрической формы, высотой 2,7 сантиметра. Солонка первоначально была окрашена в красный цвет, затем в зеленый и синий.

Сохранность: клюв утрачен, утраты красочного слоя.

Размер: 14,5x21x7.

НМРК, КП 6453/4.

25. СОЛОНКА УТКА (сов доз).

Приобр. в 1978 году в д. Порожск Ухтинского р-на

Сбор Соловьева В. В.

Солонка выполнена в виде плывущей утки, на небольшом поддоне (h-3 мм). Силуэт массивный, пропорции тяжеловесны. Верхняя часть спинки вырезана и образует сдвижную крышку. Крепление подвижное, на металлическом стержне, расположено в хвостовой части. Хвост вырезан в виде фигурного выступа

Мастер: отец Рочевой В. Е.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: утраты красочного слоя.

Размер: 15x21x12.

НМРК, КП 6688/1.

26. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Приобр. в 1995 году в с. Ластва Ижемского р-на

Сбор Пьянковой Т. А.

Солонка выполнена в виде плывущей утки с массивным силуэтом. Тулово овальной формы, шея толстая прямая. Хвостовая часть вырезана в виде цилиндра с отверстием для крепления сдвижной крышки. На дне солонки процарапана надпись острым предметом: „1924 го зделал В Х К“

Сохранность: крышка отсутствует, хвост имеет скол, на тулове трещины

Размер: 17,5x23x9

НМРК, 10193

27. СОЛОНКА-УТКА (сов доз)

Акт от 11 июня 1977 года

Солонка выполнена в виде плывущей утки с сильно изогнутой шеей. По форме головы напоминает лесную птицу (тетерев). Верхняя часть спинки вырезана для образования сдвижной крышки. Хвост в виде выступа с отверстием для крепления крышки.

Конец XIX-начало XX вв.

Сохранность: крышка утрачена, трещины, выбоины по всей поверхности тулова

Размер: 16x20x8,5

НМРК, н/в 2511/52

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Напольских В. В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении Земли. // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 6
2. Фишман О. М. К истории экспедиционно-собирательской деятельности Верхневолжских карел. // Etnografia muuseumi. Aastaraamat XXXIV, Tallinn, 1984, С.115.
3. Русская изба. СПб., 1999. С. 320.
4. Мифология коми. т. I. 1999. С. 345.
5. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.1980. С. 56.
6. Лимеров П. Ф. Война демиургов // Памятники отечества. 1996. № 36. С. 115.
7. Акты приема на постоянное хранение НМРК
8. Книги поступления НМРК

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ 1. „ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XX ВЕКЕ: ПЕРСОНАЛИИ, СОБЫТИЯ, ПРОБЛЕМЫ	
© Сова В.А. Юбилейная выставка „а без портрета юбиляра.....	4
© Федорович И.В. Эволюционная философия К. Ф. Жакова.....	10
© Котылева И.Н. Выставка „Неизвестный Налимов“: штрихи к портрету ученого.....	22
© Пьянкова Т.А. Даниил Тимофеевич Янович (27.07.1879-18.01.1940 г.). Страницы биографии.....	34
© Бурлыкина М.И. А. С. Сидоров, К. Ф. Жаков, П. А. Сорокин: параллели судьбы.....	41
© Рощевская Л.П., © Хорунжая Т.М., © Коновалова Е.Н. Проблемы научных краеведческих исследований XX века	48
© Котылев А.Ю. Актуальные проблемы изучения процесса развития социокультурной системы Северо-Западного макрорегиона России в конце XIX-начале XXI вв.....	54
© Бровина А.А. Роль личности в формировании, изучении и сохранении национального наследия.....	72
© Сурков Н.И. Первая мировая война в фотоснимках коми солдата В. Мелехина.....	79
© Максимова Л.А., © Беловол А.А. Культура в неволе.....	82
© Самарин А.В. Участие ученых Коми филиала АН СССР в решении проблем всесоюзного значения.....	92
© Чупрова Э.Г. Личные фонды в архивах Республики Коми.....	101

© Плаксина Н.Е. К вопросу об авторах и эволюции иконостасов Ибской Вознесенской церкви в XIX веке (по письменным источникам).....	108
© Беляева Н.Ж. Судьба персонажей портретов Ф. А. Модорова и Н. Л. Жилина из коллекции Национальной галереи РК.....	121
© Шуктомова Е. Н. А. Лемзаков: ценностные системы и приоритеты в искусстве.....	125
© Орлова О.В. Цитаты из жизни (Судьба и творчество Н. А. Лемзакова).....	132
© Кочерган Л.И. Понятие социально-культурной среды при оценке творческой деятельности художников.....	141
© Борисова И.К. Градостроительный проект XX века (на примере города Ухты).....	144
© Зеленский В.С., © Игушев А.Р. Шошжинский моги́льник.....	154
© Морозова Е.И. „Сквозь замки проходят музы...“.....	159
© Петкова Х.И. Цензурные условия издания многотиражных газет политических отделов исправительно-трудовых лагерей (1940-1950-е гг.).....	163
© Носова Т.А. Основные вопросы просветительской деятельности Стефано-Прокопьевского православного братства.....	166
© Моисеева И.Ю. „Человек и война“ (по материалам выставки „Сталинград. Победители и побеждённые“).....	173
© Пасынкова И.А. „Но милей и краше родина своя...“ (история семьи Анисимовых-Чисталевых в письмах и документах).....	177
© Куклина Р.И. Драматургия Николая Белых.....	180

© Сова В.А. П. Д. Степанов — музейевед и ученый.....	186
© Краева Н.В. История формирования книжных фондов библиотеки Национального музея РК в 20-30-е гг. XX века.....	193
© Лисовская Г.К. Вклад В. Н. Демина в исследование творчества И. А. Куратова и некоторые проблемы современного куратороведения.....	199
© Кулыгина Е.И. Жизненный сценарий киносценариста Каплера.....	205

РАЗДЕЛ 2. „ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ“

© Юшкова Н.А. Использование национального наследия в образовательном процессе по курсу „Культурология“.....	209
© Косолапова Т.А. Из опыта работы НМРК со студентами художественно-графического отделения Высшего Сыктывкарского Педагогического колледжа №1.....	211
© Ларукова Р.И. Сотрудничают учреждения культуры. К 40-летию сотрудничества Национального музея РК и Республиканского колледжа культуры им. В. Т. Чисталева.....	215
© Ларукова Р.И. Экскурсии по городу. Из опыта освоения культурного пространства города.....	218
© Королева Л.Н. Проблемы обучения по авторской национальной программе „Вужьяс“ — „Истоки“: Изучение материальной и духовной культуры Вишеро-Вычегодского края через работу с берестой и краеведческие исследования.....	220
© Мамонтова И.В. Музейные праздники для детей и юношества (из опыта работы научно-просветительного отдела Национального музея республики Коми).....	225

- © Голованова Т.В.
 Что мы знаем о родных местах?
 (К вопросам экологического образования).....230

**РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
 ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО
 СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ**

- © Чудова Т.И.
 Застольная трапеза в будни и в обрядах коми(зырян).....232
- © Романова Г.Н.
 Этнографические экспедиции в Коми 1973-1976 гг.....240
- © Шарапов В.Э.
 О перспективах создания электронного атласа
 по этнографии коми. Предварительные материалы
 к разделу „декоративно-прикладное искусство“261
- © Липин В.Б.
 Коллекция охотничье-рыболовецкого
 снаряжения в фондах НМРК.....270
- © Уткина И.М.
 Знаковый образ солонки-утки в традиционной
 культуре коми (зырян): к вопросу о каталогизации
 этнографических коллекций НМРК.....272

Научное издание

Музей и краеведение
Труды Национального музея
Республики Коми

Выпуск 5

Компьютерная верстка: Томских Е.А.
Корректор: Игушева А.И.

Подписано в печать 30.12.2004.
Бумага офсет. Формат 60x84/16. Гарнитура Arial.
Усл.-печ.л. 18. Тираж 300. Заказ № 97.
Отпечатано на участке оперативной полиграфии ГОУ ДПО КРИОИПК.
167000. г.Сыктывкар, ул.Орджоникидзе, 14. Тел.: 24-46-79.